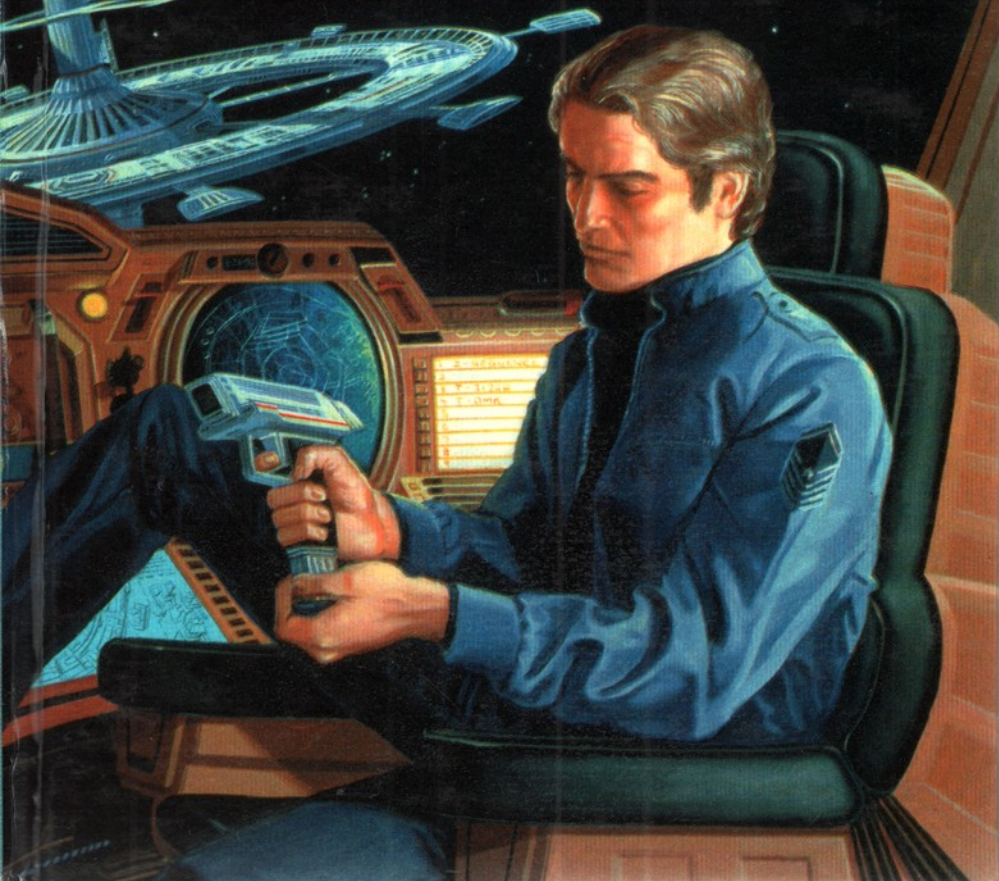
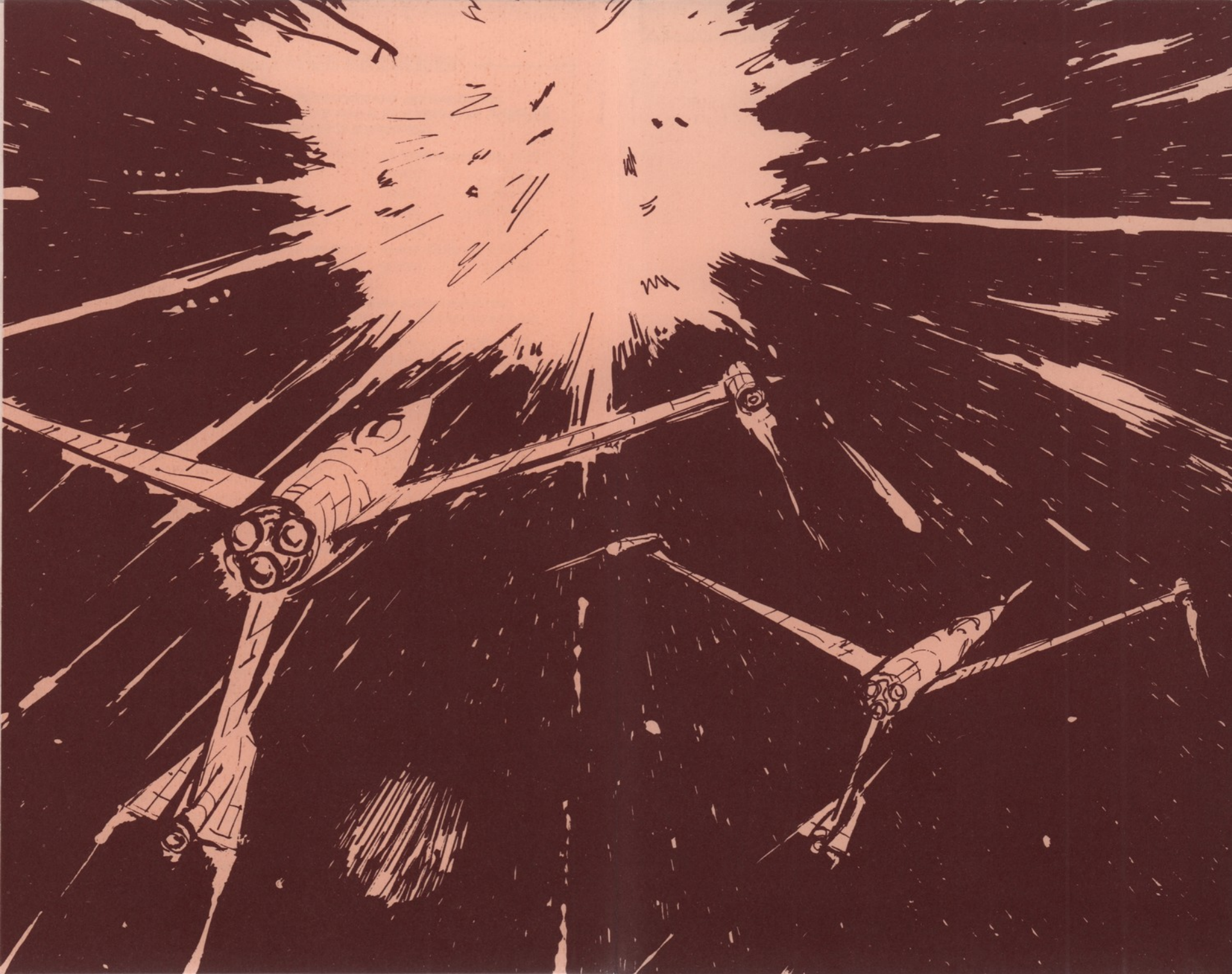

КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА

Эрик Расселл

АЛТАРЬ
СТРАХА

Эрик Рассел

АЛТАРЬ СТРАХА

*Алтарь страха
Взломщики мозгов*

Москва
АРМАДА
1997

ББК 84.7 США
Р 24

Eric Frank Russell
**DREADFUL SANCTUARY
THE MINDWARPERS**

Перевод с английского
А. Яковлева

Иллюстрации
К. Правицкого

*В оформлении обложки использована работа Тома Кидда.
Публикуется с разрешения художника и его агента
Александра Корженевского (Россия)*

ISBN 5-7632-0383-6

© Перевод, Яковлев А., 1997
© Tom Kidd
© Сост., художественное оформление,
АРМАДА, 1997

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЭРИКОМ РАССЕЛЛОМ

Если мне не изменяет память, одним из первых рассказов, открывших отечественным любителям фантастики творчество английского писателя-фантаста Эрика Фрэнка Расселла, была остроумная новелла «Аламагуса». Что это значит, автор объяснить не пожелал, и ни в одном из доступных мне словарей я этого слова (allamagoosa), признаюсь, отыскать не смог, однако по смыслу название вполне можно перевести и как «Абракадабра».

Мы, первые читатели нового и никому тогда еще не ведомого автора, конечно же оценили по достоинству изящество, с которым тот прошелся по адресу специфического армейского бюрократизма, тупостью и неповоротливостью граничащего с идиотизмом. Причем бюрократов мы «вычислили» в рассказе Расселла совсем не звездно-галактических и уж во всяком случае — не только «закордонных»...

Рассказ и вправду занимает особое место в его творчестве, ибо принес автору единственную (увы!) премию «Хьюго» — за лучший рассказ 1955 года. (Между прочим, то была вообще первая премия «Хьюго» за рассказ; саму статуэтку серебристой ракеты писатель, как и положено, получил годом позже.)

Но, словно заданное этим первым переводом, у нас в стране представление о творчестве Расселла на долгие годы заиклилось лишь на «сатире и юморе» — причем с упором на втором слове. Автора «Аламагусы-Абракадабры» переводили охотно и много, ибо к их сатирикам у нас в редакциях тогда относились в основном благожелательно — ведь язвили-то зарубежные писатели преимущественно по поводу своих, «зарубежных» пороков; ну а в чьем творчестве проскальзывали ненужные аллюзии и параллели, так тех и приостановить была не велика проблема! И приостанавливали...

С Расселлом же все как-то благополучно обошлось. Даже авторский сборник в «застойные» времена выпустили, что и не снилось иным корифеям. Однако обидно, что вплоть до самого последнего

времени нашему читателю был относительно хорошо знаком только один Расселл — в большей мере беззлобный юморист, нежели острый и беспощадный сатирик.

Между тем как творчество этого классика британской научной фантастики указанными двумя субжанрами далеко не исчерпывается...

Эрик Фрэнк Расселл родился 6 января 1905 года в Сэндхерсте (графство Саррей). Его отец, в жилах которого текла ирландская кровь, преподавал в местном военном колледже — одном из самых престижных в Англии, и не мудрено, что образование молодой человек получил в привилегированных частных школах для детей офицеров армии его величества. Образование по тем временам блестящее — чего стоит хотя бы список дисциплин, которые ему пришлось прослушать: химия, физика, металловедение и строительное дело, высшая математика, черчение, металлургия и кристаллография... А если принять во внимание, что в детстве мальчик много путешествовал с семьей и даже провел несколько лет в столь экзотических местах, как Египет и Судан (он почти выучил арабский язык, но впоследствии совершенно забыл его), то становится ясно: о большем «профессиональном» багаже будущему писателю-фантасту не приходилось и мечтать.

После окончания учебы молодой Расселл отслужил в армии, потом работал оператором на телефонной станции, клерком (фактически — «старшим чертежником») в правительственном учреждении. Еще он женился на медсестре, которая подарила ему дочку. Поскольку та родилась akurat в день рождения отца, имя ей долго выбирать не пришлось: Эрика...

Когда Расселлу предложили пост технического представителя и аварийного монтера в крупной ливерпульской сталелитейной компании, произошла череда событий, резко изменивших его жизнь. По долгу службы ему пришлось несколько раз встречаться с молодыми инженерами, которые, как и он, жадно интересовались достаточно редким по тогдашним меркам увлечением: космонавтикой и с целью объединить таких же «чокнутых» по всей стране — даже основали Британское межпланетное общество, активистом коего вскоре стал и Расселл. Эти встречи, ночи напролет проведенные в жарких спорах о полетах на Луну и Марс — какими близкими они тогда казались энтузиастам межпланетных сообщений! — в конечном счете определили судьбу молодого инженера.

Он соприкоснулся с целым новым миром — бурлящим и парадоксальным и немного чудным. С миром, с которым не утратит связи до последних дней жизни — и еще успеет в нем по-настоящему прославиться. Короче, молодой Расселл приобщился к миру британского фэндома.

Между прочим, энтузиасты космонавтики издавали собственный журнал. И именно в его майском номере за 1931 год список членов Общества украсило новое имя: Эрик Фрэнк Расселл (а в подписи к опубликованному на обложке фотоснимку Юпитера «новобранца» специально благодарили за предоставление ценного кадра). В следующих номерах уже сам Расселл выступил с публикациями на тему межпланетных сообщений; любопытно, что опирался он в основном на вычитанные в каком-то немецком научном журнале идеи русского мыслителя, в ту пору на Западе почти неизвестного, — Константина Циолковского...

Именно один из руководителей Общества, писатель-фантаст Лесли Джонсон, первым обратил внимание на литературные способности новичка — и предложил ему попробовать силы на новом поприще.

Расселла долго упрашивать не пришлось, и он одним махом сочинил рассказ под названием «Вечная ре-диффузия». Более того — без лишних комплексов немедленно отослал его в Америку, тогдашнему редактору самого известного научно-фантастического журнала «Эстаундинг сториз» Орлину Тремэйну. Тот, конечно, рукопись «завернул» — в основном из-за перегруженности текста техническими терминами (и действительно — одно название чего стоило!), после чего молодой человек в сердцах готов был порвать свое первое творение на мелкие кусочки. Оказавшийся случайно рядом Джонсон удержал его, сохранив рукопись в качестве сувенира. Рассказ-дебют Расселла так и не увидел свет, зато чудом сохранившаяся рукопись уже в 1970-е годы была продана на аукционе за весьма приличную цену...

Зато вторая попытка — короткая повесть под названием «Сага о Пеликане Уэсте» — появилась-таки в февральском выпуске «Эстаундинг» за 1937 год. С этого же года Эрик Фрэнк Расселл начал числить себя профессиональным писателем. Может, для дебютанта это и выглядело чересчур самоуверенно, но время показало, что он насчет своего будущего не ошибся.

Во всяком случае, первым британским автором, чьи произведения начал регулярно печатать ведущий американский журнал, оказался именно он — Эрик Фрэнк Расселл.

Вообще-то научной фантастикой он заинтересовался, как это принято, с детских лет и до той поры, пока в руки подростку не попал первый научно-фантастический журнал, жадно поглощал все, что попадалось под руку. Точнее, не все — а преимущественно литературу, густо замешанную на фантастике: сказки, «северные» мифы, староанглийские легенды и предания.

А из творивших тогда писателей-фантастов на него наибольшее влияние оказали американцы Стэнли Вейнбаум и Норман Найт (не путать с Дэймоном Найтом!). Во всяком случае, рассказ-дебют Расселл-

ла, в котором одним из персонажей выведен «домашний улауала, или сетчатый питон с Каллисто по имени Альфред», явно «списан» с подобных же необузданных зоологических фантазий Вейнбаума. Правда, отличие от произведений указанных авторов — как и большинства других, создававших лицо тогдашней англоязычной science fiction, — все-таки имело место: Расселлу с самого начала удалось внедрить в этот жанр некое новое качество, недостаток коего до войны ощущался особенно остро: юмор.

С ним писатель, к счастью, не расставался всю жизнь. А также с навязчивым стремлением любую — самую наифантастичнейшую! — картину нарисовать по возможности убедительно. В ответ на критическое письмо одного из читателей, пенявшему автору-дебютанту за «слабое научное обоснование», тот тонко и совсем не по-дебютантски парировал: «В научной фантастике куда больше ценится внутренняя логика и убедительность, нежели научная состоятельность той или иной идеи». Согласитесь, неплохо для автора, только что опубликовавшего свое первое произведение!

Хотя начинал-то писатель литературную карьеру с произведений, в коих с чем-чем, а с убедительностью и внутренней логикой дело обстояло далеко не блестяще. Потому что наряду с космонавтикой молодой Расселл не на шутку увлекся более чем странными идеями одного колоритного «нетрадиционного мыслителя» из Америки — Чарлза Форта (1874—1932).

Имя у нас и по сию пору, как ни странно, мало кому известно. Хотя доморощенным энтузиастам и проповедникам идей «палеоастронавтики», НЛО и т.п. поветрий хоть понаслышке следовало бы знать о безусловном основоположнике и предтече их «культы». Во всяком случае бесценный «эмпирический материал», накопленный Фортом, как бы кто ни относился к его выводам, можно считать базовым и основополагающим.

Потому что Форт перерыл все газетные подшивки, до которых смог «дотянуться», и первым скрупулезно записал, рассортировал и каталогизировал всю когда-либо появлявшуюся информацию о следующих природных диковинах: дождях из лягушек, странных объектах, замеченных в небе, чудесных исчезновениях и т.п. Объем проделанной исследователем-одиночкой черновой работы впечатлит даже отпетого скептика (к коим относит себя и автор этих строк). Однако беда Форта — с точки зрения научных критериев, как и множества ему подобных, в том, что они подгоняли факты под изначально выдвинутую гипотезу или идею, а не наоборот (как принято в науке). Иначе говоря, в своих трудах — «Книга Проклятых» (1919), «Новые земли» (1923) и других — Форт с радостью хватался даже за самую ненадежную информацию, подтверждаю-

шую его идею, и напротив — тщательно старался не замечать каких-либо аргументов, свидетельствовавших против нее.

Что же это была за навязчивая идея, полностью завладевшая сознанием «нетрадиционного мыслителя»? И при чем здесь научная фантастика?

Форт искренне верил, что вид *homo sapiens* есть не что иное, как «чья-то собственность». И все мы — лишь «домашние животные» на гигантской космической «ферме», управляемой невидимыми организмами-паразитами, подключившимися к нашей нервной системе и всю человеческую историю, оказывается, направлявшими так, как это нужно было неведомым звездным «фермерам»... Отсюда и наше недоумение при виде дождей из лягушек и рыб: много ли понимают мирно жующие травку буренки на ферме, автоматически провожая взором хозяйку, выбрасывающую мусор на свалку!

Такие вот идеи и аналогии... Жаль только, что уж очень некритически относился к собранному материалу и сам основоположник, а тем более — его многочисленные последователи.

Как раз одним из таковых последователей с самого начала писательской карьеры стал Расселл. И даже активным проводником идей Форта. А занимаемый английским писателем пост председателя национального отделения Международного Фортеанского общества не мог не повлиять и на собственное научно-фантастическое творчество Расселла.

Совсем не случайно его первый роман — «Зловещий барьер», опубликованный в журнале в 1939 году, а книжным изданием вышедший лишь в 1943-м, — открывается воистину зловещей фразой: «Первую же корову, восставшую против доения, ждет смерть — быстрая и неотвратимая». Под «коровой», естественно, подразумеваемся мы — люди с планеты Земля...

Между прочим, роман вначале также был предложен в «Эстаундинг», но новый редактор — легендарный Джон Кэмпбелл, прочитав рукопись и впечатлившись, решил тут же... напечатать его? Нет! Создать новый журнал фантастики, в котором опубликовать не только роман Расселла, но и вообще продукцию того же рода! И вот, за месяц до появления первого номера журнала, названного без затей — «Unknown» («Неведомое»), — все грузовики издательской корпорации «Эмерикен ньюс компани» были украшены гигантскими постерами с изображением обложки нового издания. А на ней — аннотация «Зловещего барьера», названного «самым впечатляющим событием в мире фантастики за последние два десятилетия»...

Еще один занятный эпизод, связанный с публикацией того же романа, чуть было не бросил на начинающего автора тень обвинений в плагиате.

Кто-то из читателей разглядел в сюжете «Зловещего барьера» прямой повтор другого произведения — опубликованного в 1931 году рассказа Эдмонда Гамильтона «Землевладельцы». Гамильтон в ту пору был уже известным автором научной фантастики, и Расселлу стоило большого труда убедить читающую публику в том, что с тем рассказом он не знаком, а очевидное сходство сюжетов (совпадал даже внешний облик таинственных «владельцев Земли»: сияющие энергетические сферы...) обусловлено лишь тем, что оба писателя внимательно штудировали общий источник — книги самого Чарлза Форта. Что было трудно опровергнуть: как и Расселл, Гамильтон был активным членом Фортеанского общества!

Как бы то ни было, широкое хождение в научно-фантастическом англоязычном мире идеи Форта получили все-таки с легкой руки новичка Расселла¹, а не корифея Гамильтона. Значит, чем-то задел, захватил, взбудоражил читателей недавний дебютант — и, скорее всего, не самой «безумной» идеей (мало ли их встретишь на страницах научной фантастики!), а ее литературным исполнением. А для подобной литературы это немало.

Я так подробно останавливаюсь на этих ранних романах писателя, потому что именно они принесли писателю популярность и даже славу в мире англоязычной фантастики. По крайней мере, когда в том мире произносят его фамилию, большинству сразу же приходят на память «Зловещий барьер», «Космические стражи» или «Смертельное святилище»...

Расселл продолжал писать романы и в 1950-е годы, и десятилетием позже. Из двух рассказов — «Конец долгой ночи» (1948)² и «Я — ничто» (1952) в конце концов «вышла» короткая повесть «И не осталось никого» (1951), а из нее в свою очередь — роман «Великий взрыв» (1962). Сюжет его оригинальным никак не назовешь: военный звездолет Земной Империи совершает некий инспекционный рейд по планетам-колониям... Однако куда любопытнее сами эти колонии! Дело в том, что каждая из них стала прибежищем для определенной категории земных «диссидентов», представителей разнообразных неконформистских культур и «субкультур» — тут и буддисты, и мусульмане, и последователи Ганди, и даже нудисты! Словом, весьма колоритная публика. «Канонерок» с Земли, пусть и закамуфлированных под посольскую миссию, понятное дело, на этих землях

¹ Аналогичный сюжет использован в романе «Космические стражи» (1953), а в «Смертельном святилище» (1948) Земля и вовсе предстает как космический сумасшедший дом для «лунатиков» со всей Вселенной! (Здесь и далее *примеч. авт.*)

² Второй рассказ был написан раньше повести, а опубликован позже.

обетованных не ждут, что и гарантирует читателю острый, интригующий сюжет.

Перу Расселла принадлежат еще несколько остросюжетных романов, и среди них — знаменитая «Оса» (1957). Фактически это увлекательный космический детектив, живописующий подвиги суперагента Джеймса Маури, засланного на враждебную Земле планету и в одиночку «разбирающегося» с местными армией, полицией и секретной службой!

Ну и, наконец, те самые научно-фантастические рассказы, с которыми мы познакомились раньше других произведений Расселла. В основном, как я уже говорил, сатирические и юмористические, а в частности... Среди «частностей» встречаются рассказы и лирические, и философские, и даже мрачно-трагические.

Начиная с «Эл Стоу» (1941) — хрестоматийной истории об андроиде, обладающем человеческими эмоциями, — Расселл создает серию произведений, позже объединенных под одной обложкой в сборнике «Люди, марсиане и машины» (1955). Другие рассказы писателя представлены в нескольких сборниках: «Глубокий космос» (1954), «Шесть миров вон там» (1958), «Далекie звезды» (1961), «Темные приливы» (1962), «И послышался голос» (1965), «Как ничто на Земле» (1975). Наконец, в 1978 году вышла посмертная обобщающая коллекция «лучшего» у Расселла, составленная известным писателем-фантастом Аланом Дином Фостером...

В этих сборниках можно отыскать рассказы на любой вкус. Один из ранних — «Мана» (1937) — это развитие космогонических и эволюционных идей выдающегося соотечественника Расселла — Олафа Стэплдона (и не менее знаменитого французского мыслителя отца Пьера Тейяра де Шардена): словно предвеля финал хорошо известного нашему читателю романа Саймака «Город», Расселл рисует почти ритуальную и щемящую картину передачи эволюционной эстафеты из рук последнего человека на Земле (по имени Омега) «созревшим» до разума муравьям. А в рассказе «Метаморфозит» (1946) та же эстафета переходит к кибернетическим «наследникам» вида *homo sapiens*. Ангелоподобные инопланетяне представлены в «Дорогом дьяволе» (1950), а некие и совсем уж непостижимые «высшие существа» — в «Дьявологике» (1955), «Единственном решении» (1956) и «Хобби» (1947). Между прочим, во втором рассказе дана «естественнонаучная» версия библейского акта Творения — самая остроумная и лаконичная из всех, с коими мне довелось познакомиться в научной фантастике!

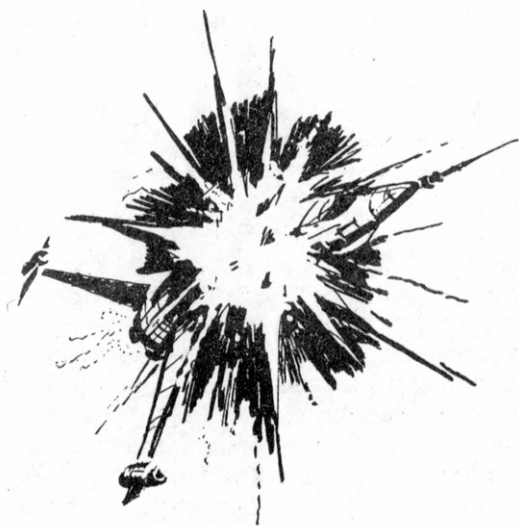
У Расселла вообще велик процент рассказов, в которых высказана — и обычно изящно обыграна — идея действительно новая, незаезженная. Помню, как в самом начале 1960-х меня поразила рассказ отечественного автора Игоря Росоховатского «Встреча в пустыне» — про космических «гостей», чей метаболизм настолько замедлен по сравнению с человеческим, что землянам они представляются застывшими статуями. И только значительно позже попался на глаза рассказ Расселла «Колючий кустарник» — написанный практически о том же, но опубликованный еще в 1955 году! Не менее экзотический и парадоксальный вариант внеземной жизни представлен в классической «Симбиотике» (1943).

А если напомнить нашему читателю о таких рассказах писателя (известных в переводах), как «Кресло забвения» (1941), «И слышался голос» (1953), «Мы с моей тенью» (1953), «Небо, небо» (1956), «Свидетельствую» (1955)... По-моему, только приведенного списка достаточно, чтобы утверждать: когда в 1978 году Эрика Фрэнка Расселла не стало, мир научной фантастики потерял одного из лучших новеллистов жанра.

Вл. Гаков

АЛТАРЬ СТРАХА

роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полет семнадцатой, запущенной в 1972 году к Венере ракеты сопровождался отнюдь не запланированным взрывом. Гигантское расстояние не позволило землянам увидеть величественную вспышку, и лишь прекращение поступления радио- и радарных данных свидетельствовало о катастрофе. Зато новость о неудаче произвела эффект разорвавшейся бомбы и наделала изрядный переполох.

Причин для шума насчитывалось три. Во-первых, в тот момент ничего более сенсационного для газетных заголовков не нашлось. Во-вторых, этой ракетой с ядерным двигателем управляли руки человека. В-третьих, строили ее в России.

Шестнадцать неудачных полетов ранее уже приучили публику к провалам. Не говоря уж о ненадежных ракетах на жидком топливе, взлетавших десятилетием раньше. И обычный человек с улицы относился к этим провалам примерно так же, как к авиакатастрофам, несмотря на официальные заявления. Из шестнадцати обреченных ракет десять принадлежали американцам и шесть — русским, при этом экипажи на них отсутствовали и управлялись они автоматами. Доллары во множестве вылетали в трубу, но по крайней мере обходилось без жертв.

Общественное мнение, обьевшееся пропагандой полетов в космос, нуждалось в объяснениях непрекращающихся провалов. Объяснений отыскивалось два: или специалисты лишь корчат из себя специалистов, а на самом деле ни на что не годны, или же достижению ракетами Венеры препятствует, саботируя, некая орга-

низация безумцев. Пропаганда поддерживала вторую версию, но не из политических пристрастий или истинно в нее веря, а просто желая отвлечь внимание от первой, менее желательной теории. И все послушно оглядывались, отыскивая возможных саботажников. Ох уж эти русские!

Но когда в мгновение ока в космосе испарились тридцать миллионов рублей, а вместе с ними и пилот Микищенко, ряды сторонников второй теории резко поредели. Какие уж тут русские? Пришлось отыскивать другие причины. Нормальный налогоплательщик, погоревав над своими налогами, резко разворачивался к первой идее. Леваки и финансовые теоретики воспользовались поводом и принялись разглагольствовать на тему уничтожения излишков капиталистического производства. Их политические противники не остались в долгу и подлили своего масла в общий костер.

Вот в такой ситуации Джон Дж. Армстронг читал статью профессора Мэндла, опубликованную в «Геральд». Профессор прославился созданием теории «слоя Мэндла». Согласно этой теории, Венеру окружала смертельная электромагнитная оболочка, размеры которой ежедневно изменялись, колеблясь между десятью и двенадцатью тысячами миль, считая от поверхности планеты. Эти утверждения скромно поддерживались теми скудными данными, что имелись в распоряжении ученых.

Армстронг внешне походил на боксера-тяжеловеса, действительно обладая неплохим ударом. Мышление его отличалось такой же тяжеловесностью и осмотрительностью. Поставленной цели он достигал с обманчивой неторопливостью железнодорожного локомотива, но с меньшим шумом.

Кресло его отчаянно скрипнуло под откинувшимся на спинку весом в двести фунтов, но он, не замечая этого, продолжал смотреть на мерцающий телевизионный экран, на котором воспроизводилась эта убедительная статья, и неторопливо обдумывал предложенную теорию.

Наконец он набрал номер телефона Мэндла. На экране появилось юное загорелое лицо профессора.

— Вы вряд ли меня знаете. Меня зовут Джон Дж. Армстронг,— сообщил он Мэндлу.— Я имею отношение к восемнадцатой ракете, которая создается сейчас в

Нью-Мехико. Другое дело, что работа над ней может так никогда и не закончиться, если судить по тому вою, что поднялся в обществе. Если и конгресс завоюет, тогда нам вообще придется забыть о ракете или перебраться в другое место.

— Да, я в курсе сложившейся ситуации,— сочувственно отозвался Мэндл.

— Я прочитал вашу статью в сегодняшней записи «Геральд»,— продолжил Армстронг.— Если ваша теория верна, то и в этом случае нам придется сдать нашу ракету в металлолом. Отсюда у меня к вам два вопроса. Во-первых, существует ли возможность измерить ваш слой, не подвергая риску уничтожения ракету? И во-вторых, существует ли возможность в конце концов проникнуть сквозь это препятствие? — Он помолчал и добавил: — Или Венера навсегда для нас под запретом?

— Ну что ж, слушайте,— ответил Мэндл.— Согласно радиоданным, полученным от автоматических ракет, Земля окружена некой ионизированной оболочкой. Следовательно, и вокруг Венеры может существовать оболочка, схожая, но не идентичная. Природа ее пока неясна. Но одиннадцать из семнадцати кораблей взорвались в промежутке между десятью и двенадцатью тысячами миль от поверхности планеты, одолев девяносто девять процентов всего предназначенного им пути. Когда случайность повторяется слишком часто, она перестает быть случайностью. Это уже феномен, подчиняющийся некоему закону.

— Хм! — фыркнул Армстронг.— Но ведь остальные шесть не улетели так далеко. А две и вообще разлетелись на куски в момент запуска.

— Нельзя же сбрасывать со счетов человеческий фактор, неудачи в конструкции, недостаток мастерства, ошибки в расчетах и так далее. Все эти ракеты, если вы помните, управлялись автоматически, не имея на борту людей, поскольку, все еще блуждая в темноте, мы не можем не считаться с риском. И я считаю неизбежным тот факт, что даже при всех наших усилиях первые ракеты должны были взорваться задолго до того, как они добрались до критической точки у Венеры.

Армстронг потер тяжелый подбородок крепкой волосатой рукой:

— Что ж, может быть. Но если они прошли сквозь слой Эплтона и Хэвисайда, испытав при этом лишь рост температурных характеристик и космического излучения, то непонятно, почему бы им было не прорваться и сквозь этот новый слой, если он даже и существует.

— Поскольку он отличается от других слоев,— сдерживая нетерпение, пояснил Мэндл.— Я могу допустить его существование, даже не зная сути этого явления. Может быть, воздействие его приводит к внезапному распаду горючего или всей конструкции ракеты? Мне и самому эта идея не нравится. И я склоняюсь к тому, что при входе в этот слой корабль нагревается так сильно, что в результате сгорает дотла подобно метеору, влетающему в земную атмосферу. И если перегрев происходит из-за какой-то странной радиации, присущей этому полю, я пока не придумал способа обойти эту помеху. Если же все дело в трении, то, может быть, вам стоит подумать об уменьшении скорости движения ракеты, когда она приближается к критической точке.

— Эта строящаяся восемнадцатая ракета будет управляться человеком,— мрачно заявил Армстронг.— В ней готов совершить полет некий безумец по имени Джордж Куинн. И нам бы не хотелось, чтобы он сгорел. Можем ли мы этому помешать?

Мэндл задумался.

— Единственное, что я могу предложить,— медленно сказал он,— это послать впереди его ракеты другую, управляемую автоматически. И если обе ракеты снабдить обоюдореагирующими приборами и...— Темные глаза Мэндла не мигая уставились на Армстронга. Неожиданно его лицо исчезло с экрана.

Армстронг удивленно вытаращился на мерцающий экран. Но профессор не появлялся. Подождав несколько минут, он нажал кнопку срочного вызова.

Когда показалось лицо оператора, Армстронг пожаловался:

— Я разговаривал с профессором Мэндлом из Тэри-ритауна, номер три-тысяча сорок два. Что произошло?

Оператор исчез и, появившись через минуту, сообщил:

— Прошу прощения, сэр, но ваш собеседник не отвечает.

— А какой у него адрес?

Последовала вежливая, полная сожаления улыбка.

— Сожалею, сэр, но нам запрещено сообщать адреса наших абонентов. Только полиции.

— Ну так соедините меня с уэстчестерской полицией, — рявкнул он.

Он быстро заговорил, обращаясь к появившемуся чиновнику:

— С вами говорит Джон Дж. Армстронг, Грамерси два-пятьдесят семь-семнадцать. В доме профессора Мэндла, Тэrrитаун, три-тысяча сорок два, происходит что-то неладное. Советую вам побыстрее оказаться там!

Он отключился, затем набрал номер «Геральд» и попросил соединить его с двенадцатой службой:

— Доброе утро, Билл! У меня нет времени. Не дашь ли мне адрес профессора Мэндла, чью статью ты готовил к последнему выпуску? — Выслушав, он проворчал: — Спасибо! Свяжусь с тобой попозже.

Схватив шляпу, он выбежал из дома, втиснулся за руль машины, включил мощный двигатель. Но при этом у него было чувство, что этот Мэндл уже ничего не скажет. Никогда.

Мэндл действительно ничего уже не мог сказать. Толку от него было меньше, чем от пустых бутылок. Он раскинулся на ковре перед видеофоном, и на лице его застыло холодное спокойное выражение.

Некий властный субъект с седыми усами, бродивший вокруг тела, сказал:

— Это вы тот Армстронг, что позвонил нам? Благодарно с вашей стороны. Мы приехали сразу же, но все равно поздно.

— Что же случилось? — спросил Армстронг.

— Пока трудно сказать. Похоже, что Мэндл дал дуба вполне естественным способом. Вскрытие покажет из-за чего. — Он проницательно и оценивающе оглядел собеседника. — А когда он разговаривал с вами, не выглядел ли он взволнованным, испуганным или еще как-то ненормально?

— Нет... Мэндл выглядел вполне нормально, насколько можно судить по этим полутусклым экранам. — Армстронг передернул плечами, осматривая тело. — Со-

всем молодой парень. Не больше тридцати, на мой взгляд. Странно, что такие молодые умирают, не так ли?

— Вовсе нет,— фыркнул собеседник.— С ними это случается каждый день.— Он повернулся к вошедшему в комнату полицейскому в форме и резко спросил: — Ну что, приехала эта мясная перевозка?

— Да, капитан.

— Хорошо. Тащите его. Больше тут ничего интересного для нас нет.— Он вновь обратился к Армстронгу: — Если вас интересуют результаты вскрытия, я вам позвоню. Гринвич, два-пятьдесят семь-семнадцать, вы сказали?

— Совершенно верно.

Армстронг заехал в «Геральд», вызвал Билла Нортон и пригласил на обед. Они выбрали маленькое уютное кафе, славящееся своими бифштексами. Лишь покончив со всеми блюдами, он заговорил:

— Мэндл мертв. Умер во время разговора со мной. Так не шутят, не закончив разговор.— Стол крикнул, когда он возложил на него свои лапы.— Стоил ли Мэндл своей известности? Являлся ли он действительно специалистом в своей области или просто поднимал шум?

— Это тебе мог бы объяснить Фергюсон. Он научный редактор, и именно он приобретал эту статью. Но из того, что мне рассказывал Фергюсон, я понял: Фергюсон настолько велик, что сказанное им следует заносить на каменные таблички и хранить вечно. Ферги стоит на переднем краю науки и сам настолько пропитался наукой, что покупает спиртное литрами, а не квартами.

— А ты вроде говорил, что он не пьет?

— О, ну ты же понял, что я имел в виду.— Нортон вежливо скрывал скуку.— Он у нас особенный.

— Послушай, Билл, ты сможешь оказать мне услугу? У меня нет знакомых среди ученых, и я уже начинаю сожалеть об этом. Добудь у Фергюсона оценку Мэндла как ученого, а заодно и адрес какого-нибудь малого, который считает, что в состоянии заменить собою профессора.

— Любой на моем месте сказал бы тебе, что ты рискуешь потерять свои денежки.

— Я могу потерять семь новых и чрезвычайно дорогих приборов, включая единственный в мире одномил-

лиметровый киноаппарат. А помимо других хитроумных изобретений Куинн тащит на своем корабле и пятидесятифунтовую кинокамеру для съемок всего процесса полета в полном цвете. Я выложил двадцать тысяч баксов, чтобы получить права на показ путешествия на Венеру. Вот о чем мне приходится думать, а также о том, что половина моего состояния может улететь на ветер. — Он с минуту задумчиво помолчал. — В общем, я готов играть, давая фору, но терпеть не могу давать эту фору без необходимости.

Нортон усмехнулся:

— Итак, ты хочешь, чтобы Куинн вернулся со всем этим барахлом обратно, да еще и привез с собой грандиозную эпопею?

— Ну конечно! Но кроме того, мне вовсе не хочется, чтобы Куинн испарился, — серьезно ответил Армстронг. — Он сумасброд, как и любой другой малый, считающий, что лучше вдребезги разбиться о Венеру, нежели слоняться без дела по улицам. Но он мне нравится. Даже если он потеряет камеру и все остальное, я буду рад видеть его по возвращении целым и невредимым.

— Я насяду на Ферги, а потом позвоню тебе, — сказал Нортон.

— И сделай это как можно скорее.

Нортон удалился, а Армстронг заказал себе еще кофе.

Как заявил Мэндл, если случайности повторяются слишком часто, это уже не случайности, а феномен, подчиняющийся определенному закону. Весьма логично. Правда, игрокам известны случаи, когда случайности выстраиваются в последовательность, но не в столь же протяженную. Мэндл что-то такое нащупал... но что? Закон? Какой закон? Чей закон?

Последняя мысль заставила его задуматься над этим всерьез. Чей закон? Какая чушь! Это не иначе как остатки русского комплекса. *Настоящие* законы от людей не зависят, они продукты природы, твердые и неизменные. А так называемые человеческие законы призваны помогать людям понимать друг друга, сглаживать противоречия, и, стало быть, они подвержены изменению. И уж во всяком случае, эти законы при всем желании не могут взорвать одиннадцать космических кораблей, расположенных на расстоянии тридцать миллионов миль

от Земли! Нет, ответственность за взрывы лежит на чем-то внеземном.

Внеземном? А что находится вне Земли? Но именно это и пытались выяснить с помощью ракет. Для этого же предназначена и его суперкамера. Во всяком случае, можно уверенно утверждать, что в других мирах действуют другие законы.

Или: новые люди подчиняются новым законам.

Или: старые люди подчиняются старым законам!

Эти мысли окончательно испортили ему настроение, он допил кофе и вышел из кафе.

Нортон появился на экране видеофона со словами:

— Если верить Ферги, покойный Боб Мэндл был многообещающим астрофизиком. Ферги показал мне последнюю статью Мэндла. В ней полно каких-то диких схем и прочей китайской грамоты, и вся она посвящена «фигурам Мэндла», которые, как представляется, являются модификациями еще одной заумной штуки под названием «фигуры Лиссажу» и объясняют, почему фотоны обладают массой. Лично мне наплевать, есть у этого фотона масса или он болтается без веса, как воздушный шарик. Однако же Ферги утверждает, что такая модификация сродни божественному откровению.

— А как насчет прочей информации? — прервал его Армстронг.

— Ах да. Так вот, ближайший родственник профессора Мэндла — профессор Мэндл. Почти его двойник.

Армстронг терпеливо ждал, глядя на экран, с которого на него смотрел Нортон. Затем Армстронг прорычал:

— Я не понял.

— Речь идет о его сестре. У нее даже корни волос квадратные. А если бы она снизошла до того, чтобы послушать волчий вой, то единственно для изучения эффекта Доплера.

— Гм, — произнес Армстронг, на которого эта речь произвела впечатление.

Нортон вполне серьезно продолжал:

— Однако же Ферги настаивает, что она столь же компетентный специалист, как и ее брат. Фактически более классным экспертом в этой области является один

высоколобый старикан, дряхлеющий в Вене. Зовут его Горовитц. И этот Горовитц, о котором Ферги говорит с благоговением, на самом деле взвесил фотон, как-то там жонглируя математическими построениями вокруг реакций хлорофилла, если это вообще что-то означает. Ты не знаешь, что это означает?

— Поскольку в одном из моих приборов задействован фотосинтез, я более или менее представляю, о чем идет речь,— сообщил Армстронг.

— Везет же тебе! А вот я такой невежественный, что считаю колонизацию всего лишь личной гигиеной. Еще что-нибудь хочешь узнать?

— Да вроде бы все. Большое тебе спасибо, Билл.

Он отключил связь и задумался. Но вскоре аппарат вновь ожил, на этот раз демонстрируя лик давешнего капитана.

— Медики заявили, что все дело в кардиотромбозе,— сообщил он.— На нормальном языке это означает кровяной сгусток в сердце.

— То есть причина — естественная?

— Ну конечно! — не без раздражения сказал капитан полиции.— Какая же еще?

— Да просто вслух размышляю,— успокоил его Армстронг.— Сейчас как раз тот самый случай, когда знание хуже незнания. А мне случайно довелось узнать, что сгустки могут появиться после введения в кровь яда гадюки Рассела. Вот этот факт и не дает мне покоя.

Капитана это окончательно вывело из себя, и он напустил на себя официальный вид.

— Если у вас есть повод хоть для малейшего подозрения, неважно, насколько далекого, то ваш долг сразу же сообщить нам о нем.

— Я знаю лишь то, что на запусках ракет лежит проклятие. И поэтому, когда появился наконец человек, попытавшийся понять, что происходит, и сказать об этом вслух, и при этом внезапно сыграл в ящик, я начинаю думать, что дело тут не в обычном проклятии.

— А в чем же? — огрызнулся капитан.

— Вот тут вы меня поймали! — признался Армстронг.— Я иду на ощупь, как слепец.

— Ну в таком случае не споткнитесь и не сверните шею,— посоветовал полицейский.

— Постараюсь.

После того как капитан отключился, Армстронг задумался над проблемой запроса к Клер Мэндл. У нее сейчас хватает забот с похоронами, и время для назойливых вопросов не самое подходящее. Лучше немного подождать. Хотя бы недельку. А пока можно съездить в Нью-Мехико и посмотреть, как там идут дела. К тому же путешествие могло бы избавить его от навязчивой мысли о том, что ракета номер восемнадцать также не достигнет своей цели, если он не попытается разобраться в происходящем до конца. А как разобраться, если вообще непонятно, что происходит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Монтажная и стартовая площадка ракеты, строившейся в Нью-Мехико, располагалась в сорока милях севернее Гэллапа. Единственное преимущество этого места заключалось в его дешевизне. Отсюда же стартовала и ракета номер два, и, когда она, подобно чудовищной петарде, взорвалась в космосе, опечаленные конструкторы это место покинули. Но затем вернулись сюда же с ракетой номер девять, которую теперь финансировали, в частности, и из правительственных фондов. Она имела улучшенные технические характеристики, что, впрочем, не улучшило ее дальнейшую судьбу. Теперь вся надежда возлагалась на ракету номер восемнадцать.

На площадке царила странная тишина. Немногословные охранники пропустили Армстронга за ворота с тройным запором, и на полпути к административному зданию он встретил Куинна, человека небольшого роста, едва достававшего ему до плеча.

— Привет, Коротышка! Что тебя привело сюда? — весело приветствовал его Куинн.

— Так-то ты обращаешься к своему благодетелю! — отозвался Армстронг.

— Тоже мне благодетель! Я тут попросил Лоусона, пока он не занят своей вечной математикой, посчитать

твои коммиссионные. Так вот он сказал, что всего десять минут демонстрации этого фильма принесут тебе десять миллионов зелененьких.

— Из которых семьдесят процентов заберет правительство и пятнадцать — ты. — Но тут же улыбка исчезла с его лица. — А что ты имел в виду, говоря, что Лоусон не занимается математикой? Что тут творится? Что, день какого-нибудь святого?

— Вчера свернулись все работы, после того как Вашингтон перекрыл финансирование, утрясая какие-то высшие политические вопросы. Денег хватает лишь на еженедельные выплаты зарплат, но не больше. Вдобавок ко всему «Рибера-сталь» задерживает поставку бериллия для пластин корпуса. — Он вновь усмехнулся: — Вот поэтому у нас и сиеста.

— Хреново.

— А я не согласен. Чем дольше задержка, тем дольше я проживу.

Армстронг внимательно посмотрел на него:

— Слушай, Джордж, ты вовсе не обязан лететь. Можешь сойти на своей остановке в любое время.

— Я знаю. — С этими словами Куинн поднял к нему маленькое личико уличного забияки. — Я пошутил. Как только у этой ракеты задымится хвост, меня оттуда табуном диких коней не вытащишь. Это моя работа, и больше ничья. Заруби себе на носу!

— Еще бы закончить строительство.

— Когда-нибудь закончится. Технические задержки да бюрократические рогатки замедляют работу, но в конце концов она завершится. Нутром чувствую.

Джон Армстронг на минуту задумался.

— Может быть, ты и прав, — согласился он. — Просто последние дни выдались такие хлопотные, что и сам не знаю, что говорю.

— Ничего странного, — успокаивающе проговорил Куинн. — Ты вкалывал, как никто, лишь бы корабль построили вовремя. Мозги у тебя все время на это направлены. И теперь вот мысли у тебя продолжают крутиться вокруг работы, а она остановилась. Отсюда и твой психоз. Тебе бы занять чем-нибудь свои мысли, каким-нибудь высокоинтеллектуальным планом, например ограбления банка.

— Спасибо за совет, доктор Куинн,— улыбнулся Армстронг.— Ладно, пойдем потравим нашего приятеля Фозергилла.

По дороге они остановились у недостроенной ракеты и молча оглядели ее. Тусклый темный цилиндр высотой триста футов стоял в окружении лесов. Леса уходили вверх еще на восемьдесят футов, как бы свидетельствуя о том, что у ракеты пока еще нет носовой части. Да и внутреннее обустройство еще только начиналось. В общем работы еще было по горло.

Добравшись наконец до административного блока, они отыскиали Фозергилла. Этот смуглый шеголь любил, чтобы у него на столе всегда стояли цветы.

— А, привет, Джон! — обрадованно встретил их Фозергилл и протянул ухоженную, наманикюренную руку. Затем он выдвинул два кресла, аккуратно уселся в свое, поправил идеальный узел галстука и на дюйм в сторону передвинул цветочную вазу.— Так, так, так,— сказал он с вкрадчивой веселостью.— Чему же мы обязаны такой радостью?

— Моему рождению,— сообщил Армстронг, уставив немигающий взор на Фозергилла.

— Вот как! Здорово! — И Фозергилл беспомощно всплеснул руками.— Но более неподходящего времени для визита ты выбрать не мог. Из-за такого снабжения, такой правительственной нерешительности и прочих пустяков у нас просто связаны руки. Но, я надеюсь, временно.

— А что это еще за «пустяки»? — решительно спросил Армстронг.

— Что?

— Среди прочих причин, связывающих тебе руки, ты упомянул и о «пустяках».

Фозергилл сделал глотательное движение, посмотрел на цветы, затем на потолок, затем вновь на цветы.

— Ну? — еще резче спросил Армстронг.

Куинн настороженно посмотрел на него, но Армстронг не обратил на его взгляд внимания, продолжая в упор рассматривать собеседника.

— Да пустяки, мелочь,— нехотя отозвался Фозергилл.

— Какая такая мелочь? Все, что мешает реализации этого грандиозного проекта, не может считаться мелочью. Кто тут смеет говорить о мелочах?

Вспыхнув, Фозергилл выпрямился на стуле:

— Почему ты так со мной разговариваешь? Мне не нравится твой тон.

— Спокойнее, Джон,— встревоженно вмешался Куинн.

Армстронг наклонился вперед, его серые глаза за-сверкали.

— Почему мы ждем бериллий от «Рибера-сталь», в то время как у Бетлехема этого бериллия столько, что можно утопить в нем наш корабль?

Фозергилл дернулся на стуле и сказал:

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что Бетлехем предлагает бериллиевые пластины на рекламных полосах всех газет.

— Пусть так, но не могу же я отменить контракт,— возразил Фозергилл.

— Я тебе этого и не предлагаю. Но кто будет возражать, если Бетлехем станет снабжать нас от лица «Риберы»? Это же обычная торговая практика. Кто решил, что мы все должны получить по контракту только от «Риберы»?

— Уомерсли.

— Сенатор Уомерсли? — Кустистые брови Армстронга подпрыгнули.

Передвинув цветочную вазу еще на дюйм, Фозергилл кивнул. На лице его появилось выражение человека, готового на самоубийство.

— Ну, а что там насчет «пустяков»? — не отставал Армстронг.

— О, Бога ради! — Фозергилл обратил взор к потолку, как будто надеялся получить оттуда ответ.— Ядерное топливо теперь не плутоний, а торий, и все из-за какого-то темного обоснования контроля за верхней границей скорости. Правда, пока работа над двигателями еще не закончена, и потому большого значения такая замена не имеет. Но вот «Норт-Америкэн тьюб», узнав об этом, вникла в существо дела и попросила вернуть трубки Вентури. И заявила, что силиконовые уплотнители недостаточно хороши. Что-то где-то надо нарастить и укрепить.

— Что еще?

— Никуда не годным оказался рентгеноскопический сканер. И теперь мы не можем проверить каче-

ство сварных швов. Мы заказали другой. Но он еще не прибыл.

— Теперь все?

— Забастовка водителей грузовиков на несколько дней прервала снабжение, но с этим мы управились. Пришлось проложить железнодорожную ветку.— Фозергилл понемногу успокаивался и даже набрался смелости посмотреть в глаза вопрошавшему.— С тобой-то что происходит? Ты ведешь себя как официально назначенный налогоплательщик. Или приобрел алмазные рудники на Венере?

Армстронг встал с кресла и криво улыбнулся.

— Да просто не люблю бездельников,— загадочно произнес он.— Большое спасибо за новости. И прости, что лезу в твои дела.

Фозергилл поднял руку и сделал такое движение, словно погладил Армстронга по плечу пухлой, хорошо ухоженной ладошкой.

— У меня хватает проблем и без того, чтобы перед всеми отчитываться,— пожаловался он. И тут же придал лицу самое гостеприимное выражение: — Но в любом случае я всегда рад тебя видеть.

Выйдя из здания, Армстронг сказал Куинну:

— Джордж, тебе все равно нечего делать, так, может, поможешь мне?

— А что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты отыскал для меня ряд имен. Как только найдешь, сообщи. Мне нужно имя, во-первых, того малого, что отвечает за сканер, затем того, кто посоветовал изменить топливо, а также того представителя «Норт-Америкэн тьюб», кто отозвал трубки Вентури. А если удастся, то и того, кто подбил водителей грузовиков на забастовку.

Джордж Куинн недоверчиво уставился на него:

— Да ты с ума сошел!

— А большинство людей на этой планете считают самым сумасшедшим как раз тебя! — огрызнулся Армстронг. И с такой силой сжал руку Куинна, что тот поморщился.— Так что мы, психи, должны держаться вместе.

— А, ну тогда ладно,— помрачнел Куинн.— Если тебе охота поиграть в Шерлока, я готов помочь.

Армстронг успокаивающе похлопал Куинна по спине. Но неожиданно на него нахлынуло мрачное предчувствие. Да так внезапно, словно некий представитель четвертого измерения протянул оттуда руку и сжал ему мозг. Засунув руки в карманы, Армстронг направился к воротам. Надо побыстрее убираться отсюда, пока изумляющий взгляд Куинна не сменился язвительными репликами.

Вернувшись в Нью-Йорк, он заперся в квартире и начал заново обдумывать ситуацию. В Коннектикуте у него имелась некая компактная и прекрасно оснащенная лаборатория. Именно там он проводил свои лучшие часы, обдумывая и проверяя пришедшие в голову идеи. И местечко это как нельзя лучше подходило для того, кто собирался с энтузиазмом обдумать новую мысль. Но для того, кто искал убежища от тревог этого мира, лаборатория никак не подходила.

В настоящий момент ему не надо было забивать себе голову и заниматься научными изысканиями. За прошедшие годы он довел личный рекорд новых идей до дюжины. Вот только всплеск гениальности по заказу не выдавался. И в лаборатории он скрывался, лишь ощутив очередной прилив вдохновения, а такие приливы непредсказуемы и воле человека не повинуются. Куинн, следовательно, совершенно правильно предположил: слишком много он думал о работе.

Не имея возможности обратиться к привычным предметам раздумий, его мысли устремились в другую сторону. И теперь вызвали в воображении духов, за которыми предстояло гнаться во тьме ночи.

Оказавшись в столь угнетенном состоянии, девять человек из десяти обратились бы к психиатру, уехали бы отдохнуть за границу или отправились бы в гольф-клуб. Армстронг же отнесся к этому как обычно — совершенно индивидуально. Если мысли рвутся в погоню за призраками, пусть себе отправляются на охоту! Скорее всего, вреда в этом нет, а может быть, даже отыщется нечто забавное. Перемена деятельности столь же хороша, как и отдых. Почему бы не погоняться за воображаемым драконом? Вполне возможно, что в темном лесу действительно притаилось нечто огнедышащее. И

Армстронг решил дать волю своей навязчивой идее. Приняв решение, он никогда его не отменял. И, единожды решив, упрямо стоял на своем.

С облегчением восприняв перспективу выпустить на волю собственную эксцентричность, он сел в автомобиль, поехал в Нью-Джерси и там отыскал Эдди Дрейка.

— Эй! — воскликнул Дрейк. — Вы только посмотрите, кто пришел! Человек-гора! — Он приглашающе махнул рукой. — Садись сюда — это самое крепкое кресло во всем доме. Сколько ты хочешь попросить взаймы?

— Видя тебя столь щедрым, попрошу сигаретку. — Армстронг прикурил, скрестил колонноподобные ноги и с интересом воззрился на свои башмаки. — Эдди, семь лет назад ты работал над ракетой номер девять.

— И не напоминай мне об этом, — скривился Дрейк. — Ведь и последовавший взрыв имел девятый порядковый номер.

— Не ты же в этом виноват!

— Никто в этом не виноват, — заметил Дрейк.

— А ты уверен?

Дрейк выронил зажигалку, поднял ее с ковра и зачастил:

— Только не надо бить меня такими кирпичами по голове! — Он оглядел зажигалку, убедился, что она не сломалась, и сунул ее в карман. — Девятка взорвалась! И каждый на своем месте потрудился изо всех сил. Но, как выяснилось, этого оказалось недостаточно. Надо было еще упорнее трудиться. Но кто же в этом виноват?

— Да нет, не в этом дело. Меня интересует не конечный результат. Меня интересует, не было ли помех в процессе создания ракеты, а если были, то какова их природа.

— Понятно. — Дрейк одарил его проницательным взглядом. — У тебя проблемы с номером восемнадцать, и ты ищешь кончики?

— Вроде того.

— И это неудивительно. Я бы с радостью помог. — Дрейк помолчал, копаясь в памяти. — Самой большой проблемой стали вышедшие из строя двигатели. Они классно проявили себя на стенде. Прекрасно работали при первом пробном включении после установки на корабль. А при втором включении накрылись, и нам

пришлось заменять их ценой невероятных усилий. Это обошлось нам в пять месяцев и кучу бабок.

— Кто строил те двигатели?

— «Саутерн атомикс».

— А кто конструировал?

— Понятия не имею. Хотя, наверное, можно выяснить.

— Был бы тебе весьма признателен, если бы ты смог,— сказал Армстронг.— Еще проблемы были?

— Незначительные.

— Не припомнишь?

— Приходилось заново настраивать приборы автоматического контроля. Во время испытаний перегорели две трубы, пришлось заменять. Много крови испортили местные власти, не желающие заполучить фейерверк в своем округе и готовые выпроводить нас подальше, желательно в Китай.

— А ты не помнишь, кто поставлял приборы автоматического контроля и те трубы?

— Приборы — «Римоут инжиниринг», а трубы Вентури — «Норт-Америкэн тьюб».

— Хм! И еще один вопрос. Не знаешь, кто занимался агитацией среди местных властей против вас? И если не знаешь, мог бы выяснить?

— Знаю,— быстро ответил Дрейк и скривился.— У нас с ним состоялась не одна словесная перепалка. Навязчивый тип, с ввалившимися глазами и худым лицом. Мервин Ричардс. Из Фармингтона. Своей болтовней он мог сбить утку на лету и здорово перепугал местный народ.

— Нас он пока не трогал.

— И не должен был. Последнее, что я о нем слышал,— он возглавил какую-то секту в Сан-Франциско, которая борется против эктоплазматической вибрации или другой подобной чепухи.

— Понятно.— Армстронг на минуту задумался.— Не знаешь, где сейчас находится Кларк Маршалл?

— По-моему, где-то во Флориде. И его хочешь по-расспрашивать?

— Да. Как-нибудь и до него доберусь.— Армстронг встал с кресла и протянул руку: — Ну пока, Эд. Не забудь раздобыть имена.

По дороге домой Армстронг зашел в городскую библиотеку Джерси и провел несколько часов за просмотром рефератов и книг по ракетной технике. Он выписал из них девять фамилий, две из которых значились в телефонной книге Манхэттена. Он позвонил им и подверг такому допросу, что получил в ответ град язвительных замечаний и упреков. Но все же добился неохотно данного согласия на сотрудничество, чем и удовлетворился.

Вернувшись домой, он записал всё, что узнал на данный момент. Перечитал. Не густо. Какая-то бессмысленная чепуха. Однако же новых сведений следует ожидать от Куинна, Нортон и Дрейка.

Правда, полученная от них информация может оказаться головоломкой, которую придется долго разгадывать. И вполне вероятно, что в результате всех его охотничьих петель обнаружится, что смутная картинка, которую он пытается разглядеть, составлена из фрагментов дюжины головоломок. Тем не менее с точки зрения времяпрепровождения лучше поразмышлять над этим делом, нежели расписывать городские стены безграмотными лозунгами.

А дальше что? На завтра, а может быть, и на послезавтра останется охота за последними семью фамилиями. Затем, наверное, можно будет совершить налет и на Клер Мэндл. Обдумывая оставшиеся в его распоряжении источники информации, он вдруг пришел к выводу, что никто и ничто не мешает ему довести это дело до логического конца. Уж если погружаться в хронический психоз, то до самого дна.

Вытащив из футляра пишущую машинку, он стал увесистыми тычками в клавиши составлять письма для отправки авиапочтой: четыре — в Британию и три — во Францию. Составленные просто и убедительно, они призывали к сотрудничеству. Но он на их счет особо не обольщался. Актуальность события обратно пропорциональна расстоянию. Сложнейшие проблемы выглядят пустяками с дистанции в три или четыре тысячи миль. Европейцы могут дать информацию, а могут и не дать. Но он сделал попытку упросить их.

Прихватив с собой письма на обычную вечернюю прогулку, он опустил их в почтовый ящик и двинулся

к центру. Там зашел в закусочную, выпил чашку чуть ли не кипящего кофе, затем вернулся домой и лег спать.

Утром он проснулся от какого-то звука, который вырвал его из безмятежного сна, странно контрастирующего с тревогами дня предыдущего. Приняв душ и побрившись, он включил запись утреннего выпуска «Геральд». Бесстрастный четкий голос вещал:

— Последняя новость! Полчаса назад произошла катастрофа в Уральских горах, где расположена крупнейшая русская атомная электростанция. Сотрясение от взрыва зарегистрировано сейсмологами всего мира. Есть предположение, что число погибших достаточно велико. Дальнейшие подробности будут сообщаться по мере поступления.

Он решительно выключил запись, посвятив остаток дня поиску семерых из своего списка. Двое, как выяснилось, уже умерли. Один находился где-то в Европе. Еще до троих он дозвонился. При этом один воспринял все услышанное как шутку. Еще двое проявили нетерпение и пренебрежение, чуть ли не открыто обозвав его безумцем. Последнему, седьмому, он отправил письмо. Вот и все. Теперь оставалось лишь ждать поступления информации. Все источники иссякли. Кроме Клер Мэндл.

Утром следующего дня он подъезжал к Тэрритауну, чтобы взять последний след. Клер Мэндл оказалась маленькой, темноволосой, цветущей женщиной, совершенно непохожей на брата. Костюм из мирново-зеленой шерсти был сшит у дорогого портного, прическа выглядела безукоризненно, сама Клер держалась самоуверенно. Глядя на нее, Армстронг решил, что самое привлекательное в ее облике — это глаза: темные, слегка косящиеся, они придавали ей сходство с эльфом.

Она спокойно уселась в старинное кресло с колесобразной спинкой и опустила руки на колени, ожидая, пока он заговорит.

— И вот ваш брат подошел к тому пункту, где собирался развить предположение, когда... это случилось. — Армстронг ненадолго замолчал. — И я не считал себя вправе беспокоить вас до сего дня.

Ее идеально изогнутые брови слегка приподнялись.

— Так вы полагаете, я в состоянии восполнить недостающую информацию?

— Меня уверяли, что вы единственная, кто способен на это.

— Боб и я работали вместе, но не все время,— задумчиво сказала она.— У нас имелись и отдельные интересы. Боюсь, мне придется сначала просмотреть его бумаги и кое-что обдумать, прежде чем высказать свое мнение.

— Я был бы вам исключительно благодарен,— заверил он.

— Вам можно позвонить?

— Разумеется.— Он не сводил с нее взгляда серых глаз, столь же спокойного, как и у нее.— Но я предпочел бы встретиться лично. Скажем, в городе. Мы могли бы все обсудить за ужином.

Она негромко рассмеялась:

— Вы зря времени не тратите.

Усевшись в машину, он запустил двигатель, отъехал достаточно далеко, чтобы его не услышали, и испустил тирольский йодль: *Э, брат, хорошо быть чокнутым. Только смотри не переборщи!* Затем, напевая уже потише, он устался в ветровое стекло и поехал дальше.

Куинн, позвонив днем, назвал ему четыре фамилии.

— Записывай, Шерлок, и пусть они тебе помогут.— Он высунул язык.— Посмотри на меня! Вот таким ты будешь через неделю.

— А что такого должно произойти за эту неделю?

— Ничего. Именно поэтому ты так и будешь выглядеть.

Армстронг презрительно фыркнул. Аккуратно записав фамилии на отрывном блокноте, он сказал:

— Что там у вас еще произошло?

— Мы организовали турнир по шахматам.

— Что? Работа по-прежнему стоит?

— Не то слово. Сенатор Кармайкл во всеуслышание обнародовал ту сумму, в которую обошлась стране стрельба нашими ракетами, а также ту, которую еще предстоит истратить. И заклеил наше дело позором. К нему присоединились сенаторы Райт, Эмблтоун и Линдл и хором выкрикнули слово «позор». Они теперь только об этом и толкуют.

Среди книг на его полке стоял и экземпляр «Политического зоопарка». Достав книгу, он прочитал биографии сенаторов Кармайкла, Райта, Эмблтоуна и Линдла. Затем, вспомнил об Уомерсли, и им поинтересовался. Прочитанное ничего ему не дало, вернее, он не нашел того, что искал. Все эти биографические рассказы облекались в дипломатические фразы, создающие облик «преуспевающего бизнесмена» либо «сельского мальчугана, добившегося всего своим трудом». Пять человек, не похожих друг на друга в силу естественных причин и, естественно, похожих в силу обычных причин. И если принять во внимание эти соображения, получалось, что они практически неотличимы друг от друга. Он же искал нечто необычное, странное, но объединяющее всех пятерых. Судя по описаниям в «Зоопарке», всех их объединяло одно — привычка носить брюки.

Самым дурацким в его охоте за воображаемыми и, вероятно, несуществующими взрывателями ракет было то, что он занимался ею в одиночку, не обладая при этом необходимыми способностями. То есть брал на себя полномочия ФБР. Но тем не менее как задача для его экспериментаторского ума данная охота не казалась дурацкой сама по себе. Ему и раньше приходилось гоняться за фантомами, которые, когда ему удавалось их поймать, оказывались вполне осязаемыми.

Следующий логический шаг, который ему предстояло сделать, заключался в отыскании денег на приобретение лишнего мозга, а то и парочки. Ведь, когда собираешься поразвлечься, нельзя забывать, что потом придется расплачиваться, а забава может оказаться смертельным трюком и обернуться темной и опасной игрой с ножом!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В качестве вероятного союзника он предполагал привлечь Хансена, обладавшего, по всем отзывам, хорошей репутацией. Армстронг быстро доехал до жилых кварталов, где на втором этаже богатого дома располагалось агентство Хансена. Высокая вялая блондинка взяла его визитную карточку и исчезла. Вскоре она появилась со словами:

— Мистер Хансен ждет вас, мистер Армстронг.

Хансен оказался ростом под стать клиенту, но не столь грузным. Предложив Армстронгу кресло, он сел за свой письменный стол и стал внимательно рассматривать посетителя. Причем делал это откровенно и неторопливо.

— Оцениваете? — улынулся Армстронг.

Не меня выражения лица, Хансен поинтересовался:

— Чем могу служить, мистер Армстронг?

— Мне нужна подробная информация, касающаяся некоторых людей. — Армстронг достал из кармана лист бумаги и положил его на стол. — Вот этих людей.

Хансен просмотрел список:

— Пятеро из них сенаторы.

— А какое это имеет значение?

В него вновь впился пронзительный взгляд.

— Смотря какая информация вас интересует. Если обычная, биографическая, тогда все о'кей. Если же вам нужны материалы клеветнического толка, то мне необходимо узнать, кто вы и какого сорта кампанию вы затеываете. Если она мне не понравится, я за дело не возьмусь. — Он поджал тонкие губы, затем сказал: — Вот так я веду свои дела.

— И весьма достойным образом, — одобрил Армстронг. — Понятно, что вы меня не знаете. И если мои действия пока еще вызывают у вас сомнения, проблему можно решить исключительно просто — вписать на первое место в этом списке еще одно имя.

— Какое же?

— Джон Дж. Армстронг.

— Хорошо, — согласился Хансен. — Меня это устраивает. Давайте поговорим подробнее.

— Мне не нужен дорогостоящий, размером с книгу, отчет о каждом из этих типов. Меня не интересуют подробности их рождения и романы с блондинками. Все, что мне нужно, — это по возможности полная информация о тех организациях, к которым они принадлежат, будь то деловые, политические, религиозные клубы, братства и любые другие лужи, где они вместе распутывают лягушек.

— Это несложно, — заметил Хансен.

— Информация не должна обойтись мне дорого, — широко улыбнулся Армстронг, увидев, что собеседник при этих словах вздрогнул. — Но чем подробнее окажется информация, тем будет лучше для нашего дальнейшего сотрудничества.

— Охо-хо, — вздохнул Хансен, убирая листок. — Это все?

— Нет, это только начало. Вскоре я вам представлю еще один список, а за ним и следующий. И если у меня хватит денег и терпения и никто из моих друзей за это не прикончит меня из милосердия, я представлю вам для изучения целый батальон людей.

— Сделаем все в лучшем виде. Я уверен, что вы останетесь удовлетворены. — Хансен начал вертеть на пальце кольцо. — Каждая персона обойдется вам в сорок долларов. Расходы сверх указанной суммы будут обоснованы и внесены в счет. Я не буду тратить большие суммы без вашего одобрения.

— Так возблагодарим же небо! — весело воскликнул Армстронг, передавая ему деньги.

Хансен нажал кнопку на столе и сказал появившейся блондинке:

— Мириэм, положите деньги в сейф и напишите мистеру Армстронгу расписку.

Автомобиль медленно тащился к «Геральд», а Армстронг, небрежно держась за руль, мысленно проводил смотр своих войск. Из профессионалов он обрел Хансена и его сотрудников. Добровольцы, вызвавшиеся с большей или меньшей охотой, состояли из Нортон, Дрейка, Куинна и некоторых других, к числу которых можно было причислить и мисс Мэндел. Не так уж плохо, если учесть, что никто из них, включая и его самого, не знал толком, чем занимается.

Нортон поджидал его в редакции «Геральд». И встретил его радостным воплем:

— Дружище, оказывается, аппетит передается телепатическим путем! Я чертовски проголодался!

— Хорошо, хорошо, — улыбнулся Армстронг. — Намек понял. Где ты собираешься обжираться на этот раз?

— Давай-ка заглянем в берлогу к Папазоглу. Как мне сказали, он готовит бифштексы каким-то особенным способом.

Они вышли из редакции, доехали до Пятидесятой улицы и оставили машину в подземном гараже. Небольшая прогулка вдоль двух кварталов привела их в скромную греческую столовую, наполненную ароматными кухонными запахами. Новый метод приготовления бифштексов заключался в том, что куски мяса, чередуясь с грибами, поджаривались на вертеле. Нортон по своему обыкновению расправлялся с блюдом так, словно не ел уже лет тридцать.

Наконец он произнес «а-а-ах!» и откинулся на спинку стула, уставив на Армстронга тупой, удовлетворенный взор.

— О'кей. Теперь я беспомощен и весь в твоей власти. Что тебе от меня нужно на этот раз, пока я еще не в состоянии отказать?

— Похоже, Кларк Маршалл исчез. Эдди Дрейк думал, что тот во Флориде, но мне не удалось его разыскать. Я подумал, что, может, твои друзья, газетчики, смогут на него выйти. Несколько дней назад он находился в Ки-Уэст.

— А может быть, это работа уже для полицейских?

— Не могу же я с криком бежать в полицию только потому, что подозреваю, будто с ним что-то произошло! Насколько мне известно, он, как обычно, собрал вещички и удалился куда глаза глядят. Но поскольку он персона, достойная освещения в печати, возможно, что ваш брат, любитель бифштексов, крутится возле него и знает, куда он делся.

— Да, он персона, достойная освещения, это точно! Вернее, был. Имя его появлялось в заголовках газет три раза в связи с событиями, связанными с ракетами номер один, десять и четырнадцать. — Нортон с грустью покачал головой: — Бедный старина Кларк! Он превратился в ничто, когда взорвалась четырнадцатая. — Он задумчиво и отстраненно посмотрел на собеседника: — Ты ведь не был с ним знаком?

Армстронг пожал плечами:

— Я видел его только на фото да прочел несколько его старых статей. Прочитал и то его обращение в га-

зеты, где он предсказывал такую же судьбу и ракете номер восемнадцать. Такое ощущение, что он во всем разочаровался.

— Не просто разочаровался, а впал в меланхолию, если не сказать больше.

— Каким же образом?

— Точно не знаю. Но у него нечто вроде мании преследования. Да, пожалуй, так. Вошел в роль мученика из ранних христиан и начал бродить тут и там, сегодня здесь, а завтра — неведомо где. Словно убегает от чего-то.

— Или гонится за чем-то?

Нортон не без труда поднялся:

— Послушай меня. Я не против того, что ты гоняешься за какими-то там ирландскими шизофразами и привлекаешь к этой беготне меня — с перерывами на бифштексы. Но только не надо загружать свои иллюзии дополнительной фантазией — о том, будто и Кларк Маршалл занимается тем же, что и ты, и ищет то же, что и ты. Мир вовсе не крутится вокруг тебя! — Он устало плюхнулся обратно на сиденье. — Потому что это не так!

— Я сознаю этот факт, — сказал Армстронг. — Как и то, что мир вообще не крутится ни вокруг чего-нибудь. — Он поднялся и взял шляпу. — Но если ты еще в состоянии соображать, то не забудь — в следующий раз мы встречаемся, когда ты отыщешь мне след Маршалла. — Он прощально помахал своей здоровенной лапой: — Пока, обжора.

— Приятно было побеседовать! — откликнулся Нортон. Осмотрев пустую тарелку, он облизнулся и вдруг помрачнел. — О гнусный змей, он ушел, не заплатив по счету!

У Хансена на выкапывание деталей ушло пять дней. С точки зрения Армстронга, работа делалась споро, и его оценка высокого худого агента поднялась на шесть пунктов.

Раскрыв присланный по почте аккуратно отпечатанный отчет Хансена, он принялся внимательно его просматривать, негромко приговаривая:

— «Ирвин Джеймс Линдл, компаньон в компании «Рич-Линдл аутобиндер», Уичита, Канзас. Член сенат-

ского комитета по снабжению и комитета по связям с Латинской Америкой. Состоит в ассоциации производителей сельхозтехники, в национальной ассоциации производителей... хм... хм... Уичитская епископальная церковь на Второй авеню, международный клуб «Ротари», канзасский союз игроков в боулинг, Американский легион, клуб снайперов... хм... Патрон уичитского студенческого отделения движения американской молодежи... хм...

Список оказался длинным. Хансен провел кропотливую работу. Внимательно прочитав материал, Армстронг затем насчитал тридцать восемь различных организаций, к которым принадлежал Линдл. Распечатанный на следующей странице список Уомерсли бил рекорд, доводя их до сорока четырех. Эмблтоун ограничился двадцатью девятью. Составив список по числу членств, Армстронг получил на первом месте Уомерсли с сорока четырьмя организациями, а на последнем — Мервина Райта, всего лишь с одиннадцатью.

Однако полученный результат ничего существенно не изменял. Оставалось ждать ответа Хансена на список имен, полученный от Куинна и переданный агенту. Не хватало информации от Нортон, Дрейка и остальных. А обладая лишь десятой частью головоломки, размышлять над нею означало лишь попусту тратить время. А для того чтобы понять смысл загадки, надобно было иметь в руках гораздо больше частей мозаики, которых у него пока не было.

Заверещал телефон, Армстронг отложил работу, включил экран, и на нем появилось лицо Клер Мэндл.

— Добрый день, мистер Армстронг!

— Добрый день, Клер, — ответил он с энтузиазмом. — Когда мы ужинаем?

— В половине девятого в «Лонгчампс». Вас устраивает?

— Я буду там. — Голос его почему-то прозвучал высоко и пронзительно; он прокашлялся и заговорил уже басом: — В двадцать минут девятого, на случай, если вы приедете раньше.

Раньше она не приехала, но и не опоздала. Такси остановилось у парадного входа ровно в половине девятого. Армстронг встретил ее, проводил внутрь, уса-

дил. Под дорогой шубкой оказалось платье из зеленой, с отливом, материи, а безукоризненную прическу венчал некий предмет, слишком маленький для шляпки, но слишком большой, чтоб считаться просто цветком.

Заметив, что он не может отвести зачарованного взгляда от этого предмета, она сообщила:

— Просто завершающая деталь.

— Ничего себе! — одобрительно произнес он, демонстрируя полное отсутствие такта.

Она сменила тему разговора и задумчиво произнесла:

— Я просмотрела бумаги Боба.

— И что обнаружилось?

— Он систематизировал данные, касающиеся одиннадцати ракет, взорвавшихся у Венеры. Такие, как расстояние до планеты во время взрыва, последние переданные радиоданные приборов. Из всей этой информации следует один вполне определенный вывод: чередка этих катастроф объединялась неким общим началом.

— Имеется в виду тот слой?

— Может быть, — не очень уверенно ответила она. В глазах эльфа промелькнула озабоченность. — Одна из ракет в результате, вероятно, выгорания трубы Вентури, отклонилась в сторону и ушла далеко от намеченного маршрута, пока гравигирископы не вернули ее на прежний курс. В силу этого она смогла приблизиться к планете на две тысячи миль ближе, чем остальные. А затем взорвалась.

— И что же?

— А то, что этот факт весьма волновал Боба. В его теории получилась прореха, которую невозможно было заштопать, когда обнаружилось погружение в слой на две тысячи миль. Пытаясь все же ликвидировать изъян в теории, он пришел к двум выводам: или неточны данные с того корабля, а если точны, то все равно корабль взорвался на том же расстоянии от планеты, что и остальные аппараты. И следовательно, с теорией все в порядке. Но если полученные данные точны... — она сделала паузу, — то весьма вероятно, что корабль был просто сбит.

— Что?! — воскликнул он. — Отсюда, с расстояния в тридцать миллионов миль?

— Понятно, что нет.

Они замолчали при появлении официанта, принесшего заказ. Когда тот удалился, они продолжили разговор.

— Все эти тайны потому и существуют, что не хватает настоящей информации, — сказал Армстронг. — Корабли передают на Землю массу всякой чепухи: температуру, уровень космического излучения, расход топлива, силу гравитационного притяжения и так далее, но этого недостаточно. — В ответ на его взгляд она кивнула, и он продолжил: — Как бы раздобыть еще какую-нибудь информацию сверх этого? Вы не знаете?

— Тут помог бы конвой.

— Конвой?

— Да. Чем больше кораблей, тем веселее. — Она изящно отпила из бокала. — Управляемый человеком материнский корабль контролирует ряд автоматических аппаратов, следующих впереди него. Лидирующий в этом конвое аппарат должен сыграть роль подсадной утки. И как только он взрывается, остальные делают резкий, но небольшой вираж, сообщая собранные данные. Если взрывается второй, вновь следует вираж. Благополучно замыкающий эшелон материнский корабль при первом же взрыве разворачивается и ложится на курс к Земле, продолжая принимать всю информацию по мере отхода от оставшихся аппаратов конвоя. — Она покрутила стоящий на белой скатерти бокал, держа его за ножку и задумчиво поглядывая на мерцающее стекло. — Но если даже и этот метод не даст нам необходимой информации, по крайней мере в одном он окажется полезным.

— В чем же?

— Он установит причину. Или корабли погибают в слое, или налицо саботаж. Если причина в саботаже, тогда, как бы проворно корабли ни отступали назад, их ничто не спасет. Но если хотя бы один вернется в целостности и сохранности — значит, причина гибели кораблей связана со слоем.

— Да, совсем просто, — уныло протянул он. — Всего-то и нужно для этого, что пару сотен миллионов долларов.

— Да, я понимаю, — от души посочувствовала она. — Но если необходимая нам информация находится так

далеко, то все равно кому-то придется потратиться, чтобы ее заполнить. И другого пути, похоже, нет. — Она ободряюще улыбнулась ему: — Для начала я могла бы дать вам займы десять.

— Спасибо, но вряд ли в них есть нужда, — сказал он. — Вот если бы для уничтожения всей цивилизации понадобилась пара сотен миллионов долларов, то они сразу бы нашлись. А вот для такого проекта — что вы, ни за что! Десять миллионов на боевой корабль, десять центов на изыскания по астронавтике — вот так платят в этом мире!

Она положила прохладную ладонь на его лапу.

— Огорченный мужчина! — Она улыбнулась, когда он неловко заерзал. — Но, видите ли, это вовсе не означает, что люди во всем мире утратили чувство реальности.

— Разве?

— Во все нет. И вполне естественно, что для войны деньги найти гораздо легче, нежели для приключений. В конце концов, страх — эмоция более глубокая и страшная, чем любая другая. И желание избежать страха — мотивация более сильная, чем удовлетворение любопытства. Ведь сама по себе колонизация Венеры не спасет чью-либо жизнь, не защитит дом, не сохранит свободу личности.

— Свобода! — воскликнул он. — Каких только злодеяний не совершалось во имя ее! — Он вновь заерзал, на скулах заиграли желваки. — А все зависит от того, как понимать свободу! — Он заговорил тише: — Прошу прощения. Мы ведь собрались здесь не для того, чтобы спорить друг с другом, не так ли? Давайте оставим эту тему в покое.

— Хорошо. — Она стала разглядывать людей за соседними столиками. Наконец пристально посмотрела на Армстронга, склонилась над столом и негромко заговорила: — У моего брата Боба была одна навязчивая идея. Может быть, он излагал ее вам. Он подозревал совпадения.

— Он упоминал об этом. Но что с того?

— Я сейчас вот о чем подумала. — Она еще ближе наклонилась к нему. — Позади вас, через четыре столика, сидит рыжеволосый веснушчатый мужчина в светло-

сером костюме. Сегодня утром, когда я выходила из дома, он проходил мимо. Разумеется, тогда я лишь мельком посмотрела на него и, наверное, не запомнила бы, если бы и вечером, когда я выходила на встречу с вами, он не попался мне на улице. И вот он здесь. Три раза за один день. Каково это с точки зрения совпадений? — Она тихонько рассмеялась. — Если он хотя бы наполовину столь же любопытен, как Боб, и заметил меня, то уже пришел к выводу, что я против него что-то замышляю.

— А вы уверены, что это тот самый малый? — спросил Армстронг не оборачиваясь.

— Абсолютно.

— И до сегодняшнего дня вы с ним не встречались?

— Нет, насколько я помню.

Он задумался на минуту, затем пожал плечами.

— Какой-нибудь ваш тайный поклонник, — осмелился предположить он. — Восхищается вами издали.

— Не говорите глупостей, — укоризненно сказала она.

Он вновь пожал плечами и глянул на часы.

— Прошу прощения, вы позволите мне ненадолго отлучиться? Я скоро вернусь.

Она кивнула, и он, поднявшись, небрежной походкой двинулся к выходу, по-прежнему не оглядываясь.

Оказавшись на улице, он зашел в телефонную будку, сунул в щель четвертак и набрал номер.

Механический голос возвестил:

— Агентство Хансена. Вы можете переключиться на ночную линию после четвертого сигнала или оставить сообщение после десятого. Один... два... три... четыре...

— Переключиться! — рявкнул Армстронг.

На экране замигал голубой огонек, а в телефоне загудел зуммер вызова.

Вскоре на экране появилось мрачное лицо Хансена. Агент предстал со шляпой на голове. Он молча, с бесстрастным выражением лица смотрел на Армстронга.

— Уходите или пришли? — поинтересовался Армстронг.

— Ухожу. Но это не важно. Линия всегда отвечает, независимо от того, здесь я или нет. — Он мрачно уставился на собеседника. — Так в чем дело?

— Я нахожусь в «Лонгчампсе», с леди, приятельницей. Вполне возможно, что за ней тащится хвост.

— И что из этого? Закон следить не запрещает, особенно за дамой.

— А если его привлечь за намерение совершить преступление?

— Чушь! — Глаза Хансена заблестели. — Вы не те книжки читаете. Если у парня нет уголовного прошлого, то к нему ни с какой стороны не подкопаешься. И застукать его можно только тогда, когда он уже перерезал вам глотку.

— Неплохо. — Армстронг почувствовал раздражение. — Чего же ради я тогда потратил четвертак? Тогда хоть колыбельную спойте.

— Вы можете избавиться от него, пересаживаясь с машины на машину.

— В скакалки девочки играют.

— Или, — продолжил Хансен, не обращая внимания на колкость, — можете завлечь его в какое-нибудь укромное местечко и там успокоить, несколько раз хорошенько дав по зубам.

— Я уже думал над этим. Это мне ничего не даст.

— Или, — так же непреклонно, как и раньше, продолжал Хансен, — поступайте так, как обычно делаю я. Выслеживаю ищейку и узнаю, кто его нанял. Люблю докапываться до первопричин.

— Вот это мне по душе! Но поскольку я нахожусь при леди, я не могу следить за ищейкой. Вот тут бы вы и пригодились.

— А вы сможете подождать, пока я подойду? — спросил Хансен.

— Ну конечно. Мы собирались пойти на выставку, но посидим тут и подождем вас.

— Дайте мне пятнадцать минут. — Он сдвинул шляпу на затылок. — Когда вы меня увидите, вы меня не увидите. Понятно?

— Я не знаком с вами со времен Адама, — заверил Армстронг. Положив трубку, он подождал, пока погаснет экран, затем вернулся к Клер.

Отняв от лица платок размером чуть больше почтовой марки, она устремила на него прояснившийся взор. Тяжело опустившись на стул, он сообщил:

— А за четвертым столиком никого нет.

— Боже милостивый! — воскликнула она, не скрывая удивления. — Вы думали о том человеке? Ну вы ничуть не лучше Боба! — Успокоенная его взглядом, она добавила: — Этот человек вышел сразу же вслед за вами.

Он взмахом руки подозвал официанта. Почему бы просто спокойно не посидеть эти пятнадцать минут? И все же за кем на самом деле бродит это рыжеволосый? За Клер или за ним самим?

Опоздав всего лишь на минуту, появился Хансен в компании с Мириэм и коренастым громилой, пиджак которого чуть ли не трещал на спине. Троица торжественно проследовала мимо Армстронга, обратив на него внимания не больше, чем на оконное стекло, и расположилась за столиком слева от него.

Болтая с Клер и посматривая на столик все еще отсутствующей ищейки, Армстронг дал время этим трем выпить по рюмочке, затем встал и помог спутнице надеть шубку.

Они добрались до выставки, поболтали пару часов среди впечатляющих стереоскопических работ и полюбовались на передвижной десятифутовый экран, смонтированный на платформе и предназначенный для просмотра на лоне природы. Они дружно пришли к выводу, что в плане красок и стереоэффекта тут улучшать уже нечего. А стало быть, телевидение практически исчерпало свои возможности.

Затем они отправились в ночную закусочную, а затем Армстронг отвез ее домой. После этого ничего интересного не происходило, и он вернулся в свою квартиру, ни разу больше не встретив ни Хансена с его компанией, ни других теней. Ощущая недовольство неожиданно нормальным развитием событий, он задумался, уж не страдает ли инфантильной привычкой драматизировать банальные жизненные коллизии.

Но воспоминания из глубокого детства никак не желали подтверждать, что он развивался ненормально. Его детское воображение ничем не отличалось от воображения нормального здорового ребенка. Смеялся, когда было смешно, и не волновался без причин. Лишь в более зрелом возрасте развилась привычка к

навязчивым идеям и смутным подозрениям. Почему, почему, почему? Он впери́л горящий взор в стенку, от которой отскакивало молчаливое эхо: *Почему, почему, почему?*

Проснувшись на рассвете, он вновь задумался, и эхо снова терзало его мозг. Он беспокойно бродил по квартире до тех пор, пока в половине одиннадцатого не позвонил Хансен.

— Дело оказалось долгим, — объявил Хансен, — но впервые мне пришлось иметь дело с целой толпой.

— Что ты имеешь в виду, говоря о толпе?

— А вот считай. Во-первых, ты и твоя подружка. Затем парень за вами. Побродив за ним с час, я внезапно обнаружил, что и за мной кто-то тащится. Я пустил вместо себя Пита и оторвался от своего хвоста. А тот так же невозмутимо приклеился к Питу. Я пристроился сзади. Итак, впереди шествуете вы, за вами ваш хвост, затем Пит, за ним другой хвост, далее — я. Хорошо, что вы еще не всю ночь бродили, а то сзади к вам пристроилась бы половина Нью-Йорка.

Армстронг нахмурился. Изложенное озадачило его.

— И что же было дальше?

— Первый хвост отвалил, когда ты вернулся домой. Он спустился в подземный гараж на Восьмой улице, сел в машину и уехал по этому вот адресу на Кипарисовых Холмах. — Хансен зачитал адрес, затем продолжил: — Ну и разумеется, остатки парадного шествия добрались до Кипарисовых Холмов, где Пит отвалил домой. Хвост Пита проследовал за ним, но на полпути отвязался. Правда, Мириэм пришлось продемонстрировать несколько цирковых фокусов с машиной, чтобы он отвязался от Пита. Так остался последний хвост и я. Я прилип к нему. С десяти раз не догадаешься, куда он привел меня.

— Куда? — нетерпеливо спросил Армстронг.

— На пятый этаж «Бэнк оф Манхэттен». Зашел в лифт с таким видом, словно здание принадлежит ему. Дальше я не мог за ним следить.

— И ты не узнал, кто занимает пятый этаж?

Впервые на худом лице Хансена появилось хоть какое-то выражение: смесь разочарования и удовлетворения

от предвкушения эффекта, который его информация произведет на слушателя.

— Я наблюдал за индикатором лифта. Он остановился на пятом этаже. Я вышел на улицу и увидел огни в окнах на пятом этаже.— Он помолчал, поддразнивая Армстронга.— Дело в том, что весь пятый этаж занимает местная штаб-квартира ФБР.

— Что? — воскликнул Армстронг.

— То, что слышал.— Лицо Хансена вновь стало бесстрастным.— Вот я и думаю, что же это такое происходит и во что меня втянули?

— А я-то откуда знаю? — Впервые у Армстронга не нашлось слов.

— Если ты действительно не знаешь,— с угрюмым скепсисом заявил Хансен,— тогда лучше всего спросить у ФБР.

Бросив на Армстронга решительный взгляд, Хансен отключил связь.

Армстронг уселся в кресло и обхватил голову руками. Спустя некоторое время в голове у него прояснилось, и он принял решение.

Лучше спросить у ФБР!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Армстронгу еще не приходилось видеть столь широкого и костистого лица, как у этого человека из ФБР. Прислонив визитную карточку посетителя к маленькому календарю на столе с черной столешницей, он устремил на Армстронга немигающий взор светло-зеленых глаз:

— Что вас тревожит, мистер Армстронг?

— За мной следят. Один из ваших людей. И я хотел бы знать — почему?

— Еще бы не хотеть! — Фэбээровец слегка улыбнулся.— Мы и надеялись, что вы придете к нам после того, как Хансен намекнул вам о нас.

Армстронг откинулся на спинку кресла и резко спросил:

— А откуда вам известно, что Хансен мне намекал?

— Наш человек доложил, что Хансен следил за ним весь вечер, а затем довел его до этого здания. Наш

человек не стал сбрасывать хвост, поскольку Хансена мы прекрасно знаем.— Он вновь улыбнулся: — И несомненно, он немало позабавился, увидев, куда входит наш агент.

— Ну и ну! — проворчал Армстронг.

— Однако,— продолжал собеседник,— могу сообщить вам, что, насколько нам известно, у вас нет причин для тревоги. Вы попали под слежку только потому, что мы отечески приглядываем за мисс Мэндл.— Он бросил рассеянный взгляд на календарь.— Вы рассказали ей о ночных происшествиях?

— Нет.

— А она знала, что за ней следят?

— Не думаю. Что-то подозревала, но относилась это на счет случайных встреч.— Армстронг начал ощущать легкое раздражение. Его маленькая тайна грозила перерасти в таинство гораздо более масштабное.— Но кстати, почему вы за ней следите? Ее в чем-то подозревают?

— А вот это уже наше дело.— Федеральный агент поднялся из-за стола.— Вам же могу сообщить, что мы стремимся выяснить, известны ли мисс Мэндл кое-какие факты, о которых ей лучше бы и не знать. И если известны — не сообщала ли она о них кому-нибудь.

— Почему бы прямо ее об этом не спросить?

— Потому, что мисс Мэндл, обладая умом ученого, сразу же поймет всю значимость вопросов. И сумеет быстро сделать правильные выводы относительно тех предметов, о которых ей лучше не знать.

— Так эта информация носит научный характер?

— Можете считать так, если хотите.— Взяв со стола визитную карточку Армстронга, агент протянул ее посетителю, тем самым вежливо давая понять, что разговор окончен.

Армстронг встал с кресла, сунул карточку в карман пиджака и спросил:

— А к ракетам эта информация не имеет отношения? Агент и глазом не моргнул:

— Прошу прощения, но в данный момент я ничего больше добавить не могу.

— А предположим, что я сообщу ей о слежке ФБР?

— Мы предпочли бы, чтобы вы этого не делали. Но и принудить к молчанию мы вас не можем.— Агент

невозмутимо рассматривал собеседника. — Вполне возможно, что вскоре мы все выясним и оставим мисс Мэндл в покое. Если же вы вмешаетесь, то мы расценим ваши действия как недружественные и установим слежку и за вами. Вам решать.

— О черт! — Армстронг был озадачен. Открывшаяся перед ним перспектива его совсем не привлекала. — Вы говорили загадками и толком мне ничего не сказали. По крайней мере могли бы поведать, почему за нами тащился и тот малый с Кипарисовых Холмов.

Агент нахмурился:

— Этого мы еще не знаем. Но если Хансен справится со своей работой, и вы и мы скоро все выясним.

— Что ж, хорошо. — Армстронг, тяжело ступая, двинулся к двери. — На том и порешим.

— Извините, что не можем вас ничем больше обрадовать, — сказал агент, когда он уже ступил за порог.

Оказавшись на улице, Армстронг, весь во власти мрачного настроения, зашел в ближайшую телефонную будку, набрал номер Хансена и передал все подробности разговора.

— Итак, — закончил он свое повествование, — они следят за мисс Мэндл, дабы она не сделала открытие, что Санта-Клаус — это всего только ее отец, а потом не устроила революцию с помощью разочарованной детворы.

— Похоже, у вас мозговая усталость, — вежливо сказал Хансен.

— Что? — заморгал Армстронг, всматриваясь в бесстрастное лицо на экране.

— Этот фэд поведал вам более чем достаточно.

— Ах ты умник! И что же он мне поведал?

— Во-первых, они не могут подступиться к мисс Мэндл с вопросами, страшась, что она сразу все просечет. Во-вторых, они не подозревают ее в злонамеренном утаивании фактов. В-третьих, они полагают, что она могла добраться до нужной информации каким-то другим путем. В-четвертых, они считают, что эту информацию ей сообщил некто владеющий ситуацией.

— Продолжай, — подбодрил его Армстронг.

— По каким-то причинам они не могут выяснить, кто же ей передал информацию. Почему? Ответ: потому

что источник мертв. О'кей! Кто же эта персона, ныне покойная и настолько в прошлом ей близкая, что проболталась о том, о чем не положено?

— Боб Мэндл.

— Значит, все-таки соображаешь? — Темные глаза Хансена не мигая смотрели с экрана.— Боб Мэндл обладал некой секретной и официальной информацией, о которой должен был помалкивать. Ясно, что информация касалась какого-то дела, которым он занимался, а его сестра — нет. Может быть, еще один проект «Манхэттен». Может быть, правительство изобретает очередную бомбу. Я не знаю. Да и не хочу. Я хочу, чтобы мой бизнес оставался незапятнанным.

— У тебя все чисто, можешь не волноваться,— заверил его Армстронг.

— Ты это мне говоришь? Я позвонил в ФБР еще до того, как ты туда отправился. И мне сказали, что они ничего не имеют против тебя.— Он опустил глаза к столу, невидимому на экране.— Ко мне только что поступили три донесения. Сейчас прочтешь или переслать?

— Пришли,— распорядился Армстронг. Повесив трубку, он вышел из кабины, сел в автомобиль, но не стал включать двигатель. Несколько минут просидел, размышляя над ситуацией. Уставясь невидящим взором в ветровое стекло, он мучительно сражался с фактами.

Предположим, он свяжется с Клер и решительно спросит ее, в чем дело. И что дальше? Да и как спросить? «Ты владеешь какой-то секретной информацией, которую тебе знать не положено?» Глупее не придумаешь! «Не рассказывал ли тебе Боб то, что не нужно, и если рассказывал, то что?» Так сразу на дверь укажут.

Если она пребывает в неведении относительно того, в чем ее подозревают, то, как тактично ни спрашивай, ответ будет отрицательный. А с другой стороны, если Боб по-братски действительно ей что-то выложил, вряд ли она будет делиться этой информацией с первым встречным. И ответ он получит такой же — отрицательный. Так что допрос Клер Мэндл отпадает. Даже мысль эту надо выбросить из головы.

Но как же тогда докопаться до сути того дела, которым интересуется ФБР? Не из праздного же любопытства он этим занимается, а из странного ощущения, что

происходящее как раз и является одной из отсутствующих частей головоломки, над которой он мучается. Может быть, даже ключевых частей. Добраться бы до сути, и тогда, вполне возможно, прояснится целый отчетливый угол картины.

Да, надо подумать. Ясно, что прямым путем до разгадки не добраться. Если Клер Мэндл не должна была знать о тех секретных фактах, то и он тоже не должен о них знать. И если ФБР ничего не сказало, можно спокойно держать пари, что никакой другой чиновник его не просветит.

На этом Армстронг прекратил размышления, запустил двигатель и поехал домой. Где-то глубоко в мозгу, подобно бесшумной змее, что-то крутилось и изгибалось. Какая-то неясная и тревожащая мысль, которую он никак не мог сформулировать. В таких случаях он или прояснял ее для себя, или избавлялся от нее.

На этот раз избавиться от назойливой мысли ему не дал вид крошечного глазка в центре его двери, сверкающего, подобно глазу насекомого. Держа ключ в руке, он остановился, оглядел флюоресцирующий блеск, затем кинул взгляд на лестничную площадку. Не дотрагиваясь до двери, он положил ключ в карман и бесшумно выскользнул на улицу.

Оказавшись на тротуаре, он поднял глаза к окнам своей квартиры, они были погружены во тьму. Затем перешел через улицу, вошел в кафе на углу и позвонил Хансену.

— У меня в дверь вмонтирована катодная трубка. Она зажигается каждый раз, когда дверь открывают не специальным ключом, а каким-нибудь другим способом. Сейчас ее муравьиный глаз горит. В моей квартире кто-то есть.

— Вызови полицию,— предложил Хансен.

— Я сначала так и хотел, но затем придумал кое-что получше. Я хочу, чтобы ты позвонил мне домой. Если кто-нибудь ответит, заяви, что это обычная ежечасная полицейская проверка, и потребуй меня к экрану. Если они ответят при закрытом экране, скажи все то же самое, но потребуй открыть экран.— Он воинственно усмехнулся: — Им придется бежать из квартиры. А я прослежу, куда они направляются.

— О'кей, — согласился Хансен. — Сейчас позвоню.

Напустив на себя скучающий вид, Армстронг вышел из кафе, прошелся по улице и быстро юркнул в темную подворотню почти напротив собственного дома. Ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал. Проползли пятнадцать минут, затем двадцать. Никто из дома не выходил и не входил. Нетерпение его росло. Неужели его блеф не прошел? Если так, значит, незваные визитеры знали Хансена в лицо. Одна из возможных догадок.

В ожидании результата он беспрепятственно поглядывал на часы. Прошло двадцать две минуты, когда из-за угла внезапно появились две машины и остановились у дверей, за которыми он вел наблюдение. Из первого автомобиля выбрались четверо полицейских в форме. Из второй вышел Хансен и стал осматривать улицу.

Выйдя из своего укрытия, Армстронг перешел дорогу:

— Что случилось?

— Я звонил три раза, — сообщил Хансен, — но мне никто не ответил. Ты к телефону не подходил. Вот и вызвал копов.

— Хм!

— Я подумал, что на этот раз ты решил-таки кое с кем разделаться, но получил по башке. Вот я и привел подкрепление. Ну пошли, посмотрим, что там делается.

Все шестеро поднялись к дверям квартиры, где на дверной панели все еще мерцал крошечный огонек. Армстронг достал ключ, открыл замок и широко распахнул дверь. Мощный коп тут же отодвинул его в сторону и шагнул за порог, держа в одной руке пистолет, а другой шарил по стене в поисках выключателя. Вспыхнул свет. Коп сделал четыре шага, остановился и воскликнул:

— Вот те на! Труп!

Остальные, толкаясь, двинулись вперед. В квартире царил полный разгром. Шкафы раскрыты, ящики выдвинуты, содержимое разбросано по полу. Сквозняк взметнул в воздух листы бумаги. Сорвали даже ковры со стен.

Посреди этого бедлама в кресле расположился покойник. Его безмятежно раскинутые конечности жутковато контрастировали с беспорядком. Застывшему телу было все равно. Крови не было, и лишь свесив-

шаяся на грудь голова указывала, что его земной путь закончен.

Полицейский приподнял голову трупа, взяв ее волосатой лапой за подбородок.

— Мертв, вне всяких сомнений! — Он посмотрел на остальных: — Кто-нибудь его знает?

Вглядевшись в вытянутое небритое лицо со спутанными космами на голове, Армстронг сказал:

— Я не уверен, поскольку лично с ним не встречался, но он похож на человека по имени Кларк Маршалл.

— На того ракетного безумца? — быстро спросил Хансен.

Армстронг кивнул.

— Если позвонить Биллу Нортону в «Геральд» и показать лицо на экране, он, возможно, узнает его. Он хорошо знал Маршалла.

Один из полицейских повозился с телефоном и отошел.

— Не работает. Какие-то неполадки.— Опытным взглядом он осмотрел разбросанные вещи: — Тот, кто это натворил, здорово торопился.— Он пожал плечами и сказал остальным полицейским: — Я спущусь к машине и вызову парней из отдела убийств. Они и этого Нортоня прихватят по дороге.— Он вышел.

Другой полицейский обратился к Армстронгу:

— Вообще-то грабители не убивают, а убийцы не грабят. А у вас, похоже, побывали одновременно и те и другие. Как вы думаете, что им было нужно?

— Понятия не имею,— сказал Армстронг. Стоящий рядом Хансен улыбнулся и нарочито зевнул. Армстронг повернулся к скептически настроенному детективу: — Нет, в самом деле. Даже отдаленного представления не имею, что им тут было нужно.— Он помолчал и добавил с мрачным удовлетворением: — Но если повезет, вскоре выясню.

— Твоя уверенность в моих способностях мне льстит,— сказал Хансен.

— Хансен — вот имя скромности,— фыркнул Армстронг.— Если бы я рассчитывал только на других, то ничего бы не добился в жизни. И сейчас я думаю не о тебе и не о полиции. А о главной оси настенных часов.

— О, — слёгка смущенный Хансен подошел к стене, на которой висели часы. Только тут он увидел, что главная ось их толще, чем у обычных часов. А на конце поблескивает нечто вроде линзы.

Копы, не скрывая удивления, следили за тем, как Армстронг медленно потянул часы на себя, и в этот момент позади корпуса что-то резко шелкнуло. Он принялся их вращать, словно откручивая, отсоединил от крепления и положил на стол циферблатом вверх. Внимательный осмотр показал: вместо оси — пустая трубка, проходящая насквозь через корпус.

На том месте стены, которое было скрыто до этого часами, Армстронг отсоединил несколько проводов, извлек небольшой серебристый прибор с прикрепленной к нему впереди трубкой с насаженной на нее линзой и положил его на стол рядом с часами.

— Внутри прибора, — сообщил он собравшимся, — находится семьсот футов одномиллиметровой киноплёнки. Можем устроить просмотр. Прибор включается, когда срабатывает контрольное устройство на двери. С Божьей помощью все дело может оказаться внутри этого прибора.

— Вот это да! — восхищенно прошептал один из полицейских. И снова повторил: — Вот это да!

Армстронг принялся за работу, но в эту минуту в квартиру ворвалась толпа полицейских из отдела убийств во главе с Нортон, который тут же взволнованно подскочил к Армстронгу:

— Да ведь это же Кларк! Боже милостивый! Я же с ним сегодня разговаривал!

— Вот как? — Армстронг ловко закрепил кассету в бачке для проявления. — И он сказал, что собирается сюда?

— Это я направил его сюда. Мы и вчера с ним разговаривали. Я сообщил ему, что ты тоже сошел с ума и хочешь его видеть, как один псих другого. Он объявился сегодня утром. Я звонил тебе раз шесть, собираясь сказать, что он в городе.

— Меня не было. Большую часть времени я провел в штаб-квартире ФБР.

— Он чувствовал себя как кот на горячих кирпичах, — продолжал Нортон. — Очень встревоженный и

подозрительный. Словно за ним гонится призрак его деда. В конце концов я дал ему твой адрес, а он сказал, что сегодня же и зайдет.— Нортон запустил пальцы в растрепанные волосы: — Я и подумать не мог, что здесь он встретит свой конец!

Глядя на часы, Армстронг вращал бачок:

— Что ты имел в виду, говоря, что он встревоженный и подозрительный? Он что, чувствовал какую-то опасность?

— Ну, так я бы не сказал. Скорее он походил на человека, на которого надели смирительную рубашку, а он при первом же шаге упал и расквасил себе нос. В общем, словно он узнал что-то такое, чего совсем не хотел знать, что-то весьма неприятное.— Нортон устался на бачок: — А что это ты делаешь? Масло сбиваешь?

— Примерно так. Пытаюсь смазать местечко кое у кого под ногами.

Подошел полицейский капитан и отодвинул Нортон в сторону.

— Вы Джон Дж. Армстронг?

— Он самый.

— Врачи говорят, что этот человек мертв уже часа три или четыре. Причина смерти не установлена, но позже мы выясним.— Он устался на бачок в руках Армстронга: — Где вы были часа три-четыре назад?

— В штаб-квартире ФБР.

— Вот как? — Капитан даже вздрогнул.— Что ж, если этим делом заинтересовались фэды, я сейчас им позвоню.

— Правильно,— одобрил Армстронг. Вытащив пленку из бачка, он поместил ее в электросушилку. Когда капитан отошел, он подмигнул Нортону.

В дверях показалась голова Хансена.

— Скоро?

— Через пять минут.

— Я уже развернул экран и подключил проектор.

— Спасибо.— Заслышав сквозь шум сушилки звонок в соседней комнате, Армстронг спокойно сказал Нортону: — Смотри-ка, уже починили. Держу пари, что это звонит из Хартфорда миссис Сандерс и спешит сообщить, что мне предстоят большие расходы. Скажи ей, чтобы не переживала.

Нортон только успел повернуться, чтобы выйти, как появился полицейский и возвестил:

— С телефоном полный порядок. Звонит некая миссис Сандерс. Жалуетя, что не могла дозвониться несколько часов. Сообщает, что вашу лабораторию разнесли вдребезги. Она уже вызвала хартфордскую полицию.

Разглядывая пленку, Армстронг сказал откровенно заинтригованному капитану:

— Я предположил, что после разгрома здесь они отправились в лабораторию. Уж если одно место обыскали, то вряд ли пропустят и другое.— Сунув пленку с первым же попавшимся кадром в аппарат для чтения микропленок, он взгляделся и присвистнул: — Поистине, ловушка сработала!

Он перенес улики в другую комнату и заправил пленку в проектор. В комнате расположились пятеро полицейских в формах, четверо в гражданском платье, Хансен и Нортон, который, закончив беседу с миссис Сандерс, в сердцах бросил трубку.

— Она говорит, что там все перевернуто вверх дном и если что-то и пропало, то пока понять невозможно.

Армстронг крикнул, выключил свет и включил проектор. Сверкающий луч прорезал темноту комнаты и уперся в маленький экран на противоположной стене. На экране появилась картинка.

Медленно открывается дверь. В нее осторожно проскользнул какой-то человек, проверил, надежно ли она за ним закрылась, затем быстро оглядел комнату. Светловолосый мужчина в сером костюме, среднего роста и комплекции.

— Да это же тот малый, с Кипарисовых Холмов,— выдохнул Хансен, толкая Армстронга в бок.

Подойдя к небольшому дубовому бюро, стоящему слева от двери, светловолосый решительно открыл его и принялся быстро проглядывать содержимое. Судя по всему, посетитель не собирался тратить время зря. Бумаги и документы после торопливого прочтения в беспорядке бросались назад. Искомое он явно не нашел. Опустошив бюро, он принялся за выдвигаемые ящики, обстукивая их со всех сторон, переворачивал и осматривал дно. Ничего не обнаружив, он перешел к дюралевому письменному столу и с той же скоростью осмот-

рел и его внутренности. И тоже не нашел ничего достойного внимания.

На мгновение он остановился и повернулся лицом к аппарату в часах. Светло-голубые глаза смотрели прямо в камеру, но он не подозревал о предательских способностях таких обычных на вид часов. Лицо его выражало тревогу, расчетливость и нетерпение.

С новыми силами он принялся за дело, вытаскивая книги с полки, тщательно их встряхивая и осматривая опустевшее пространство за ними. Затем он переключился на кресла и софу, переворачивая их и простукивая. Осмотрев безделушки, сорвав ковры, он даже становился на четвереньки, чтобы изучить пол.

Наконец он скрылся в спальне, оказавшись вне досягаемости линзы. Тем не менее отчетливо записался производимый им шум при передвижении мебели. Так продолжалось пару минут, пока в дверь громко не постучали.

На экране вновь появился светловолосый. Быстро и по-кошачьи ступая, он подкрался к двери, встал сбоку, не сводя глаз с замка и прислушиваясь. Из кармана он достал небольшой блестящий предмет, похожий на фонарик, и взял его в правую руку.

Невидимый посетитель опять постучал. Светловолосый стоял не двигаясь. После паузы стукнули в третий раз. Около трех минут простоял светловолосый настороже, сжимая в руке предмет, похожий на фонарик. И тут фильм закончился. Армстронг включил свет.

— Черт побери! — взвыл полицейский капитан. — Пленки не хватило.

— Именно этого болвана мы и проследили до Кипарисовых Холмов, — заявил Хансен. Он мрачно посмотрел на тело, уже перенесенное на софу и прикрытое простыней. — Жаль, что не удалось снять дальнейшее. Интересно, что же произошло?

— Десять к одному, что посетитель не ушел, как понадеялся светловолосый, — предположил капитан. — Он постучал три раза, затем вышел на улицу, покурить или еще зачем-нибудь, вернулся и устроился у дверей, ожидая возвращения Армстронга. Так что, когда эта светловолосая ищейка открыла дверь, чтобы удалиться, поджидающий парень застукал ее на месте преступления.

ния. Что произошло дальше, можно только гадать, однако же нам нужен этот светловолосый. — Он посмотрел на Хансена: — Так ты знаешь, где он живет, да?

— Я знаю, куда он направился вчера вечером. — Хансен сообщил адрес на Кипарисовых Холмах. — ФБР за ним тоже следило. Может быть, они знают, где его найти.

— Разберемся. — Капитан обратился к Армстронгу: — Фильм придется отдать как доказательство. Мама дорогая, вот уж доказательство так доказательство! — Его мясистая физиономия расплылась в восхищенной улыбке. — Такой шикарной ловушки я еще не видел. Поздравляю. Жаль, что такую же вы не установили и в Хартфорде.

— Там стоит одна такая. Я позабочусь о ней сразу же, как только вы закончите здесь.

— О'кей. — Армстронг достал из кармана ключ от двери и передал Хансену. — Закроешь тут, хорошо? Я, как вернусь, позвоню тебе в офис. — Он обратился к капитану: — Если фэды объявятся, вы уж им все объясните сами.

Кивнув Нортону, который, ни на кого не обращая внимания, что-то строчил в блокноте, устроившись рядом с покойным Кларком Маршаллом, Армстронг вышел из квартиры и спустился к автомобилю.

Ехал он быстро, но без нервной спешки. Мозг его работал четко, мысли сменяли одна другую. Серые глаза внимательно осматривали летящую навстречу дорогу; время от времени он поглядывал в зеркало заднего вида.

Менее чем через час он подъехал к круговой развязке, к которой выходило пять дорог. Не обращая внимания на тяжелый грузовик, грохочущий справа, и заставив ударить по тормозам водителей двух «седанов» слева, он пронесся прямо по кругу, оказавшись вновь на дороге, с которой только что выехал. Там он развернул машину поперек движения, перегородив дорогу зеленой легковушке с открытым верхом, вот уже полчаса преследовавшей его.

Шустрый водитель зеленой машины не растерялся. Обнаружив преграду, он вовремя нажал на тормоза, остановившись в ярде от препятствия, переключился на заднюю скорость и начал сдавать назад.

Он все успел сделать, точно подал назад, но не успел он переключить скорость, чтобы двинуться вперед, как Армстронг уже оказался рядом, рывком открыл дверцу водителя и схватил светловолосого за левую руку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Подобно большинству здоровых мужчин, Армстронг редко прибегал к своей силе. Светловолосого он вытащил из машины, как тряпичную куклу. Огромный кулак обрушился на подбородок парня. Жертва отлетела на пару ярдов и вырубилась.

Слегка удивившись, что хватило и одного удара, Армстронг лизнул костяшки кулака, обернулся и увидел, что за разыгравшейся сценой уже наблюдают зрители. Рядом с его автомобилем остановился длинный черный лимузин, из которого на него таращились двое мужчин. Наконец они не выдержали и вылезли из машины.

Вынув из кармана носовой платок, Армстронг перевернул бесчувственного парня на живот и завел ему руки назад, собираясь связать запястья. Двое из машины подошли ближе и с интересом молча стали наблюдать за происходящим. Оба выглядели крепышами, хотя ростом были ниже, чем Армстронг. Один из них толкнул носком ботинка лежащую жертву.

— Вы опередили нас, мистер Армстронг,— заметил второй. В его ладони блеснула золотая бляха.— Мы федеральные офицеры.— Он задумчиво уставился на распластанное тело: — Мы сели ему на хвост сразу же, как только он пристроился за вами. Жаль, что вы его отделали. Может быть, лучше было позволить ему и дальше играть в эти игры, пока он сам себя не обыграет.

— Вам стоило раньше им заняться,— коротко ответил Армстронг.— А теперь он уже связан. Его полиция разыскивает.

— Ну тогда ладно. Значит, вы взяли на себя большую часть работы,— сказал агент.— Мы бы могли его и сами взять, вот только они не всегда помнят наши услуги.— Он вытащил наручники.— Оставьте его нам, мы позаботимся.

— Был бы вам весьма признателен,^{117888, dB} осторожно высказался Армстронг.— Вот только мне не нравится, как торчат ваши уши.

С этими словами он врезал агенту по зубам. Даже удар копыта лошади оказался бы мягче. Малый рухнул, глухо ударившись спиной о землю.

Со стремительностью, удивительной для человека такого веса и габаритов, он бросился добывать окончательную победу, но не преуспел в этом. Когда он рванулся к агенту с наручниками, внезапно подал признаки жизни светловолосый и дернул ногой в самый неподходящий момент. Армстронг споткнулся и со всего маху полетел на землю.

Задыхаясь, он перевернулся на спину. Кто-то вцепился ему в ноги. Он мельком успел увидеть светло-голубые глаза, устремленные на него, и тут же в голове что-то взорвалось. Неведомая комета ворвалась в мысли, и все померкло.

Чувства возвращались медленно и нехотя. Он лежал, распластавшись на траве, ощущая, как на макушке растет шишка. В глазных яблоках пульсировала боль. Поморгав и обретя четкость видения, он обнаружил, что над ним склонились какой-то водитель грузовика и патрульный полицейский. Он сел, обхватив голову руками, и огляделся. Его автомобиль уже развернули вдоль обочины, рядом с машиной стоял мотоцикл полицейского.

— Ох! — крикнул Армстронг, поглаживая голову.

— Это трое ребят отделали вас,— сообщил водитель грузовика извиняющимся тоном.— Но они все проделали так быстро, что я даже номера не успел заметить.

— За ними погнался мой напарник,— сказал коп.— Мы лишь на минуту опоздали, а то застукали бы их на месте преступления.— Он задумчиво и в то же время строго посмотрел на Армстронга: — Может быть, вы их знаете?

— Я их совсем не знаю... Ох, впрочем, не совсем так! — мрачно ответил Армстронг. Пошатываясь, он поднялся, придерживая голову, чтобы та не разлетелась на куски.— Двое из них пытались одурачить меня, представившись федеральными агентами. Но, похоже, они составляли эскорт третьего малого.

— С чего вы взяли, что они не фэды?

— Просто никогда не слышал, чтобы парни из ФБР разъезжали в иностранных лимузинах или пользовались наручниками, изготовленными в Европе.

— Это уже совсем другое обвинение, — так же задумчиво произнес коп. — И весьма серьезное — выдавать себя за представителя закона. Мне придется составить протокол. Сообщите мне ваше имя и адрес. — Повернувшись к водителю, он добавил: — И ваше — тоже, как свидетеля. — Записав информацию, он сказал Армстронгу: — Вы далеко едете?

— В Хартфорд.

— Это не мой округ. Впрочем, какая разница? Я провожу вас. Если кто-то напал на вас, то могут попробовать и еще раз.

Армстронг забрался в машину, тронул с места. Мотоцикл полицейского затарахтел сзади. Нелегко сидеть за рулем, когда башка раздулась, как детский воздушный шар, и ее от каждого толчка пронзает боль. Устремив взор на лобовое стекло, он ругал себя последними словами. Схватка со светловолосым оказалась глупой затеей. Все, чего он добился, — шишки на голове.

И все? Сейчас, размышляя, он припомнил, что еще вчера эта тема его не занимала. Сегодня этот на первый взгляд эксцентричный поиск, казалось бы, не существующих фрагментов головоломки уже не выглядел столь бессмысленным. Нет, наверняка где-то существовала некая картина, которую он мог бы разглядеть, если бы удалось собрать воедино все ее кусочки. Ведь не шутки же ради обыскивали его квартиру и лабораторию! И не ради стремления подраться на дороге тащился следом за ним светловолосый и его спасательная партия. За всеми этими действиями проглядывала цель, причина, которую можно выяснить, если заниматься поисками достаточно долго и имея в наличии хотя бы небольшую долю везения. И если даже в конце поиска таится нечто зловещее и смертельно опасное, конец и смысл *должны существовать!*

Эти размышления настолько успокоили его, что в Хартфорд он прибыл в значительно лучшем расположении духа. Миссис Сандерс, нервно ломая руки, стала заверять, что отлучалась всего лишь на пару часов.

— И как только я шагнула за порог, так все это и произошло!

Успокоив ее несколькими словами, он извлек из укромного места камеру, обработал пленку и пропустил ее через проектор.

Перед ним прокрутилась сцена, весьма схожая с той, что разыгралась в квартире, с той лишь разницей, что на этот раз обыск осуществлял худой тип со впалыми щеками, которого не тревожили стуки в дверь.

Приехали двое хартфордских полицейских в гражданском платье, и он прокрутил фильм для них еще раз. Но они не признали малого со впалыми щеками. Забрав фильм как доказательство, они уехали. А он навел порядок в лаборатории, проверил наличие вещей и выяснил, что ничего важного не пропало.

Из всего увиденного на пленках следовало, что ни одной из ищеек не удалось найти тот таинственный предмет, который они искали. Но что же они искали? Может быть, он носит это что-то при себе? Или носил? Если так, надо быть начеку!

Лишь через три дня Хансен вновь увидел Армстронга. Томная Мириэм проводила его в кабинет, где Хансен ерзал на поскрипывающем стуле.

— Меня впечатляет та скорость, с которой мы движемся в никуда, — устало объявил Армстронг.

Хансен нахмурился, порылся в ящике стола, отыскал ключ от квартиры Армстронга и бросил тому в руки.

— Если у меня что-то где-то получается, то только потому, что я знаю, чем заниматься. А какого прогресса можно добиться в твоем деле, когда я работаю в полной темноте? Все, что тебе нужно — это отчеты, отчеты и еще раз отчеты. И лишь изредка ты вопишь, призывая на помощь.

— Скверно, — посочувствовал Армстронг. — Но я не держал бы тебя в темноте, если бы сам знал, откуда ждать света.

— Ты что, всерьез утверждаешь, что и сам бродишь без цели, как пьяный гиппопотам?

— Вот именно, без цели! Я бы сам хотел знать хоть чуточку больше!

— Господи помилуй! — недоверчиво уставился на него Хансен. — Ты съешь свой нос в различные места,

разрываешь кучи мусора, люди получают синяки и пули, а ты даже не знаешь, в чем дело!

— Послушай, случилось так, что меня посетила навязчивая идея, всего-навсего. А все остальное происходит само по себе.

— Ну еще бы,— ухмыльнулся Хансен.— А потом приезжает труповозка.— Он задумчиво уставился на собеседника: — И в ней увозят тебя.— Он стал еще задумчивей.— И никто не знает почему.— Он навалился на стол и фыркнул: — Как никто не узнает, кто будет следующим.

— Тут ты прав,— согласился Армстронг.— И в самом деле, хорошо бы узнать, кто на очереди после меня.— Его осенило, и он с энтузиазмом высказался: — Послушай, Ханни, да ведь им будешь ты!

— И я не исключаю такой возможности,— мрачно пробурчал Хансен.

— Кроме того,— продолжал Армстронг,— уж если я опрокинул мусорное ведро, то люди должны знать, почему я это сделал. И это знание поможет кому-нибудь добиться успеха там, где не удалось мне. Затем он получает по башке, а я обретаю приятеля в загробном мире.

— Мой бизнес ограничивается земной сферой,— угрюмо сообщил Хансен.— Астральные же дела интересуют меня только тогда, когда за них платят твердой, земной валютой.

— Хорошо,— устало махнул волосатой лапой Армстронг.— Я расскажу тебе то небольшое, что мне известно, и посмотрим, что ты тут сможешь сделать. Итак, я полагаю, что череда провалов ракетных полетов не объясняется случайностями или совпадениями. Все происходит преднамеренно. Кто-то прикладывает к происходящему руку.

— Кто?

Армстронг одарил его скорбным взглядом:

— Прыгал бы я тут, как обезьяна в клетке, если бы знал кто.— Он помолчал, но Хансен ничего не говорил, и он продолжил: — Это предположение я сделал в основном ради собственной забавы и еще по каким-то причинам, которых не в состоянии объяснить. И если предположение неверное, то неверны и последующие

выводы независимо от логичности перехода от одного к другому. Повторю, что предположил, будто катастрофы ракет связаны с деятельностью некоего неизвестного. Какое отсюда следует логическое заключение?

— Сам скажи, ты начал.

— Неудачи произошли в разное время, связаны с разными рабочими группами и разными странами. Следовательно, даже гений не в состоянии устроить все это. Отсюда следует предположение, что ответственность ложится на целую организацию, поскольку саботаж затронул широкий круг людей. И организация, судя по всему, интернациональная, не обремененная духом патриотизма. Вот и первое затруднение.— Он погладил широкий подбородок.— Эти русские могут не позволить нам добраться до Венеры раньше их. Французы заинтересованы в том, чтобы не дать обогнать себя британцам. В общем, у каждой страны найдется соперник. Но зачем это нужно какой-то интернациональной организации? Что ей с того? Каковы их мотивы?

— Понятия не имею,— пожал плечами Хансен.

— Я тоже не вижу смысла в происходящем,— признался Армстронг.— И именно отсутствие мотива беспокоит меня больше всего. Неделью назад у меня было два решения. Во-первых, организация может продавать свои услуги различным странам по очереди, и тогда это просто шайка мошенников. Во-вторых, я просто сумасшедший и напридумывал Бог знает что.— Он сердито почесал в затылке: — Однако же этот трещащий череп я не придумал.

— А может быть, ты искал нечто несуществующее и, сам того не зная, раскопал что-то другое,— предположил Хансен.— Знаешь, как бывает: пошел человек по воду, а вытащил утопленника.

— Возможно, но мало вероятно.— Армстронг на минуту задумался.— Тем не менее если таковая организация существует, то найти ее можно, лишь подозревая всех, в какие бы невинные одежды они ни рядились. Вот почему я загружаю тебя работой над отчетами. Я хочу всех подозреваемых подвести к общему знаменателю.

— А! — прокомментировал Хансен, блеснул взором и вновь произнес: — А!

— Каждый раз, как только нам начинает казаться, что мы куда-то вышли, оказывается, что мы вышли в никуда. Светловолосый исчез вместе со своими спасителями, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Адрес на Кипарисовых Холмах дал лишь арендованную на время квартиру, в которой не отыскалось никаких следов. Никто не знает того малого, что обыскивал мою лабораторию. Кларк Маршалл, как и Боб Мэндл, умер от сердечного тромбоза, и врачи уверяют, что все вполне естественно.

— Но это уже кое-что, — вмешался Хансен. — Разве тут ничего нельзя предпринять?

— А что они могут сделать? Они клянутся, что невозможно довести человека до такого состояния искусственным путем. Причину тромбоза невозможно устроить ни подсыпанием чего-либо в еду или питье, ни путем инъекции. И в свете последних данных науки обе смерти произошли в результате естественных причин, пусть последняя случилась и при весьма странных обстоятельствах. И все!

Оба надолго замолчали, напряженно работая мозгами. Наконец Хансен заметил:

— Я сейчас подумал вот о чем. У всех этих типов, о которых ты просил отчеты, есть одно общее.

Армстронг подскочил в кресле.

— И что же это? — нетерпеливо спросил он.

— Они живы, — сказал Хансен.

Армстронг расслабился.

— Ну разумеется, они живы. Какой смысл собирать информацию о покойниках?

— А почему бы и нет? Может быть, кто-то из них как раз и подходит под твой общий знаменатель — или подходил, пока был жив.

— Что ж, верно.

— Более того, кое-кто из них мог умереть и естественной смертью.

— Это ты к чему?

— А к тому, что могли загнуться от сердечного тромбоза.

— А ведь и верно, могли! — Армстронг обдумал эту мысль. — Предположим, что мы вычислим дюжину человек, умерших от этой причины, — ну и что? Любой

медик тебе скажет, что каждый день даже в одном Нью-Йорке дюжина людей погибает по этой причине. Может быть, твое предположение что-то и значит. Но что?

— Ты наверняка уже и сам понимаешь, что это значит,— проницательно предположил Хансен.— Ты же сам застукал на месте преступления светловолосого с помощью твоей камеры. Ты же не слепой и не обколотый наркотиками. Ты как дважды два видел то же самое, что и я, и уже раз пятьдесят задумывался над происходящим.— Он начал крутить кольцо на пальце.— А поскольку власти конфисковали твой фильм, наверняка копы тоже размышляют над тем, что происходит, и скоро придут к выводу.

— Да,— нехотя согласился Армстронг.— Я думал о той штуке, которую он держал в руках, стоя у двери. Она походила на фонарик. Но какой смысл подходить к двери с фонариком в руках? Нелогично. Тем не менее он подошел и держал эту штуку, как пистолет, хотя она и не походила на пистолет.— Он уставился на Хансена: — Поза этого парня и выражение лица создавали впечатление, что он держит в руках какое-то оружие. Я предположил, что это распылитель какого-то газа.

Хансен кивнул:

— Я тоже так подумал. Когда он столкнулся с Маршаллом, то что-то прыснул, отчего тот свалился.— Он облизнул тонкие губы.— Я могу рассуждать только в пределах известного, хотя известное не означает знакомое. Я не думал, что это какое-то совершенно новое устройство. Скорее всего, это карманный газовый пистолет или распылитель. И поэтому я вчера позвонил доктору Лоури и спросил, известен ли ему такой газ, от которого человек получает сердечный тромбоз.

— И что же он сказал?

— Он сказал, что это чушь.

— Итак, мы опять вышли в никуда,— проворчал Армстронг.

— Он погрузил меня в лавину слов, каждое ценой в десять долларов, но смысл остался тот же: такого газа нет.— Вновь облизнув тонкие губы, он добавил: — Но...

— Да продолжай же! Что ты тянешь резину!

— Но воздействие газа раздражающего типа может привести к респираторным конвульсиям, а уже они могут вызвать смерть человека, даже если заболевание кардиальным тромбозом находится у него в начальной стадии.— И он пояснил в более доступных, но и в более откровенных терминах: — У жертвы пульс прыгает до неба, и сгусток крови всасывается в сердце.

— Да, много мы поимели с этого объяснения,— высказался Армстронг, вновь погружаясь в уныние.— Я сам видел, как Мэндл сползал с кресла. Видел собственными глазами. Он даже не кашлянул.

— Я знаю. Я сам проверял дело Мэндла. И читал результаты вскрытия Маршалла. Он не отравился газом — в легких и следа от него не осталось. Не было у него и конвульсий — совершенно определенно.

— Вот мы и вновь вернулись на то место, откуда начали. Газовый распылитель светловолосого газовым распылителем не является.— Косматые брови Армстронга сошлись на переносице.— Итак, в данный момент мы в тупике. Но я вырвусь из него, если только не сверну себе шею или кто-нибудь другой мне ее не свернет. Вполне возможно, что, когда я получу от тебя все отчеты, я выйду на какой-нибудь новый след. Имеющихся пока недостаточно. Мне нужно много отчетов — и чем раньше, тем лучше.

— Ну, это моя забота,— спокойно сказал Хансен.— Скоро я закончу эту работу. Тем более что она пересекается и с моими интересами.

Уже наполовину открыв дверь, Армстронг остановился на пороге:

— А мне не расскажешь?

— Я веду расследование. Те парни, что обыскали твою квартиру и лабораторию, делали это не ради забавы. Они что-то искали, пусть мы и не знаем, что именно. И если бы выяснилось, что какие-то бумаги уничтожены или пропали, появился бы след. Вот под каким углом я и рассматриваю это дело.

— Попусту тратишь время.— Армстронг с интересом посмотрел, как Хансен открыл рот, но ничего не сказал и вновь закрыл его.— Я под таким углом столько уже рассматривал, что меня даже тошнит. Я постоянно прихожу к одному и тому же выводу, а именно: фэды

знают, что собой представляет предмет поиска, но не скажут. И те парни искали то, чего у меня нет и быть не должно. И они хотели в этом убедиться.

— А фэды отказываются рассказывать?

— Отказываются.

— Черт знает что! — Хансен устало потер лоб. — С каждой минутой мы погружаемся все глубже и глубже, даже и не зная, во что погружаемся.

Опустив широкие плечи в знак смирения, Армстронг закрыл за собой дверь и отправился домой.

Хансен или кто-то другой навел в его квартире порядок и запер дверь на ключ. Армстронг по достоинству оценил проявленную о нем заботу. Сняв пальто, он повесил его на крючок, потом извлек свою шпионскую камеру, перезарядил, привел в готовность и вставил в укромное место.

Затем позвонил Клер Мэндл. Она появилась на экране, как обычно опрятная и свежая.

— В последнее время никто не рыскал в вашем доме? Или, может быть, совали нос в бумаги? — спросил он.

Она даже вздрогнула:

— А вам откуда известно?

— Потому что у меня произошло то же самое, — мрачно поведал он. Он и тут не преминул воспользоваться дарованной возможностью: — Если хотите узнать, отчего да почему, то лучше не по телефону, а за чашкой кофе.

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Ничего себе! — выразила она свое отношение к предложению. — Хорошо, я согласна. Вечером?

— Уау! — взвыл он от радости, понимая, что ведет себя как мальчишка, но она одобрительно улыбнулась. — В том же месте, в то же время?

— И даже раньше!

Пунктуальная, как обычно, она явилась в облегающем, безукоризненно сшитом платье, и на голове ее красовалась небольшая шляпка.

— Ну, — сразу приступила она к делу, как только они сели за столик, — вы собираетесь посвятить меня в тайну?

— О да. Квартиру мою перевернули вверх дном дня три или четыре назад. То же случилось с моей лабора-

торией в Хартфорде. Но больше всего меня волнует тайна, окружающая предмет поисков.— Он осторожно посмотрел на нее. Тут надо действовать деликатно, дабы все не пошло насмарку.— Поскольку случившееся имело место вскоре после нашего последнего разговора, я предположил существование некой связи. Может быть, нас обоих подозревают в том, что мы сообщаем властям какой-то информацией. И в таком случае к вам тоже должны были пожаловать незваные гости.

— Понятно.— Она искренне недоумевала.— Но что же такого у нас общего, что надо у нас искать?

— Может быть, то, что хранится в вашем доме? — предположил он.

На нее эти слова не произвели должного впечатления. Наоборот, они озадачили ее еще больше.

— Кто-то вчера забрался ко мне, перерыл все бумаги, устроил на письменном столе и в библиотеке разгром, но ничего не взял.

— Вы уверены, что ничего не пропало?

— Абсолютно.

— Может быть, что-то из бумаг Боба?

— Нет, они все на месте.— В глазах у нее промелькнуло подозрение.— А кстати, Боб-то тут при чем?

— Ну, насколько мне известно, он занимался работой на правительство, что-то такое совершенно секретное.

— Кто это вам сказал?

— ФБР.

Он так и не понял, какое впечатление произвела на нее эта информация. Она прекрасно владела собой и восприняла услышанное совершенно хладнокровно. Ненадолго задумалась.

— Боб занимался чем-то связанным с космическими ракетами. Это я знала точно. Но из оставшихся после него документов такие выводы сделать невозможно. Разве что его теория слоя. Во всяком случае, он не хранил дома ничего, что касалось бы его работы на правительство. Я думаю, что все свои наработки он сам отдавал правительству, а остальное уничтожал. Боб всегда отличался методичностью и осторожностью.

— Так и надо себя вести, когда имеешь дело с секретами,— одобрил Армстронг.

— А поскольку в настоящее время ученые заняты созданием ракеты номер восемнадцать,— продолжила она,— то, скорее всего, работа Боба имела отношение именно к ней. Возможно, при строительстве восемнадцатой использовалась какая-нибудь суперреволюционная теория, которую правительство строго засекретило.

— Восемнадцатая практически завела нас в тупик,— возразил он. И рассказал ей все, что знал. Поведал о поездке в Нью-Мехико, о стычке с Фозергиллом и о том, что узнал от Куинна.— Я не знаю, о чем вы думаете,— заключил он,— но, с моей точки зрения, все эти препятствия в работе выглядят искусственно созданными, словно кто-то хочет как можно дольше не запускать эту ракету, одновременно стараясь не афишировать данный факт.

Выслушав его, она надолго задумалась. В глазах эльфа отразилась предельная сосредоточенность. Наконец она сказала:

— Станный получается парадокс. Тот самый корабль, который финансирует правительство, наталкивается на препятствия, созданные, пусть косвенно, правительством же. Правительство строит корабль и в то же время тянет с завершением строительства. Может быть, и еще кто-то заинтересован в задержке, и тогда ситуация усложняется. Но давайте проигнорируем этот фактор и сосредоточимся только на правительственном аспекте. Почему власти предрержающие строят корабль, но не больно-то торопятся?

— Во всяком случае, не из-за отсутствия денег. Так что спросите что-нибудь попроще!

— Вот мы и спрашиваем. Должна же быть логика в этой на первый взгляд нелогичной ситуации?

— Единственное пришедшее мне в голову объяснение выглядит не слишком правдоподобным.

— И какое же?

— Может быть, та суперсекретная идея — не знаю какая — требовала дальнейшей доработки, прежде чем на ее основе строить космический корабль. И поэтому строительство перед лицом неизбежных перемен задержали. Но почему надо тянуть резину, даже если строительство начали по одному плану и требуется некоторое время на приведение его в соответствие с другим пла-

ном? Я понимаю, что бюрократия — дело нудное, но не до такой же степени!

Она неодобрительно наморщила носик.

— С моей точки зрения, объяснение неубедительное.

— С моей — тоже. Предложите лучше.

Она вновь задумалась. Он заказал выпивку, а Клер продолжала размышлять и после того, как ее бокал опустел. Армстронг же занимался тем, что рассматривал ее лицо. И продолжал лицезреть, когда глаза ее внезапно вспыхнули.

— А если предположить, что ситуация со строительством восемнадцатой вовсе не так уж и плоха?

— О'кей, предположим. Ну и что?

— А то, что это может быть просто приманка.

— Что?! — воскликнул он.

— Тсс! — Она оглянулась на ближайшие столики. — Не надо так вопить! — Она перешла на доверительный тон: — Половину людей в мире уже давно перестала волновать идея саботажа, касающаяся запусков ракет. Власти же обязаны серьезно относиться к этой идее. А теперь представим, что они готовы к запуску восемнадцатой, но их беспокоят странности, что сопровождали полеты ее предшественниц. — Она устремила на него проницательный взор: — Что бы сделали *вы* на их месте?

Он хлопнул огромной ладонью по столу:

— Черт побери! Я бы строил ее в каком-нибудь тихом и недоступном месте вроде Северного полюса. А другую, широко разрекламированную строил бы для игр саботажников в Нью-Мехико.

— Умница! — удовлетворенно заключила она.

— И тем не менее не все понятно, — возразил он. Махнув рукой, он подозвал официанта, и тот принес им полные бокалы. Затем Армстронг навалился на стол и заговорил вполголоса: — Давай пока оставим эту тему в покое, а я тебе поведаю о своем.

— Восхитительно! — пробормотала она, делая глоток.

— Последние дни у меня странное ощущение, — продолжил он. — Я никак не могу понять, испытывают ли то же самое и другие люди или это я один такой ненормальный.

— А какое ощущение?

— Смесь дурного предчувствия, раздражения, подозрения и общей нервозности.

— И когда именно ты испытываешь эти чувства?

— Почти всегда. Читаю газеты, и ощущения тут же появляются. Посмотрю на световую рекламу — появляются. Слушаю радио — и они тут как тут, наваливаются толпой. Только что я ощущал себя пупом земли — и тут же превращаюсь в ничтожество из ничтожеств. Неуровновешенность, как у какой-нибудь примадонны.

Поставив бокал, она посмотрела на него очень серьезно:

— Если бы ты меня послушался, Джон, я бы сказала, что ты нуждаешься в длительном отдыхе.

— Не думаю. Понимаешь, физически я ощущаю себя великолепно. Вот только в умственном плане проблемы. И они имеют свою причину. — Он решительно посмотрел на нее. — И эта причина, хоть я ее и не знаю, мне кажется важным фрагментом той загадки, которую я пытаюсь разгадать.

— Ты всерьез полагаешь, что твоя раздражительность связана с этими ракетными проблемами?

— Клер, я понятия не имею, как одно может быть связано с другим! Тем не менее в этой связи я уверен так, как ни в чем другом.

— Ты уже пытался анализировать происшедшее в каждом отдельном случае?

— Да, конечно, но без успеха. И только каждый раз снова удивляюсь, что же это со мной происходит. — Он мрачно осмотрелся, а когда вновь устремил взор на Клер, в глазах его застыло легкое недоумение. — Например, вчера вечером, разглядывая толпу, я обратил внимание на смуглого симпатичного парня в зеленом тюрбане. Вылитый индуистский божок, какой-нибудь Шри Баннерджи, или как они там называются. Тут же мои мысли перескочили на индийских аскетов. Я думал о тех из них, кто год за годом неотрывно смотрит на солнце, пока не ослепнет, но все равно до конца своей жизни продолжает таращиться на него невидящим взором. Я думал о тех, кто, подняв руку вверх, так и держит ее, пока она не отсохнет. Думал о тех, кто, скрестив под собою ноги, сидит так, пока они окончательно не атрофируются, и эти бедолаги уже теряют способность

передвигаться, и кто-то должен будет носить их на руках. Вот такое же чувство овладело и мною. С неодолимой силой. Я ощущаю себя живой рыбой на раскаленной сковородке.

К концу его монолога глаза ее зажглись странным светом.

— А как ты себя чувствуешь, когда находишься рядом со мной? Только серьезно, без острот.

— Умиротворенно,— улыбнулся он.— Спокойно, умиротворенно и безмятежно.

Она негромко рассмеялась:

— Словно я не от мира сего?

— Ну, к счастью, ты не ангел,— уклончиво ответил он.— Ты женщина. И именно эту твою ипостась я и предпочитаю.

— Но это не ответ на мой вопрос.

— Отвечу,— сказал он,— когда у меня в руках будут факты.

Они не отрываясь смотрели в глаза друг другу, а в голове у него непрерывно пульсировали ее слова. *Не от мира сего... не от мира сего... не от мира сего.* Да ведь это же идея! Люди не из этого мира.

Она первая отвела взгляд.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В середине четвертого дня после того, как Хансен прислал последний отчет, Армстронг сдвинул в сторону груды заваливших письменный стол бумаг, потер щетину и взялся за телефон.

— Ханни у себя?

— Я сейчас свяжу вас с ним, господин клиент,— протянула Мириэм.

На экране появилось кислое лицо Хансена. Агент спросил:

— Ты получил отчет?

— Да.

— О'кей! Что-нибудь еще?

— Еще? Бог мой, да мы только в самом начале пути! Я размышляю над тем, что я обнаружил в этих отчетах. Тебе бы лучше приехать.

— Буду через двадцать минут.— Изображение померкло.

Бритье освежило Армстронга, но морщинки вокруг покрасневших глаз не пропали. Он закапал успокаивающее лекарство в глаза и, когда прибыл Хансен, нелепо моргал.

Хансен плюхнулся в кресло и спросил:

— Ну, Шерлок?

— Из ста семнадцати отчетов я выбрал тридцать четыре — на тех подозреваемых, у которых есть нечто общее. Все они состоят членами «Норман-клуба».

— Хм! — без энтузиазма произнес Хансен.

— Слышал когда-нибудь о таком?

— Никогда.— Агент беззаботно махнул рукой.— В мире столько же клубов, сколько рыбы в океане. Большинство из них создано лишь для важничанья. Ну, а что такого особенного в этом «Норман-клубе»?

— Кое-что. Во-первых, он является интернациональным, хотя, похоже, не многие знают об этом. Далее, эти «Норман-клубы» существуют в каждой стране и практически в каждом городе. Клубы представляют собой замкнутую систему. Только их члены знают, что там происходит и зачем они существуют.

— Где ты выкопал весь этот мусор?

— В Центральной регистратуре. Ты наверняка знаешь, что все клубы и организации обязаны регистрироваться. Этот сразу заявил о себе, что политикой не занимается. Но все это ерунда, что-то там не то.

— Хм-хм,— пробормотал Хансен.— И ты хочешь, чтоб я занялся составлением отчетов на всю эту толпу народа?

— Нет, не хочу. Я намерен лично заявиться в их местную берлогу и разобраться, что там к чему, ежели это окажется возможным.— Он повернулся лицом к собеседнику: — Мне кажется, там есть с чем разбираться. Недаром же светловолосый разъезжает в сопровождении эскорта.

— Оставил бы ты это дело мне,— невозмутимо сказал Хансен.— Ведь ты же мне за это и платишь.

— Я хочу, чтобы ты находился неподалеку, на тот случай, если мне придется туго.— Он протянул руку, открыл шкаф и достал небольшой тускло-темный при-

бор с покачивающейся конической сеткой из тонкой проволоки, прикрепленной наверху. Отдав прибор Хансену, он присовокупил длинный перечень инструкций, закончив словами: — Сделаешь это сегодня в шесть часов вечера на углу Шестой авеню и Пятьдесят восьмой улицы. После того как отвезешь меня, действуй по своему усмотрению.

Хансен поднялся, задумчиво повертел в руках прибор и сунул его в правый карман.

— Как скажешь. Я буду там. Но если ты сыграешь в ящик от сердечного тромба, я тут же смоюсь куда подальше! — Он подошел к двери. — «Норман-клуб» — ха! Скорее всего, сборище бездельников, коллекционирующих французские книжки. Хотелось бы в это верить.

Армстронг усмехнулся, но ничего не ответил, провожая гостя взглядом. Он не пропустил полушутливое замечание Хансена мимо ушей. В самом деле, название «Норман» отдавало чем-то французским. К тому же в Париже тоже существовало отделение этого клуба. Однако же отделения располагались и в таких местах, где французская литература отдавала привкусом угля из Ньюкасла. Как говорится, что для одного города отравы, для другого — хлеб насущный. И стало быть, слово «Норман» имеет вовсе не очевидное значение. И не имеет ничего общего ни с Францией, ни с Европой... Но с чем же тогда?

«Норман-клуб» выглядел как ненавязчивый миллион долларов. Огромный арочный вход украшал фасад из серого камня и располагался под устремленными ввысь десятью этажами здания. Посреди входа вращалась стеклянная дверь, рядом с которой возвышался швейцар, похожий на генерала пуританской армии.

Поднявшись по широким мраморным ступеням, ведущим к двери, Армстронг был остановлен этим самым швейцаром. Он величественно вытянул вперед руку в белой перчатке и очень вежливо произнес прекрасно поставленным голосом:

— Прошу прощения, сэр.

— Оно вам даровано, — не колеблясь проявил великодушие Армстронг.

— Доступ, сэр, разрешен только членам клуба.

— О! — Армстронг оценивающе оглядел этого генерала. — А как стать членом?

— Путем получения рекомендации, сэр.

— От кого?

— От действительного члена, сэр.

— А, ну да, конечно. — Он рискнул толкнуть дверь, которая медленно завращалась. — Но ведь для этого мне надо попасть внутрь и отыскать влиятельного друга, который рекомендовал бы меня.

«Генерал» снизошел до нахмуривания грозных бровей, сделал шаг вперед и вытянул руку, перегораживая проход.

— Сожалею, сэр...

Армстронг аккуратно наступил громадным ботинком на сияющую туфлю «генерала» и столь же аккуратно толкнул того в грудь. «Генерал» пошатнулся и шмякнулся на заднюю точку. Быстро оглядев улицу, Армстронг прошел через вращающуюся дверь и оказался в фойе, пол которого был покрыт толстым ковром.

Здесь его встретил некий индивидуум с утонченными манерами и до зеркального блеска прилизанными волосами. Он принял у Армстронга пальто и шляпу, грациозно указал на дверь в дальнем конце и сказал:

— Сюда, сэр.

— Благодарю.

Армстронг прошел по коврам, остановился у указанной двери и оглянулся. Швейцар на улице уже поднялся и вновь принял свою внушительную позу. Попыток войти внутрь он не предпринимал, очевидно не веря в свои силы или оставив разборки с шустрым посетителем на долю внутренних сил. Удовлетворенно улыбнувшись, Армстронг открыл дверь и вошел в следующее помещение.

Дверь за ним мягко закрылась, едва слышно шелкнув. Сидящий здесь за письменным столом единственный обитатель комнаты поднял голову. Смуглый и хорошо ухоженный, он смотрел на мир пронзительно черными глазами. Бесстрастно оглядев посетителя, он вежливо заговорил:

— Рад вас видеть, мистер Армстронг. — Наманикюренная рука указала на кресло. — Прошу садиться.

Осторожно присев, Армстронг проворчал:

— Так вы знаете меня?

— Разумеется, разумеется.— Хозяин комнаты натянуто улыбнулся: — Мы даже ожидали вас. С минуты на минуту подойдет мистер Ротман, чтобы познакомиться с вами. Ждать придется недолго, уверяю вас.

— Хорошо.— Армстронг, скрестив ноги, свирепо уставился на смутлого человека, который, не обращая на него внимания, занялся бумагами.

Мы даже ожидали вас. Как же это они могли его ожидать? Поднявшись с кресла, он подошел к двери, в которую вошел. Дернул. Как и ожидалось, дверь оказалась запертой. Он вернулся на место. Смутлый даже не поднял голову, продолжая невозмутимо заниматься какими-то документами.

— А где же наш мистер Хансен? — спросил у него Армстронг.

Смутлый поднял на него вопросительный взгляд:

— Мистер Хансен? — Он ненадолго задумался.— Ах да, мистер Хансен. Если понадобится, то мы пригласим его в нужное время.— Он перевел взгляд на боковую дверь: — А вот и мистер Ротман.

При появлении Ротмана Армстронг вскочил на ноги, сунув руку в карман. Вошедший оказался крепким, рослым, но уже начинающим полнеть мужчиной. Над красным лицом возвышалась копна кудрявых седых волос. Приветливо кивнув смутлому, он двинулся к Армстронгу, протягивая руку.

— Мой дорогой мистер Армстронг! Чрезвычайно рад знакомству с вами! — Пожатие руки оказалось крепким и сердечным. Посмеиваясь от радости, он похлопал Армстронга по спине: — Видите ли, я заключил небольшое пари, что вы окажетесь здесь в течение ближайших десяти дней.

— Вот как? — мрачно спросил Армстронг. Этот радушный прием выглядел полным безумием посреди всеобщего безумия последних дней. Он ничего не понимал.— И кто же вам сообщил о моем визите? Хансен?

— Бог мой, мистер Армстронг, неужели вы действительно ничего не понимаете? У нас имеются более надежные источники информации.— Продолжая улыбаться и дружески болтая, он подвел Армстронга ко второй двери.

Смутлый за своим столом, по-прежнему не обращая на них внимания, продолжал трудиться. Ротман сказал:

— Не сомневаюсь, что наша компания окажется совсем не такой, какой вы ее ожидали увидеть. Впрочем, то же самое испытывают почти все, кто попадает в поле нашего тяготения. Мы люди очень здравомыслящие, да, очень.— Ротман широко распахнул дверь.

Армстронг, оказавшись посреди дверного проема, успел лишь мельком разглядеть группу из полудюжины человек, столпившихся возле какого-то аппарата, похожего на гигантскую кинокамеру. Он не успел ни понять смысла происходящего, ни пустить в ход кулаки, ни отпрыгнуть в сторону или упасть на пол, потому что в это мгновение аппарат выпустил луч яркого зловещего голубого цвета. Сознание Армстронга устремилось к небесам, а тело рухнуло на пол и застыло там неподвижно. Воздух в помещении наполнился запахом озона. Смутлый за своим столом продолжал невозмутимо работать над бумагами.

Очнулся он в роскошно обставленной камере. Во рту пересохло, но никаких болезненных ощущений он не испытывал. Такие вещи, как инкрустированный столик, небольшой секретер, пара глубоких пружинистых кресел и полка с книгами, редко составляют обстановку тюремных камер. Оглядев окружающее затуманенным взором, он провел языком, сухим, как наждак, по пересохшему нёбу, добрался до умывальника в углу и чуть ли не минуту не отрывался от крана с холодной водой.

Дверь камеры отсутствовала, вместо нее стояла решетка из бериллиевых брусьев толщиной в дюйм. Подойдя к ней, он просунул голову между брусьями и оглядел коридор. Напротив располагалась глухая стена, а вот на его стороне по бокам находились такие же камеры, и, вероятно, они шли и дальше вдоль коридора.

Тряхнув решетку, он позвал:

— Есть тут кто-нибудь?

В правой камере тут же кто-то задвигался. Обитатель ее тоже подошел к решетке, но узники не смогли увидеть друг друга. Невидимый сосед Армстронга заговорил голосом пожилого человека:

— А, так вы пришли в себя? Я уж стал беспокоиться. За прошедшие пару часов я окликал вас раз десять. Как же они вас поймали?

— Сам не пойму. Что-то сверкнуло голубым светом, и я рухнул с таким ощущением, словно меня по башке шарахнули. Где это мы находимся?

— Это я мог бы и у вас спросить.— Сосед помолчал, затем сказал: — Во всяком случае, коли вы наконец пришли в себя, вы могли бы ответить мне на один вопрос, очень важный.

— Валяйте,— согласился Армстронг, безуспешно пытаясь просунуть голову еще дальше.

— Что такое жизнь?

— Простите?

— Что такое жизнь? — повторил сосед.

— А кого это волнует?

— Меня. И очень. Я должен получить ответ на этот вопрос любой ценой. Иначе я рискую шеей. Ее могут мне свернуть. А то и что-нибудь похуже сделать, если вообще существует что-то похуже. Не знаю. Но я должен получить ответ на вопрос. На этот вот вопрос: «Что такое жизнь?»

Ухватившись за решетку так, что побелели суставы, Армстронг проговорил сквозь сжатые зубы:

— А кто задает этот вопрос? И кто хочет получить ответ? Кто кому грозит свернуть шею и почему?

— Если я тебе все это расскажу,— огрызнулся человек из соседней камеры,— ты задумаешься над услышанным и перестанешь размышлять над моим вопросом. Так что дай мне хороший ответ на мой вопрос, а потом уж я расскажу тебе все то небольшое, что знаю.— Он замолчал, закашлялся, затем продолжил: — Тебе придется поднапрячь мозги, ежели таковые у тебя существуют. И твоя очередь — следующая. Один вопрос — и, я надеюсь, ты отыщешь ответ!

— И что же это за игра такая? Викторина?

— Игра, в которой правила диктуют они! И проигравший отправляется в могилу!

— Да ты спятил! — решительно объявил Армстронг.

Он отошел от решетки, рухнул в кресло и злобно уставился в стену. Неужели его упрятали в психушку? А из таких заведений, судя по всему, выбраться почти

невозможно. Но если так, кто его сюда посадил и с чьей санкции? Неужели с помощью таких методов власти убирают с пути нежелательных любопытных? А может быть, его пребывание как раз и является доказательством того безумия, что недавно овладело им?

Его задумчивый взгляд скользнул по книгам на полке, но глаза ничего не увидели, а слух улавливал лишь нескончаемое бормотание соседа по подземелью. Если бы с ним хотели расправиться, то давно бы уже сделали это. Разве что надеются что-то узнать, прежде чем отправить в вечность. Возможно, именно ту таинственную информацию, за которой охотился и светловолосый. Вряд ли от него потребуют удовлетворительного ответа лишь на один вопрос. Верх дебилизма — покупать жизнь ценой единственной мудрости. Его безумный сосед нес какую-то чушь!

Что такое жизнь?

Он гнал этот вопрос от себя, но тот настойчиво вновь и вновь всплывал в его мозгу. Наконец, не выдержав и почувствовав, что может сойти с ума, Армстронг вскочил с кресла и подошел к решетке.

— Эй! — окликнул он невидимого соседа. — *А ты как думаешь, что такое жизнь?*

Сосед, перестав бормотать, ответил:

— Когда я был маленьким, меня учили, что жизнь есть ступенька перед более высокими явлениями. Такой ответ я должен дать. Но предположим, что он окажется неудовлетворительным? Предположим, что, выслушав этот ответ, они заберут меня отсюда и... и...

— Ну? — не выдержал Армстронг.

— Не знаю. Я не уверен, что этот ответ правилен, а он *должен* быть правильным! Ты сам почувствуешь потребность в правильном ответе, когда спросят *тебя*!

Пропустив мимо ушей это зловещее предупреждение, Армстронг решительно спросил:

— А сколько еще определений ты придумал?

Сосед помолчал, затем задумчиво произнес:

— Жизнь — это рост.

— Так ведь и кристаллы растут, — заметил Армстронг.

— Значит, ответ неверен. А как насчет того, что жизнь — это движение?

— Но, например, деревья не могут двигаться по собственной воле.

— Зато они растут. А рост — форма движения.

— И планеты движутся. А также спутники, астероиды и прочие неживые предметы.

— О Господи помилуй, уж если ты занимаешься софистикой, то и они смогут. Я придумал уже дюжину определений, но все они с изъянами.— Усталый голос выдавал нервное напряжение.— А им достаточно всего лишь одного изъяна.— Он помолчал, затем вновь заговорил: — А если бы тебя спросили, что бы ты ответил?

Армстронг надолго задумался, затем нерешительно произнес:

— Я бы сказал, что жизнь — штука сложная. И стоял бы на своем.

Сосед отозвался без энтузиазма:

— Спасибо! Я подумаю над этим.— Не слыша дальнейшей информации, он отошел от решетки и вновь что-то заботал.

Но не долго ему пришлось думать. Через десять минут в коридоре появились двое крепких мужчин с непроницаемыми лицами, прошли мимо камеры Армстронга, лишь заглянув внутрь, и открыли соседнюю камеру. Армстронг застыл возле своей решетки, ожидая их возвращения.

Минуту спустя они прошли мимо него, сопровождая согбенного, сморщенного человечка. Близоруко поглядывая сквозь сползшее с носа пенсне, человечек, пошатываясь, шел по коридору. Охранники шагали по бокам с лицами неподвижными, как у сфинксов.

Армстронг вежливо обратился к ближайшему охраннику:

— При ваших двухстах фунтах веса вам понадобится для виселицы не менее восьми футов веревки.

В ответ он получил лишь глухое молчание. Они мрачно проследовали дальше, сопровождая что-то раздраженно бормочущего пленника. В конце коридора звук их шагов и бормотанье заглушило лязганье открывающейся двери. Вскоре все стихло. Судя по всему, остальные камеры пустовали. Армстронг остался один на один со своими мыслями.

Следующий час он посвятил осмотру камеры, выискивая спрятанные подслушивающие устройства и «глазки» объективов. Тщетно. Поворачивая мебель, снимая книги с полки, заглядывая в каждую щелку, он неплохо провел время, но без результата. Если что-то где-то запрятано, то это аккуратно замазано штукатуркой. Чтобы отыскать скрытые аппараты, придется ободрать стены и потолок.

Убедившись, что при осмотре ничего не пропустил, он умылся, почистил зубы, привел себя в порядок и занялся книгами. Но сосредоточиться на чтении он не смог.

Вскоре появился один из охранников, протолкнул под решетку поднос с едой и удалился, не сказав ни слова. На следующее утро таким же образом подали завтрак. Кухня сделала бы честь самому модному отелю. Какая бы судьба его ни ждала, предварительно его явно собирались откормить. С откровенным наслаждением поглощая пищу, он решил, что у него нет претензий по крайней мере к меню.

К обеду аппетит несколько испортился от размышлений о все еще отсутствующем соседе. Старик — кем бы он ни был — не появлялся. Напрашивался лишь один вывод: старик дал неправильный ответ и теперь расплачивается. Может быть, именно таким издевательским путем — требуя правильного ответа на единственный вопрос — в этой психушке разделявались с теми, кто задавал слишком много вопросов? Как говорится, глаз за глаз.

Армстронг уже в двадцатый раз уныло сунул руку в карман. То, что там должно было находиться, пропало. Его опередили! Если бы вернуть себе тот предмет, сейчас бы уже половина полиции Нью-Йорка примчалась сюда. А поскольку ни одного копа поблизости не наблюдалось, значит, устройство уже не функционирует, а аппарат просто разобрали, зная, как управляться с такими штуками.

Несколько минут спустя под дверь проскользнул поднос и застыл перед ним. У тарелки с жареным цыпленком стоял, прислоненный, чистый белый конверт. Армстронг вскрыл его и вслух прочитал аккуратно отпечатанный текст:

Уважаемый мистер Армстронг. Ваша дальнейшая судьба будет зависеть от ответа на простой вопрос, помещенный ниже. Разумеется, вам следует серьезно подумать, поскольку ваша судьба — дело серьезное. Вам дается время — два дня, — в течение которого вы должны серьезно поразмышлять.

Подпись отсутствовала. Он глянул на семь слов, отпечатанных крупными буквами внизу. Мозг как будто накренился в сторону, и мысли закружились в бешеном танце. Спина вспотела. Все призраки когда-либо испытанных им кошмаров ворвались в круговерт его мыслей. Перед его застывшим, невидящим взором во всех адских красках предстала таинственная картина. Видение самой преисподней.

Вот она, расплата! Медленно, как загипнотизированный, взор его подобрался к семи судьбоносным словам.
Как вы думаете, вы в своем уме?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Семь слов, состоящих всего-то из двадцати трех букв, тем не менее требовали ответа, от которого зависела его судьба. Правда, в записке ничто не указывало на гибель; угроза таилась в недосказанном, в том, что должно было дополнить воображение читающего. Эти мастера мистификаций могли сделать с ним все, что угодно. Но если они настолько могущественны, что противостоят мировым правительствам, заставив отложить колонизацию Венеры по крайней мере лет на двадцать, то зачем им возиться с одним человеком, который для них просто козявка! Семь слов — они наливались тяжестью трупa, висящего в петле.

Он всмотрелся в них третий раз, тревожно, задумчиво, не совсем уверенно. Слова стояли крепко, решительно и вызывающе, словно писавший их получал удовольствие от того, что сформулировал неразрешимую проблему.

Как вы думаете, вы в своем уме?

Бросив листок на секретер, Армстронг оттолкнул поднос в сторону, обхватил голову руками и уперся

локтями в стол. Жареный цыпленок его больше не интересовал. Вид пищи больше не пробуждал в нем аппетита. Рефлекс пропал. Записка стала колокольчиком академика Павлова, на который собака отказывалась реагировать!

Он позволил мыслям течь, как им вздумается. Если он в своем уме, то мысли куда-нибудь его да приведут. Если нет, они и без него устроят свою игру. Прав был Нортон. Я слишком много думаю. Но как жить не думая? «Я мыслю, следовательно, я существую!»

Но тем не менее что заставляет их думать, что я не в своем уме? И почему они думают, что сами они в своем уме? И вообще, что значит быть разумным? Вопрос определения? Если так, то кто определяет? И откуда ему, тому, известно, что он в своем уме? И вообще, как *любой* человек определяет, в своем ли он уме?

Как вы думаете, вы в своем уме?

Ответ: Конечно, в своем!

А почему вы так думаете?

Ответ: Потому, что так *должно* быть!

Почему?

Ответ: Потому, что я так считаю.

Но так считает и *любой* псих!

Ответ: Они ошибаются, не так ли? И их сажают в психушку, да?

Правда, в тюрьму не попадают великие психи. Так ведь и говорят: разница между психом за решеткой и психом на свободе только в том, что в последнем психа еще не разглядели. И разница между...

Заткнись!

Армстронга вывел из оцепенения внезапный звук собственного голоса. Нет, надо хоть на минутку перестать думать, а то действительно сойдешь с ума.

Пытаясь переключить внимание, он подтянул к себе поднос. Без энтузиазма оглядел содержимое, раздраженно фыркнул:

— Черт б меня побрал, если я голоден! Но я не позволю им думать, что я напуган. Тем более что им и не удалось меня напугать!

С этими словами он накиннулся на пищу.

Перекусив, он развернул кресло лицом к решетке. Когда охранник принесет полный поднос с ужином и

заберет пустой от обеда, его будет ждать и еще одна пустота. Фокус, конечно, может и не получиться, но попытка хоть как-то нарушит монотонность существования в этой камере.

Охранник, по-прежнему молчаливый и бесстрастный, появился по расписанию, держа в руках поднос. Сняв с него кофейник, он протянул его через прутья, сунул полный поднос под решетку и застыл, ожидая возвращения пустого.

— Держу пари, ты его не получишь,— усмехнулся Армстронг.

Охранник не ответил и даже не дал себе труда глянуть на говорящего.

Нехотя пожав широченными плечами, Армстронг сказал:

— Должно быть, последний фильм, который ты видел, прошел с участием Консуэло Эгуеролы. Зажигательная штучка, согласен. Судя по всему, ты до сих пор не пришел в себя. Только брось ты ее, парень,— она не для тебя.

Охранник нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Армстронг неторопливо оглядел его с головы до ног, затем с ног до головы, отметив, что никакого эффекта тем самым не добился. Оставив шутки, Армстронг взял поднос и подсунул его под решетку. При этом, проявляя осторожность, он держал поднос в дюйме от пола, и, когда охранник наклонился, чтобы взять его, Армстронг выпустил поднос.

Что-то шелкнуло под днищем, и раздался звук бьющегося стекла. Армстронг поспешно отскочил в сторону, а с пола, прямо в лицо охраннику, ударил столб какого-то таинственного дыма. Изумленная жертва на несколько секунд застыла в согнутом положении, затем задергалась, безуспешно стараясь выпрямиться, и наконец рухнула на пол, угодив лицом в поднос.

Схватив со стола тряпку, Армстронг принялся яростно ею размахивать. Затем, остановившись, принялся, вновь замахав тряпкой, постепенно приближаясь к решетке, и опять принялся. Так он некоторое время вентилировал воздух, пока не убедился, что запаха не осталось. Протянув руку сквозь решетку, он мощным рывком поднял парня на ноги.

И только тут он понял, что в коридоре находятся еще двое охранников. Они расположились ярдах в четырех или пяти от камеры, привалившись к стене. Засунув руки в карманы, они спокойно стояли у стены, не выражая ни тревоги, ни злости, ни желания вмешаться, и равнодушно смотрели на Армстронга.

Продолжая держать парня одной рукой и настороженно поглядывая на охранников, Армстронг просунул сквозь решетку другую руку и принялся обыскивать охранника. Работу он проделал тщательно, осмотрев каждый карман. Во время этой процедуры двое наблюдали за ним с академическим интересом. В более нелепой ситуации ему еще не приходилось оказываться.

В конце концов он отпустил охранника, и тот бесчувственным кулом осел на пол. Армстронг ощутил разочарование. Ни ключа, ни оружия, ни другого какого-нибудь предмета, достойного затраченных усилий. Парочка охранников приблизилась к решетке с другой стороны и подняла потерявшего сознание товарища.

Один из охранников заглянул в камеру и сказал:

— Тебя ведь обыскали. Откуда же появилась эта вырубаящая штуковина?

— Ну наконец-то хоть слово! — одобрительно высказался Армстронг. — Я думал, что вам всем языки поотрезали. Ну теперь, надеюсь, вы будете заходить ко мне посплетничать?

— Так ты нам не скажешь? — не отступал охранник.

— Ты еще слишком молод, чтобы знать такие вещи. Вот если будешь хорошо кушать и вырастешь большим, папочка тебе скажет.

Охранник ничем не выдал своих чувств — ни злости, ни раздражения. Тот, кто набирал эту охрану, наверняка обыскал весь мир, пока не наткнулся на самых флегматичных типов.

Спокойно выслушав отказ Армстронга, охранник поднял голову и плечи жертвы и спросил:

— Сколько он еще пробудет без сознания?

— Минут двадцать, — сообщил Армстронг. — А после этого все будет нормально.

Охранник понимающе кивнул, и парочка удалилась, унося с собой неподвижное тело. Армстронг начал сосредоточенно расхаживать по камере. Он испытал серь-

езное разочарование. Ни ключа, ни оружия. Да, не повезло. Хотя при чем тут удача? Просто начальство распорядилось, чтобы при охраннике ничего не было. А стало быть, и тут его, Армстронга, опередили.

Однако же отношение свидетелей к разыгравшейся сцене выглядело неестественным, если не сказать больше. Он получил бы больше удовольствия, если бы они вели себя подобно разъяренным обезьянам и набросились на него. Если бы удалось хоть одного схватить, он, Армстронг, протащил бы его прямо сквозь прутья. А так его лишили и этого небольшого удовольствия.

Но зачем тебе эти игры, ты, полоумный, заблудившийся олух? К чему тебе это насилие?

Как вы думаете, вы в своем уме?

Подойдя к книжной полке, он устало оглядел ее. Если все эти книги коварно подобраны применительно к сложившейся ситуации, то лучше их не касаться. Но если же они находятся здесь постоянно, то из них можно извлечь и пользу. По крайней мере хотя бы на время можно забыть о своих проблемах и углубиться в текст.

Его пытливый взгляд отыскал «Тиранию слов» Стюарта Чейза. Армстронг снял книгу с полки и полистал страницы. Сплошная семантика. Что ж, неплохо. Может быть, именно эта книга и поможет одолеть воображаемого врага. Поскольку в данный момент его мозг подвержен физической тирании со стороны семи слов, стало быть, терять нечего, а приобрести можно лучшее понимание сущности своих тиранов.

Усевшись в кресло, он отвлекся от своих проблем, упорядочил мыслительный процесс и сосредоточился на объяснениях и иронических комментариях Чейза. Армстронг увлеченно читал, пока не добрался до некоего пассажа, после которого мысли возобновили свои отвратительные скачки и кульбиты. Наморщив лоб, он прочитал абзац еще раз, с горечью проговаривая слова вполголоса:

— «Семантическая самодисциплина дает нам власть отделять механическое умствование от реально происходящих событий; она дает нам возможность рассуждать абстрактно; удерживает нас от заполнения окружающего пространства несуществующими предметами. Поэзия, фантазия, воображение, мысли и интеллекту-

альные эмоции не разрушают ее. Она удерживает нас от восприятия фантазий как событий реальных, за которые возможно сражаться и умирать. Она препятствует возникновению опасного гипнотизма, ненормальных течений нервных процессов, *мысленных состояний, приближающихся к безумным*».

Яростно размахнувшись, он швырнул книгу в угол. «Мысленные состояния, приближающиеся к безумным». Неужели Чейз считает себя таким знатоком, что может запросто определить, что нормально, а что ненормально? И неужели все авторы считают себя непререкаемыми судьями в данном вопросе? А если нет, то кто является судьей? Золотая рыбка? Как там сказал старый фермер своей жене? Ах да. «Все в этом мире сумасшедшие, кроме тебя и меня, хотя и у тебя временами бывают заскоки!»

Вернувшись к полке, он взял следующую книгу и начал читать ее с выражением мрачной обреченности на лице. Этот том, оказавшийся сочинением Бертрана Рассела «Позвольте людям размышлять», полетел в угол вслед за предыдущей книгой, когда он дошел до того места, где говорилось: «Кое-кто полагает, что психоанализ демонстрирует невозможность рационального поведения, вскрывая *странные и почти безумные* корни наших самых сокровенных и выношенных убеждений».

Злобно выругавшись, он попытался найти выключатель, чтобы погасить свет, не нашел, плюхнулся на постель и попытался заснуть. В полночь свет выключился сам, но еще нескоро, очень нескоро погрузился Армстронг в беспокойную дрему. И в этой дреме его преследовала бессмысленная, ничего не значащая фраза: «...и в каком-то углу притаилась сумятица, насмехаясь над тем, что так дорого тебе». И как только он проснулся, усталый, с затуманенным взором и готовый к неприятностям, перед его мысленным взором предстала та же самая цитата.

Ему предоставили еще тридцать шесть часов на сражение с задачей, после чего он понял, что даже устойчивый мозг устает от навязчивой идеи.

Как вы думаете, вы в своем уме?

Не думай об этом. Забудь. Думай о чем-нибудь другом.

Как вы думаете, вы в своем уме?

Думай о том, как Куинн ждет своего шанса. Думай о Фозергилле. Думай о том дне, когда ты создавал солнечный компас за десять тысяч долларов и получал большие дивиденды. Думай об ужине, который устроила матушка Сандерс на День благодарения.

Как вы думаете, вы в своем уме?

Мысль приобрела разновидность пытки водой: ровное, неостановимое *кап-кап-кап* из вопроса, который возникал, возникал, возникал...

На этот раз появление охранников он приветствовал с облегчением. Их было шестеро, крепких, бесстрастных, похожих друг на друга, как братья. Отворив решетку, они вывели его из камеры и повели вдоль коридора, мимо четырех небольших комнат в большой зал. Он шагал, ступая тяжело и твердо, ничем не выдавая охватившего его нервного напряжения.

Перед двойными массивными дверями, расположенными слева в зале, эскорт остановился.

— Снимите обувь, — приказал один из охранников.

— А тут что, мечеть? — спросил Армстронг.

— Снимайте.

Нагнувшись, он снял башмаки и поставил их около стены.

Охранник толчком распахнул двери и предложил ему войти. Армстронг гордо прошествовал, бесшумно ступая ногами в носках, по толстому ковру. Плюхнувшись в кресло, стоящее лицом к огромному, изысканно украшенному письменному столу, он с вызовом уставился на сидящего за ним человека.

Тот ответил взглядом, исполненным вежливого интереса. У этого аристократа были темные пронизательные глаза, тонкий чувственный, слегка изогнутый нос, придающий обладателю ястребиный облик. Полные, слегка сморщенные губы дополняли портрет.

Бросив небольшой блестящий предмет Армстронгу, ловко его подхватившему, человек заговорил звучным голосом:

— Можете получить обратно вашу зажигалку, мистер Армстронг. Вы проявили недюжинную изобретательность, должен признать. Каков радиус ее действия?

— Около семи миль, — кратко ответил Армстронг.

— Неужели? Нас крайне заинтересовали ее крошечные батарейки. Замечательная работа, просто-таки революция в электронике.— Он положил ухоженные руки на стол и улыбнулся.— Кристалл, разумеется, мы извлекли. Мы не можем допустить, чтобы по его пульсациям ваш друг Хансен смог определить, куда мы вас поместим. Жаль, конечно, но мы обязаны заботиться о себе. Вы, радиолюбители, называете такое устройство скваггером, не так ли?

— Блипером,— сварливо возразил Армстронг.— Он подает вот такие сигналы: блип-блип-блип.

— Так вот, дорогой вы мой! Если бы мы не догадались обыскать вас на предмет таких сюрпризов, то наши дела наверняка уже подавали бы такие же печальные сигналы.

— Тем не менее вы не можете считать себя вне опасности,— заверил его Армстронг.— По крайней мере до тех пор, пока я в состоянии носить портки.

По каким-то непонятным причинам это высказывание привело собеседника в восторг. Одобрительно рассмеявшись, он дружески оглядел пленника. Нажав кнопку на столе, он заговорил в небольшой видеофон:

— Что-нибудь нашли? — Писклявый голосок что-то ответил, и человек за столом сказал: — В каблуке левого башмака? И пачку зажигательных листов в правом? Как же это мы просмотрели? — В дружеском тоне зазвучали металлические нотки.— Кто просмотрел? — Получив ответ, он рявкнул: — Прислать его ко мне сразу же, как я покончу с этим делом.— Убрав палец с кнопки, он откинулся на спинку кресла. Обострившиеся черты лица при взгляде на Армстронга вновь смягчились.

Помолчав примерно с минуту, он наконец сказал:

— Мы задали вам вопрос. Отыскали вы ответ или вам необходимо еще время для дальнейших размышлений?

— Мне ничего ни от кого не нужно, особенно от вас.— Армстронг столь же доброжелательно посмотрел на хозяина кабинета.— А ответ у меня имеется.

— И каков же он?

— Я не знаю, в своем ли я уме.

— Это ваше решительное и последнее слово?

— Да,— подтвердил Армстронг.— И мне наплевать, понравился вам такой ответ или нет. По-моему, вы занимаетесь какой-то ерундой!

— Ай-я-яй! — укоризненно покачал головой собеседник. — К чему такая несдержанность? Мое личное мнение о вашем ответе не имеет никакого отношения к последствиям, им вызванным. Но для вашего спокойствия должен сказать, что оцениваю ваш ответ как блестящий.

— Вы необыкновенно выросли в моих глазах, — язвительно ответил Армстронг, с вызовом глядя на него. — Хотя я сомневаюсь, чтобы вы придумали ответ получше.

— Резонное допущение, если принять во внимание ту сбивающую с толку обстановку, в которой вы некоторое время находились, — заметил собеседник. — Но это совершенно ошибочное допущение.

— Вот как?

Сидящий за столом инквизитор вздохнул, что-то вспоминая, и сказал:

— Так уж случилось, что я знаю — я в своем уме. Это факт установленный, не подлежащий сомнению, и его можно проверить в любое время.

— Чушь! — громогласно заявил Армстронг.

Не обращая внимания на это замечание, собеседник неторопливо и невозмутимо продолжил:

— Более того, каждая личность в этом здании отличается от большинства людей тем, что пребывает в своем уме. Каждый член «Норман-клуба» совершенно и неоспоримо нормален. — Взгляд его холодно и уверенно вонзился в слушателя. — Для членства в «Норман-клубе» персона должна соответствовать главной характеристике. Член должен быть нормальным человеком — *нормальным, нор-маном!*

— Что? — Армстронг вскочил, пальцы рук у него задергались.

— У него мозги не должны зависеть от вредных воздействий флюидов, испускаемых его телом, — продолжал собеседник. — Другими словами, он не должен быть *гуморальным человеком*, не должен быть *существом смертным*.

— Вы хотите сказать, что вы не человек? — осторожно спросил Армстронг, с трудом веря в происходящее.

— Сядьте, сядьте! Успокойтесь! Необоснованная возбудимость свидетельствует не в вашу пользу. — Он успокаивающе махнул рукой, наблюдая, как Армстронг

нехотя погружается в кресло. — Я человек, если пользоваться определениями, принятыми в этом несчастном мире, то есть существо из плоти и крови, структурно и органически ничем от вас не отличающееся. Но в терминах, принятых в другом месте — и в другом, правильном смысле, — я не гу-ма-ноид, хвала небесам! Я — *нор-ман*!

— Что вы имеете в виду, говоря о терминах, принятых в другом месте? Где это? — решительно спросил Армстронг.

— Это вам еще предстоит узнать. Но момент для этого пока не наступил. — Он заговорил в видеофон: — Дело подготовлено для переноса в комнату номер десять.

Армстронг вновь поднялся. Взярошенный и неряшливый, он брезгливо осмотрел свой помятый костюм, в котором ему приходилось и спать.

— Итак, наступил решающий момент и я вот-вот узнаю, что же скрывается за этой мелодраматической галиматей?

— Надеюсь, да.

— К чему же тогда вся эта бессмысленная игра в вопросы с неясными намеками на смерть?

Человек широко улыбнулся:

— Вопрос довел ваш ум до определенного, утомленного состояния, поскольку именно усталый мозг наиболее восприимчив к внешним воздействиям и без сопротивления принимает то, что его ожидает. Что же касается угроз, то, боюсь, на вас просто подействовал пессимизм вашего соседа по... хм... квартире.

— По камере, — поправил Армстронг.

— Ну хорошо, назовем это камерой. Но согласитесь, довольно глупо было с вашей стороны доводить себя до столь тревожного состояния. Ведь в нашем послании угроз не содержалось. И мы действительно не желаем вам зла.

— Хорошо, ловлю вас на слове. Отдайте мне башмаки, чтобы я мог убраться из вашей берлоги.

— Пока еще не время. — Он глянул на открывшиеся двери, в которых появились охранники. — Пока не время, мистер Армстронг. Для начала мы хотели бы доставить вам огромное удовольствие подтверждением того факта, что вы на самом деле в своем уме. Я искренне надеюсь, что мы не обманемся в вас!

— А если обманетесь?

Глаза собеседника холодно вспыхнули.

— Я буду бесконечно сожалеть.

— Держу пари, будете! — пообещал Армстронг. Бросив на собеседника угрожающий взгляд, что выглядело смешной дерзостью при слишком явном неравенстве сил, Армстронг в сопровождении охранников вышел из зала и надел башмаки. Он даже не стал осматривать обувь — короткий разговор по видеофону ясно дал понять, что каблуки пусты.

Выпрямившись, он указал на двойные двери и спросил у одного из охранников:

— Кто этот неотразимый мужчина?

Ответа он не ожидал и потому удивился, услышав:

— Сенатор Линдл.

Армстронг разинул рот:

— Линдл? Боже Всемогущий! Он что же, Конституцию не читал?

— Что же ты у него не спросил? — ехидно ответил охранник и указал на дальний конец зала. — Теперь тебе предстоит следующий этап — комната номер десять.

— А что меня там ожидает?

Бесстрастный охранник ответил:

— Там заглянут в твою черепушку и решат, то ли...

Не договорив, он резко пригнулся, уворачиваясь от резкого и сильного удара Армстронга. Кулак летел стремительно и, не попав в челюсть, угодил в лоб. Охранник принял горизонтальное положение и замер.

И вновь подтвердился тот факт, что эти парни не походили на обычных людей. Никто из пяти оставшихся охранников не выказал признаков волнения. Никто из них даже не охнул и не выругался. Они отнеслись к происшествию философски и среагировали быстро и молча. В полной тишине и с пугающей сосредоточенностью они вместе набросились на него, повалили на ковер и прижали. Отчаянно сражаясь, он отшвырнул одного из них, но тот тут же навалился снова. К остальным охранникам присоединился первый, успевший прийти в себя после нокаута.

Свалка происходила в неестественной тишине. Все семеро возились на ковре; при этом груда тел над Армстронгом то возносилась вверх, поднятая его могучими

мускулами, то оседала. Но шестерых оказалось слишком много. Окончательно придавив его к коврику, охранники ловко ухватили его за конечности и поволокли в комнату номер десять.

Здесь превосходящие силы противника привязали его ремнями к горизонтально установленному каркасу, вокруг которого стояла какая-то аппаратура. Теперь он был готов к поджариванию, как индюшка на вертеле.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Даже пяти широких ремней не хватило, чтобы удерживать на каркасе такую могучую жертву, как Армстронг. Ему перетянули лодыжки, колени, бедра, пояс и грудь. На шее у него вздулись вены, а лицо налилось кровью; широкий ремень на груди лопнул со звучным хлопком. Зрелище получилось впечатляющее, но толку он не добился. Его закрепили еще четырьмя ремнями, которых теперь стало восемь. После этого охранники, потирая синяки и шишки, вышли из комнаты, даже не наградив его взглядами, в которых могли бы читаться восхищение или враждебность.

Оставшись в одиночестве, привязанный к каркасу, Армстронг начал крутить головой, насколько позволяла возможность, и осматривать помещение, в которое он попал. Камера для пыток, если это была она, больше напоминала студию радиостанции. Среди множества различных устройств узнавались огромных размеров постоянные конденсаторы, ряд стекловидных высоковольтных резисторов, углеродноанодные трубки с гидроохлаждением, большое количество ртутных стабилизаторов, а также несколько проволочных двойных сфер, размещенных одна в другой наподобие древних вариометров.

Прочные медные провода были заменены хрупкими серебряными трубочками, аккуратно вставленными в места разъемов. Некоторые параллельные пары этих трубочек были пропущены через большие стеклянные шаровые изоляторы и проходили между полосками алюминиевой фольги, призванными, очевидно, подавлять помехи.

Впрочем, эта аппаратура лишь на первый взгляд напоминала студию радиостанции, если судить по этим странным схемам, не применяющимся в обычной практике. Например, ни один техник в здравом уме не стал бы соединять защитную сетку подавителя с клеммой постоянного конденсатора. Этот конденсатор размещался прямо над его ногами. Лишенный какого-либо кожуха, он представлял собой куб со стороной в двадцать дюймов, толстые свинцовые пластины которого отделялись друг от друга стекловидным желтым веществом, похожим на янтарь. И клемма утапливалась в этом стекле, вне всяких сомнений! Просто какой-то идиотизм!

Все окружающие его аппараты были нацелены на тело, разложенное на этом тостере. Над головой возвышался сверкающий круглый предмет, похожий на огромный шлем. Должно быть, это и был мыслеуловитель.

Мрачно рассмотрев то, что оказалось доступным зрению, Армстронг задумался о своей судьбе. Судя по всему, у них имелся способ проникать в мозг людей, не оставляя физических шрамов и не вскрывая череп; способ, достаточно эффективный для устранения назойливых любопытных, при этом он не уничтожал их физически; метод новый, необычный, не позволяющий заподозрить что-либо неладное специалисту, который когда-нибудь захочет осмотреть жертву. Так оно и случится. Когда с ним разберутся до конца, тогда и позволят уйти. И он станет полным придурком, не способным отличить пятницы от обеденного времени. Он вновь тщетно напряг мышцы. Ремни заскрипели, но не поддались.

Чей-то голос негромко произнес:

— Как вам наше оборудование, мистер Армстронг? Немного посложнее, чем ваш блипер, а?

Повернув голову, он увидел стоящего рядом Линдла. Правильные черты лица сенатора еще более обострились, сильнее напоминая ястребиные. Тем не менее он продолжал обращаться к Армстронгу дружеским тоном.

— Кукарекай, петушок, кукарекай! — прорычал Армстронг. — Придет и твоя очередь под ножом оказаться!

— Я вовсе не кукарекаю! — Линдл протестующе взмахнул рукой. — Я просто восхищаюсь и вашей рабо-

той, и нашей, которая, позвольте вам заметить, действительно достойна восхищения, если учесть, сколько помех встретилось нам на пути создания этих приборов.

— Спасибо на добром слове. В свое время я тоже буду восхищаться вами. Когда вы будете лежать связанным.

Линдл улыбнулся и спросил:

— Когда вы были маленьким, вы сами ходили к зубному врачу, по собственной воле или вас отец к нему таскал, силой?

— Я туда таскал отца,— огрызнулся Армстронг.

— Какой вы агрессивный,— заметил Линдл, продолжая улыбаться.— Впрочем, это не ваша вина. И я с удовольствием продолжу с вами беседу, но только после того, как вас соответствующим образом обработают.— Он махнул рукой.

В поле зрения Армстронга появился седовласый старичок в очках цвета бутылочного стекла и длинном белом халате. Он близоруко уставился на Армстронга, словно на кролика, подготовленного к препарированию.

Линдл сказал:

— Это доктор Горовитц. Он вами и займется. Прошу! — добавил он, обращаясь к Горовитцу. И удалился, улыбаясь на прощание своей жертве.

Подойдя к панели управления, Горовитц взялся за большой медный рубильник. В ртутных стабилизаторах забулькало, закипело, замерцали лиловые вспышки. Углеродные аноды в трубках раскалились докрасна, затем приобрели золотистый оттенок. Послышалось странное шипение, как от убегающего пара, и какой-то невидимый аппарат под каркасом начал, очевидно, нагреваться, судя по ощущениям ног Армстронга. В воздухе разносился запах разогретого металла, горящего пластика и озона.

Ведя бесполезную борьбу с ремнями, Армстронг пообещал Горовитцу:

— Когда-нибудь я заставлю тебя сожрать собственные уши.

Доктор повернулся и тусклыми глазами оглядел его сквозь очки. Он не произнес ни слова. Взявшись за край шлема, он потянул его так, что голова и лицо Армстрон-

га оказались закрытыми. Жертва мельком успела рассмотреть какие-то странные провода внутри шлема, и тут же наступила темнота. Послышался звук быстрых шагов, щелкнул второй рубильник. Что-то вцепилось в его мозг прямо внутри черепной коробки и принялось за работу.

Физической боли он не ощущал. Но все равно было неприятно, словно во сне, когда падаешь с высоты и ждешь, что вот-вот произойдет неизбежный удар. Хуже всего воспринималось ощущение какого-то отделения, словно от мозга что-то откалывали, совершая какие-то богохульные действия. Казалось, что земной, облаченный в плоть одурманенный Армстронг созерцает безжалостные мучения неземного, духовного Армстронга. И каждый из них при этом являлся частью другого, хотя чувства их разделялись и находились в полном смятении.

Миллионы вопросов проносились в мозгу с такой скоростью, что его чисто автоматические ответы на них возникали еще до того, как они успевали впечататься в память. Миллионы проблем разрывали мозг в разные стороны.

Как вы относитесь к тому? Как вы относитесь к этому? А это утверждение что означает для вас? Вы верите в то, иное или другое — и почему? Вы отвергаете то, иное или другое — и почему? Вы сочувственно относитесь к этому явлению? А вот это вас возмущает? А как вы думаете, вы по-прежнему сочувствовали бы этому явлению или возмущались бы им, если бы оно имело отношение к вашей системе желез? Миллион вопросов в минуту, тысяча — в секунду, сотня — в долю секунды. Не имея времени думать, размышлять, спорить, приводить доводы, обращаться к предыдущим концепциям, предугадывать последующие вопросы. Время отводилось только на мгновенную и автоматическую реакцию. Как попытка понять амебу. Что она делает? Дрожит? Съезживается? Ползет?

Нескончаемый, огромный поток вопросов продолжал свое течение. Это горячее или холодное? Светлое или темное? Истинное или ложное? Что означает это явление? Да и явление ли? И что в результате? Вы считаете это этичным? *В данной ситуации, а?* Итак,

этичным? А в этой ситуации? Итак, этичность поступка определяется ситуацией, да?

Как вы думаете, вы в своем уме?

Как отличить правильное от неверного? Какое значение имеют эти слова, если вообще имеют...

Все ниже, ниже и ниже погружался он в темный океан пугающей неоспоримости, его мозг покорно отзывался на каждый тычок. Как долго продолжалась эта попытка, он не мог бы сказать. Время и пространство перестали существовать, и ничего в космосе не осталось, кроме его обнаженного мозга, исповедующегося электронному богу.

Придя в себя, он прежде всего ощутил тепло и полное физическое изнурение. Он лежал неподвижно на каркасе и невидящим взглядом всматривался в остывающие трубки. Сам себе он сейчас напоминал мокрую тряпку. Руки дрожали, а голова просто раскалывалась от боли. Постепенно он сообразил, что ремни с него сняли, а рядом стоит Горовитц и молча за ним наблюдает.

На плохом английском, с гортанным акцентом Горовитц сказал:

— Выпейте. Станет легче.

Горячая жидкость устремилась по иссохшейся глотке Армстронга, и внутри желудка появилось ощущение тепла. Облизав губы, он закрыл глаза. С трудом он сообразил, что его напоили наркотиком и действие вещества уже началось, но сил протестовать не было, и он погрузился в забытие.

По зову ученого появились охранники, подняли грузное тело с каркаса и понесли в камеру. Там его аккуратно уложили на кровать и оставили одного. Все делалось с таким же флегматичным видом, как и ранее, словно транспортировка бессознательных тел являлась для охранников делом обычным. Они ведь тоже в свое время вкусили прелесть воздействия этого аппарата, именуемого «психотрон».

Проспав двенадцать часов кряду, он встал, умылся, побрислся, перекусил и полностью пришел в себя. Тут же появились охранники, чтобы снова отвести его к Линдлу. Вновь они прошагали по коридору мимо четырех комнат и оказались в зале. Вновь он вошел в двойные

двери, сел в кресло и устался на сидящего за столом Линдла. Тот оглядел его удовлетворенным взглядом.

— Итак, мистер Армстронг, вы продержались до конца. Испытание изобиловало ловушками, тупиками и преградами, но вы выстояли. Поздравляю вас.

— Никакого такого конца еще не наступило. И не наступит, пока...

Линдл успокаивающе поднял руку:

— Понимаю, понимаю! Вы хотите высказать мне все, что думаете обо мне. Но давайте на время отвлечемся от личностного, хорошо? Вам предстоит узнать еще многое, и сейчас как раз настал такой момент. Нет больше повода скрывать от вас многие факты, тем более что существует весьма веская причина обо всем вам рассказать.

— И что же это за причина такая?

— Вы в своем уме!

— Какая прелесть! — изобразил восхищение Армстронг. — Не могу поверить.

Склонившись над столом, Линдл уставил на него проницательный взгляд:

— А теперь слушайте. Я намерен вам сообщить о некоторых фактах, настолько важных, что вам придется испытать потрясение. Более того, вам предстоит испытать и недоверие, отчего эти факты не перестанут быть истинными. Но я сообщу вам всю эту информацию только при определенных условиях.

— Слушаю, — решительно заявил Армстронг.

— Вам придется расстаться с вашим вполне естественным чувством антагонизма, которое произрастает скорее из ваших эмоций, нежели ума. Я не прошу у вас сердечного понимания или дружеского настроения — пока! Я настаиваю лишь на том, чтобы вы выслушали беспристрастно, без эмоций и непредвзято. Давайте забудем о последних событиях и поговорим как мужчина с женщиной.

Армстронг поразмыслил. С его точки зрения, предъявленные требования были направлены на то, чтобы он забыл, что он человек, и реагировал на все так же хладнокровно, как рыба. То есть он должен молча сидеть и ни на что не обращать внимания. Ну что ж, изобразить можно. По крайней мере попытаться.

— О'кей, я постараюсь.

— Хорошо! — одобрил Линдл. Сложив руки на столе, он начал с таких слов: — Как вы, должно быть, отметили, а возможно, не раз и размышляли, все люди в этом мире делятся на разные категории разными способами. При этом методы классификации зачастую сталкиваются между собой. Например, вы можете разделить людей по цвету их кожи. Или фонетически — по тем языкам, на которых они разговаривают. По политическим или экономическим воззрениям. Или по религиозным. Можно разделить их на мужчин и женщин, на стариков и молодых, на богатых и бедных, на невежественных и образованных. Число методов классификации очень, очень велико! — Он подчеркнуто заговорил тише: — Но существует лишь один-единственный метод, имеющий решающее значение для человечества.

— Валяйте, — подбодрил Армстронг.

— Каждый землянин является или гу-маноидом или нор-маном! — Он задумчиво посмотрел на слушателя. — Иными словами: он или сумасшедший или нет. Он или безумен или нормален!

Поерзав в кресле, Армстронг заметил:

— Ничего не скажу. Пусть это остается на вашей совести.

— Так вот, нормальных совсем немного, — продолжил Линдл. Голос его теперь звучал необычно, взволнованно и торжественно, словно некий ангел читал, разворачивая перед собою, список судеб. — Безумных множество. Фактически они представляют собою подавляющую часть населения этого несчастного мира. При этом не стоит обманываться категориями относительности. В том смысле, что один более безумен, а другой — менее, так что на фоне полного безумца может сойти за нормального. Отсюда следует, что никто в этом мире не может считаться нормальным, пока не пройдет соответствующий тест, согласно стандартам которого человека начинают относить к той или иной категории.

— Каковой стандарт вы сами и изобрели, исходя из собственных представлений, — саркастически заметил Армстронг. — Психи решают, кто из них псих!

— Ну, ну! — укоризненно сказал Линдл. — Мы же договорились не поддаваться антагонизму, не так ли? —

Он спокойно оглядел собеседника и продолжил: — Изобрел не я. Как не изобрел и ни один из ныне живущих людей. Никто на этой Земле не изобретал стандарта.

— Должно быть, его изобрели на Марсе? — весело предположил Армстронг.

— Совершенно верно!

— Что? — непроизвольно вырвалось у Армстронга, но он тут же прикусил язык и замолчал.

— Я ведь предупреждал вас. Я же сказал вам, что вы напоролесь совсем не на то, за что боролись! — На лице Линдла отразилась легкая грусть, свойственная состоянию человека вспоминающего. — Стандарт был изобретен на Марсе нашими далекими предками сто двадцать тысяч лет назад. Назвали его «психотрон». Только этот метод позволяет определить, нормален человек или нет.

— Вы говорите, что его изобрели *наши* предки. То есть мы что же, прибыли сюда с Марса задолго до того, как здесь возникла наша официальная история?

— Не все из нас. Только белокожие. Белые являются прямыми потомками марсиан, все без исключения, знают они об этом или нет, нравится им это или нет. Настоящими землянами являются только желтокожие — они существовали здесь всегда. Фактически мы их гости, точно так же, как какой-нибудь демократичный американец считает себя гостем краснокожих индейцев. Люди со смуглой кожей — это потомки выходцев с Венеры. Чернокожие — потомки обитателей Меркурия. Так что каждый негр — меркурианец.

— Сдается мне, что вы решили основать новую религию, — скептически прокомментировал Армстронг. — Откуда вы набрались этой чепухи? Увидели в магическом кристалле?

— Нельзя основать то, что существовало задолго до того, как у землян появилась письменная история! — заявил Линдл уверенно и спокойно. Да собственно, ничто в его облике и не указывало на то, что он принадлежит к каким-то сектантам, фанатикам, безумным приверженцам безумной идеи, фальшивым проповедникам фальшивого конца света. Говорил он четко и деловито, словно объясняя, что розовый цвет является оттенком красного, а фиолетовый — голубого. — Все

факты, о которых я вам рассказываю, являются фактами доисторическими для землян, фактами гораздо более древними и гораздо более точно описанными, нежели пустяковые легенды этого мира. Они зафиксированы, неизменны, и их можно проверить в любое время.

— О! — Армстронг ухватился за слово. — Каким же образом?

— Множеством способов. Я могу вам продемонстрировать трехмерное изображение событий, действительно имевших место, включая первые марсианские исследования Земли и Луны. Я могу позволить вам наиграться вдоволь с психотроном, пока вы не убедитесь, что ничего подобного в этом мире просто не существует. Однако самым впечатляющим и неоспоримым доказательством явилась бы высадка первых землян на Марс, если таковая вообще состоится и если нам не удастся ее предотвратить!

— Так вот оно что! — Армстронг воинственно возложил широченные ладони на широченные бедра. — Итак, вы признаетесь в систематическом саботаже запусков ракет?

— Признаемся? Дорогой мой, мы гордимся этим!

— Вы будете гордиться этим и тогда, когда ФБР бросит вас в кутузку? Прекрасный способ сломать себе шею, — ухмыльнулся Армстронг.

Линдл рассмеялся, словно услышал забавную шутку.

— Вот речь квазиземлянина, да к тому же стопроцентного американца!

— Может быть. Но мне нравится быть американцем. Ведь вы же сами сказали, что я в своем уме. Настолько в своем уме, что мне еще доставляет удовольствие испытывать остатки самоуважения. И я не собираюсь торговать своей лояльностью, предлагая ее тому, кто больше заплатит.

— Ай-я-яй, как нехорошо! — расхохотался Линдл. И выставил вперед указующий перст. — Забыли? Никакой враждебности! Цель нашей беседы в том и состоит, чтобы вы определились, кому на самом деле принадлежит ваша лояльность. Но сначала послушайте все до конца. Как человек разумный, к тому же почти ученый, вы же не сможете делать выводы, не имея для того достаточной базовой информации, не так ли?

— В общем, да. Ладно, давайте выкладывайте остальную чушь. Я послушаю, но только не надо понимать мою позицию как знак полного доверия!

— Постараюсь изложить вкратце, насколько это возможно с историей, неизвестной большинству жителей этой планеты. А неизвестной потому, что она до сих пор хранилась в секрете. По причинам, которые позже станут вам ясны. Факты, которые я собираюсь вам изложить, являются правдой, о которой не говорилось, жемчугом, который не мечут перед обычным, бессмысленным человеком. *Нормальных* же — очень немного!

— Я слушаю.

— Необходимо не просто слушать, — сказал Линдл. — Надо еще и думать. Более того, надо запоминать. А запомнив, посмотреть на привычные черты этого мира новыми, просвещенными глазами. — Внимательно посмотрев на Армстронга, он приступил к изложению.

— Более ста двадцати тысяч лет назад белокожие и высокоразвитые обитатели Марса завоевали космическое пространство и отправили космические корабли к внутренним планетам Солнечной системы. Оказалось, что на всех этих планетах обитают существа, превосходящие по уровню развития животных, существа, похожие на марсиан, хотя и отличающиеся внешним видом и цветом кожи. В связи с этим марсиане развили интересную теорию, касающуюся влияния Солнца на внешний облик людей, но сейчас я не буду на ней останавливаться. Отмечу только, что все высшие формы жизни на четырех ближайших к Солнцу планетах являются двуногими и похожи на нас. Обитатели Меркурия оказались чернокожими, венерианцы — смуглыми, а земляне — желтыми. Существует простое объяснение этой цветовой градации. Так, интенсивность цвета находится в прямой зависимости от интенсивности фотонной бомбардировки со стороны Солнца. И марсиане, таким образом, обладают белой кожей потому, что она *должна* быть белой.

— Готов согласиться, — признал Армстронг. — Похоже на правду.

— Теперь мы подходим к тому пункту, в котором плодородие планеты влияет на ход истории, — продолжал Линдл, не обращая внимания на реплику. — Все

планеты оказались плодородными, но лишь на Земле существовала столь изумительно буйная растительность. К своему несчастью, Земля пребывала в муках и раздорах динамично меняющейся жизни. Так, марсиане обнаружили, что меркурианцы и венерианцы лишь ненамного отставали в своем развитии от них, настолько ненамного, что лишь какой-нибудь десяток столетий отделял их от выхода в космос, если бы их не завоевали белые с Марса.

Желтые же обитатели Земли оставались на примитивном уровне развития, сосредоточивая все свои усилия на жестокой борьбе за выживание с чудовищными формами дикой жизни, во множестве окружавшими их. Обладая не меньшим потенциалом для развития и обретения величия, чем их соседи по планетам, они сталкивались с более серьезными препятствиями в развитии, а исполненная опасностей жизнь существенно замедляла их прогресс.

Таким образом, Земля оказалась наиболее опасной, наиболее отсталой и наименее желанной из всех четырех планет, поскольку изобиловала злобными, свирепыми и жестокими формами жизни. Обитатели остальных трех планет не сталкивались со столь могучим противостоянием и потому сравнительно быстро развивались. Быстрее всего — марсиане. Желтым людям Земли достался самый крутой холм, на который им предстояло вскарабкаться. Плодородие их планеты оказалось не только благословением, но и проклятием.

— И что же дальше? — без особой нужды поторопил его Армстронг.

— Итак, испытав огромной силы толчок со стороны марсиан, а также в результате смешения трех культур Меркурий, Венера и Марс духовно сблизились и в дружбе и мире двинулись по пути прогресса. Земля же, мир джунглей и болот, жалящих, ядовитых и плотоядных хищников, осталась за бортом. Она оказалась не подготовленной к вступлению в межкосмическое сообщество. Терра была слишком молодой и кровоточащей, чтобы стать членом Солнечного Братства. Признавая огромный потенциал Земли и ее великое предназначение, в то же время ее немногочисленных желтых обитателей воспринимали чуть ли не как обезьян.

— Против чего свидетельствует тот факт, что старейшая из известных нам цивилизаций существовала в Китае,— язвительно заметил Армстронг.

— Совершенно верно,— согласился Линдл.— К факту, подтверждающему мою историю, мы обратимся позже, когда я закончу. Пока сделайте себе заметку на память.— Он помолчал, затем продолжил: — Так надолго Земля оказалась забытой, как и Америка затерялась во времени между открытием ее Эриком Рыжим и новым открытием Колумбом. Между тем обитатели остальных трех планет воспринимались наравне с богами, и только одно обстоятельство препятствовало достижению полного совершенства — они несли в себе свои же семена разрушения, злокачественные опухоли, вновь и вновь пытавшиеся сменить мир бессмысленными войнами.

Эти опухоли имели наследственный характер умственного несовершенства людей, и они продолжали возрождаться в каждом поколении, и не было надежного способа идентифицировать эти заболевания. А невозможность идентификации препятствовала и разработке способа борьбы, а это в свою очередь приводило к пониманию, что решение проблемы не спасет, надо ликвидировать саму проблему. Нет смысла решать проблему отделения агнцев от козлищ, если непонятно, что делать с этими козлищами.

Никто не знал, что делать с людьми несовершенными, несущими в себе семена зла, даже если и появится возможность определить их. Разумеется, невозможно было даже поставить вопрос об уничтожении их каким-либо путем, поскольку люди, встав вровень с богами, обрели их широту души и милосердие. Требовался надежный и не смертельный способ очищения почти совершенных рас трех планет от нечистых примесей. Но на протяжении многих-многих столетий мудрейшие из них никак не могли решить эту проблему.

Замолчав, Линдл протянул Армстронгу через стол сигареты. Взяв одну из них, Армстронг заметил:

— Даже ангелов тянет к наркотикам, а? — Усмехнувшись, он воткнул сигарету в рот, полез за зажигалкой, посасывая фильтр, как делал это всегда. Конец сигареты внезапно вспыхнул без всякого огня, и то, что устремилось в его легкие, совсем не напоминало табачный дым,

но было чем-то гораздо более ароматным и успокаивающим.

— Даже ангелы нуждаются в утешении! — хихикнул Линдл. — Однако вернемся к повествованию. Пришло время — и появилось решение. Секрет каждой проблемы таится в бесконечности. И данное решение извлек из бесконечности Прахада, марсианский керэлектроник, создав психотрон. Решение оказалось совершенным. Оно позволяло абсолютно точно определять ум рациональный и отделять его от иррационального. Оно не могло устранить причину зла, таящегося в крови индивидуума, но могло и определяло мыслительный эффект. Оно не обращало внимания на физическое несовершенство личности, да это никогда и не являлось значимым для той или иной расы. Именно умственное несовершенство препятствовало превращению почти равных богам существ в ходячих святых, и теперь по крайней мере в этом вопросе наступила ясность.

— Рад за них! — прокомментировал Армстронг.

— Вскоре после обнародования известий о психотроне некий философ с Венеры довершил решение проблемы созданием плана, который прекрасно соответствовал поставленному триединому этическому условию: никаких смертельных приговоров, честность и милосердие. Тем самым признавалось, что люди несовершенные имеют право на собственную судьбу. Короче говоря, он предложил произвести отбор умственно не соответствующих норме людей и сослать их на Землю.

Армстронг от изумления открыл рот, и сигарета упала на пол. Он уже с трудом владел собой, и его пальцы начали дрожать. Он поднял сигарету и машинально сжал ее зубами, даже не заметив, что она погасла.

Линдл продолжал:

— В результате предложенных действий достигался невиданный доселе в Солнечной системе эффект очищения. Земля обретала статус космической исправительной колонии, и у предложенного плана оказалось много преимуществ. Меркурианцы, венерианцы и марсиане желали освободиться от гуманоидов, не лишая их при этом права на жизнь. И теперь природа сама должна была определить, в состоянии ли умственно неполно-

ценные выжить или нет. Разумеется, всему есть своя цена, и ее пришлось заплатить путем материальных потерь и слез, но за шестьсот лет удалось-таки перевезти на Землю всю эту массу людей! Цель была достигнута!

— По сравнению с вами Гитлер — просто бездельник! — не удержался Армстронг.

Все так же не обращая внимания на его реплики, Линдл задумчиво продолжал:

— В течение этого длительного промежутка времени все три планеты полностью избавились от умственно неполноценных, не обращая внимания на физическое совершенство, на возраст и пол, на мольбы и просьбы. Это был тот самый случай, когда с меньшинством обращались сурово, дабы не пострадало большинство. Такой выход гораздо гуманнее, нежели просто умерщвление безнадежно больных, да и совесть остается спокойной.

Таким образом, Землю заселили изгоями черных меркурианцев, смуглых венерианцев и белых марсиан. Плюс желтая раса аборигенов, не подвергавшаяся чистке и, стало быть, имеющая в своих рядах как нормальных, так и ненормальных. Можно спорить, как данная чистка сказалась на желтой расе, являющейся единственной чисто земной. Может быть, с нею сыграли дурную шутку, а может быть, случившееся пошло ей на пользу. Только время могло рассудить. Но вот теперь припомните тот факт, о котором вы упоминали и который я просил вас приберечь к концу беседы. Не случайно именно в Китае появилась первая земная цивилизация, поскольку именно там соблюдался здоровый баланс между нормальными и ненормальными. Все остальные народы, повинувшись решению психотрона, оказывались полностью или частично безумными и остаются таковыми по сей день!

— У любого, оказавшегося в их числе, появлялся достаточно веский повод к самоубийству, — предположил Армстронг. — Даже психу не понравится, если ему сказать, что он неизлечимый сумасшедший.

— Замечено вовремя, но ошибочно, — возразил Линдл. — Как я вам уже поведал, лишь немногие знали истину. Неведение — благо. Во-вторых, множество прошедших веков породили факт колоссального значения, факт, дающий повод к оптимизму и подтверждаю-

ший справедливость произведенной чистки,— благоразумие является доминантой развития.

— Вот как?

— Да, благоразумие торжествует,— настаивал Линдл.— С течением времени поколения сменяли поколения, и умственная неполноценность ослабевала и вымирала, пока в один прекрасный день благоразумие не взяло верх. Орды умственно отсталых не пошли по другому пути развития, а остались на тропе далеких предков. Они движутся тем же путем, лишь слегка отстают. Но когда-нибудь догонят! — Он многозначительно посмотрел на слушателя, прежде чем продолжить.

— Но великое несчастье настоящего времени заключается в том, что догоняют они посредством науки — особенно посредством астронавтики. И появляется угроза их вторжения в жилища богов, в то время как сами они еще не приблизились к божественному образу. Они развивают в себе мозг нор-мана, оставаясь еще в стадии гу-мана. Они жаждут получить в этой гонке приз, который пока предназначен не для них. И пока нам удастся удерживать землян от космических завоеваний, марсиане, меркурианцы и венерианцы могут не бояться появления старой проблемы.

— Как только не стыдно! — сказал Армстронг.

— А почему должно быть стыдно? — резко спросил Линдл.— Вы сами подумайте. Ведь прежде всего вы считаете себя американцем, а уж затем землянином и только благодаря внушению верите в Санта-Клауса или какого-нибудь Братца Кролика. А на самом деле вы белый, разумный, настоящий марсианин! Так в какую же сторону должна быть направлена ваша лояльность?

— Ну, на этот вопрос мне легко ответить,— огрызнулся Армстронг.— Что для меня сделал Марс, чтобы я был ему обязан?

— Он сделал для вас очень многое! Во-первых, Марс даровал вам жизнь, поскольку без него вас попросту не было бы. Вы живы лишь потому, что ваших предков отправили в ссылку, вместо того чтобы умертвить. Если бы чистка производилась так, как это делается каким-нибудь земным маньяком, вы бы попросту не родились!

— Но...

— И во-вторых,— не замолкал Линдл,— замаскированным вмешательством в земные дела марсиане немало способствовали росту благоразумия на этой планете. И это означает, что вы живете в мире не столь безнадежно безумном, каким он мог бы быть.

— Вмешательством? — Армстронг вопросительно посмотрел на Линдла.— Что вы имеете в виду под *вмешательствами*? Мне-то показалось, что нас здесь просто бросили и забыли, вы ведь так говорили?

— После совершения чистки о вас не совсем забыли. Для тех, кто был заинтересован в прогрессе несчастных безумцев, визиты сюда не были запрещены. Сюда изредка прибывали широко мыслящие существа и делали, что могли. Супермиссионеры! Многих из них помнят и по сей день. Например, Гуатам Буда с севера Венеры. Его звали Буддой! Их учения в дни славы двигали горами, несмотря на тот факт, что мысли их искажались и не до конца понимались. И по сей день их деятельность является таинством для толпы, а незначительные демонстрации высокоразвитой науки выглядят чудесами. Они спускались на Землю в огненных столбах и отбывали на небеса в пылающих колесницах!

— Вы хотите сказать...

Линдл кивнул:

— Да, я имею в виду всех великих, о которых вы подумали. Кроме, пожалуй, Конфуция, который выражал естественную мудрость уроженца Земли, неочищенную, но разумную. А почти все остальные...— Он ненадолго умолк.— Большинство разумных земных учеников знают, что чудес не существует. Когда Иисус общался с говорящим Мемноном, то эта величественная статуя всего лишь издавала резонирующий звук, потому что Иисус ударял по соответствующей струне. Когда Магомет двигал камень Кааба, он всего лишь его телепортировал.

Но ни демонстрация явлений высокоразвитой науки, ни обучение этике не может вернуть разум безумцу; и разумеется, вокруг всех этих явлений безумцы создавали свои соперничающие культы, что только добавляло вражды, длящейся и по настоящее время. И потому шестнадцать или семнадцать веков назад с этой практикой пришлось покончить, заменив ее более тайными

формами работы. И теперь, в нынешней критической ситуации, марсиане, венерианцы и меркурианцы более озабочены защитой себя от космической экспансии землян, нежели помощью им в психологическом и социологическом плане.

— Чрезвычайно интересно,— признал Армстронг. Он откинулся на спинку кресла и вытянул длинные ноги.— Как повествование, оно обладает занимательностью и достоверностью сказки «Машенька и три медведя».— Подтянув ноги, он встал.— Хотя лично я мог бы и усилить эффект. Я добавил бы сюда драматическое восклицание в конце: «Берегитесь! Я — марсианин!»

— Но я действительно являюсь таковым,— горячо ответил Линдл.— Как и вы! По рождению я землянин. Но по ощущениям и лояльности — марсианин. Я не призываю вас немедленно начать смотреть на мир моими глазами, но я по крайней мере посеял соответствующие семена в ваших мыслях, и рано или поздно они дадут всходы. Нравится вам или нет, но вы не сможете больше упрямо настаивать на приверженности земному духу и с пренебрежением относиться к существам более высокоразвитым. Вы, как и прочие разумные, являетесь зрителем в доме для душевнобольных, и ваш долг — не позволять самым ловким и решительным из них сбежать, перебравшись через стену.

— Мой долг? Кто это сказал?

— Не я. И никто другой. Вы сами в подсознании говорите это, если уже не сказали! Ведь вы же существо разумное и должны вести себя разумно! — Он встал с кресла, оказавшись столь же высоким, как и Армстронг. И обликом он скорее напоминал процветающего адвоката, нежели известного политика.— А теперь вы свободно можете идти, мистер Армстронг.

— А вы очень уверены в себе, не так ли? Покушение на свободу личности является уголовным делом, по которому составляется обвинительный акт, насколько я помню закон. Вы уверены, что я не доставлю вам массу неприятностей, выйдя отсюда?

Подойдя к двери, Линдл распахнул ее:

— Даю вам честное слово, что те же самые слова произнес и я, когда отпускали *меня*. То же говорили и сотни других. А после соответствующих размышлений

возвращались. Мы обладаем силой потому, что нас ищут, к нам тянутся по собственной воле. Вы пока этого не понимаете. Причина же примерно та же, которая собирает перелетных птиц вместе, притягивает друг к другу похожих людей. Можете назвать это психогравитацией. Выходцы из других миров называют это телесимпатией.

— Я бы назвал это стадным инстинктом, — хмуро отозвался Армстронг. — При этом я слон, блуждающий в одиночку!

Линдл усмехнулся:

— Характерной чертой людей разумных является их неспособность не думать. Они получают удовольствие от мыслительного процесса, который и боли при этом не доставляет. Они думают, думают и думают — настойчиво и решительно. И оторвать их от этого занятия невозможно. И наконец они постигают смысл их права на членство в «Норман-клубе». Они так и цепляются друг за друга. Так что до встречи. — Он радушно взмахнул рукой, указывая на выход: — Там вас ждет свобода, мистер Армстронг, свобода вернуться в сумасшедший дом! — Глаза его странно сверкнули. — И посмотрим, как вам понравится дом для душевнобольных *теперь!*

Армстронг смотрел на него задумчиво и слегка раздраженно. Покусывая нижнюю губу, он сражался со своими эмоциями, толкающими его сказать то, что холодный ум не желал облекать в слова. Наконец он пробормотал:

— Хорошо. Мне надо собраться с силами. И в следующий раз мы встретимся совсем на другой территории. — Он угрожающе придвинулся к Линдлу: — Берегитесь!

С этими словами он удалился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мириэм неторопливо печатала на машинке, когда дверь с треском распахнулась, и Армстронг, не задерживаясь, лишь что-то сердито буркнув, проследовал через ее комнату. Подвергнув такому же обращению и дверь в кабинет Хансена, так что задребезжали стекла, он ворвался внутрь, как разъяренный носорог, с грохотом

захлопнул за собой дверь, уселся и злобно уставился на угрюмого агента.

— Хороший же из тебя охранник!

Хансен слегка приподнял левую бровь. Сунув руку в ящик стола, он извлек оттуда какую-то бумагу и без слов бросил ее через стол. Армстронг подхватил ее и стал читать.

Там было написано:

Ты мне не понадобишься. Предстоит просто детская забава. Тебе не стоит попусту тратить время. Позвоню, когда понадобишься вновь. Джон Дж. Армстронг.

— И подпись твоя, — многозначительно сказал Хансен. — Я дважды проверил. Я даже Сиду отправил для этого в полицию. Он подтвердил, что это твой почерк и подпись.

— Когда и где ты получил эту бумагу?

— Час спустя после того, как ты вошел в ту дыру. Я находился в закусочной через дорогу. Четвертый столик слева, считая от двери, то есть там, где ты мне и велел находиться. Тот отставной генерал, что работает швейцаром при «Норман-клубе», перешел через дорогу, подошел прямо к моему столику, протянул конверт и сказал: «Послание от мистера Армстронга».

— Я ничего об этом не знаю, — процедил Армстронг с нескрываемым отвращением отшвырнув записку.

— Когда я прочитал ее, — продолжал Хансен, — то сравнил подпись с той, которую ношу в бумажнике. Подпись выглядела как настоящая. Поэтому я показал ее Сиду. Он сказал, что она и есть настоящая. Не настолько уж я глуп, чтобы попасться на уловку. Но об уловке не могло быть и речи! Записку писал *ты*! — Он сокрушенно развел руками. — Мне ничего не оставалось, как собрать вещички и умотать восвояси.

— Тем не менее я ее не писал.

Хансен глубоко вздохнул:

— Значит, времена чудес еще не прошли. — Он убрал послание. — Я думаю, тебе следует отнести ее в твой банк. Там кассир сравнит подписи, и ты сам согласишься в чудеса.

Вновь взяв записку, Армстронг сложил ее и спрятал в карман.

— Я сам все проверю. Если ее действительно писал я, то, значит, под их диктовку, в бессознательном состоянии или не знаю как еще.

— О, так ты был без сознания?

— Я вошел прямо в клуб, меня там приняли как полагается, и я распластался на полу. И все это в течение пяти минут. Я изображал из себя мешок с орехами, пока ты просиживал задницу и слушал пиканье бипера. Его они тоже обнаружили. О бипере знали только ты и я, а я им о нем не рассказывал.— Он наклонился вперед, уперев ладони в колени: — Это сделал *ты*?

— Разумеется, я! Кто же еще? Я всегда так поступаю! Зачем мне деньги? Я лучше наплюю клиенту в лицо и подумаю, как бы мне побыстрее оказаться банкротом! — гневно воскликнул он.— Ведь если ты мог писать записки во сне, то точно так же мог отвечать и на вопросы.

— Вопросы! — простонал Армстронг.— Я ответил на миллионы вопросов.

— Вот видишь!

— Может быть, я действительно наговорил слишком много. Я не знаю, о чем я рассказывал, что писал или что делал, и даже не знаю, как они смогли меня заставить всем этим заниматься.— Он огляделся: — Где бипер?

— В сейфе. Миризм отдаст, когда ты пойдешь домой. Эта пищалка продолжала пикать в течение четырех часов после моего возвращения сюда. И каждый раз показывала разное направление. В конце концов показала за реку, в направлении Нью-Джерси, и на этом заткнулась.

— Точно, я и оказался на другой стороне, в Джерси-Сити, когда меня выпустили.

Хансен внимательно оглядел его:

— Ты отсутствовал четыре дня, и, похоже, помимо всего прочего тебя еще и здорово напугали.

— Напугали! — Армстронг мрачно задумался.— Я подозревал, что отомстить им будет нелегко, но все же ради забавы обратился к копам, когда ноги стали мне повиноваться. И мне сообщили именно то, что я и ожидал. Место моего заточения известно копам как клиника для душевнобольных. Содержится она на благотворительные отчисления «Норман-клуба». А о клубах известно только то, что членами их состоят самые влиятельные люди. В свое время к ним в полицию обращались около двадцати невротиков с жалобами на незаконное помещение в клинику. Шестнадцать из них успокоились и больше в полиции не появлялись. Чет-

веро оказались понастырнее, настаивали на своих заявлениях и тратили большие деньги, но дела свои проигрывали. Слишком много известных адвокатов и высокопоставленных свидетелей камня на камне не оставляли от их доказательств. Кроме того, они несли какую-то чушь о болтающихся по улицам марсианах, а любой суд понимает, что если парень верит в марсиан, то свидетель из него ненадежный.

— Марсиане? — поднял брови Хансен.

— Вот именно! — Армстронг одарил его взглядом, исполненным мрачного удовлетворения. — Ты марсианин, и я марсианин. И Мириэм марсианин, вернее, марсианка. Ты вовсе не от мира сего, даже если имя тебе и не А-Ку. И «Норман-клуб» может это подтвердить.

— Чушь! — кратко высказался Хансен. — Как они могут это подтвердить? Если уж можно доказать даже это, то можно доказать все, и тогда мир превращается в сплошной сумасшедший дом.

— Так оно и есть. Мир и есть сумасшедший. Почти все сумасшедшие, кроме меня.

На бесстрастном лице Хансена промелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Слушай, что они с тобой сделали? — озабоченно спросил он. — Они что, вскрывали тебе череп и поливали обнаженный мозг пивом?

— Я тебе расскажу. И теперь уже без шуток. Произошло вот что.

И он рассказал Хансену о случившемся. На спокойное изложение ушло около часа. К тому моменту, когда он закончил, на лице агента отражалась смесь самых разных эмоций.

— Вот и все, — подвел итог Армстронг. — Если им верить, то в этом мире существуют настоящие земляне плюс потомки изгоев с Марса, Венеры и Меркурия, и почти никто из них об этом не знает. Большая их часть по-прежнему безумна в той или иной степени, но и об этом они тоже не подозревают.

— Бред! — рявкнул Хансен. — Чушь! Абракадабра! Псевдоисторическая галиматья!

— Может, так, а может, и нет. Но мне кажется, ты не понял главного. Того, что я сделал два открытия и они меня встревожили.

— Какие же?

— Во-первых, саботаж запуска ракет осуществляется разными методами, иначе бы причины уже установили. Во-вторых, саботаж осуществляется членами «Норман-клуба» различных национальностей, считающих себя русскими, английскими, французскими и какими угодно марсианами. Но в первую очередь они считают себя марсианами, венерианцами и меркурианцами и только во вторую — англичанами, русскими или португальцами. — Он помолчал, уставившись в пустоту. — Нет сомнений, что если ракета строилась в Индии, то руку к ее провалу приложили бы индовенерианцы. В Африке саботажем занялись бы афромеркурианцы. Мы противостоим могущественной и безжалостной организации мирового масштаба. И пусть их вера зиждется на галиматье, однако результат от этого не меняется. А нам надо придумать способ испортить их игру.

— Но почему об этом должны беспокоиться мы? — Хансен извлек из ящика стола бутылку бурбона и надолго к ней приложился. Опустив бутылку, он выдохнул: «Уф!», крикнул и вытер рот. — Если один сумасшедший желает взлететь в космос, а другой сумасшедший препятствует ему, почему бы не позволить им самим разбираться с этим делом? Даже если кто-то и доберется до Венеры, на моем счету и десяти центов не прибавится.

— Это в тебе бурбон говорит, — сурово посмотрел на него Армстронг. — Ты не привык пить. Иначе не забыл бы, что плачу тебе я, плачу за помощь в этом деле.

— Да, — нехотя признал Хансен. — Тут ты прав. Так что слово за тобой.

— Ну так, значит, отставь бутылку и слушай сюда. Этот эпизод с «Норман-клубом» открыл мне глаза на существование огромного болота. Но этого мне мало. Я двигаюсь по этому болоту, прыгая с кочки на кочку, и мне не хочется, чтобы они ушли у меня из-под ног.

— Ты имеешь в виду гибель Мэндла и Маршалла?

— Это и кое-что другое. Например, кто обыскивал мои квартиру и лабораторию и зачем. Кто, например, этот светловолосый? Что он затевает сейчас? Что ищет?

Хансен медленно положил руки на стол и встал, сузив глаза. Лицо его напряглось. Посмотрев на него, Армстронг уперся ногами в ковер и напрягся.

Тихий вкрадчивый голос позади него произнес:

— Сальто назад вам не поможет, мистер Армстронг. Прошу вас, расслабьтесь. А вы, мистер Хансен, будьте любезны, присядьте.

Послышался щелчок закрывающейся двери, и в поле зрения осторожно повернувшего голову Армстронга появились три человека. Он узнал их всех. Сначала светловолосого. Затем сухощавого типа, который обыскивал лабораторию. Третьим оказался один из двух мужчин, выдававших себя за агентов ФБР.

Светловолосый и сухощавый держали в руках те самые странные, похожие на фонарики предметы, один из которых зафиксировала на пленке скрытая камера. Третий держал руки в карманах.

Спокойно продефилировав по комнате, светловолосый присел на угол стола Хансена, устроился вполоборота к агенту и невозмутимо заговорил, обращаясь к Армстронгу:

— Я надеюсь, что вы не станете совершать глупые или опрометчивые поступки, тем более что вы человек разумный.

— Если эта штука, которую ты держишь в руке, убивает, то преимущество на твоей стороне,— ответил Армстронг.— И спорить не приходится.

— Меня весьма заинтересовал ваш визит в «Норман-клуб»,— продолжал светловолосый.— Эффективность вашей дедукции делает вам честь.

— Благодарю. Вы даже не представляете, как мне приятно.

— Заслуживает похвалы и мистер Хансен — за оказанную поддержку.

— Да вы с ума сошли! — выдохнул Хансен.— Что вы сделали с Мириэм?

— С ней все в полном порядке. У нее гости. Уверю, никто не желает ей зла.— Холодные светло-голубые глаза неотрывно и не мигая всматривались в Армстронга.— Было очень приятно узнать, что вы оказались человеком в своем уме, но еще больше поразило нас ваше желание уступить под давлением сообщенных вам фактов и ваша решимость продолжать противостояние «Норман-клубу». Такая реакция необычна и не может не восхищать.

— Если вы столько знаете, значит, где-то тут вы установили микрофон.

— Есть такой. Под календарем мистера Хансена. Жаль, что он оказался замешанным в этой истории, но это не его вина — он же не мог заподозрить, что ему поставили микрофон. Разумеется, точно так же мы оборудовали вашу квартиру и лабораторию, поскольку неизвестно, где вам придет в голову высказываться о сокровенном.

— Вы весьма предусмотрительны.

— У нас такая привычка — быть предусмотрительными.

— У нас?

— На такие приманки я не ловлюсь, мистер Армстронг. Так можете считать, что мы — это я и мои товарищи здесь. — Он криво улыбнулся, но в холодных глазах по-прежнему ничего не отражалось. — Но мы здесь не для того, чтобы обмениваться комплиментами. Мы здесь потому, что нам нравится занятая вами позиция относительно ракетных экспериментов, учитывая то, что вам стало известно сейчас. И, несмотря на эти новые знания, несмотря на противоположное мнение «Норман-клуба», вы по-прежнему будете ратовать за космические полеты, и, по-вашему, чем скорее они осуществляются, тем лучше?

— Так точно.

— Почему?

— А не заняться ли вам своими делами? — предложил Армстронг.

— Но это и есть наше дело, и мы намерены именно им и заниматься. Нам тоже нужны по возможности быстрые космические завоевания.

— И кто должен начинать? — Он проницательно посмотрел на светловолосого. — Американцы, русские, эскимосы или еще кто-то?

— Земляне. Любые земляне. Национальность нам безразлична.

— О, да вы человек, широко мыслящий. Если вы еще и в баню регулярно ходите, то я просто влюблен в вас. Вы что, анархисты?

Светловолосый оставался все таким же холодным и спокойным и вновь не попался на удочку.

— Меня не интересует ни один из земных измов, будь то политический или религиозный. Я родился на Марсе.

— Да у вас шарики за ролики заехали,— сказал Армстронг.— Вы спятили.

— Вполне возможно. Именно поэтому мы здесь и оказались. Психотрон всех нас считает сумасшедшими. Вот почему мы торчим на этой вшивой планете. Вот почему мы хотим вырваться в космос! — Он наклонился вперед. Глаза его слегка потеплели.— Как только ворота этого шлюза распахнутся, нам несложно будет договориться, кто где будет жить.

— Какая-то пьяная болтовня. Чушь. Во-первых, великая и полная чистка произошла давным-давно, и, следовательно...

— Она и оказалась полной,— прервал его светловолосый,— но отдельные редкие случаи все же возникают в сменяющих друг друга поколениях, и, как только такой индивидум обнаруживается, от него тут же избавляются. И время от времени они появляются тут — принцесса Карибу, Каспар Хаузер, Человек Без Имени и так далее.

— Во-вторых,— не сдавался Армстронг,— ни один идиот не станет похвастаться своим идиотизмом, не преследуя при этом скрытых целей. Какова ваша?

— А как вы думаете?

— Я думаю, что вы пытаетесь надуть меня. Выставляя стремление к полетам в космос как цель явных дебилов, вы тем самым пытаетесь восстановить меня против этих полетов. Именно этим путем хочет меня направить «Норман-клуб»! И я думаю, что с вашей помощью «Норман-клуб» обрабатывает меня под другим углом. Одного я не могу понять. Почему вы и они считаете меня столь важной персоной?

— Ваши предположения совершенно неверны. Мы уж скорее откажемся от положения индийских магараджей, лишь бы увидеть, как вся эта нор-манская организация взлетит на воздух. Ваша же ценность заключается в той информации, которую вы раскопали и в которой мы чрезвычайно заинтересованы.— Он медленно принялся раскачивать ногой, ударяя каблуком в стол. Но похожее на фонарик оружие он держал крепко.— Я не

могу заставить вас поверить в то, во что вы решительно отказываетесь верить. И если наряду с нежеланием верить в незыблемые факты вы отказываетесь и отдать нам то, чем владеете,— он взмахнул фонариком,— мы заберем его любым доступным способом.

— Послушайте, мы ведь не детектив смотрим,— напомнил ему Армстронг.— Что заберете?

— Информацию.

— Какую информацию?

— Не разыгрывайте из себя болвана! — не выдержал светловолосый.— Вы прекрасно знаете, что нам нужна информация, касающаяся ракет номер девятнадцать и двадцать.

— А! — сказал Армстронг, пытаясь ничем не выдать своего удивления.— Ах это! Вынужден сообщить, что я ее спрятал.

— Где?

— Под статуей Свободы.

— Это не смешно.— Светловолосый слез со стола и выпрямился во весь рост. Двое его приятелей напряглись.— Но мы умеем обращаться с такими упрямыми, как вы. Даем вам ровно минуту...

Последние слова его утонули в грохоте, неожиданно раздавшемся в соседней комнате. Дверь с грохотом распахнулась, послышался тяжелый топот ног, пронзительно взвизгнула Мириэм, и тут же один за другим прозвучали четыре выстрела. Стекло в двери Хансена разлетелось осколками во все стороны от крупнокалиберной пули, которая впиалась в ножку письменного стола. В тот же момент Армстронг быстро развернулся в кресле и ударом ноги по запястью светловолосого отправил фонарик по дуге на ковер.

Так и не встав с кресла, он протянул свои лапы к светловолосому и подтянул его к себе. Силы оказались слишком не равны, чтобы малый захотел оказывать сопротивление. Ухватив его покрепче, Армстронг взревел, как голодный медведь.

Потом откуда-то из области живота Хансена грянул выстрел, сверкнуло пламя, и Армстронг увидел, как темные глаза агента внимательно наблюдают за сухощавым, который вдруг начал кланяться, как японский генерал.

Позади, у двери, грянули еще два выстрела. Но, не обращая никакого внимания на происходящее и на отчаянное сопротивление жертвы, Армстронг врезал сначала светловолосому по затылку, а затем отвесил затрещину по искажившемуся от боли лицу. Голова светловолосого дернулась взад-вперед, и раздался хруст, словно сломалась палка. Парень осел на пол.

Тяжело дыша, Армстронг вскочил на ноги. Потирая руки, он посмотрел на еще дергающееся тело.

— Черт побери, да я ему шею сломал! — Он обвел комнату изумленным взглядом и увидел Хансена, застывшего с автоматическим пистолетом в правой руке.

В дверь заглядывал коренастый помощник Хансена, Пит, из-за плеча которого выглядывали двое раскрывших рты полицейских в форме. Сухощавый неподвижно лежал на полу, а третий налетчик сидел в углу, и вместо его левого глаза на мир смотрела зияющая дыра.

— Похоже, мы перестарались, — пробормотал Пит. — Эти парни теперь нам ничего не расскажут. — Войдя в комнату, он ткнул сухощавого носком ботинка. — Бесполезен, как выпитая на прошлой неделе бутылка.

Медленно положив пистолет на стол, Хансен посмотрел на полицейских и указал на телефон.

— Можете воспользоваться, если хотите. Заодно неплохо бы сообщить и в ФБР — их этот рыжий труп тоже интересует. — Устало посмотрев на полицейского, взявшегося за аппарат, он повернулся к помощнику: — Прекрасная работа, Пит.

— Эй, что ты имеешь в виду, говоря о прекрасной работе? — требовательно спросил Армстронг, приходя в себя. Краем глаза следя за полицейскими, он осторожно шагнул вперед и ногой отправил фонарик светловолосого с глаз долой, под стол. — Так ты знал, что ему придется вмешаться?

— Не знал, но надеялся.

— Растолкуй.

— Видишь ли, у меня свой стиль работы. И когда получил твою записку, я собрался и отвалил, как и рассказывал тебе. Но Пит остался. Затем его сменил другой парень. И держал то место под наблюдением, пока ты здесь не появился, но вот об этом я тебе еще не рассказывал. Мои наблюдатели получили приказ

следовать за тобой, когда бы ты ни вышел оттуда, и идти за тобой туда, куда ты пойдешь. Но они потеряли тебя, когда блипер перестал пикать.

— И что же?

— А то, что я находился в закуской,— вмешался Пит.— Мириэм позвонила туда и сказала, что ты только что пришел. Я вышел из закуской, прибыл сюда и послонялся по улице, ожидая, пока ты выйдешь, чтобы следовать за тобой. И вдруг увидел этих разбойников и узнал малого с Кипарисовых Холмов. Этого мне хватило — я вызвал полицейских, и мы примчались. Вот и все.

— Вот и все,— эхом отозвался Армстронг.— Несколько выстрелов, три труп — и черта с два мы узнали ответы на наши вопросы! Ох и везет же нам! — Он задумчиво прошелся по ковру, задел ногой мусорную корзину, отчего та перевернулась. Выругавшись, он нагнулся и принялся методично собирать мусор. При этом фонарик, не замеченный полицейскими, оказался у него в кармане.

Закончив разговор по видеофону, полицейский сказал:

— Они выезжают.— Заметив лежащий возле сухощавого предмет, похожий на фонарик, он подобрал его, настороженно осмотрел и сказал, обращаясь к Питу: — Это та самая пикалка, о которой ты нас предупреждал? А на вид ничего страшного. Просто фонарик.

— А ты попробуй его на себе,— предложил Пит.— Гарантирую тебе незабываемые впечатления.

— Хм! — скептически сказал коп и положил предмет на стол. Подойдя к третьему телу, расположившемуся в углу, он обыскал его, обнаружил еще один фонарик и положил его рядом с первым.

Придя к определенному заключению при виде этой картины, второй коп вышел в приемную и вернулся с третьим фонариком. Ткнув большим пальцем назад, через плечо, он сказал:

— Прямо в лоб угодил. Прекрасный выстрел, скажу без похвалы. Я пока еще в хорошей форме.

Хансен взвыл:

— Мириэм!

— С ней ничего не случилось,— сообщил ему Пит.— Она схватила шляпку и сбежала, как только мы появились. Она летела со всех ног. У нее случилась историка.

— Истерика,— поправил Армстронг.

— Точно, историка,— согласился Пит. Он кивнул в сторону Хансена: — Она что-то такое говорила относительно его предков.

— Ничего, переживет,— спокойно сказал Хансен.— Утром вернется. Я же плачу ей за работу, не так ли?

— Ну, может, она думает, что ей платят не за то, чтобы она тут загнулась,— предположил Пит.

— Я тоже так думаю,— огрызнулся Хансен. Он повернулся к входным дверям:— Ну вот, целый взвод пожаловал.

Тяжело и торопливо топая, ворвались визитеры: два человека в гражданской одежде, фотограф, медик, эксперт по отпечаткам пальцев и тот самый полицейский капитан, что занимался расследованием гибели Кларка Маршалла.

Увидев Армстронга, капитан воскликнул:

— Вы только посмотрите, кто тут у нас! Опять фильм снимали?

— На этот раз нет.

— Жаль.— Он оглядел комнату.— Три жмурика здесь и один в соседней комнате. Мертвее мертвого! И как прикажете выбивать показания из мертвецов? — Он беспомощно пожал плечами.— Ну ладно, перейдем к делу. Что тут произошло?

Армстронг, выбирая слова, заговорил:

— Я сидел тут и консультировался с моим агентом, когда ворвалась эта толпа и принялась требовать у меня информацию, которой, к несчастью, я не обладал. По непонятным мне причинам они продолжали настаивать на своем, считая, что я молчу из упрямства. Пит, который болтался на улице, видел, как они входили, узнал их, вспомнил, что их разыскивают, и вызвал двух полицейских. Те прибыли как раз в тот момент, когда ребята собирались обойтись с нами круто. Немного постреляли. На все ушло меньше минуты. Что получилось — вы видите.

— Ладно, как предварительная версия принимается, хотя, судя по всему, девять десятых вы упустили. Например, какую информацию они от вас требовали?

— Подробности, касающиеся строительства последних наших ракет.

— О! — выдохнул капитан. — Тогда сто к одному, что парни — иностранцы. И мы вряд ли их идентифицируем. А значит, это работа для ФБР. Позвоню-ка я им.

— Их уже вызвали. Они едут.

— О'кей. Делаем свое дело и отваливаем. А они пусть занимаются своей работой.

Капитан начал распоряжаться. Десять минут спустя прибыли люди из ФБР. Их было четверо. Трое присоединились к полицейским. Четвертый подозвал к себе Армстронга:

— Я отвезу вас в штаб-квартиру.

Когда они оказались там, Армстронг предстал перед тем самым широколицым чиновником, который расспрашивал его о Клер Мэндл.

— Итак, вашим друзьям пришлось туго, мистер Армстронг. Что случилось?

Армстронг вкратце рассказал, сообщил то же самое, что выложил и полицейскому капитану.

Чиновник на минуту задумался, затем спросил:

— А что именно они хотели узнать о ракетах?

— Они требовали подробности, касающиеся строительства ракет номер девятнадцать и двадцать.

— Насколько мне известно, строительство девятнадцатой во Франции даже еще и не начиналось. А кто будет строить двадцатую — вообще неизвестно. Может быть, и мы, если восемнадцатая тоже взорвется.

— Ваше умение владеть лицом впечатляет, — сообщил ему Армстронг.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вы мне так ничего и не сказали.

Чиновник изобразил вежливое недоумение:

— А что я должен был сказать?

— Да нет, пожалуйста, лгите, если хотите, — раздраженно проворчал Армстронг. — Только я-то сразу это чувствую.

— Вы меня заинтриговали. Даже представить себе не могу, о чем, по вашему мнению, я умалчиваю. Но уж коли до того дошло, то и вы не очень разговорчивы. Вы не рассказали мне и четверти из того, что знаете.

— Так, значит, зуб за зуб.

— Да, — согласился чиновник. — Может быть, и так. Но вы, похоже, не видите различия в наших позициях.

Вы как свободный гражданин, ни в чем не обвиняемый, можете рассказать столько, сколько захотите. Я же могу выкладывать лишь то, что разрешено мне моим начальством. И разумеется, такое разрешение не диктуется желанием удовлетворить ваше любопытство.— Он постучал пальцем по столу, подчеркивая значимость своих слов.— Но если вы сочтете возможным поделиться с нами той информацией, о которой, очевидно, умалчиваете, то и мы тоже, учитывая вашу важную роль в этом деле, вполне возможно, отнесемся к вам с большим доверием.

— Я хотел бы подумать.

Чиновник жестом выразил легкое нетерпение:

— Послушайте, дружище, это не та проблема, которая требует долгого и тщательного размышления. К тому же это ваш долг. Банда иностранцев вмешивается в наши ракетные дела. Разве это не повод для американского гражданина вспомнить о своем долге и...

— Только не надо рассказывать мне о долге! — резко прервал его Армстронг.— Ситуация вышла на такой уровень, что тут каждый человек уже сам для себя решает, в чем его долг, и при этом он вовсе не обязан прислушиваться к тому, на что толкают его те квазипатриоты, чья лояльность устремлена к месту, расположенному отсюда на расстоянии в шестьдесят миллионов миль.

— Шестьдесят миллионов миль! — присвистнул чиновник.— Бред какой-то!

— Точно, братец,— согласился Армстронг.— Такой же бред, как и почитание индусами священных коров. А то, что биржевой брокер свой бумажник ценит больше родной матери, не бред? А то...

— Вы что, издеваетесь надо мной? — Лицо чиновника окаменело.

— Я издеваюсь над людьми, подобными сенаторам Линдлу и Уомерсли, и над целой толпой их могущественных и влиятельных друзей. Солидные, надежные граждане, которые отдают честь флагу и поют национальный гимн, и в это же самое время спят и видят, как все американские ракеты взрываются.

— Это официальное обвинение, выдвинутое против сенаторов Линдла и Уомерсли?

— Воспринимайте как знаете.— Армстронг поднялся.— Но если копнете глубже, то наткнетесь на богатые залежи. Если, конечно, какое-нибудь высокопоставленное лицо вообще не запретит вам копать!

Сжав губы, чиновник ударил по кнопке звонка вызова. Появившемуся типу он сказал:

— Пожалуйста, проводите мистера Армстронга на выход.

Лицо его отражало задумчивость, смешанную со злостью.

Армстронг улыбнулся про себя, повернулся и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Оказавшись у дверей своей квартиры, Армстронг осторожно открыл замок, вошел внутрь и внимательно огляделся. Зная о встроенном микрофоне, он довольно быстро отыскал его. Местечко, выбранное для микрофона, делало честь специалисту — стоваттную лампочку выкрутили из прикроватного абажура, а на ее место вставили другую, более сложную по конструкции. Лишь сняв абажур, он обнаружил подмену.

Выкрутив лампу из патрона, он внимательно ее осмотрел. Внутри, под обычной стеклянной оболочкой, располагалась обычная двойная спираль, зато пластиковый цоколь в два раза превышал обычные размеры.

Швырнув лампочку в камин, он на всякий случай еще и раздавил каблуком пластиковый цоколь. Тот раскололся, открыв мешанину деталей, столь сложных и крошечных, что сборка могла производиться лишь под увеличительным стеклом и лишь искусным мастером! Главные нити накаливания обегали устройство по бокам, напрямую с ним не соединяясь, и подпитка микрофона осуществлялась с помощью блестящего паукоподобного блока питания размером с кнопку, удерживающего одну из нитей.

Поскольку провода, связывающие подслушивающее устройство с далеким слушателем, отсутствовали, оставалось предполагать, что аппарат преобразует звуковые колебания в радиочастотные. Без тестирования в лабораторных условиях невозможно было точно установить

дальность действия прибора, но Армстронг на глаз определил ее ярдов в двести. Микроскопичность схемы не позволяла тщательно ее рассмотреть, но все же можно было сделать вывод, что это не обычный и простенький радиопередатчик, применяющийся в земной практике. Незначительные признаки выдавали в приборе неземное происхождение, поскольку термийонное управление осуществлялось кристалликом цвета розового опала, вокруг которого и лепились прочие крошечные компоненты.

Положив это загадочное устройство на стол, он вытащил из кармана предмет, похожий на фонарик и принадлежавший некогда светловолосому, и стал внимательно его разглядывать. Эта штуковина, двух дюймов в диаметре и шести в длину, имела сбоку кнопчку, а на конце — толстую линзу из прозрачного пластика. Гладкий на ощупь предмет, цвета радиевого покрытия, был довольно тяжелым.

На корпусе отсутствовали какие-либо отверстия или зажимы, а поскольку единственный открытый конец закрывала линза, то предположение о «фонарике» как о распылителе газа, явно было ошибочным. Направив оружие в открытое окно, Армстронг нажал на кнопку. Ничего не произошло — по крайней мере видимого. Не было ни звука, ни луча. Армстронг направил «фонарик» на оконное стекло. Тоже без результата. Стекло осталось целым.

Достав из ящика лист бумаги, он прикрепил его к окну, отошел к противоположной стене и прицелился в лист. Но с тем же успехом он мог бы целиться в лист бумаги и прогулочной тросточкой. Армстронг присел и задумался над этой проблемой. Вернувшись к стене, он вновь прицелился в лист и медленно двинулся вперед, не отпуская кнопку. Никаких результатов.

А может быть, эта штука служила деталью общего разыгранного спектакля? А может быть, это действительно фонарик с севшими батарейками? Быстрее всего он мог бы определиться, разобрав эту штуку на куски, но ему не хотелось поступать так, не узнав, как же она работает. Достав из ящика стола большое шестикратное увеличительное стекло, он начал внимательно разглядывать бумажный лист. В точке чуть ниже центра листа

обнаружилась отметина в форме правильного диска, диаметром примерно в одну десятую дюйма. Края диска потемнели, словно дырку прожигали.

Достав новый лист бумаги, он тщательно осмотрел его, убедившись, что никаких изъянов не существует. Установив новую мишень, он подошел к ней, нажимая кнопку, затем внимательно осмотрел. Вновь коричневый диск. Тот же цвет, тот же размер.

Десять минут времени и два десятка бумажных листов ушли на то, чтобы установить: одинаковые отметины появляются только тогда, когда мишень располагается на определенном расстоянии от «фонарика» — приблизительно пять футов и девять дюймов. Каким бы эффективным ни был этот «фонарик», он работал только на этом расстоянии. Никакого видимого эффекта не проявлялось на расстояниях, больших или меньших этого.

Закрепив очередной лист на установленной дистанции, Армстронг стал нажимать на кнопку, все время глядя на цель. Очень медленно появилось коричневое пятнышко; постепенно темнея, оно наконец стало черным, словно обуглилось, хотя при этом не показалось ни огня, ни дыма. Выключив «фонарик», Армстронг сдул с кружка пепел и задумчиво уставился на крошечное отверстие в бумажном листе. На то, чтобы сотворить такую отметину, у фонарика ушло четыре минуты и двадцать две секунды. Слишком, слишком медленно для того, чтобы претендовать на роль эффективного оружия.

Поставив на стол чашку с водой, он сунул внутрь термометр и навел на это сооружение оружие. Ртуть начала карабкаться вверх и достигла пика через семь минут, оказавшись у цифры 107 градусов по Фаренгейту, что значительно превышало нормальную температуру тела. Армстронг с головой ушел в эксперимент и принялся подвергать обработке оружием все, что приходило на ум, сожалея при этом, что не может воспользоваться оборудованием своей лаборатории в Хартфорде. Через четыре с половиной минуты «фонарик» обуглил конец сигареты, но не смог ее зажечь. Обломочек восковой свечи расплавился за семнадцать секунд. Головка спички вспыхнула через одиннадцать секунд.

Полчаса спустя он наткнулся на первую догадку, обработав «фонариком» кусочек гуммиарабика. Кусочек высох и затвердел через восемь секунд.

Складывалось впечатление, что выделение тепла в фокусной точке — явление побочное. На самом деле там концентрировалось какое-то другое поле совсем другой энергии, а терминальная реакция была лишь побочным следствием.

Следуя этой идее, а также подозрительности, развившейся за последние дни, он надрезал руку предварительно простерилизованной бритвой, выдавил несколько капель крови на шпатель и поместил его в фокус воздействия «фонарика». Красная жидкость мгновенно свернулась. Он произвел еще один такой же опыт. И получил тот же самый результат. Реакция осуществлялась в долю секунды. Заклеив небольшой порез пластырем, он выключил «фонарик», рухнул в кресло и крепко задумался.

Лежащий на столе аппарат размером два на шесть дюймов оказывался оружием огромной мощности. От последующих размышлений он начал потеть. Чем больше он думал, тем страшнее выглядело это оружие.

Если собираешься убить человека в людном месте, то револьвер или автоматический пистолет громко объявят о совершенном преступлении. С этим же дьявольским устройством можно просто пройти мимо человека и спокойно проделать свою работу так, что ничего не заподозрит ни жертва, ни окружающие. Тихо, коварно и не привлекая к себе внимания прохожих, вы отправляете человеку в сердце сгусток крови и наблюдаете, как через несколько минут он умирает от коронарного тромбоза. А можно сотворить этот сгусток и подальше от сердца, так что доберется он до сердца через день, а то и через неделю или месяц, пока не достигнет роковой точки, после чего следует коллапс и быстрая смерть.

Вытащив носовой платок, Армстронг вытер взмокший лоб. А кто знает, не успел ли светловолосый уже нажать кнопку там, в офисе Хансена? И ловкое, не замеченное никем движение большого пальца в ближайшем будущем отправит Армстронга к праотцам. И сколько еще жертв бродит по городу, не ведая, что их дни уже сочтены и счет этот смертельно короток?

И теперь, когда этот светловолосый лежит в морге с пустыми глазами, уже никак не узнать, успел ли он выписать свою месть авансом. Вряд ли даже исследование с помощью рентгеновских лучей даст ответ на эти вопросы. И ничего не остается, как просто ждать, то ли человек останется в вертикальном положении, то ли он внезапно схватится за сердце и перейдет в горизонтальное, задыхаясь, хватаясь руками за грудь и отходя в вечность.

Осознав до конца зловещее назначение «фонарика», Армстронг решил разобраться до конца с первым прибором — микрофоном. И до него неожиданно дошло, что он просмотрел вывод настолько очевидный, что его сделал бы и ребенок: микрофон не имел независимого источника питания. Энергию он получал путем индукции. Если лампа не была включена, то и микрофон не включался. И пребывал в режиме простоя до включения лампы.

Вывод напрашивался сам собой. Светловолосый и его шайка с поразительным проворством оказались в офисе Хансена. Они подслушивали, находясь совсем рядом. И вряд ли в пункте прослушивания никого не осталось. И неведомый член их шайки оставался и слушал, слушал, пока внезапный поворот событий не заставил его сбежать.

Известие о случившемся уже должно широко распространиться. Сколько бы членов в этой шайке ни оставалось, они уже должны узнать, что попытка обрести в лице Армстронга союзника стоила им трех человек. И такая новость их вряд ли обрадует. Пусть даже их взгляды на запуск ракет и совпадают, ныне он, Армстронг, зачислен ими в отряд врагов, и они не колеблясь примут соответствующие меры. Хотя бы в порядке предупреждения.

А это означало, что на первое место выступала проблема определения, где, когда и как приятели покойного светловолосого нанесут удар. И пока что он представлял собой довольно легкую добычу. Они будут подслушивать тайком, отсеивая для себя его самые значимые слова, а потом выберут время и прихватят его где-нибудь на входе или выходе, а может быть, и в этом самом месте.

Если выходить из дома — значит, напрашиваться на неприятности. Оставаться дома — его ждут те же самые неприятности. Правда, есть слабая надежда на крепкую дверь и надежный замок. Но если микрофон работает при включенной лампе, то они и не должны ничего слышать, пока светит солнце. Значит, проблемы надо решать, пока не погас дневной свет. И если действовать достаточно быстро, то можно попробовать оторваться от хвоста и отыскать какое-нибудь укромное местечко.

Последнее соображение буквально обожгло мозг. Он даже сморщился от отвращения. Бежать, подобно крысе! Искать какую-нибудь тихую дыру! Сама эта мысль оскорбляла его достоинство и приводила в ярость. Вся его суть восставала против этого унижения. Забыв о доводах разума и поддавшись накатившей волне эмоций, он решил, что не позволит сделать из себя объект погони, пока не убедится, что сам не сможет заставить их бежать. Гораздо достойнее искать убежище после того, как разделаешься с врагами. Возможно ли такое?

Может быть. Те, кто его подслушивают, прибывают на свой пост с наступлением сумерек. Скорее всего, этот пост располагается где-то в радиусе ярдов двухсот от его квартиры. Площадь не такая уж и большая. Вполне возможно обойти ее, отыскать тех, кто подслушивает, отдубасить как следует и отобрать «фонарики» и прочие неземные устройства.

Подключать к такой работе Хансена смысла не имеет. Наверняка за агентом следят столь же неотступно, как и за ним самим, и с целями столь же губительными. Если к организации ловушки привлекать людей Хансена, то это все равно что дать рекламу по видеофону.

Обратиться к полицейским?

В ФБР?

Ворчливый голос внутри него промолвил: «Ну их к черту, этих копов и ФБР! Сам сделай! Дай подслушивающим повод — они тут же устремятся навстречу!»

Вздвогнув, он схватил расколотый микрофон и внимательно его оглядел. В глазах появился блеск. Если бы он обладал детской гибкостью, то поцеловал бы сейчас свой правый каблук. Ах ты миленький каблучок, ударил по микрофону не изо всех сил! Только расколол корпус,

а внутренности, к счастью, не пострадали. И эта штука-ковина работает — только теперь уже на меня!

Часть лампы, конечно, разбита. Ну да не важно. Нет смысла соединять волоски накаливания, чтобы восстанавливать электропроводность путем последовательного соединения; у параллельной схемы сопротивление окажется низким, что и приведет к короткому замыканию, которое сыграет роль запала. Замысел был прост: вскрыть прикроватный торшер, оголить провода и присоединить их к нитям накаливания. Затем он выкрутил лампу и заменил ее стоваттной. Функционально полученная конструкция ничем не отличалась от первоначальной.

Затем он отыскал свой револьвер 38-го калибра, проверил механизм и убедился, что магазин полон. По сравнению с «фонариком» револьвер выглядел допотопным, как лук. Тем не менее и у огнестрельного оружия были свои преимущества — не обладая коварством фонарика, револьвер все же убивал гораздо быстрее. К тому же и пользоваться им было привычнее. Армстронг мог с расстояния в двадцать ярдов три раза подряд попасть в десятицентовик. И сейчас дело ему предстояло отнюдь не разговорного жанра.

Теперь оставалось самое трудное — дожждаться вечера. Армстронг бродил по квартире, расставлял вещи, переставлял их, перебирая книги, и при этом ворчал от нетерпения. Он походил на беспокойного носорога, уже почуявшего, но еще не увидевшего врага. Да и топтал он своими ножищами точно так же.

Ровно в девять он нарушил тишину, взявшись за телефон и набрав номер, правда, при отключенном аппарате. Это ничего особенного не давало, но если те, кто подслушивают, обладают достаточной смекалкой, то по щелчкам диска определяют, что набирается номер Хансена. Устроившись в мягком кресле напротив входной двери, он вступил в разговор с несуществующим собеседником.

— Хм! Хм! — Он прочистил горло, мысленно представил себе экран видеофона, посчитал про себя до четырех и сказал: — Включиться! — Выждав необходимое время, заговорил: — Привет, Хенни. Так что, копы тебя таскали? — Пауза. — Нет? А вот я разошелся во

мнениях с ФБР, и мы расстались худшими друзьями.— Пауза.— Да, плохо дело. Только как следует поразмыслив, я наконец понял, насколько оно плохо. Эти копы все нам испортили.

Посмотрев на дверь, он помолчал, затем слегка повысил голос:

— Как же так? Да ты что, совсем из ума выжил? Я жду не дождусь встречи с этими людьми — с единственными, может быть, которые могли бы мне помочь,— а их перестреляли.

Пауза. Он немного продлил ее, словно выслушивая возражения.

— Ну да, я их сам одурачил,— уныло сказал он.— Теперь вот жалею. Но в тот момент мне никто ничего не предлагал. Я бы подумал, взвесил, может быть, и пришел бы к какому-то решению.— Пауза.— Да, теперь, спустя несколько часов, я понял, что Пит и эти копы все только испортили. И я потерял контакт. Попробуй, может, тебе удастся восстановить его.— Пауза.— Да, я понимаю, но за что же я тогда тебе плачу?

Еще одна затянувшаяся пауза. Потихо, но все же отчетливо он продолжил:

— Все, о чем я прошу, так это если ты все же каким-то образом выйдешь на них, то не сообщай властям, а предоставь действовать мне. Я должен отыскать этих ребят до того, как всех нас начнут крушить по головам.— Пауза.— Хорошо, завтра увидимся.

Протянув руку, он положил трубку, откинулся на спинку кресла и уставился на дверь. Итак, вызов пошел!

Так он просидел часа три, и наконец в коридоре послышались шаги незваных гостей, а в дверь резко постучали. Армстронг встал, подошел к двери и чуть приоткрыл ее, вопросительно вглядываясь в двух мужчин, стоящих на пороге.

Первый спокойно спросил:

— Мистер Армстронг?

— Он самый.

— Просим прощения за беспокойство в столь поздний час.— Взгляд его шарил по комнате через плечо Армстронга.— Мы хотели бы с вами поболтать. Речь пойдет о событиях сегодняшнего дня, и дело не терпит отлагательств.

— Заходите.— Осторожно отступив в сторону, Армстронг наблюдал, как они входят.

Они входили легко, уверенно, друг за другом, засунув руки глубоко в карманы. Прежде чем сесть, они еще раз внимательно осмотрелись.

Закрывая дверь, Армстронг сказал:

— Надо полагать, вы из полиции?

— Вовсе нет.— Один из визитеров позволил себе ухмыльнуться.— Мы некоторым образом представляем пострадавшую сторону.

— Каким же образом?

— А это будет зависеть,— осторожно сказал второй,— от того, что мы сочтем самым существенным, учитывая их интересы на данный момент.

— Говорите вы много, но пока ничего не сказали. Может, все-таки ближе к делу?

— Именно эти самые слова я только что и собирался произнести. Совсем недавно — несколько часов назад — вы много говорили. Но тоже ничего не сказали.— Он не мигая уставился на Армстронга, который тут же заметил сходство этих светло-голубых глаз с глазами светловолосого. Однако у этого малого волосы были какого-то мышинового цвета.— И если вам действительно есть что сказать, так говорите. И сами перейдите к делу.

Армстронг угрожающе начал:

— Вы, ребята, двигаетесь по скользкой дорожке. Вторгаетесь в мою квартиру в нечестивый час, требуете, чтобы я вам что-то рассказывал, но даже не потрудились представиться. Я не из тех, кто открывает рот по команде первого попавшегося малого. Вот почему я морочил головы тем троим, которых видел сегодня днем. Прежде чем начать говорить, я должен знать, кто вы, откуда и кто вам обо мне рассказал. При этом мне нужны и доказательства.

— Выуживаем, а? — усмехнулся в ответ второй.— Стало быть, мы должны исповедаться перед тобой, как перед отцом святым, и только тогда ты благословишь нас информацией? — Ухмылка исчезла.— А у тебя крепкие нервы. Ведь ты один, а нас двое!

— Вот это меня и беспокоит,— нахмурясь, сказал Армстронг.— У нас с вами весьма интимная обстановка, а ведь мы еще не поженились.

— Смешно! — без смеха сказал второй. И оскалился: — Очень смешно! — Он глянул на компаньона, который, сидя на ручке кресла, молчал, застыв в напряженной позе. — В общем, хватит морочить нам голову, — продолжил второй. — Мы знаем, что ты вел переговоры о том, чтобы нас разыскали. Ты готов к сделке. Но у нас относительно тебя есть подозрения. И пока что твоя позиция подтверждает наши подозрения. А ведь мы все знаем, что лучший способ определить готовность пудинга — съесть его. Так что, если ты искренне намерен сотрудничать с нами, выложи нам информацию посущественнее.

— Нельзя ли поконкретнее? — проворчал Армстронг. — Время для загадок слишком позднее.

— Расскажи нам все, что знаешь, о ракетах номер девятнадцать и двадцать. — Второй бросил на Армстронга вызывающий взгляд. — И мы удовлетворимся. И станем побратимами или кем захочешь. Если же не расскажешь...

Армстронг пристрелил его на месте. Всадив подряд две пули. Малый откинулся назад, словно его огрели молотом, но особо рассматривать его было некогда. Он молниеносно обежал вокруг стола, когда второй начал вставать с ручки кресла. Рука уже появилась из кармана, и в ней блеснул «фонарик». Армстронг на бегу выстрелил, целя в запястье, промахнулся и вновь нажал на спусковой крючок. Визитер отшатнулся назад, выронил оружие, выругался, но тут же вытащил вторую руку из кармана, и в ней тоже что-то тускло блеснуло.

На этот раз размышлять над тем, что стоило бы оставить в живых хоть одного, времени не оставалось. С сожалением Армстронг всадил ему пулю на дюйм ниже линии волос. Жертва отлетела спиной к стене и сползла на пол. Рука, сжимающая тускло блеснувший предмет, разжалась. Что-то со вспышкой, сопровождаемой искрами, разлетелось по комнате, обдавая Армстронга жаром.

Армстронг застыл в нерешительности, с разинутым ртом наблюдая, как на полу образовался небольшой вулкан. В следующее мгновение послышалось шипение, как от летящего на всех парах локомотива, и вверх взметнулся столб огня. Пламя с ревом ударило в потолок. словно в квартире этажом ниже кто-то запустил

реактивный двигатель, направив сопло вверх. Рев все нарастал, так что квартира начала содрогаться, а жар заставил хозяина отскочить к дверям.

Сунув револьвер в карман, он счел за лучшее убраться подальше. Позади занялись пламенем письменный и обеденный столы. Взбежав вверх по лестнице, он попытался предупредить обитателей верхней квартиры, но дома никого не оказалось. Выше этажей не было. Теперь он мог стремительно сбежать вниз и вызвать из ближайшей телефонной будки пожарных.

Через несколько минут улицу заправили пожарные машины, полицейские и зеваки. Армстронг не стал слоняться рядом с местом события — существа разумные знают, когда надо смыться.

Быстро шагая по улице, он остановил первое попавшееся такси. Вскоре все признаки пожара остались позади. Двадцать минут заставлял Армстронг озадаченного водителя петлять, кружить, по несколько раз объезжать кварталы. Сам пассажир при этом внимательно поглядывал в зеркало заднего вида. Оказавшись в жилых кварталах, он пересел в другую машину, повторил все замысловатые петли, пересел в метро, перескакивая под землей с поезда на поезд, и только тогда удовлетворился проделанной работой.

Таким образом он оказался в нескольких кварталах от дома Билла Нортон. Армстронг шагал под полной луной, которая дразняще улыбалась ему с небес.

Нортон открыл не сразу, но наконец появился в дверях в старой пижаме и шлепанцах. Почесывая спутанные волосы, он тупо уставился на гостя.

— А, это ты! В чем дело? — Он устало махнул рукой. — В любом случае заходи. Ты что, вообще никогда не ложишься в постель?

— Нет, если меня в ней собираются поджарить. — Армстронг вошел, огляделся и с отвращением принюхался.

— Ну? — Нортон сонно посмотрел на него и с наслаждением зевнул.

— Вот я и говорю, что ложусь в постель спать, а не подвергаться кремации.

— Это понятно. — Отыскав потрепанный халат, Нортон принялся сражаться с рукавами. — Я тоже не

люблю, когда в квартире душно.— Он неуклюже затянул пояс, вновь зевнул, прикрывая ладонью рот.— Но извини меня, вряд ли я стал бы гулять по ночам, чтобы охладиться.

Армстронг свирепо сверкнул глазами:

— Да я же тебе говорю, что квартиру мою подожгли.

— Что? — Нортон наконец-то проснулся.— Ты ска- зал подожгли? Когда? Где?

— Да какая разница! — рявкнул Армстронг.— Ты же не на работе, что тебе за дело? Дай мне лучше большое одеяло и покажи какую-нибудь софу или что-нибудь в том же роде.

— Вон там свободная кровать.— Нортон указал на левую комнату.— А как же пожар?

— Спокойной ночи! — невежливо огрызнулся Арм- стронг.— А утром можешь заплатить еще за один мой бифштекс.— Он прошел в комнату, посмотрел на не- большую походную кроватку, сунул револьвер под по- душку и начал раздеваться.

Нортон, стоя в дверях, сказал:

— Ладно, утро вечера мудренее. На сегодня хватит.— Раскрыв рот, он издал протяжное «уау» и побрел прочь, при этом отвороты пижамных брюк хлестали его по лодыжкам.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Нортон растолкал его в половине восьмого утра и сердито сказал, когда Армстронг наконец открыл глаза:

— Ах ты здоровенный, уродливый, тупой болван! Задал работу восьми пожарным командам! Пол-улицы горит.

— Никто не пострадал?

— Нет. Самый большой пожар за четыре года, но на данный момент, насколько известно, никто не по- страдал.

— Спасибо и на том! — Повозившись, Армстронг натянул на себя одеяло.

Сорвав его, Нортон взвыл:

— Почему же ты мне не рассказал?

— О, Бога ради! — Армстронг вырвал у него одея- ло.— Так ты ничего не понял? Я же рассказывал тебе.

Ты же настолько заспал мозги, что не слышал и собственного храпа. А откуда ты узнал о том, что происходит?

— Позвонил в «Геральд» и спросил.

— Самый лучший способ узнавать новости, — одобрил Армстронг. — Позвонить в газету и спросить.

— Придушил бы я кое-кого! — злобно прошипел Нортон.

— Вот и я бы — тоже. У меня даже список составлен. — Закрыв глаза, он блаженно вздохнул: — Как насчет завтрака?

Согнувшись так, что чуть ли не носом уперся в лицо Армстронга, Нортон огрызнулся:

— Завтрака ты не получишь, понял? Времени у меня не было, понял? Я проспал и уже опаздываю на работу, понял? Я всегда просыпаю, когда меня ночью вытаскивают из постели, понял?

— Вот это называется радушный хозяин, — сонно пробормотал Армстронг. — Не забудь дверь закрыть, когда уйдешь. А я тут приберу перед уходом.

Одарив его злобным взглядом, Нортон проследовал в следующую комнату, обернулся у двери, все еще с хмурым выражением на лице, и натянул шляпу на уши. Затем ушел, так и не позавтракав. Оставшись в одиночестве, Армстронг прохрапел еще два часа.

Только около полудня Армстронг наконец вышел из дому. Он помылся, побрился, убрал за собой, как и обещал, и наконец удалился, проверив предварительно, надежно ли закрылась за ним дверь.

Он быстро шагал по улице, ощущая мрачное удовольствие от положения человека, за которым охотятся. В глазах этой шайки изгнанников с Марса — кем бы они ни были на самом деле — он выглядит Врагом Номер Один, с которым надо покончить быстро и решительно. Зная о его привычках, они представляют себе, где можно на него выйти: в ресторане Папазоглу, в офисе Хансена, в хартфордской лаборатории или через Клер Мэндел. Десять к одному — они полагают, что он бросится в полицию с рассказом о случившемся, а значит, они выставили посты поблизости от полицейского участка, а также у штаб-квартиры ФБР.

Но похоже, у него не было приемлемого способа рассказать о случившемся полиции и при этом избежать

ненужных расспросов. Такой рассказ, изложенный по телефону, в письменном сообщении или другим способом, неизбежно повлечет за собою требование личного его присутствия в некой точке X. А любой отказ с его стороны будет восприниматься с неудовольствием, особенно если в данный момент копы пытаются разобраться с двумя неопознанными телами. И стало быть, выбор его лежит между риском столкнуться с неприятными последствиями, отвергая сотрудничество с полицией, и необходимостью исполнить свой долг, а значит, угодить в засаду.

Если верить Нортону, то никаких тел не существует и объяснять нечего. Если это правда, то ситуация намного упрощается. Но правда ли? Или тела еще не обнаружены, или, что мало вероятно, огонь их полностью уничтожил. Или из ада пожара извлекли неустановленные личности. Существует и возможность того, что полиция обнаружила-таки эту парочку, но помалкивает до лучших времен.

Самого факта бегства с места, где прозвучали два выстрела, любому присяжному жюри из числа добропорядочных граждан хватит, чтобы составить мнение о его виновности.

Решения формулировались одно за другим. Во-первых, автомобиль придется оставить в гараже — наверняка машина под наблюдением. Во-вторых, в тот банк, куда он обычно обращается, лучше не соваться, а деньги снимать в одном из отделений. А деньги нужны, поскольку из всей его собственности у него сейчас только одежда, что на нем, да содержимое карманов.

Однако с банком все обошлось гораздо лучше, чем ожидалось. В одном из местных отделений его чек поддержали перед крошечным экраном видеофона, кассир на том конце провода подтвердил идентичность подписи и писавшего, и деньги выдали без возражений.

Обретение соответствующей суммы подняло настроение. Он угостил себя трапезой в небольшой забегаловке у Боулин-Грин, затем попытался дозвониться до офиса Хансена. Никто не отвечал. Минут через двадцать он предпринял еще одну попытку, но также без результата. И третья попытка, спустя полчаса, ничего не дала.

Армстронг задумался. И так, у Хансена в офисе никого нет, даже Миризм отсутствует. Стало быть, хитрый агент, придя к тем же умозаключениям, тоже решил скрыться с глаз окружающих по своим соображениям. Но если оба они залегли, то, чтобы отыскать друг друга, придется попотеть. А чтобы жилось еще веселей, копы наверняка скоро объявят об их розыске, дабы представить их окружному прокурору по делу светловолосого и его компании. А копы желчно относятся к свидетелям, внезапно уезжающим в отпуск.

К тому же оставалась и тема «Норман-клуба». Линдл и его помощники освободили его, Армстронга, и оставили в покое, будучи уверены, что он сам к ним вернется после раздумий. Но постепенно они должны понять, что он вовсе не собирается переходить на их сторону, а остается в упрямой оппозиции, несмотря на все их доводы. И как только они это поймут, то станут его искать. А когда его поймут, то обойдутся с тем самым коварством, после которого никто ничего даже и не заподозрит.

Пройдет совсем немного времени, и весь мир, не стовариваясь, бросится за ним в погоню. Наверняка Хансен и его люди уже сейчас пытаются установить с ним контакт. Шайка светловолосого жаждет с ним свидания более страстно, нежели Антоний стремился к Клеопатре. Завтра или послезавтра копы и ФБР объявят его в розыск. А спустя некоторое время охоту за тем, что еще от него останется, объявит и «Норман-клуб». Получается разношерстная свора гончих. Но он их заставит хорошенько побегать, отрабатывая свои денежки!

Заскочив в следующую телефонную будку, расположенную в нескольких кварталах от первой, он позвонил в Идлевилд и нанял двухместный самолет до Нью-Мехико. На придуманное им имя Томсон ему оформили небольшой реактивный самолет и дали опытного пилота. Затем он позвонил Клер Мэндл.

— Это я, — зачем-то объявил он.

— Я вижу. — Лицо ее четче проявилось на экране. — И к тому же такой серьезный!

— Да? — изобразил он удивление. — Должно быть, любовь проходит!

Она на мгновение сконфузилась, но взяла себя в руки и едко заметила:

— Я не думаю, чтобы ты позвонил просто поболтать. О чем хочешь проконсультироваться на этот раз?

Внимательно глядя на нее, он выпалил:

— О «Норман-клубе».

— А, об этом! — равнодушно сказала она.

Слегка удивленный, он фыркнул:

— Так ты *знала* о нем?

— Что ты фыркаешь на меня, как лошадь? Разумеется, знала! А кто не знал?

— Девяносто девять запятая девяносто девять процента жителей Земли, — огрызнулся он. — А что ты о нем знаешь?

— Только то, что такой клуб существует, — неопределенно ответила она. — И что его члены весьма влиятельные люди. Они даже обращались однажды к Бобу. Хотели, чтобы он тоже вступил к ним.

— И он вступил?

— Точно не знаю, но вряд ли.

— А кто за него ручался?

— Сенатор Уомерсли. — Она с любопытством посмотрела на него: — А с чего это такой внезапный интерес к этому клубу? Он что, один-единственный?

— Пожалуй, единственный, — сухо ответил он. — В этом клубе людям вышибают мозги.

Она рассмеялась:

— Вижу, они тебе здорово не нравятся.

— У меня есть на то причины! Они и меня пытались заставить присоединиться к ним, но, на мой вкус, их методы убеждения чересчур отдают диктаторством. К тому же они саботируют полеты ракет.

На ее лице эльфа проявились недоверие и скептицизм. Если такая реакция ею и сыграна, то сыграна первоклассной актрисой.

— Ерунда, — возразила она. — Неудачи преследуют ракеты уже давно. И с их запуском связан целый мир, а не одна страна.

— По странному стечению обстоятельств «Норман-клуб» также существует давно и имеет филиалы во всех странах.

— Но тогда их надо арестовывать и сажать в тюрьмы!

— Надо,— согласился он,— если бы находящиеся у власти влиятельные члены этого клуба отдали такой приказ!

— По-моему, ты сошел с ума! — поставила она диагноз.

— Я знаю. И если бы я только мог, я не стал бы сходить с ума от этих размышлений.

— Ах ты бедняга! — вздохнула она.— Беру назад свои слова, сказанные вначале. О том, что ты чересчур серьезен.

— Согласен отдать,— сказал он.— А ты меня возьмешь обратно, когда я вернусь?

— А ты уезжаешь?

— Да.— Он пристально посмотрел на нее, ожидая, что она спросит, куда он уезжает. Для него это было важно — насколько она заинтересована в цели его путешествия. И когда она наконец спросила, он нахмурился.

— Надолго?

— Как управлюсь,— уклончиво ответил он.

Она улыбнулась:

— Позвони, когда вернешься. Вполне возможно, что я буду в настроении поболтать.

— Хорошо,— сказал он.— До свидания, Клер.

Он задумчиво смотрел, как гаснет экран. Итак, она не спросила — куда. И вела себя вполне искренне. Однако же смутные подозрения оставались. Если бы она спросила, он не знал бы, как реагировать — радостно или настороженно. Все зависело от того, проявилась ли бы в ее вопросе личная заинтересованность или интересы тех, с кем она состояла в заговоре. И с точки зрения последних соображений отсутствие любопытства с ее стороны не могло не радовать. Если, конечно, она просто на два хода не опережала его, тщательно готовя ловушку.

Такси доставило его в аэропорт, где заказанный реактивный самолетик уже был готов к взлету. Пилот, худощавый, долговязый рыжий парень, усмехнулся ему из кабины обтекаемой формы и запустил турбины, расположенные по бортам фюзеляжа. Реактивные струи ударили из-под крыльев, и в воздухе запахло керосином.

Забросив в кокпит коробку с едой, Армстронг забрался туда же и скрючился на сдвоенном сиденье слева от пилота.

— Мистер Томсон? — спросил пилот.

Армстронг кивнул.

— А я капитан Оливер Мур. Ребята зовут меня Олли.— Он оценивающе оглядел коробку с едой: — Не помещается.— Взгляд его переместился на панель управления.— Больше никого не ждем?

— Влетаем,— сказал Армстронг.

Он встал на рассвете после бессонной ночи, проведенной в дешевой гостинице, и прибыл на ракетную площадку так рано, что пришлось подождать с полчаса, пока появится технический персонал. Охранников, пропускавших его в прошлый раз, сменили другие, у которых его документы вызвали сомнения. Агрессивно настроенные, они не разрешали ему пройти на территорию. Лишь появление и ручательство Куинна позволили Армстронгу ступить за главные ворота, подальше от угрюмых взглядов охраны.

— Итак, прибыл самый могучий карлик в мире! — радостно приветствовал его Куинн. Он повел Армстронга по территории.— Чему обязаны таким удовольствием, приятель?

— Просто приехал глянуть на то, что здесь происходит, да перехватить чуток свежей информации.

— Все еще идешь по следу, да? — Куинн стукнул Армстронга по мощному плечу.— Как насчет тех фамилий, что я раскопал для тебя? Разобрался с ними?

— Нет еще.

— Нет еще? — эхом отозвался Джордж Куинн.— И продолжаешь идти по следу? У конной полиции везде свои люди, а? — Он рассмеялся.— И много уже трупов устилает твой путь?

Армстронг извлек из кармана большую трубку и принялся сосать ее, не удосужившись набить табаком.

— Всего лишь восемь,— коротко сказал он.

Куинн схватился за сердце, зашатался и воскликнул:

— Я сражен наповал!

— Профессор Боб Мэндл, Кларк Маршалл и полдюжины членов некой безумной шайки,— спокойно продолжал Армстронг, шумно посасывая трубку.— Я должен быть девятым. А некий малый, по фамилии Хансен,— десятым. Если только нас поймают!

— И кто же это вас должен поймать? — вытаращил глаза Куинн.

— Я бы и сам хотел это узнать.

— Знаешь, что я тебе скажу: смерть — штука вовсе не смешная. Лично мне тоже не смешно. И если уж разговор зашел о ней...

Выхватив трубку из рта, Армстронг сообщил:

— Я тебе рассказал о восьми погибших. Но может быть, погибли и еще дюжины тех, о ком я просто не знаю. И еще многим предстоит умереть, включая и меня самого! И мне в общем наплевать, веришь ты мне или нет.— Он воткнул трубку в зубы, искривив рот.— И желательно как можно дольше держаться подальше от этой мясорубки.

Они остановились, подойдя к высокой металлической башне — недостроенной ракете, возвышавшейся темным цилиндрическим монументом. Встающее солнце окрасило один ее бок в розовый цвет. С того времени как Армстронг видел ракету в последний раз, она выросла едва ли на десять футов.

— Сделано мало,— без энтузиазма заметил Куинн.— Как видишь, установили последнее уплотнительное кольцо. Еще четыре таких кольца предстоит установить на носу. Внутри провели небольшие сварочные работы. Половину внутренностей тоже установили.

— Такими темпами она будет готова к стендовым испытаниям лишь после Рождества.

— Я и сам так думаю. Не понимаю, что происходит в Вашингтоне? Они то подгоняют нас, то вяжут по рукам и ногам. Сначала все делалось в лихорадочной спешке, затем работы свернули, оставив нас в подвешенном состоянии. Затем вновь пришпорили, теперь опять свернули. Судя по всему, они сами не знают, нужна им Венера или нет.— Он посмотрел на приятеля, ожидая комментариев, но их не последовало, и он продолжил: — Иногда мне приходит в голову, что среди политических шаек в Вашингтоне идет настоящее сра-

жение «за» и «против» ракет. И у тех и у других хватает власти и влияния, и те и другие пускают в ход все доступные им средства. И здесь, в Нью-Мехико, вдали от центра событий, мы спешим или медлим в зависимости от того, какая сторона в данный момент одерживает верх.

— Ракеты сжирают кучу денег,— успокаивающе произнес Армстронг.— В этом деле они просто чемпионы. А мне еще не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь дорогостоящий проект обходился без политической свары.— Он бросил на будущую ракету прощальный взгляд: — Ну, пошли дальше.

Фозергилл оказался в своем кабинете. Лоснящиеся волосы исполнительного директора выглядели так, словно он уложил их месяц назад и больше не трогал. Как обычно, на углу стола красовалась ваза с цветами.

Изобразив радость от встречи, Фозергилл проворковал:

— Опять приехал?

— Я приезжаю и уезжаю. У тебя есть возражения?

— Мне нет дела до твоих перемещений!

— Я рад, что тебе нет до них дела,— сухо высказался Армстронг.— Потому что слишком многих последнее время заботит моя деятельность. И я не испытываю от этого никакого удовольствия.

Фозергилл приоткрыл было рот, но передумал и, ничего не сказав, угрюмо уставился на цветы.

— Я хотел бы тебя кое о чем спросить,— сказал Армстронг.

— Только Бога ради, не начинай с того, на чем мы остановились в прошлый твой приезд. Задержки в строительстве ракеты происходят по тем же самым причинам, о которых я тебе уже говорил. Больше мне добавить нечего, и, если честно признаться, эта тема мне обрыдла.

— Значит, поговорим о другом.— Армстронг устремил на Фозергилла пристальный взгляд: — Можешь что-нибудь рассказать о ракетах номер девятнадцать и двадцать?

Фозергилл скривился и с невинным видом спросил:

— А кто их строит?

— Именно это я и хотел узнать у тебя.— Посмотрев на свои большие башмаки, Армстронг на минуту задумался, затем спросил: — Хили все еще работает здесь?

— Да.

— А Мюллер, Сентрильо и Жак?

— Да. А в чем дело?

— Если кто-то и собирается подстроить взрыв ракеты, то, скорее всего, именно эти ребята.

— С чего ты взял? — усомнился Фозергилл.

— Тебе приходилось слышать о «Норман-клубе»? — не обращая внимания на вопрос, поинтересовался Армстронг.

— Никогда. А должен был?

— Не обязательно. Как и признаваться в том, что слышал. Мне важна твоя реакция, а не сам ответ.

Вспыхнув, Фозергилл сказал:

— Каждый раз, как ты сюда приезжаешь, ты начинаешь изводить меня какими-то инсинуациями. А ведь я вовсе не обязан отвечать на твои вопросы, ни ложно, ни правдиво. Ты для меня никто.

— Никто,— согласился Армстронг.— И я не собираюсь обращаться за помощью к властям, пока в состоянии управиться сам.— Он улыбнулся, увидев неловкость, отразившуюся на лице чиновника. Поднявшись с кресла, Армстронг двинулся к двери в сопровождении Куинна.— Тем не менее большое спасибо, что уделил мне столько внимания.

Когда они отошли подальше от административного здания, Куинн не выдержал:

— Послушай, что это за ерунда относительно еще двух ракет? Нас опередили? Кто? Русские? Англичане или французы? Кто?

— Дело обстоит так, Джордж,— серьезно заговорил Армстронг.— Кто-то здорово интересуется ракетами номер девятнадцать и двадцать. И получается так, что я вроде бы больше всех должен знать об этих ракетах. И что бы я ни утверждал, убедить людей в обратном мне не удастся. Тем не менее я даже не знаю, существуют ли эти ракеты вообще, не говоря уж о том, кто их строит.

— Если они и существуют, то в Европе,— высказал свое мнение Куинн.

— Ну а ко мне-то зачем пристают?

— Понятия не имею. Впрочем, мир — большой сумасшедший дом, ты же знаешь.

— Меня достали — и не только меня, но, скорее всего, и других, неизвестных мне людей — из-за того, что имеются все основания считать эти ракеты американскими!

Проглотив комок в горле, Куинн визгливым голосом возразил:

— Ерунда! Невозможно строить еще две ракеты, чтобы при этом даже слуха не разнеслось. Кроме того, к чему три ракеты? Одну строить здесь и две еще где-то?

— Вот об этом, моя маленькая невинность, кто-то и должен знать. Наверняка Фозергилл!

— Но он отрицает.

— Да. И я наблюдал за ним, когда он отрицал. Рот его ничего не сказал, а вот лицо поведало многое. И теперь я готов поставить жизнь на кон, утверждая, что две ракеты действительно где-то строятся и они — американские!

По пути к воротам они проходили мимо корпуса недостроенной восемнадцатой. Куинн молитвенно сложил руки, глядя на ракету.

— Святая Лулу, — взмолился он, — позволь мне опередить всех соперников! Их становится слишком много!

— Что тебе сделала Венера, коли ты хочешь, чтобы на ее поверхность высадились целая шайка психов?

— Как сказала одна сучка, у которой была течка, — огрызнулся Куинн, — что я могу поделать, если за мной бежит эта стая?

Остановившись у ворот, он задумчиво наблюдал за уходящим Армстронгом, пока тот не скрылся из виду.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вернувшись в Нью-Йорк, Армстронг позвонил в «Геральд», Биллу Нортону.

Появившись на экране, газетчик приветствовал его насмешливым взглядом:

— Итак, пропал на пару дней, а потом совесть заговорила, и ты решил объявиться.

— О чем это ты?

— Тебя разыскивают,— с удовольствием сообщил Нортон.— А я предоставлял свою постель беглецу от закона и, стало быть, виновен в укрывании преступника. Этого я тебе не забуду. Еще другом считался!

— Если бы ты не находился на том конце провода,— радостно закричал Армстронг,— я бы свернул тебе твою немытую шею. А ну-ка выкладывай все новости, и по возможности простым языком.

— Похоже, у тебя опять разлилась желчь. Ну ладно.— Нортон устало потер лоб.— Полиция разыскивает тебя и Хансена, чтобы официально оформить дело с четырьмя трупами. Они не могут сделать этого без ваших заявлений. ФБР желает узнать, почему это вы оба пропали именно сейчас. Они не могут понять, грозит вам что-то или нет. Вполне возможно, что вскоре они начнут искать тебя в Ист-ривер. Некий тип по имени Карсон связался со мной вчера и расспрашивал относительно твоего возможного местонахождения.

— Карсон? — задумался Армстронг.— Не знаю такого.

— Он сообщил, что является адъютантом Ирвина Линдла или что-то в этом роде. И по тому, как он вел себя, можно было подумать, что Линдл оценивает твое тело в миллион долларов. Разумеется, я ничего не мог сказать. Правда, высказал предположение, что если тебе повезло, то ты должен находиться в крематории.— Перестав тереть лоб, он принялся лохматить волосы.— Немного позже позвонил Эд Дрейк и спросил, не знаю ли я, где ты. Он сообщил, что некий малый, похожий на свихнувшегося вивисекциониста, пытался извлечь из него информацию. Эд понял по-своему: он решил, что ты ступил на тропу Кларка Маршалла.

— Возможно, так оно и есть,— спокойно сказал Армстронг.— И в следующий раз я выйду на связь, находясь где-нибудь в Африке.

— Ну как бы там ни было,— продолжил Нортон,— я решил: *шерше ля фам*. И позвонил твоей зазнобе.

— Клер?

— Ага. Судя по всему, она считает, что за тобой гоняется большая часть жителей Нью-Йорка. И еще сказала, что за этот день я уже седьмой к ней обращаюсь. Шестеро предыдущих задавали те же вопросы.

— Что еще она рассказала?

Нортон полез в карман и извлек полоску бумаги.

— Вот и еще кое-что. Четвертой из звонивших оказалась модно одетая блондинка. Она оставила номер, по которому ты можешь позвонить.— Он продиктовал Армстронгу цифры и зловеще добавил: — Очаровательная Клер нелестно отозвалась о всяких блондиночках, подбрасывающих тебе свои номера.

— Сожги эту бумажку. Вскоре я тебе позвоню.— И Армстронг отключил связь, не вступая в пререкания с Нртоном.

Добравшись до жилых кварталов, он вошел в телефонную будку и набрал продиктованный номер. На экране действительно появилась блондинка. Миризм.

Судя по всему, она и сама не знала, как воспринимать тот факт, что он еще жив и бродит по земле: то ли радоваться, то ли горевать в предвкушении новых неприятностей.

— Добрейшее утро, Златовласка! — поприветствовал он ее.

Она презрительно фыркнула:

— Можете позвонить по номеру Лексингтон, пять-ноль один-семнадцать в два часа или в половине пятого. Если звонить в другое время — никто не подойдет. Это все.— И без дальнейших комментариев она отключила связь.

Коротко и ясно. Судя по всему, ей не нравятся большие и крепкие мужики. Или, вернее, те события, которые наступают вслед за появлением таких мужиков.

Пообедав, ровно в два часа он позвонил по номеру, который дала ему Клер. На экране появилась маленькая опрятная операторша, как на рекламе зубной пасты, и по его просьбе соединила с Хансеном.

— Вот уже два дня пытаюсь выйти на связь с тобой. Надеюсь, ты в курсе, что половина твоей улицы сгорела? — спросил Хансен.

— Я там был, когда пожар только начинался.

— Обойдемся без болтовни,— сказал агент.— В наши дни ведь не знаешь, кто еще тебя слушает. Помнишь, где мы встречались после того, как ты попросил спеть тебе колыбельную?

— Да, помню.

— На том же месте через час. Идет?

— Конечно! Я тебя встречу.

Экран погас. Видимо, в свете последних событий Хансен перестал доверять и собственной матери. Приходилось на ходу овладевать искусством замечать следы.

Жаль только, что в этот ранний час в «Лонгчампс» было мало посетителей. Прибыв точно на исходе шестидесятой минуты, Хансен увидел Армстронга, сидящего в полупустом зале. Вместе с Хансеном прибыл и некий франтоватый тип со стеклянными глазами зомби и бледным лицом.

Усевшись, агент представил компаньона:

— Познакомься с Джейком, одним из моих парней.— Армстронг дружелюбно кивнул, а Джейк ответил холодным взглядом рыбки, заключенной в аквариум. Хансен продолжил: — Из офиса пришлось смыться. Вот уже третью ночь сплю в разных постелях. Иначе придется спать в гробу. С такими делами мой бизнес пойдет прахом. Как клиенты смогут найти меня, если я сам не знаю, где я?

— Зато тебя не найдут те, другие, кто платит не наличными! — возразил Армстронг.— Полицейские тоже нас ищут, и, чем дольше мы пропадем, тем более желанная мы для них добыча.

— Меня не ищут.

— Почему ты так думаешь?

— Им нужно официальное подтверждение случившегося. Я послал им заверенное письмо.

— И этого достаточно? — Армстронг удивленно поднял брови.

— В данном случае — да. Помимо нас существуют и полицейские-свидетели, не так ли? Так что от меня требуется лишь соблюдение формальностей. По крайней мере я избавляю себя от обвинения в попытке воспрепятствовать ходу следствия.

— Тут ты меня обыграл. Я бы до такого не додумался. Надо полагать, мне тоже следует послать заверенное письмо?

Хансен нетерпеливо отмахнулся и перевел разговор на другую тему:

— Пита помнишь?

— Конечно.

— Прошлой ночью он сыграл в ящик.

— Сыграл в ящик? Ты хочешь сказать...— Отложив кiset с табаком, Армстронг посмотрел на свои руки. Они не дрожали. И недрогнувшим голосом он спросил: — Как это случилось?

— Он сидел дома за ужином и болтал с женой. Внезапно замолчал. И уставился на нее так, словно видит впервые в жизни. А затем сполз под стол. Когда приехали врачи, он уже пребывал на том свете.

— А с ним до этого было все в порядке? Никаких давних заболеваний?

— Насколько я знаю, с ним все было в порядке. Он выглядел как племенной бык.— Подошел официант и поставил на стол наполненные стаканы. Хансен не обратил на них внимания.— Возможно, это совпадение. А может быть, и нет. Подождем результатов вскрытия.

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— Я — тоже. Кто следующий?

Армстронг скорбно кивнул:

— Ты или я. Товарищи по смертному часу.

Хансен отхлебнул, не ощущая вкуса:

— Ведь это ты приговорил нас. Так что думай, как нам выкрутиться.

Положив на стол между ними монетку, Армстронг сказал:

— Есть одно решение.

— Какое?

— Пока мы от них бегаем, не давая себя поймать, мы не можем поймать их. Я ведь двоих из них одурачил простым способом — изобразив из себя мишень. И готов еще раз подбросить монетку.— Он подвинул ее ближе к Хансену.— Один из нас расположится там, где его быстрее всего можно найти. При этом другой, с ребятами наготове, затаится неподалеку. Так устраивается ловушка для охотников. Теперь бросай ты.

— И это все, что ты придумал? — с отвращением сказал Хансен.

— Нет, но это как раз та активная деятельность, о которой ты так мечтал.

Хансен задумчиво произнес:

— В общем я не возражаю против роли привязанного ягненка у логова льва. Но только в качестве последнего средства. Еще что-нибудь можешь предложить?

— Обычную рутинную работу. Обратиться к Клер Мэндл, взять у нее список тех людей, которые расспрашивали ее обо мне, выяснить, что о них известно. После этого можно установить контакт с неким малым по имени Карсон из «Норман-клуба» и узнать, насколько страстно он желает меня видеть и зачем. Сказать ему, что я улечу в Никарагуа, но ты можешь связаться со мной сразу же, как я вернусь. Скорее всего, он отмолчится. Если же окажется разговорчивым, что мало вероятно, попробуй выудить из него максимум информации о той банде, что гоняется за нами.

— А почему в Никарагуа? — поинтересовался Хансен.

— А потому, скажи ему, что именно там строится ракета номер девятнадцать.

У Хансена отвисла челюсть.

— Как ты узнал об этом?

— Ничего я не узнавал. Я придумал. А на самом деле она может строиться в Пуне, Пекине или Пугхипси. Да где угодно. А для Карсона сойдет и Никарагуа, если спросит.

Хансен пожал плечами:

— Хорошо. Лишь бы делом заниматься. Теперь скажи, чем ты намерен пока заниматься и как нам поддерживать связь?

— Дело вот в чем. — Армстронг понизил голос. — Линдл и Уомерсли составили сенаторскую оппозицию против дальнейших запусков ракет. Десять к одному, что большинство их политических последователей принадлежат к «Норман-клубу». Тем не менее на финансирование строительства продолжают поступать большие суммы. Почему?

— Объясни.

— Потому что партия сторонников строительства ракет в данный момент сильнее оппозиции. То есть они идут моим путем! И сейчас представляют собой мощную политическую силу. А значит, могут стать нашими могущественными союзниками, если только...

— ...если только не встанут на сторону тех сумасшедших, что стремятся добыть наши шкуры, — закончил за него Хансен. — А в таком случае попытка начать с ними переговоры будет равносильна попытке положить голову на плаху.

— Вот этим шансом я и хочу воспользоваться. Я отправляюсь в Вашингтон и позвоню Мириэм в субботу в пять часов. А ты оставляй ей для меня послания.

— Без толку. Мириэм ведет себя как испуганная кенгуру.

— Проклятье! — Армстронг на минуту задумался. — Когда я вернусь, то оставлю номер телефона у Нортонa, того, что из «Геральд». Спросишь у него.

— Хотелось бы верить. — Поднявшись с места, Хансен бросил Джейку: — Вперед, парень, мы все-таки на работе.

— Вот и хорошо. Надоело тут сидеть. — Допив остатки из своего бокала, Джейк устремил на Армстронга взгляд стеклянных глаз: — Приятно было познакомиться.

Парочка удалилась — Хансен впереди, Джейк следом. Армстронг из осторожности просидел еще минут пять. Затем оглядел зал и только после этого направился к выходу.

Исчерпывающий отчет о дебатах относительно расходований на ракетную программу содержался в файлах библиотеки «Вашингтон рекорд». Из него следовало, что споры велись гораздо более длительные и ожесточенные, нежели о них сообщалось в прессе. И все же по непонятным причинам накал дебатов постарались приуменьшить.

Линдл, Уомерсли и их грозные соратники уже почти одержали победу, урезав ассигнования, что надолго откладывало завершение строительства, но неожиданно сторонники продолжения работ одержали победу, давшуюся им немалой ценой. Шел настоящий бой на рэпирах, с искусными туше и отскоками.

Армстронг внимательно просмотрел отчет, стараясь не упустить и малейших деталей. Вот тут-то ему игодились в полной мере знания по психологии. Анализируя речи тех, кто, по его мнению, придерживался схожих с ним взглядов, он пытался отыскать за их словами реальные мотивы. Каждую такую речь он рассматривал на предмет проявления в проракетных настроениях марсианских ноток. Хотя одному Богу было известно, что же на самом деле таилось в мозгах выступающих, но тем не менее Армстронг пытался в них проникнуть.

Просматривая последние выпуски «Рекорд», он вдруг широко раскрыл глаза, взглядевшись в утренний выпуск двухдневной давности. Харви Дж. Андерсон возглавлял партию сторонников завоевания Венеры. Андерсон препятствовал деятельности объединения Линдл — Уомерсли. И вот он мертв! Как явствовало из «Рекорд»: «Он ушел неожиданно, но в мире, в возрасте шестидесяти семи лет».

Выйдя из библиотеки, Армстронг позвонил в редакцию «Рекорд».

— Я только что узнал о смерти Харви Андерсона. Не сообщите ли вы мне причину?

Девушка на том конце провода исчезла с экрана, а вскоре ее место занял некий молодой человек, подозрительно уставившийся на вопрошавшего.

— Вы друг Андерсона?

— У покойников нет друзей.

— Согласен с вами.— Молодой человек глубоко задумался.— Он умер от сердечного приступа.

— А нельзя ли поконкретнее?

Молодой человек с легким раздражением в голосе ответил:

— Порок сердечных клапанов. Он страдал этим заболеванием давно и мог умереть в любой момент.

— Кто это утверждает?

— Послушайте, мистер! Я рассказал вам все, что нам известно. Если вам не нравится, обратитесь к доктору Пойнтеру.

— Именно это я и хотел узнать — кто утверждает,— подчеркнул Армстронг.— Большое спасибо за информацию.

— Всегда рад помочь,— солгал собеседник.

Вернувшись в библиотеку, Армстронг просмотрел медицинский раздел систематизированного телефонного справочника. Доктор Пойнтер там не значился. Пришлось вновь обратиться к телефону. Позвонив в Медицинский центр, он поинтересовался доктором Пойнтером, поставив сто к одному, что в ответ наверняка получит ложь о том, что о таком человеке здесь ничего не известно. В общем, только деньги потеряет. Заставив его прождать минут пять, ему, к полному его изумлению, сообщили, что Пойнтер — это нью-йорк-

ский терапевт и в настоящее время обслуживает сенатора Уомерсли.

Когда Армстронг выходил из телефонной будки, волосы у него на затылке шевелились.

Отложив это дело в сторону до лучших времен, он последний раз обдумал полученную из газет информацию и пришел к выводу, что из всех ярых сторонников запусков ракет наиболее многообещающей фигурой представляется генерал Лютер Грегори. Этого древнего вояку привлекала военная сторона космических завоеваний, та самая сторона, которая заставляла все страны мира участвовать в ракетных экспериментах, несмотря на саботаж и неудачи. Военная ценность космоса не девальвировалась от того, что о ней беспрестанно говорили. Именно она приводила в движение массы людей, которым было наплевать на политические подоплеки и научные изыскания, но которых интересовала лишь собственная шкура. И в конце концов, такая мотивация избавляла генерала от подозрений в безумии.

Если не считать отдельных выходов, генерал Грегори не был замечен в резких кульбитах, совершаемых на политической сцене. Его карьера, речи, личность и отсутствие союзников делали его единственным сенатором, мотивация поступков которого была понятна Армстронгу, пусть и выглядела ненормальной с точки зрения марсиан или псевдомарсиан. Более того, и проживал он в Вашингтоне. Всего лишь в миле от библиотеки.

Через десять минут Армстронг оказался у дома генерала.

Придав изможденному, с седыми усами лицу суровое, властное выражение, старый боевой конь расхаживал взад и вперед по своему кабинету, теребя между пальцами визитную карточку гостя.

Тяжело ступая, Армстронг вошел в комнату и произнес:

— Это большая любезность с вашей стороны, генерал. И я надеюсь, вы не вышвырнете меня вон, не дослушав до конца.

Грегори оценивающе и ободрительно оглядел массивную фигуру собеседника:

— Никакая это не любезность. Просто привык за сорок лет, что ко мне лезут с интервью со всех сторон.

— Тем не менее я вам благодарен.

— Ладно, приятель, не обращай внимания. Если у тебя есть что-то за душой, не таи, выкладывай, и побыстрее.

— Хорошо, генерал. Сложилась отчаянная ситуация, и я вынужден обрушить на вас историю, безумнее которой вам слышать еще не доводилось. Дабы сэкономить ваше время, буду краток. Но прошу лишь об одном.

— О чем же?

— Каким бы абсурдом ни показалось вам услышанное, не отмахивайтесь и не делайте скоропалительных выводов, предварительно не проверив факты, которые я собираюсь вам изложить.

— А какое отношение ваше дело имеет ко *мне*?

— Вы обладаете той властью, которой нет у меня.

— Таких, как я, с точки зрения обладания властью в этом городе сотни,— заявил генерал.— А у некоторых власти гораздо больше!

— И еще потому,— упрямо продолжал Армстронг,— что вы своей властью пользуетесь, а не злоупотребляете.

— О! — Генерал Грегори снова начал расхаживать по кабинету. Затем глянул на электронные часы и задумчиво произнес: — В свое время я выслушал множество причудливых историй, и сомневаюсь, что ты поведаешь историю еще более экстравагантную. Но приступай, и по возможности короче.— Он остановился: — Но все святые небеса не спасут тебя, если в конце истории ты попытаешься мне что-нибудь продать!

Армстронг улыбнулся.

— Генерал, приходилось ли вам когда-нибудь слышать о «Норман-клубе»? — Он настороженно посмотрел на слушателя.

Никакой особой реакции не последовало. Генерал ненадолго задумался, затем равнодушно сказал:

— Название что-то отдаленно напоминает, но не более. И что с этим «Норман-клубом»?

История заняла целый час, в течение которого генерал слушал не перебивая и не изменяя выражения лица. Вдохновленный Армстронг закончил повествование детальным пересказом прибытия в Вашингтон.

— Теперь судите сами,— заключил он.— Мир разделен по некоему тайному признаку. Мы уже больше не

состоим из верующих и неверующих. Из правоверных или еретиков. В силу последствий мифической чистки, а также решения психотрона мы являемся либо нормальными, либо безумцами!

Во время этой филиппики старый генерал не сводил с Армстронга жесткого взгляда. Но на лице его не дрогнул ни один мускул, и оно по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Это какая-то фантастика, — заявил он. — Вот мое мнение. Не будем обсуждать правдивость повествования. Но если вы хотите, чтобы я вам поверил, вы должны представить мне серьезнейшие доказательства, а иначе вся ваша история будет выглядеть притянутой за уши. Вы хоть понимаете значение того, что вы мне рассказали?

— Я обдумал каждый аспект, — сообщил ему Армстронг.

— Это означает, что вы подвергаете сомнению форму правления этой страны.

— И любой другой — тоже.

— Давайте остановимся на этой. Ваш рассказ означает осуждение нашей разведки, ФБР, полиции, Национальной гвардии, несчетного количества самых высокопоставленных людей, почти всех наших интересов, почти всех наших каналов информации и наших методов пропаганды. Он означает, что на самом деле у нас не одна страна, а две!

— Именно так! Нормальная — и безумная! — Армстронг выдержал немигающий взор генерала. — Что касается разведки, то я не думаю, что она так уж ни на что и не годна.

— Почему же?

— Подумайте над фактами: власти строят ракету номер восемнадцать здесь, в Нью-Мехико, строят неторопливо и широко освещая происходящее. Между тем достаточно быстро строят еще две, втайне, в других городах. Зачем это надо делать? Ответ очевиден. Власти удовлетворяются самим фактом саботажа, пусть подозреваемые и не установлены. Но факты саботажа они получают, и доставляет эти факты разведка. Так что ракета номер восемнадцать служит лишь подсадной уткой, предметом, который привлекает внимание сабо-

тажников, отвлекая их от того, что происходит в других местах.

— Продолжайте.

Многозначительно подняв палец, Армстронг сказал:

— Идея сама по себе хорошая. И могла бы осуществиться. Но не получилось. Кто-то выяснил, что их дурачат. А это означает, что среди высокопоставленных лиц имеются болтуны. Светловолосый и его команда так называемых сосланных марсиан знала о других ракетах, и с меня бы с радостью содрали шкуру, если бы это помогло им узнать детали. И ставлю десять к одному, что они уже обо всем пронюхали, включая и информацию о местонахождении ракет. Если мы быстро не ликвидируем всю шайку, эти две ракеты взорвутся точно так же, как и предыдущие!

— Ну, ну, не порите горячку! — Генерал вновь принялся маршировать взад и вперед. — Естественно, что я скептически отношусь к услышанному. Но даже если это и наполовину правда, то дело обстоит скверно! — Он встревоженно принялся приглаживать усы. — И надо же, все это свалилось, когда и без того хватает проблем.

— Каких проблем?

Грегори остановился перед ним, широко расставив ноги:

— Должно быть, сообщат в четырехчасовом выпуске новостей. Россия объявила о результатах расследования катастрофы на атомной электростанции на Урале. Россия утверждает, что во всем виноваты некие русскоговорящие немцы, члены возрожденного Общества иллюминатов, которых финансирует Франция. В кулуарах же прозвучали слова и пожестче, и международная ситуация стремительно ухудшается.

По спине Армстронга пробежал холодок. Он глянул на часы:

— Уже пятый час.

Грегори подошел к телевизору и включил его. На большом экране показался диктор, торопливо зачитывающий:

— ...Французское правительство отрицает причастность к возрождению германского иллюминатства и предлагает российскому правительству предъявить до-

казательства на заседании ООН. Ожидается ответ. Между тем в Москве продолжается допрос Михаила Кирова и его друзей, заговорщиков. — Он помолчал, переводя дыхание, и продолжил: — Как следует из заявления министерства обороны, Британия проведет ежегодные широкомасштабные маневры своих сухопутных сил впервые на земле Франции в соответствии с подписанным в прошлом году военным соглашением между Британией и Францией.

Выключив телевизор, Грегори невозмутимо произнес:

— И еще не все обнародовано. Есть и другие новости, значительные и зловещие. Можете мне поверить: это большая удача, что мир пока пребывает в состоянии покоя. И кто знает, долго ли продлится это состояние.

— И это означает, что если разразится война, то строительство ракет, предназначенных для полета на Венеру, прекратится как здесь, так и повсюду?

— Разумеется! Все будут озабочены лишь проблемой собственного выживания и о таких делах просто забудут.

Армстронг задумчиво потер подбородок:

— И как все это вам видится в свете деятельности «Норман-клуба»?

— Я так понимаю. Русские члены «Норман-клуба» поработали вместе с французскими, чтобы развязать третью мировую войну и тем самым отбросить человечество назад на пару десятков лет. Если они добьются успеха, то их соратники в других странах постараются еще больше раздуть пожар, затянув войну по возможности подольше. Они уже делали это дважды ранее и, может быть, сделают еще раз. Правда, в тех двух случаях они не заходили слишком уж далеко.

— Что вы имеете в виду?

— Испугавшись, что окончательно dokonают планету, они успели отозвать поджигателей войны до того, пока не стало слишком поздно. Но в тех двух случаях они допустили промашку. Войны, может быть, и затормозили социальное развитие человечества, но зато придали развитию науки огромный импульс. Каждому понятно, что именно поэтому мы совершили огромный скачок в области ракетостроения, не говоря

уж о других вещах.— Генерал озабоченно уставился на пустой экран.

— Ну, на этот раз они извлекут урок! Зато потом все будет по-другому. Они проведут соответствующую работу, если уже не провели. Они доведут дело до горького конца, и результаты всего научного прогресса осядут пылью на мировые руины. И только члены «Норманклуба» будут обладать оружием, а остальные оставшиеся в живых разбредутся по миру, кочуя племенами, вооруженные луками и стрелами. Я же говорю вам, они маньяки → маньяки с иллюзией нормальности!

— Что ж, ваша очевидная искренность производит впечатление не меньшее, чем ваш рассказ,— прямо заявил Грегори.— Поэтому я решил предпринять собственные расследования, прежде чем как-то реагировать. Вы сможете завтра в это же время ко мне прийти?

— Конечно.— Армстронг встал с кресла.— Надо полагать, вы вели запись этой беседы?

Грегори показал на «глазок» в стене и слегка извиняющимся тоном сказал:

— А в соседней комнате идет запись на «Блаттнер фон». Так что весь разговор записан на пленку. Вы должны понять, что...

— Я все прекрасно понимаю,— прервал его Армстронг.— На вашем месте я вел бы запись разговора с каждым посетителем. Это мудрая предосторожность.

Генерал с признательностью посмотрел на него и проводил его до двери.

Быстро шагая по улице, Армстронг вновь и вновь мысленно возвращался к состоявшемуся разговору. Насколько удалось убедить генерала? И если даже удалось, много ли может сделать генерал?

Над Потомаком тянулись темные грозовые тучи. Звучно захлопали первые дождевые капли. На фоне темнеющего горизонта вспыхнула яркая голубая молния. Затем послышался отдаленный раскат грома.

Укрывшись в какой-то нише, Армстронг подождал, пока закончился дождь. Витрина, рядом с которой он стоял, рекламировала записывающую аппаратуру. Де-

монстрационная модель была включена, и на экране высвечивалась передовица «Вашингтон пост».

Брови Армстронга сдвинулись так же грозно, как и тучи над его головой, когда его глаза впились в правую колонку.

ПИЛОТ РАКЕТЫ РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО

Гэллан, Нью-Мехико. Местной полицией разыскивается Джордж Куинн, официально объявленный пилот ракеты номер восемнадцать, ныне строящейся в пятидесяти милях севернее города. Он обвиняется в том, что в результате жаркой перепалки убил Эмброуза Фозергилла, технического директора строительства.

Громадные кулаки Армстронга сжались, пальцы вжались в ладони. Он не успел до конца переварить прочитанное, так как его внимание тут же привлекла другая тема.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОЙ

Тэрритаун, Нью-Йорк. Клер Мэндл, ученая-физик, сестра покойного профессора Роберта Мэндла, исчезла сего дня утром из собственного дома при таинственных обстоятельствах. Герберт Уолтхолл, агент ФБР, признал, что это учреждение занимается поисками мисс Мэндл, но на настоящий момент дополнительной информации сообщить не может.

Не обращая внимания на дождь, гром и всполохи молний, Армстронг бегом припустил по улице.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Адрес, указанный в телефонном справочнике, принадлежал дому в колониальном стиле, расположенному на участке, огражденном высоким забором. Поверху бежала колючая проволока, по которой был пропущен ток. У парадных ворот располагалась одна крепкая сторожка, за ними — другая. Рядом со сторожками возвышались огромные стальные ворота, за которыми виднелись решительно настроенные охранники. По участку

расхаживали патрули из столь же внушительно выглядящих парней. Судя по всему, сенатор Уомерсли считал себя фигурой весьма значительной.

Армстронгу стало ясно, что просто так, через какое-нибудь окно или дверь, внутрь не проникнуть. И думать нечего. Силой тут тоже ничего не добьешься, разве что по шее наkostenяют. Ситуация требовала изобретательности.

«Потише, потише, охотник за обезьянами!» — проговорил он про себя, подходя к парадным воротам.

Охрана, увидев его, насторожилась. Армстронг придал лицу туповатое выражение и обезоруживающе улыбнулся. Один из охранников презрительно сплюнул.

Просунув визитную карточку сквозь толстые прутья ворот, Армстронг заговорил угодливым тоном:

— Не соблаговолите ли поинтересоваться у сенатора Уомерсли, не соизволит ли он принять меня?

Взяв карточку, охранник посмотрел на нее, затем спросил:

— Вам назначено?

— Нет.

— По какому делу вы хотите его видеть?

— По делу, о котором разговаривал со мной сенатор Линдл.

— О'кей. Подождите здесь.

Ожидание растянулось на полчаса, в течение которых он слонялся у ворот и спрашивал себя, сколько же вопросов пробегает сейчас по телефонным проводам. Вопросов относительно его личности. Наконец охранник вернулся и угрюмо открыл ворота.

— Он вас примет.

Армстронг двинулся к дому, сопровождаемый охранником. Ворота за ними с лязгом захлопнулись; звук получился зловещий, примерно так же встречают гостя, получившего срок в двадцать лет Синг-Синг. По дороге им встретился еще один патрульный, ведущий на цепи собаку размером в половину лошади. Цепь по толщине напоминала якорную.

Оказавшись в доме, они прождали еще пять минут в полутемном холле, отделанном дубовыми панелями. Наконец они оказались в гостиной, где их ждал сенатор Уомерсли, стоя у балконной двери. Сенатор, дородный

человек с красными щеками и с прической из длинных седых волос, вежливо именуемой в обществе «безукоризненной», держался прямо и величественно.

— Итак, вы и есть тот самый мистер Армстронг? — торжественно произнес он. Подойдя к креслу с высокой спинкой, он неторопливо и значительно сел в него, словно собирался открыть совещание. — Чем могу служить?

— Не так давно наш общий приятель Ирвин Линдл подверг меня тестированию на психотроне. — Армстронг не мигая смотрел на Уомерсли. — Вы наверняка об этом знаете.

Уомерсли улыбнулся и сказал:

— Прошу вас, продолжайте.

— Вы не хотите подтвердить мои слова? — Армстронг пожал плечами: — Хорошо, будем считать, что это не суть важно. Но допустим, что вы об этом осведомлены.

Поигрывая серебряным карандашом, Уомерсли вновь улыбнулся и ничего не ответил.

— «Норман-клуб» счел меня своим, — продолжил Армстронг. — И после проделанной процедуры мне сообщили, что я вернусь к ним по собственной воле. Видите ли, я оказался нормальным. И предполагалось, что постепенно я должен начать думать так же, как и они, поскольку великие умы мыслят схоже. — Он помолчал, изображая раздумья. — В тот раз я с ними решительно не согласился. И был уверен, что никогда не смогу смотреть на мир их глазами, даже если бы прожил еще хоть миллион лет. Но я ошибался.

— Ага! — Уомерсли сунул карандаш в карман, хлопнул в ладоши, и на его лице появилось выражение типа «я-же-вам-говорил!».

— Они оказались правы, а я ошибался. — Армстронг посмотрел в лицо сенатору, широко открыв глаза. Его лицо просто излучало искренность. — И заставило меня так думать не прошедшее время, а факты. За мной гонится шайка безумцев, утверждающих, что они являются марсианами, совсем недавно высланными с Марса!

— Гу-маны, — определил Уомерсли и прищелкнул языком. — Недостаток численности они восполняют настойчивостью. Это место потому так хорошо охраня-

ется, что вы не единственная особа, до которой они хотели бы добраться.

— Тем не менее именно они убедили меня в том, в чем не смог убедить Линдл. Поэтому я вернулся.

Уомерсли некоторое время молча его разглядывал. Наконец сказал:

— Психотрон определяет нормальность. Но не более. Он не определяет точку зрения личности. Но даже нормальный может совсем по-иному смотреть на те или иные вещи, пусть эти точки зрения и кажутся странными ненормальному. Вы, разумеется, это понимаете?

— Да, понимаю.

— Следовательно, вы должны понимать и то, что нельзя перебежать на сторону победителя в любой момент, когда вам этого захочется. Чистосердечного признания для нас недостаточно. Далеко не достаточно.

— Я и сам так подумал. Вы наверняка захотите получить доказательства искренности моих намерений и помыслов. Что ж, я готов совершить покушение на президента или сделать что-нибудь в том же духе.

— А вы не лишены проницательности,— признал Уомерсли.— Впрочем, этого и следовало ожидать, учитывая, что по своей природе вы являетесь норманом. Осталось выяснить, являетесь ли вы таковым и по своим симпатиям. Мы можем предложить вам работу, успешное выполнение которой...

— Вам нет необходимости ломать голову над изобретением теста для моей лояльности,— торопливо перебил его Армстронг.— Я не стал бы рваться на встречу с вами, не имея уже готовых доказательств.

Глаза Уомерсли загорелись, голос утратил вкрадчивость.

— Нельзя ли поконкретнее! — рявкнул он.

— В Нью-Мехико строится ракета номер восемнадцать. На самом же деле она представляет собой сыр в мышеловке, как вы, должно быть, уже догадались. Это фальшивка, призванная отвлечь внимание некоторых групп людей от девятнадцатой и двадцатой ракет, которые строятся совсем в других местах.

— Пока вы ничего нового мне не сообщили.

— А сейчас сообщу. Все эти три ракеты можно считать грудой хлама.

— И это все? — холодно спросил сенатор.

— Далеко не все! — Армстронг усмехнулся, увидев удивление на лице сенатора. — Их бесцельность я связываю совсем не с деятельностью «Норман-клуба», готового взорвать их в соответствующий момент. Наоборот, они являются хламом именно потому, что безнадежно устарели.

— Вот как? — Дыхание Уомерсли участилось. — Что вы хотите этим сказать?

— Каким-то образом — не знаю каким — один из этих марсианских психов оказался сосланным вместе с чертежами суперсовременной ракеты. — Он с наслаждением наблюдал, как багровеет лицо слушателя, а глаза широко раскрываются от недоверия. — Вы понимаете, почему он сделал это, поскольку все они охвачены желанием вернуться домой. Этот аппарат, рассчитанный на экипаж в семь человек, на несколько столетий опережает все то, что мы имеем. Утверждается, что его можно собрать за какие-нибудь десять недель. Без проблем. И на Марсе — не говоря уж о Венере — мы окажемся быстрее, чем вы думаете!

Лицо Уомерсли приняло лиловый оттенок. Дышал он со свистом. Кипящая внутри ярость никак не соответствовала величественной внешности. С усилием овладев своими эмоциями, он выдохнул:

— Откуда вы все это узнали?

— Мне сообщили об этом по двум причинам. Во-первых, было известно, что я страстный сторонник осуществления полетов. Во-вторых, считалось, что я смогу раздобыть детали для строительства аппарата. Если бы у меня ничего не получилось, то они обратились бы к Англии, Франции, России или в любое другое место, где могли бы рассчитывать на сотрудничество.

— Продолжайте, — мрачно сказал Уомерсли.

— Этот парень откололся от своей шайки. Он озабочен только своей судьбой, понимаете? И ему нужна помощь в строительстве корабля. Он владеет чертежами и уже получил выгодные предложения.

— Какие?

— Некая фирма гарантирует, что его возьмут на Марс и немедленно по прибытии туда выпустят, не

сообщая о нем марсианам.— Армстронг развел руками: — У парня ностальгия.

— Где теперь эти чертежи?

— Он их из рук не выпускает.

Глядя ему прямо в глаза, Уомерсли хрипло сказал:

— Все это может быть и правдой. Даже скорее всего, учитывая то, что мне уже известно. Но одного я не могу понять: почему вы так долго выступали против нас, а теперь решили к нам присоединиться?

— Я отклонял предложения «Норман-клуба» потому, что не поверил во всю эту чепуху о Марсе. Ведь она противоречила всему, что я знал, чему меня учили.— Армстронг встал, сунув руки в карманы.— Но теперь я знаю гораздо больше. За мной охотились и продолжают охотиться, и для меня суть дела уже не в том, чтобы верить или не верить, а уж скорее в жизни или смерти.

— Понятно, но...

— Теперь же проблема состоит в том, что мне надо убедить парня, у которого находятся эти чертежи, что у меня настолько мощные политические связи, что мы сможем построить его ракету в два раза быстрее. Если же мне не удастся его убедить, то чертежи окажутся Бог знает где и кто-то наверняка сумеет ими воспользоваться. Вот такая складывается ситуация. Вот в чем ваши проблемы.

— Мои?

— Да. Он знает, что вы обладаете в Вашингтоне значительным политическим влиянием. Обращаясь ко мне, он рассчитывал на то, что за моей спиной окажется крупная политическая фигура. И вам придется сказать ему, что вы сможете отыскать миллион долларов на его ракету. Вы должны убедить его передать нам эти чертежи.

На лице сенатора отразилась борьба эмоций. Опасения, подозрения, жадность. Он несколько раз прошелся по комнате, затем повернулся к Армстронгу:

— Когда и каким способом вы можете выйти на связь с этим типом?

— Он собирался позвонить мне на нью-йоркскую квартиру завтра до двенадцати часов.

— Но ведь ваша квартира сгорела.

«А, так ты знаешь об этом!» — подумал Армстронг и бойко затараторил:

— Ну разумеется, у меня теперь другая. Вы что же, думаете, я на улице сплю?

— А что, если он уже звонил, пока вы находитесь здесь?

— Не получив ответа, он перезвонит позже. И вот когда он дозвонится, вам лучше находиться рядом со мной! Или вам, или Линдлу. Мне все равно. Но чтобы вытащить эту рыбу, нужен крючок посолоиднее, нежели я.

— Армстронг,— с внезапной решимостью произнес Уомерсли.— Я собой представляю настолько важную политическую фигуру, что можно и не пытаться меня подставлять. Кое-кто уже пробовал и теперь бесконечно сожалеет! Поэтому предупреждаю: попытка обмануть меня бумерангом ударит по вас! Я поеду с вами. Но не потому, что полностью доверяю вам, а только из-за того, что рассказанное вами *может* оказаться правдой, и если это так, то столь решающий момент просто нельзя игнорировать. Мы не можем себе позволить отмахнуться даже от предполагаемой возможности!

— Я так и думал.

— Я знаю, что вы так и думали! — огрызнулся Уомерсли.— И следовательно, я поступаю по-своему, а не по-вашему! Если же ваша история окажется лишь ловким трюком,— он помолчал, и лицо его стало жестким,— то он станет последним для вас и на этой планете, и на любой другой!

— А если это не трюк, то «Норман-клуб» прижмет меня к своей коллективной груди?

— Да.— Нажав на кнопку в столе, Уомерсли сказал: — Пусть Мерсер подготовит машину. Сообщите Джексону, Хардэйкру и Уиллису, что они сейчас же выезжают со мной в Нью-Йорк.— Затем он обратился к Армстронгу: — С нами поедут эти четверо. Они настолько крутые, что стреляют, даже если кто-то просто скрипнет зубами. Зарубите это себе на носу.

— Я не забуду,— пообещал Армстронг.

Он вновь уселся в кресло, ожидая, пока Уомерсли приготовится к отъезду. На крупном лице Армстронга появилось голодное выражение. Подобно крокодилу, он умело притворился бревном!

Вся компания набилась в большой серебристо-серый «кадиллак». Мерсер сел за руль, а Джексон устро-

ился рядом. Армстронга втиснули на заднее сиденье между Уомерсли и Уиллисом. Откидное сиденье, расположенное лицом к сидящей сзади троице, занял Хардэйкр, крутой тип, посматривающий на пассажира как на пленника. На его агрессивный взгляд Армстронг ответил тем же, затем шмыгнул пару раз носом и чихнул.

Выехав из поместья-крепости, мощный лимузин помчался на север. Армстронг, непрерывно шмыгая носом, пару раз чихнул. Плотнo прижатый к нему Уомерсли ерзал, но ничего не говорил. Хардэйкр, судя по взглядам, которые он кидал на Армстронга, относился к его поведению отрицательно.

— Здорово промок под этим ливнем, — пробормотал Армстронг, ни к кому не обращаясь. — Того и гляди, загнусь от воспаления легких раньше, чем мы доедем. А-апчихи! — Чих потряс его, и он, прижавшись к Уиллису, принялся извлекать из правого кармана носовой платок.

Вытащив платок, Армстронг торжествующе взмахнул им, прижал к носу и громко высморкался. В ту же секунду в его правую ноздрю скользнул крошечный металлический цилиндр. Опустив платок на колени, он слепо, как сова, заморгал, глядя на Хардэйкра.

Еще миль через десять он вновь зашмыгал, пользуясь еще не заблокированной ноздрей. Затем закашлялся, что-то забормотал, как рассерженный индеец, и торопливо прижал платок к носу, предотвращая новый чих. Второй цилиндр скользнул в левую ноздрю. Хардэйкр скривился и, впервые отведя взгляд от Армстронга, уставился в окно.

Армстронг вздохнул и принялся почесывать колени. Делал он это с рассеянным видом, продолжая шмыгать носом и подкашливать, а остальные пассажиры подчеркнуто старались на него не смотреть. Пальцы скребли и нервно постукивали по ноге, пока не добрались до подвязки под коленом и не освободили некий флакон, который скользнул вниз по ноге под брючиной. Хрупкий стеклянный пузырек бесшумно упал на покрытый ковром пол, и никто не услышал хруста стекла, раздавленного каблуком.

Летающий вперед «кадиллак» успел за прошедшие девять минут покрыть еще восемь миль, прежде чем

события начали развиваться. Уомерсли откинулся на спинку сиденья и внезапно что-то забормотал сквозь сжатые зубы. С противоположного сиденья Уиллис беспомощно завалился на Армстронга и стал покачиваться в такт толчкам автомобиля.

Резко мотнувшись в сторону, громадный автомобиль на большой скорости запетлял по дороге. Ощущая неясную тревогу и борясь с дурнотой, Хардэйкр пытался удержать ускользающее сознание. Руки его неуверенно двигались, словно отыскивая оружие.

Подняв колонноподобную ногу, Армстронг положил ее на живот Хардэйкру и резко нажал. Из противника вылетел дух. Он рухнул на ковер, судорожно хватая воздух ртом. Испарения, поднимающиеся от осколков, наполнили его легкие.

Перегнувшись через него, Армстронг ухватил болтающегося за рулем Мерсера за плечи, рывком поднял и швырнул на колени Уомерсли. «Кадиллак» вильнул, направляясь в кювет. Вновь рванувшись вперед, Армстронг успел ухватиться за руль и удержать машину. Так он держался за руль, зная, что если не нажимать ногой на акселератор, то коробка передач автоматически переключится на нейтральную скорость. Автомобиль терял скорость. Сидящий рядом с еще теплым от тела Мерсера водительским сиденьем Джексон, теряя сознание, потянулся руками к Армстронгу. Тот, продолжая удерживать руль левой рукой, правой заехал ему в ухо.

«Кадиллак» нехотя остановился. Открыв все двери, Армстронг впустил внутрь свежий воздух, вымел из салона осколки. Посматривая на дорогу, дабы не привлечь к себе внимание, он выволок из машины всех, кроме Уомерсли, спустил в кювет и уложил так, чтобы их невозможно было увидеть с дороги. Подумав, отыскал подходящий сорняк и вложил его в руку Хардэйкру. Вернувшись к машине, стащил Уомерсли на пол, запер задние двери, сел за руль и рванул с места.

Безумная гонка могла бы привлечь внимание полиции, если бы он пару раз не притормозил в точно угаданных местах. И потому поездка обошлась без приключений. Проезжая через Нью-Джерси, он испытывал чувство удовлетворения, которое все росло по мере приближения к дому Дрейка.

Эд Дрейк, открыв дверь и узнав его, воскликнул:

— О-о! Я-то думал, что тебя уже похоронили.

— У меня проблемы, Эд. Мне нужна твоя помощь.

— А теперь что случилось? — Дрейк рассеянно глянул на машину и увидел там тело Уомерсли. На лице его отразилась тревога. — Эй, ты что, труп возишь?

— Нет. Он просто вырубился. Я хочу ненадолго от него избавиться. — Открыв заднюю дверцу, Армстронг извлек тело сенатора из машины и предложил его Дрейку как бесценный дар. — Брось его на койку, и пусть себе храпит до моего возвращения. Я скоро вернусь и все объясню.

С трудом и без энтузиазма подхватив обмякшего Уомерсли, Дрейк сказал:

— Надеюсь, ты ведешь честную игру.

— Не беспокойся, Эд. Просто убери его с глаз долой до моего возвращения. Все будет нормально. Ты же меня знаешь.

— Да, знаю. Это-то меня и тревожит. — Дрейк попятился к двери, волоча сенатора.

«Кадиллак» рванулся с места. Армстронг резко крутанул руль, и машина, визжа покрышками, свернула за угол. Эд Дрейк с кислым выражением лица наблюдал за исчезающим автомобилем. Затем пожал плечами, закрыл дверь и потащил бесчувственного гостя вверх по лестнице.

Армстронг вернулся спустя четыре с половиной часа. Тяжело и устало ступая, он вошел в дом, опустил на пол большую черную коробку и посмотрел на часы, которые показывали час ночи.

— Это тело еще не ожило?

— Нет, — сказал Дрейк. — Он спит как одурманенный.

— Так оно и есть.

— Вот как? — Дрейк скривил рот. — Кто же его опоил?

— Я. — Армстронг улыбнулся, глядя на лицо собеседника. — Пришлось пойти на это, чтобы его заполучить. — Он вздохнул, вновь посмотрев на часы. — Я бы вернулся на час раньше, если бы не необходимость отогнать его автомобиль назад в Нью-Йорк, где машину и должны найти. Возвращаясь, пришлось пересаживаться с одного такси на другое.

— Так ты угнал его автомобиль? — Голос Эда Дрейка сорвался на визг. — А парня этого похитил? Да что же это делается?

— Спокойнее, Эд. Это сенатор Уомерсли, и он нанес нам вынужденный визит.

Дрейк аж подпрыгнул:

— Уомерсли! То-то я смотрю, эта жирная рожа кого-то мне напоминает! — Он встревоженно всплеснул руками: — Черт побери, Джон, да тебя же за это приговорят к пожизненному заключению! Что за бес тебя толкнул? И зачем ты меня в это втянул?

— Сейчас поймешь. — Армстронг ткнул ботинком в принесенный им тяжелый ящик. — Здесь у меня один из десяти существующих в мире шизофразеров. Я взял его ненадолго взаймы после горячего спора у старого профессора Шовбери из Колумбийского университета. — Он нетерпеливо махнул рукой: — Где тело?

— Наверху, в постели.

Дрейк мрачно проследовал за Армстронгом и помог перенести сенатора вниз. Не скрывая сомнений и тревоги, он наблюдал, как жертву привязывают к креслу.

Армстронг открыл коробку и вытащил компактный аппарат, напоминающий терапевтический прибор. От него на четыре ярда тянулся кабель, заканчивающийся пластиковым колпаком, по бокам которого располагались крошечная серебристая антенна и отражатель.

Надев колпак на голову Уомерсли, Армстронг начал его настраивать, стараясь при этом не причинить сенатору боль. Закончив, он удостоверился, что движения сенатора не разрушат созданную им конструкцию.

Затем подключил прибор к сети, отсоединил кабель и проверил работоспособность. Подсоединив антенны, проверил их готовность и выключил аппарат. Плехнувшись в кресло, он уставился на бесчувственного Уомерсли.

— Теперь нам остается лишь ждать, пока этот жирный интриган придет в себя.

Дрейк неловко опустился в соседнее кресло:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты слишком часто употреблял местоимение «мы». Это твоя затея, а не моя. — Он оглядел аппаратуру и пожевал нижнюю губу. — Что ты собираешься с ним сделать?

— Ничего опасного. Этот прибор раз в десять сильнее детектора лжи. Подсоединенная к нему персона, отвечая на вопрос, не в состоянии умолчать, соврать или исказить ту информацию, которая таится в глубинах его памяти. Когда его спрашивают, он отвечает искренне и правдиво, во всяком случае настолько правдиво, насколько он сам в это верит. — Армстронг успокаивающе махнул рукой. — Самое плохое, что может случиться с этой политической особью — это то, что хоть раз в жизни он расскажет о неприятных для себя фактах. Не так уж и ужасно, не правда ли?

— Да, но только потом он же тебя самого наизнанку вывернет. Приговорит к тысяче смертей, как только предоставится такая возможность. — Дрейк вновь принялся жевать губу, не сводя глаз с сенатора. И вдруг его глаза округлились. — Эй, он приходит в себя!

Подойдя к креслу, Армстронг мягко, но решительно похлопал Уомерсли по лицу. Сенатор фыркнул, что-то пробормотал, полуоткрыл глаза, вновь закрыл, опять открыл. Армстронг сильно потер ему ладони. Уомерсли сделал глотательное движение, зевнул, попытался шевельнуться и изобразил на лице туповатое удивление, обнаружив, что связан. Потом он сварливо выпалил:

— Где это я? Что происходит?

Включив прибор, Армстронг уставился в раскрасневшийся лик политика. Дрейк встревоженно наблюдал за обоими.

Уомерсли вывалил язык, втянул его обратно, огляделся вокруг, взгляд его постепенно начал затуманиваться. Он попытался поднять руку, но она не слушалась. Несколько секунд спустя он уже напоминал деревенского дурачка.

Громко и четко Армстронг обратился к нему:

— Кто убил Эмброуза Фозергилла?

Уомерсли помолчал, затем прохрипел:

— Мюллер.

— А кто приказал?

Вновь последовало молчание. Видно было, какое отчаянное сражение происходит внутри Уомерсли. Разум уступил инстинкту. Мигая, он уставился на вопрошающего, но не видел его.

— Я, — сказал он. — Я... я!

- Боже милостивый! — выдохнул Дрейк.
Армстронг сурово продолжал:
— Почему же тогда Джордж Куинн скрывается? Его подставили? Он знает, что его подставили?
Уомерсли не отвечал.
Изменив подход, Армстронг спросил:
— Вы отдавали приказы, касающиеся Куинна?
— Да.
— Какие?
— Его надо было убрать.
— Кто должен был убрать? Мюллер?
— Мюллер, Хили и Жак.
— Почему вы приказали им убрать Куинна?
— Тогда бы получилось, что он как бы сбежал, а значит, и виноват. Тем самым и от него избавлялись.
— А зачем надо было избавляться от Куинна?
— Он был официально назначенным пилотом.
— Куда его дели?
Ответа не последовало.
— Вы не знаете?
— Нет.
Сделав глубокий вдох, Армстронг попробовал иначе:
— Кто его увез?
— Синглтон.
— Кто такой Синглтон?
— Директор «Норман-клуба» в Канзас-Сити, — пробормотал Уомерсли. Голова его безвольно опустилась, потом вяло поднялась.
— Вы знаете, где его спрятал Синглтон?
— Нет.
— Вы знаете, жив он или мертв?
— Нет.
— Почему вы приказали убить Фозергилла?
— Он был одним из нас — нор-маном. Нормальным. Но ему не хватало мужества. Он подвел нас.
— И что же?
Уомерсли ничего не сказал. Казалось, он погрузился в полудрему.
Сжав зубы, Армстронг сказал:
— Ну хватит об этом. Перейдем к другой теме.—
Повысив голос, он спросил: — Где Клер Мэндл?
— Не знаю.

Скрыв удивление, Армстронг продолжил:

— Если бы ваша нью-йоркская шайка захватила ее, вас бы проинформировали?

— Не обязательно.

— Глава государства входит в «Норман-клуб»?

— Нет.

— Кто босс «Норман-клуба» в Вашингтоне?

— Я.

— А в Нью-Йорке?

— Линдл.

— А Синглтон — в Канзас-Сити?

— Да.

— А в Чикаго?

— Не знаю.

— Не знает,— заметил Армстронг, обращаясь к Дрейку.— Понимаешь, что это означает? Организация состоит из отдельных ячеек. Босс каждой ячейки вступает в рабочие контакты только с двумя или тремя шефами других ячеек, а остальных он не знает. И никто не может выдать всю организацию. Разве что своих ближайших приятелей да пару ячеек. У остальных остается возможность для мести.— Он принялся расхаживать по комнате.— А это означает, что в других местах «Норман-клубы» действуют не под вывесками «Норман-клубов», а маскируются, рядясь в другие одежды. Например, представляясь сектами йогов или еще Бог знает кем. Мы имеем дело с армией, Эд, настоящей армией! К тому же еще и интернациональной!

— Похоже, ты откусил больше, чем сможешь прожевать.

— Да, но я зашел так далеко, что уже при всем желании не могу отступить.

— А я не могу понять почему.— Дрейк покосился на обмякшего сенатора, затем на шизофразер, а потом на часы. Подавив зевок, он сказал: — Если уж ты так любишь скандалить, то просто взял бы да и женился.

— Это не смешно, Эд. Это так же не смешно, как управляемая роботом ракета или атомная бомба. Это так же не смешно, как биологические средства ведения войны, голод, чума и конец света.— Армстронг помолчал, глядя горящими глазами на слегка обалдевшего слушателя.— Если не веришь, послушай.— Повернув-

шись к сенатору, он резко сказал: — Уомерсли, ответьте. Международное влияние «Норман-клубов» в мире ведет к глобальной войне?

— Да,— машинально и бесстрастно отозвался сенатор.

— Зачем?

— Чтобы не дать... чтобы не дать им запустить ракеты. Маньяки... заблудившиеся в космосе... прирожденные маньяки... тянутся к звездам... если только мы не заставим их... поубивать друг друга.— Сенатор захрипел и уронил голову.

Армстронг рванулся вперед и выключил шизофразер.

— Мозговая перегрузка,— пояснил он встревоженному Дрейку.— Это было слишком большое искусственное напряжение, и мозг ищет убежища в бессознательности. Ничего, переживет.— Сняв колпак с головы жертвы, он положил прибор на пол и подложил сенатору под голову подушку.— Он выходит из состояния наркотического опьянения, но нейронные импульсы возвращают его обратно. Он немного поспит и придет в себя.— Он с досадой посмотрел на выключенный аппарат.— Проклятье, я бы выжал из него в десять раз больше, если бы не мозговое напряжение.

— А все-таки, что это за болтовня относительно «Норман-клуба»? — поинтересовался Дрейк.

Армстронг быстро и сжато изложил ему всю историю и закончил словами:

— Ты должен все знать, Эд, потому что мне понадобится твоя помощь.

— Какая?

— Я должен выдавить из этого старого политикана все, что он знает, даже если он загнется десять раз во время этой процедуры. А мне надо установить контакт с моими друзьями, затаившимися в Нью-Йорке. Еще мне надо выяснить, что произошло с Клер Мэндл, вычислить, как добраться до Джорджа Куинна. И это не все, а только половина; надо не попасться в лапы полиции и ФБР. Наконец, если получится, я должен как можно быстрее прикончить «Норман-клуб» во всем мире, пока он не прикончил весь мир!

— Три четверти из того, что ты сказал, сделать попросту невозможно,— решительно заявил Дрейк.— И

тебе остается махнуть рукой и предоставить событиям возможность развиваться своим путем.

— Ну нет, не позволю, пока меня ноги носят! — Армстронг посмотрел на неожиданно захрапавшего Уомерсли: — Ну вот, он приходит в себя. Я хочу, Эд, чтобы ты вместо меня вцепился в него и любой ценой извлек информацию. Держи его за горло двадцать четыре часа в сутки. И не дай ему сбежать. Лучше башку ему разбей!

— Ты опять уходишь?

— Отправляюсь за подкреплением. Дашь мне твой автомобиль?

— У черного хода стоит «линкольн». — Дрейк мрачно посмотрел на спящего узника: — Вот она, судьба! Пожалуй, надо обыскать его, пока он не выкинул какой-нибудь фортель.

— Я уже обыскал. У него ничего с собой не было. Если он придет в себя и начнет разглагольствовать о своем могуществе, дай ему по башке!

Выйдя через черный ход, он нашел «линкольн» и быстро рванул с места. Часы на панели управления показывали три часа сорок минут утра, луна стояла высоко. Армстронг ехал к мосту Джорджа Вашингтона. «Три четверти... невозможно» — вот как решил Дрейк. Как человек, пострадавший при первых неудачных запусках ракет, Дрейк проявлял склонность к пессимизму. Однако существовала и еще одна точка зрения, старая, проверенная и надежная — ничего невозможного нет. Все возможно.

Даже побег из этой космической тюрьмы!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Установить контакт можно было или с Нортонем, или с Мириэм. Если Хансен еще не связался с Нортонем, а перепуганная Мириэм вышла из игры, то выбора вообще может не быть. О третьей возможности даже думать не хотелось, предварительно не попытавшись отыскать Хансена.

Для первой попытки надо выбрать Мириэм, решил он. Остановив «линкольн» у телефонной будки, он на-

брал номер, полученный от нее в прошлый раз. На том конце провода автоматический зуммер долго не прекращал свое жужжание. Армстронг, ерзая от нетерпения, оглядывал пустую улицу.

Наконец послышался резкий шелчок, экран осветился, и появилась Мириэм. Волосы у нее были всклокочены; в этот час, когда рассвет едва забрезжил на востоке, от ее дневного шарма не осталось и следа.

— Доброе утро, дорогая, — весело сказал он.

— Что тебе надо? — резко спросила она. В голосе ее слышались страх и раздражение. — Разве нельзя было позвонить позже?

— Ну, ну! Будь поласковой! Я всего лишь хочу знать, где отыскать нашего общего друга, а потом ты вернешься в свою кроватку.

Она выпалила какой-то адрес и торопливо добавила:

— Но только до середины завтрашнего дня. Потом он переедет в другое место.

— Благодарю.

Он переехал через мост в Триборо, существенно снизив скорость, дабы не привлекать внимание полицейских, патрулировавших оба конца. Его пропустили, одарив небрежным взглядом. Отъехав от моста, он набрал скорость и устремился на Лонг-Айленд, где вскоре отыскал полуразвалившийся дом из песчаника, временное тайное убежище Хансена.

Хансен приоткрыл дверь и настороженно выглянул наружу. Над босыми ногами болтались подтяжки, свисавшие с торопливо натянутых брюк.

— Адрес тебе Мириэм дала? — Он быстро захлопнул за гостем дверь.

— Да. Приветливой я ее не смог бы назвать, но адрес она дала.

— Тебе повезло. Еще день, и мы бы находили друг друга по свистку. Она завтра переезжает. И я — тоже. — Он закинул подтяжки на плечи. — У тебя мешки под глазами.

— Знаю. Я всю ночь на ногах.

— Скверная привычка. До добра не доводит. — Хансен протопал по коридору, направляясь в заднюю комнату. — Пристраивайся где-нибудь, пока я нацеплю остальную одежду. — Он вскоре вернулся, небрежно неся

одежду под мышкой. Одеваясь, он спросил: — Какова наша следующая ступенька, ведущая на плаху?

— Я тебе сейчас все вкратце расскажу, — торопливо сказал Армстронг. — Где Клер Мэндл?

— Будь я проклят, если знаю. Она оторвалась от всех хвостов и куда-то скрылась.

— Оторвалась от хвостов?

— Ага. ФБР ходило за ней по пятам как ревнивый отец. Они занимались этим уже не первую неделю, ты знаешь об этом. Она послала им нежный прощальный поцелуй.

— А ты откуда узнал?

Хансен сунул ноги в башмаки и ловко зашнуровал их.

— А оттуда, что я сам ей помогал.

Нахмурившись, Армстронг проворчал:

— И ты способен так спокойно об этом говорить, видя, что я вот-вот взорвусь?

— В общем, я отправился к ней забрать список, как ты и распорядился. Она сказала, что могла бы оказать тебе более существенную помощь, если бы была в состоянии хотя бы перейти через дорогу, не имея за спиной некоего господина. Она думала, что за ней следят парни из ФБР, я же в этом не совсем был уверен. Поэтому я направил к ней двух моих ребят, чтобы они сопровождали ее, когда она выходит в город. Просто так, на всякий случай.

— И что дальше?

— Она оказалась смышленной женщиной. Она стравила этих ребят с преследователями и, когда затеялся жаркий спор, испарилась. — На лице Хансена появилось восхищение. — Такой блестящей работы мне еще не доводилось видеть.

— Газеты сообщили, что она исчезла, намекая, что с ней что-то произошло.

— Газеты! — Хансен презрительно взмахнул рукой. — Когда это газеты интересовали проверенные факты? — Он стал натягивать пиджак. — А в газетах сообщалось, что двух моих парней задержали?

— Нет.

— Вот видишь!

Армстронг задумался, потом спросил:

— А к той линдловской марионетке ты не обращался?

— К Карсону? Нет, но собирался сегодня.

— Забудь о нем. Сейчас не до него. Ситуация проясняется, и выглядит она весьма скверно.

— Скверно! — эхом отозвался Хансен. — Что ты хочешь сказать? Вернее, лучше поведай, что ты еще натворил?

— Я похитил сенатора.

Хансен, взявшийся было завязывать галстук, застыл подобно статуе. Наконец, заложив один конец галстука за другой, он открыл рот:

— Повтори, я не расслышал.

— Меня разыскивают за похищение сенатора, — сказал Армстронг. — Уомерсли.

— Итак, мы имели на руках убийство, поджог, шпионаж и саботаж в широких масштабах, — заметил Хансен, молитвенно глядя в потолок. — Теперь сюда добавилось и похищение. — Он наконец затянул узел галстука. — Где ты его спрятал?

— У Эда Дрейка, в Нью-Джерси. Я хочу, чтобы ты немедленно выехал туда со всеми твоими надежными ребятами. Сколько их у тебя?

— Пит мертв, двух задержало ФБР. Остается четверо кадровых и пятеро временных. Положиться можно только на кадровых.

— Четверо плюс ты, я и Эд. Итого семеро. А если спасем Куинна, то нас станет восемь.

— А разве Куинн нуждается в помощи? Он что, приземлился на айсберг?

— Нор-маны из Канзас-Сити держат его взаперти, дабы на него навесили убийство Эмброуза Фозергилла. Я думаю, что они не решатся зайти с ним очень далеко. Тем более сейчас. У них Куинн, но зато у нас — Уомерсли!

— Что ж, хорошо. — Хансен взялся за шляпу. — В тот день, когда ты стал моим клиентом, я сунул шею в ярмо. Более глупого поступка я в жизни не совершал! Рано или поздно мне придется расплачиваться за эту глупость лучшими годами моей жизни. — Он нахлобучил шляпу. — Ладно, развлекаться так развлекаться.

— Корень любого зла таится в деньгах, — заметил Армстронг. — Что бы ни случилось, но пострадаешь ты из-за собственной алчности. Пусть это послужит тебе уроком.

Когда Армстронг вернулся, Дрейк пребывал в состоянии, близком к панике. Захлопнув за гостем дверь, он сердито замахал руками:

— Это какая-то дьявольская затея! Этот тип наверху три часа бушевал, после того как ты уехал. Он много чего наговорил насчет власти и угроз. Мне пришлось с ним повозиться, пока я привязывал его к постели. А затем появился утренний выпуск — ты уже видел его?

— Слишком был занят. Ты записал его?

Дрейк кивнул, подошел к телевизору и включил его. На экране появилась первая полоса газеты.

ЕВРОПА РАСКРЫВАЕТ КАРТЫ

ЛИНДЛ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Требуется дополнительное финансирование национальной обороны в размере 1 000 000 000 000 долларов.

Армстронг не стал читать все подряд, перескакивая от фразы к фразе.

Кризис приближается... мы должны платить и платить, если не хотим погибнуть... не забывать ужасных уроков прошлого... На сером и мрачном горизонте маячат тучи войны... Если нам предстоит нести на своих плечах столь тяжкую ношу, все необязательные расходы должны быть сокращены... Нет большей глупости, чем расходовать людские, материальные и денежные ресурсы на строительство ракет для полетов на Венеру, и это в то время, как...

В соседней колонке появилась небольшая статья. Армстронг скользнул по ней взглядом и тут же закусил губу, перечитывая:

ВРАГ ОБЩЕСТВА НОМЕР ОДИН

Вашингтон, округ Колумбия. Разворачивается общенациональная охота на Джона Дж. Армстронга, тридцатичетырехлетнего изобретателя-любителя из Нью-Йорка. Армстронг, имеющий рост шесть футов три дюйма и вес без одежды двести тридцать фунтов, разыскивается за деятельность в пользу иностранных государств, а также за несколько убийств и одно похищение. Есть основания

полагать, что он скрывается в районе Нью-Йорка и при этом вооружен.

И ни слова об Уомерсли.

Выключив аппарат, Армстронг бесстрастно прокомментировал:

— Похоже, «кадиллак» отыскался.— И равнодушно пожал плечами. Глаза у него покраснели и припухли. На подбородке выступила жесткая щетина.— Ты бы прилег на часик, Эд. Тебе надо поспать.

Дрейк рухнул на софу, потер глаза и зевнул. Затем прикрыл рот и прислушался.

— Кто-то приехал.

Перед входом взвизгнул, останавливаясь, автомобиль. Дрейк, как замороженный, уставился на дверь. Потом медленно встал, опустив безвольно руки, и стал ждать.

Армстронг мрачно улыбнулся, открыл дверь и впустил Хансена. За агентом вошли три мускулистых типа, замыкала шествие Мириэм. Армстронг представил их Дрейку.

Когда все расселись, Хансен объявил:

— Нас уже на одного меньше. Прошлой ночью взяли Джейка. Если бы за его домом установили наблюдение, то сегодня утром спапали бы и меня, когда я заходил за ним.— Он презрительно фыркнул.— Джейк был пьян как сапожник. Сам не понимаю, что я в нем нашел.— Он повернулся к Армстронгу: — Я привел Мириэм. Пришлось.

— Понятно. Нельзя же было ее оставлять. Мы провозгласим ее ангелом, если она приготовит нам сандвичи и кофе.— Армстронг посмотрел ей вслед, когда она направилась в кухню, и сказал Дрейку: — Хорошо бы и узника накормить. Нельзя же морить его голодом.

— Он уже поел. Я сначала накостылял ему, а потом задал корму. Аппетита он не потерял — жрал как свинья.

— Отлично! Значит, созрел для еще одной дозы шизофразера.— Армстронг тяжело поднялся по лестнице и вскоре спустился вниз, неся связанного сенатора на руках. Затем, особо не церемонясь, бросил его в кресло.

Свирепо оглядевшись, Уомерсли заговорил величественным тоном оскорбленного важного лица:

— Не думайте, мерзавцы, что вам так просто сойдет это с рук.— Он каждого по очереди наградил пылающим взором.— Я запомню каждого из вас и заставлю вас помучиться, жизни не пожалею!

Хансен холодно спросил:

— Вы считаете, что еще долго проживете?

— Заткнись. Оставь его в покое.— Армстронг надел колпак на голову разъяренного Уомерсли и аккуратно пристегнул. Затем включил аппаратуру.

Тяжело дыша, Уомерсли выкрикнул:

— Армстронг, если ты...— Голос его прервался. Гнев стерся с лица, принявшего туповатое выражение.

— Домашний адрес Синглтона?

Покачивая головой, Уомерсли автоматически выдал информацию. Хансен достал блокнот и записал адрес:

— Но вы не знаете, там ли находится Куинн?

— Нет.

— Только Синглтон знает, где его прячут?

— Да.

Потерев заросший подбородок, Армстронг оглядел полуобморочного политика и безжалостно продолжил:

— Уомерсли, вы знаете, что строительство ракет номер девятнадцать и двадцать уже осуществляется?

— Да.

— Кто их строит?

— Мы.

— О-о! — воскликнул Дрейк.

— Где они строятся?

— В Йеллоунайфе.

— Обе?

— Да.

— Йеллоунайф... Это в Канаде, в диких местах,— задумчиво сказал Армстронг.— Этот трюк осуществляется в сотрудничестве с канадским правительством?

— Разумеется.

— Строительство почти закончено?

— Да.

— Насколько оно близко к завершению?

Уомерсли заморгал, словно ощущая тревогу, но все же выдал:

— Девятнадцатая готова к пробному запуску. Двадцатая будет готова максимум через два дня.

— И как только обе пройдут испытания, тут же полетят к Венере?

— Да.

Армстронг вполголоса проговорил:

— Фью! Все осуществилось гораздо быстрее, чем я полагал.— Затем вновь обратился к Уомерсли: — Но ни одна из них до Венеры не доберется?

— Нет.

Подойдя вплотную к сенатору, он спросил:

— Почему же они не долетят?

— В одном из витков горючего изменен химический состав.

— Вы хотите сказать, что горючее подается в двигатель в виде проволоки, сматывающейся с бобины, и что в одном месте вдоль этой проволоки изменен химический состав горючего?

— Да.

— Кто поставлял это горючее?

— Корпорация «Радиометаллы».

— Они сторонники «Норман-клуба»?

— Нет.

— Кто-то из сотрудников корпорации является сторонником клуба?

— Да.

— Техники и инспектора?

— Да.

— Их имена.

— Я не знаю.

— На какое время установлен взрыв? В начале, середине или в конце полета?

— Как можно дальше,— пробормотал Уомерсли.

— Вы имеете в виду — в конце, когда корабли приблизятся к Венере?

— Да.

— Стало быть, пилоты не принадлежат к числу сторонников «Норман-клуба»?

— Нет.

— И стало быть, вы понимаете, что они оба вместе с ракетами взорвутся?

— Да.

Армстронг быстро повернулся и успел оттолкнуть в сторону Дрейка, шагнувшего вперед. Затем продолжил

допрос: — Зачем затевать мировую войну, если можно таким вот образом, который вы описали, взрывать ракеты?

— Наши психокарты показывают, что состояние мира приводит к безумной ракетной экспансии, несмотря на все неудачи запусков.

— И что из этого следует?

— Уже запланирован запуск одновременно двух ракет. На следующий год — четырех, через год — десяти. И мы не в состоянии успешно бороться с таким количеством. Только война может изменить нынешний психологический настрой.

Фыркнув от отвращения, Армстронг сменил тему разговора:

— Я поведал вам историю о высланном марсианине, который предложил мне чертежи разведывательного корабля. Вы поверили в эту историю. В состоянии ли вы определять местонахождение таких сосланных?

— Нет.

— Почему?

— Нам сообщают о них, но они сразу по прибытии немедленно рассеиваются по планете, и мы не можем их выследить. Может быть, они и сумасшедшие, но все же они марсиане — а стало быть, ума им не занимать.

— Вы боитесь их?

— Они считают нас врагами.

— Их много?

— Нет. Мало.

— Известно ли вам что-либо о том оружии, похожем на фонарик, которым они пользуются?

— Это собранная на Земле модель вибрационного коагулятора.

— Обладает ли «Норман-клуб» таким оружием?

— Нет. Мы не знаем, как его производить. Кроме того, оно под запретом.

Армстронг удивленно поднял брови:

— Под запретом? И кто же его запретил?

— Находящийся с нами в контакте нормальный марсианин.

— На этой планете?

— Да.

— Этого еще не хватало! — Армстронг оглядел собравшихся тоскливым взглядом. — Еще одна шайка — на этот раз нормальных марсиан! — Он вновь переключился на одурманенного Уомерсли: — А этих много?

— Очень мало.

— Они ваши союзники?

— Не совсем.

— Что вы имеете в виду?

— Они нам мало помогают. Они против военных действий. Они придерживаются той политики, что в земные дела надо вмешиваться лишь в случае необходимости.

— Назовите хотя бы одного из них, — потребовал Армстронг.

— Горовитц.

— Вы уверены, что он уроженец Марса?

— Да.

— Почему вы так думаете?

— Он сообщил об этом, получив наше приглашение присоединиться к нам. В доказательство он снабдил нас психотроном и обучил некоторых членов клуба работать на нем.

— Ничего себе доказательство! — фыркнул Армстронг. — Вцепились в Горовитца, напели ему сентиментальную песенку, а он быстренько их на этом и поймал. А он, между прочим, известный физик, у которого мозгов больше, чем у них всех, вместе взятых, к тому же он начисто лишен угрызений совести. И как только возможность представилась, он уж ее не упустил! Сообразив, что они все помешаны на этой марсианщине, он говорит: «Берегитесь, я марсианин!», и они покупаются на это, как сосунки.

— Ну уж это мало вероятно, — усомнился Дрейк.

— А в этой безумной истории все мало вероятно. А кроме того, у некоторых норманов хватило проницательности сообразить, что любая религия для укрепления веры нуждается в святом, а то и в парочке, для чего и был избран Горовитц. — Армстронг нахмурился: — Ох, доберусь я до этого святого, дайте только выбраться из этого болота.

— Грозилась синица море поджечь, — похоронным тоном сказал Дрейк. — Да только мы уже в этом болоте

по уши. И если тебе удастся из него выбраться, то, парень, тебе сам черт не брат!

Армстронг задумчиво обратился к Уомерсли:

— А если бы нормальные марсиане приказали «Норман-клубу» прекратить свою деятельность или самораспуститься, он бы подчинился?

— Да.

— Почему?

— Они наши владыки, и мы храним им верность.

— Но они не отдавали такого приказа?

— Нет.

— Ничего себе миссионеры! — мрачно прокомментировал Армстронг. — Если верить Линдлу, то время от времени они вмешиваются в дела этого мира. Вы не знаете, почему сейчас они отказываются от вмешательства?

— Этот случай не похож на другие. Он является одним из ключевых, судьбоносных, и они чувствуют, что именно на этот раз земляне, нормальные и ненормальные, должны... сами найти свой путь... к спасению. — Сенатор закашлялся и обмяк в кресле.

— Хватит с него. — Армстронг отключил прибор и снял колпак с поникшей головы Уомерсли. — Отнесите его наверх и положите на постель. Перед следующей процедурой он должен поспать несколько часов.

Дрейк и двое парней Хансена утащили недвижимое тело сенатора. Ожидая их возвращения, Армстронг расхаживал по комнате, как беспокойный медведь в клетке. Когда все вновь собрались, он, продолжая расхаживать, обратился к ним с речью, а они следили за ним, поворачивая головы то вправо то влево, как на теннисном матче.

— Давайте по-иному взглянем на сложившуюся ситуацию. Нас разыскивают. Всех нас разыскивают, в том смысле что если не сегодня, так завтра или послезавтра кого-то все равно объявят в розыск как соучастника или недоносителя. Суть обвинений роли не играет — в чем надо, в том и обвинят. За наши скальпы дали бы много, будь то копы, ФБР, «Норман-клуб», марсианские гуманы, а также, насколько мне известно, разведка и военно-морские силы. — Армстронг внимательно посмотрел на каждого по очереди. — И что бы мы ни выкинули, глубже нам уже не увязнуть, потому что глубже некуда.

— За похищение грозит смертный приговор, — заметил Дрейк. — Так что глубже, чем на девять футов веревки, не опустишься.

Не обращая внимания на эти слова, Армстронг продолжил:

— Нам понадобится любая помощь, которую мы только в состоянии получить, а получить мы можем чертовски мало! Помимо присутствующих существуют еще лишь четверо, на которых я могу положиться, а именно: генерал Грегори, Билл Нортон, Клер Мэндл и Джордж Куинн. Попытка выйти на контакт с генералом много не даст — меня могут сразу же сцапать. Что касается Клер Мэндл, то она вне пределов досягаемости. За нее я не переживаю, поскольку она исчезла по собственной воле. Билл Нортон тоже не помощник — сам того не желая, он может лишь навредить нам. В минуты волнения он поднимает крик, а крикуны нам ни к чему. Остается лишь Куинн.

— И мы знаем, кто его удерживает, — сказал Хансен с заблестевшими глазами.

— Мы знаем, кто его удерживает, — подтвердил Армстронг. — Поэтому следующий наш шаг — освобождение Куинна, и любой ценой. — Он помолчал. — Есть предложения?

Дрейк задумчиво потер подбородок:

— Не считите за критику, если я спрошу: зачем нам Куинн? Нас семеро, считая и Миризм. Семь крыс, спасающихся бегством! Что изменится, если нас станет восемь?

— Мы станем сильнее на одного человека. Кроме того, Куинну известно кое-что из того, чего мы не знаем. Кое-что весьма ценное, — объяснил Армстронг. — Он знает, когда, как и откуда подует ветер.

Дрейк поморщился, глядя на него, затем махнул рукой и хмуро сказал:

— Ладно, не обращайтесь на меня внимания. Видимо, я настолько опустился, что даже простого английского понять не могу.

Армстронг глянул на часы:

— Мы уже потеряли слишком много времени. У нас два автомобиля — Хансена и Дрейка. Ехать нам далеко, так что выезжаем сразу же, как будем готовы. — Он

указал на аппаратуру: — Если найдется место, то надо взять с собой и эту штуковину. Может пригодиться, если какая-нибудь канарейка не захочет щебетать.

— Встречай нас, Канзас-Сити! — Хансен поднялся, за ним и его люди. — Лишь бы по дороге нас не сцапали!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дом Синглтона выглядел так радушно, словно у хозяина вообще не было врагов в этом мире. Старый, слегка обветшавший дом стоял среди лужаек ухоженного поместья, живописным и респектабельным видом делая честь любому банкиру. Зрелище порадовало Армстронга, не ожидавшего после тюрьмы Уомерсли оказаться в таком приятном месте.

Он сидел на переднем сиденье первого автомобиля рядом с Хансеном, расположившимся за рулем.

— Этот болван Уомерсли признал, что Синглтон знает его в лицо, — сказал он. — Еще нам известно, что в данный момент Синглтон находится дома. Нам здорово повезло, что мы проехали такое огромное расстояние без приключений, стало быть, можем и дальше рассчитывать на удачу. Что скажешь, если мы выставим перед собою Уомерсли и напрямик направимся в дом?

— Мне нравится эта идея. — Хансен окинул острым взглядом дом, стоящий на той стороне дороги. — Мне всегда нравилось двигаться быстро, а не медленно. Если двигаешься медленно, то даешь другим время подумать.

Армстронг поднялся по широким ступеням. Рядом шагал Хансен, остальные — позади. У дверей они позвонили в колокольчик. Им открыла хорошенькая служанка.

Улыбнувшись, Армстронг снял шляпу и спокойно сказал:

— Приехал сенатор Уомерсли с друзьями. Мы хотели бы срочно увидеть мистера Синглтона. Прошу вас, передайте ему, что предмет нашего разговора не терпит отлагательств.

Она улыбнулась в ответ, оглядела присутствующих без всякого подозрения и прошептала:

— Пожалуйста, подождите минутку.— Она повернулась и удалилась, так кокетливо помахивая юбочкой в оборках, что у Хансена поднялись брови. Вскоре она вернулась: — Мистер Синглтон немедленно вас примет.

Шагнув за порог, Армстронг отдал ей шляпу, не вынимая другой руки из кармана, где лежал револьвер. Точно так же поступил Хансен и трое его людей. Уомерсли, которого дружески поддерживала под руку Мириэм, а сзади подталкивал Дрейк, величественно-рассерженно проследовал внутрь.

Разместив шляпы, горничная провела их по просторному холлу и открыла дверь, расположенную в его дальнем конце. Армстронг остановился и махнул рукой Уомерсли. Сенатор, одарив его таким взглядом, которым смотрят на крупного должника, вошел в дверь, все так же привязанный к Мириэм и подпираемый сзади Дрейком. Следом — остальные пятеро. Служанка тихо закрыла за ними дверь.

В комнате находились четверо, и Армстронг узнал троих из них, ничем не выдав своего удивления. Из глубокого кресла начал выбираться маленький иссохший человечек. Синглтон, судя по всему. Навстречу визитерам с соседнего кресла встал Линдл. Спинной к пустому камину, раздвинув ноги и сложив руки за спиной, стоял Горовитц, по-совиному глядя через толстые стекла очков на вошедших. Четвертой оказалась Клер Мэндл. Она сидела у стола, одной рукой упираясь в полированную поверхность, а вторую приложив ко рту. Ее глаза эльфа расширились при виде Армстронга.

— Ну и ну, Юстас,— пронзительным голосом выразил изумление Синглтон.— Вот так сюрприз! — Твердо встав на ноги, он направился к Уомерсли: — Я думаю...

— Ты правильно думал,— громко и отчетливо произнес Линдл, делая пару шагов назад.— И теперь у тебя хлопот полон рот.

— Хм? — Нога Синглтона застыла в воздухе и не скоро опустилась на пол. Он двигался, как на медленно пущенной киноплёнке. Так же неуклюже повернувшись, он посмотрел на Линдла: — Что ты хочешь сказать? Ты разве не видишь, что это Юстас...

— Заткнись и сядь! — рявкнул Линдл.— Явление блаженного Даниила! — Он устремил взгляд темных глаз

на Армстронга: — Ну хорошо, ближе к делу. Что вам нужно?

— Нам нужен Джордж Куинн, — спокойно ответил Армстронг. Синглтон испуганно посмотрел на него. — И да помогут вам небеса, если он мертв!

Синглтон побледнел и отшатнулся.

— Не двигаться! — Армстронг прошел вперед. Краем глаза он увидел, как Линдл сел в свое кресло и намеренно закинул ногу на ногу. Клер продолжала сидеть у стола, не сводя с Армстронга широко раскрытых глаз. Горовитц не отходил от камина.

— Где Джордж Куинн?

Синглтон тупел на глазах. Округлившиеся глаза блуждали по комнате, он попытался поднять руки, но тут же опустил их.

Выкрутив из настенного светильника лампочку, Армстронг осмотрел ее, скривился и ввернул на место.

— В чем дело? — поинтересовался Хансен.

— Пятидесятиваттная. Должно быть, в этой дыре работает собственная генераторная станция. Шизофразер тут не подключишь — ему нужно сто десять.

— Можно отвезти его в какое-нибудь другое место. Не в одном же... — Хансен смолк, когда Дрейк толкнул его в бок.

— Присмотри-ка за этим болваном, — сказал Дрейк, показывая на раздраженного Уомерсли. Хансен подошел к сенатору, а Дрейк намеренно неторопливо двинулся к Синглтону. Лицо Эда странно побледнело, на лбу выступили капельки пота. — Я сам о нем позабочусь, — проскрежетал он. Все смотрели на Дрейка как зачарованные. Подойдя вплотную к Синглтону, он сказал тихо, но отчетливо: — У меня с тобой личные счеты, ты, грязная крыса!

Вновь всплеснув руками, Синглтон съезжился в кресле. Нависнув над ним, Дрейк продолжил тем же негромким голосом:

— Помнишь ту ракету, что взорвалась еще на стапелях? Тогда погибли шестьдесят человек, не забыл? Одним из них был инженер-синхронист по имени Тони Дрейк — мой брат! *Я видел, как он погиб!* — Голос его зазвучал громче. — Все это произошло по *твоему* замыслу, сморщенная ты вошь! — Он выхватил из кармана руку, в которой что-то блеснуло, отливая голубым, металличе-

ским.— А вот мой замысел! Даю тебе десять секунд на то, чтобы ты сказал нам, что вы сделали с Джорджем Куинном. И если ты не поторопишься, твои мозги разлетятся по стенке — вот такую мы с тобой заключим сделку!

Револьвер рывкнул внезапно и зловеще, потрясая звуком всех находящихся в комнате. Синглтон издал пронзительный вопль боли, эхом заметавшийся между стенами. Ухватившись за левую ногу, он попытался прижать ее к себе. Лицо его настолько утратило цвет, что приобрело странную прозрачность.

Армстронг напряженно двинулся вперед, а Дрейк произнес прямо в искаженное лицо Синглтона:

— Пять, шесть, семь, восемь...

Револьвер начал подниматься.

— Он в Кифере! Его нет здесь, он в Кифере, я все скажу! — пронзительно выкрикнул Синглтон.

— Живой? — не отставал Дрейк. Его ненависть заливала жертву.— Куинн *живой*?

Синглтон хрипло перевел дыхание и отчаянно завопил:

— Да, он живой. Он в Кифере, и он живой! Я же говорю!

— Где этот Кифер?

Спокойно и иронично вмешался Линдл:

— Местечко, о котором упоминает этот жалкий слабак, находится в получасе езды отсюда. Там имеется телефон. Вы избавитесь от кучи проблем, не говоря уж о мелодраматических, если Синглтон позвонит и прикажет привезти Куинна прямо сюда.

По каким-то непонятным причинам от этих слов Дрейк еще больше разъярился. Повернувшись к Линдлу, он навел револьвер теперь уже на него:

— Кто просил тебя раскрывать пасть? Сейчас черед этой трусливой собаки отвечать на вопросы, а когда...

— Спокойнее, Эд! — Армстронг быстро встал между ними и выхватил у Дрейка револьвер.— Успокойся! Хорошо? Успокойся!

Дрейк медленно, очень медленно перевел дух. Наконец он сказал:

— Хорошо. Пусть эта вошь звонит в Кифер. И тогда это явится сигналом для их банды бросить Куинна в реку по дороге сюда, где они на нас и нападут.

— Испытаем судьбу.— Армстронг уставился на сто-
нущего Синглтона: — Я не думаю, чтобы мы просчита-
лись,— иначе этот малый подпишет себе смертный
приговор. Бери телефон,— сказал он Синглтону.— Пусть
немедленно везут сюда Куинна.

— Моя нога! — захныкал Синглтон. Он скинул бо-
тинок, демонстрируя пропитавшийся кровью носок.—
Дайте мне сначала забинтовать ее. Я же истеку кровью
и умру!

— Умрешь! — Армстронг, зловеще улыбаясь, уста-
вился на испуганного Синглтона.— Миллионы людей
умрут, если вы продолжите свое дело. Если тебя они не
волнуют, так ты нас тем более! — Он ткнул трубку в
дрожащую руку Синглтона: — Валяй. Говори что хо-
чешь. Можешь вопить, призывая на помощь, если то-
ропишься умереть!

Синглтон поднес трубку к уху, убрал дрожь из голоса
и заговорил достаточно властно:

— Везите Куинна сюда. Да, немедленно! — Положив
трубку, он снял носок и попытался перебинтовать рану.

— Неизлечимый сентименталист.— Линдл посмот-
рел на Армстронга.— Насколько мне известно, вы пер-
вый из подтвержденных нормальных, проявивших ду-
ховную лень в обуздании собственных эмоций. Посмот-
рим, куда это вас приведет.— Он самоуверенно хмык-
нул.— Награда — двести тысяч за живого или мертвого! —
Он насмешливо-сокрушенно покачал ухоженной голо-
вой.— Помните, как я говаривал вам некогда: посмот-
рим, как вам теперь понравится этот сумасшедший дом?

Ответа он не дождался. Армстронг бесстрастно, как
сфинкс, уставился на него.

— А вскоре он станет еще безумнее,— пророчество-
вал Линдл.— Никогда не перестану изумляться тому,
что нормальный может поддерживать психов. У меня
нет этому объяснений. И у меня складывается впечат-
ление, что или психотрон вышел из строя и поставил
вам неверный диагноз, или нам так и не удалось убедить
вас в истинности фактов прошедшей и нынешней ис-
тории. Лично я склоняюсь к последней гипотезе. Вы
нормальный, но неизлечимый скептик. И ваше желание
прошибить головой стену я объясняю вашей неспособ-
ностью понять, чему вы противостоите. Вы не хотите

верить собственным глазам! — Он выпрямился в кресле. — А вам всего-то и нужно — взять и поверить им. И позвольте напомнить — раскаяться еще не поздно.

На лице Армстронга по-прежнему ничего не отразилось; губы его были просто сжаты.

— Наша власть такова, — похвастался Линдл, не желавший попусту тратить время в ожидании, — что мы сегодня же могли бы снять все обвинения против вас и ваших друзей. А завтра мы сделали бы вас национальным героем. А послезавтра — богатым человеком. И вас, и ваших друзей.

— Что вы подразумеваете под богатством? — проявил внезапный интерес Хансен.

Темные насмешливые глаза Линдла перескочили на агента.

— Мы не скряги. По сто тысяч на брата.

— Маловато. — Хансен махнул рукой в сторону Армстронга: — Он обещал мне полмиллиона. Так что даже врать он умеет лучше вашего!

В холле пронзительно зазвенел колокольчик. Армстронг кивнул Хансену:

— Разберись. Возьми с собой пару твоих людей.

Хансен вышел, сопровождаемый двумя парнями. Линдл безнадежно пожал плечами и откинулся на спинку кресла. Уставившись в потолок с выражением невыразимой скуки на лице, он принялся раскачивать кресло, да так сильно, что передние ножки оторвались от пола.

Холодно и расчетливо Армстронг выстрелил в голову Линдла прежде, чем спинка кресла коснулась кнопки, вмонтированной в стену. Тело забилося и сползло на пол. Мириэм начала издавать какие-то мяукающие звуки. Клер закрыла лицо ладонями.

В следующую секунду, растянувшуюся чуть ли не на вечность, Армстронг мельком успел увидеть, как Горовитц угрожающе снимает очки. На большее у него не хватило времени. Синглтон, повизгивая от страха, вставал из кресла, держа некий предмет, который, очевидно, был спрятан в спинке кресла. Дрейк, безоружный, устремился на него, тяжело дыша, как боксер.

В холле прозвучали два выстрела, еще громче завопила Мириэм, позади Армстронга тяжело затопали чьи-

то шаги. Он развернулся, направляя револьвер на Синглтона, но Дрейк блокировал линию огня. Отшвырнув револьвер, Армстронг вскочил с подлокотника кресла, на котором сидел, стремительно развернулся, выхватил Уомерсли из рук человека Хансена, крикнул, переворачивая тяжелое тело сенатора вверх ногами, и опустил его на пол черепом вниз. Уомерсли завопил, ударился головой и обмяк.

В холле послышался выстрел, затем еще два. Мириэм, широко раскрыв рот, металась по комнате. Еще один выстрел прозвучал, но уже в комнате, и Дрейк рухнул на кресло Синглтона. Синглтон спихнул с себя тело, встал, опираясь на одну ногу, и навел револьвер на Армстронга. При этом Синглтон истерично вопил, и руки его тряслись так, что ствол ходил ходуном. В глазах его отразилась смертельная нерешительность, когда из-за спины Армстронга бочком выдвинулся Хансен, и это его погубило.

Слабеющая рука Дрейка вдруг дернула его за здоровую ногу, свалила на пол и схватила револьвер. Оружие грохнуло на уровне ковра, и Синглтон завизжал, как пойманный кот. Он согнулся пополам, держась за живот, и вскоре затих.

Лежа на ковре, Дрейк выплюнул кровь изо рта и сказал прощальным голосом:

— Есть закон... он всем подходит... даже этим проклятым марсианам — око за око! — В горле у него забулькало. Он выпустил оружие, ткнулся лицом в согнутую левую руку и перестал дышать.

Армстронг огляделся. Горовитц по-прежнему стоял у камина, в той же позе и не меняя бесстрастного выражения лица. Клер сидела на своем месте, закрыв лицо руками. Линдл, Синглтон и Дрейк мертвые лежали на полу. Один из людей Хансена мрачно смотрел на покойников, а Мириэм стояла у дверей, застыв, как сомнамбула.

Позади Хансена в дверях показалась горничная, за ней Джордж Куинн и остальные.

— Одного из моих парней прикончили, — объявил Хансен. — Мы пристрелили двоих. — Его темные ястребиные глаза уставились на перепуганную служанку. — Она первой оказалась у дверей и подала им какой-то

сигнал. Они схватились за пушки. Эта попыталась сбегать, пока мы были заняты. И привела бы сюда целый город, если бы Куинн не перехватил ее.

— Хорошая работа, Джордж,— одобрил Армстронг.

— Вскоре она уже не будет казаться такой хорошей,— отметил Куинн, оглядывая место сражения.— Через двадцать минут из Кифера позвонят, чтобы убедиться, в порядке ли тут дела.— Он встревоженно посмотрел на Армстронга: — Я, конечно, понимаю, ребята, что вы все это сделали ради меня, но...

— Давай-ка повременим с речами,— сказал Армстронг, подобрал револьвер и сунул его в карман.— Нам надо убираться отсюда, и побыстрее. Трупы оставим здесь, а остальных заберем с собой.

— Всех? — Хансен пересчитал их — Горовитца, служанку, Клер Мэндл и Уомерсли, начавшего подавать признаки жизни.— Это же еще четверо!

— Мы не можем оставить ни одного из них, иначе он организует погоню. У нас четыре надежных автомобиля. Мы заберем все машины и всех живых.— Он посмотрел на Горовитца: — Ты первый — шевелись!

Клер открыла лицо и сказала:

— Джон, я думала, что тебе нужен Куинн. Но я...

— Позже,— мягко сказал он ей.— Позже поговорим. Не сейчас.— Он махнул рукой Горовитцу. Тот покорно зашагал к двери.

Парадные двери закрыли на замок, погрузились в четыре автомобиля и рванули с места. Впереди, с Хансеном за рулем, несся автомобиль Горовитца, низкий, приземистый. Хансен включил имеющуюся в машине коротковолновую рацию, но и час спустя в эфире не прозвучала тревога, поднятая полицией. Подкатив к космопорту, вся кавалькада намеренно степенно двинулась к контрольной вышке.

Не получив ответа на свой звонок, люди из Кифера в организации случившегося заподозрят шайку марсианских гу-манов. И начнут они свое расследование, видимо, в этом направлении, тем самым дав беглецам возможность скрыться. И еще в течение часа в эфире стояла тишина, пока готовился к полету нанятый людьми Армстронга реактивный двенадцатиместный самолет.

Пока турбины самолета, разогреваясь, вращались на малых оборотах, пассажиры занимали свои места. Горовитц взошел на борт с тем же непроницаемым выражением лица. Уомерсли, уже пришедшему в себя, но спотыкающемуся на каждом шагу, пришлось помочь. Дежурные космопорта проводили его сочувственными взглядами, ничего не заподозрив. Служанка, поднявшись на трап, повернулась, словно набравшись решимости завопить, но глянула в глаза поднимающемуся следом Хансену и передумала. Остальные поднялись на борт, сохраняя на лице полную невозмутимость.

Джордж уверенно поднял самолет на высоту пять тысяч футов и направил его напрямик на юг. Курс, таким образом, совпадал с заявленным, не вызывая подозрений у наблюдающих за отлетом. Самолет постепенно набирал скорость. Пассажиры молча сидели на своих местах.

Устроившись в сиденье второго пилота, Армстронг обратился к Куинну:

— Что произошло с Фозергиллом?

— Подробности я не знаю, но, похоже, в одном ты оказался прав: он что-то знал. И проболтался — или собирался. Я слышал, как в его кабинете спорили, затем раздался выстрел. Я по глупости влетел туда и увидел Мюллера, который, держа в руках дымящийся пистолет, смотрел, как Фозергилл, рухнув на письменный стол, выпускает дух. Мюллер посмотрел на меня как на пустое место. Даже пистолет не удосужился на меня направить. Не успел я и кулаки сжать, как меня сзади огрели по башке.

— Не повезло.

— Очнулся я в грузовике, который мчался в Кифер, и с тех пор я там и находился — под арестом. Мне позволили смотреть новости, из которых я узнал, что убийство повесили на меня и теперь меня разыскивают власти. Оттуда же узнал, что и тебя разыскивают, обвиняя во всех смертных грехах. — Он искоса глянул на слушателя. — Когда Синглтон позвонил туда, я подумал, что все, вышло мое время. И крайне удивился, когда парни, оказавшиеся вашими, набросились на моих охранников.

— Я думаю, охранники тоже удивились,— предположил Армстронг, нахмурившись.— Я позаимствовал у мудрых людей одну истину — нападающие всегда получают преимущество. Вот поэтому нам и везет — пока.— Он задумчиво посмотрел на расстилающиеся внизу поля, над которыми самолет, разворачиваясь, делал вираж.— Теперь на север, Джордж. Место назначения — Йеллоунайф.

— Йеллоунайф? — удивился Куинн.— А что нам там делать?

— Ставить мат в один ход,— сказал Армстронг.— Если удача не отвернется и черт не помешает!

Оставив место второго пилота, он прошел в салон и устроился рядом с Клер Мэндл.

— Мы собираемся посадить тебя.

— Почему?

— Потому, что мы скрываемся от закона,— сказал он.— Тебе ни к чему обвинение в добровольном пособничестве.

— Но, Джон, не может же такое положение длиться вечно! Нельзя же, подобно какому-нибудь проходимцу, провести остаток жизни в бегах. Ты пытаешься противостоять силам, которые неизмеримо могущественнее тебя. Я знаю. Я сама пыталась помочь тебе, но тщетно.

— Ну-ка, расскажи,— предложил он.

Она помолчала, теребя носовой платок и стараясь совладать с собой. Наконец сказала:

— Я проанализировала все рассказанное тобой, и получилась некая картина. А когда я прочла об исчезновении Джорджа Куинна, я пришла к выводу, что этот удар направлен в основном против тебя. Я догадывалась, что ты его ищешь и он нужен тебе позарез.

— И ты знаешь почему?

— Думаю, да.

— И что же дальше?

— Я поняла, что все нити ведут к «Норман-клубу». Я вспомнила, как они пытались заигрывать с Бобом. И если они интересовались Бобом, то и сестра его могла оказаться заслуживающей внимания. А когда к людям относишься дружески, они иногда многое могут рассказать. Мне показалось, что есть возможность заслужить их доверие, если выяснить, кто именно отвечает за

исчезновение Куинна. Один из тех, кто приставал ко мне с просьбой поделиться о тебе информацией, был Карсон, представившийся секретарем сенатора Линдла. Я оторвалась от своих хвостов и направилась на встречу с Линдлом.

— Продолжай,— подбодрил он.

— Линдл отсутствовал. Карсон переадресовал меня к Горовитцу, который сообщил, что Линдл уехал в Канзас-Сити. Горовитц расспрашивал меня о работе Боба и о твоей деятельности, но я изобразила полное невежество. Наконец он предложил лично сопроводить меня в Канзас-Сити, к Линдлу. Я приняла его предложение.

— Прекрасный пример того, что ангелы пробегают там, где дураки боятся и ступить,— прокомментировал Армстронг.— Но ты бы оставила свои бесплодные попытки, если бы знала то, что знаю я.

— Не перебивай! — огрызнулась она.— В общем, я напрягла все извилины, чтобы разговорить Горовитца во время нашего путешествия. Я еще не встречала такого человека, который бы столько болтал, но при этом ничего, собственно, не сказал. Так что мне приходилось лишь читать между строк да догадываться.

— Из чего ты, очевидно, узнала много интересного относительно моего будущего,— предположил он.

Она улыбнулась:

— Я поняла, что он очень умный человек, автор двух-трех изобретений, которые его прославят. И у него хватает мозгов, чтобы суметь воспользоваться предоставившейся возможностью. Он похож на второго, только более талантливого, Гитлера, на этот раз возглавляющего подпольные войска.

— Я тоже пришел к такому выводу,— согласился Армстронг.— И у него имеются враги среди тех, кто тоже слишком много знает. И они тоже находятся в подполье и стремятся присвоить себе его овалции, которые он получит в тот момент, когда объявит себя марсианином. Хотя они считаются безумными марсианами. А безумие — опасное оружие.

— От этого-то борьба становится еще более отчаянной,— заметила она.— Это не просто схватка двух сторон. Здесь таких сторон много. «Норман-клуб» против

гу-манов, против тебя, против властей.— Она ненадолго задумалась.— В конце концов мы добрались до Канзас-Сити, и я оказалась в положении почти пленницы. Что ж, я не возражала. По крайней мере я узнала две вещи.

— Какие?

— Кларк Маршалл прошел проверку психотроном, поставившим ему диагноз ненормальности. Кларк много знал и представлял для них угрозу. Его тщетно пытались найти, но их соперники любезно оказали им эту услугу.— Она закрыла глаза и понизила голос.— Но, мне кажется, Боб присоединился к ним. Присоединился, чтобы дурачить их, а сам искал возможность передать эту информацию правительству. И они это поняли.

Он мягко коснулся ее ладони:.

— Теперь наш черед. Ждать и узнавать!

Он поднялся и прошел вперед.

— Как дела, Джордж?

— Идем на восток-северо-восток. Скоро возьмем курс прямо на север. На коротких волнах по-прежнему ни писка.— Куинн взялся за ручку переключения диапазонов: — Попробуем на средних.

И тут из приемника донеслось:

— ...определил все обвинения в тайных попытках установления диктатуры как политические маневры, которые никого не обманут. Далее генерал Грегори сообщил, что в качестве только что назначенного главнокомандующего объединенными оборонительными силами он принимает на себя всю ответственность за приказы, исходящие из его штаб-квартиры, и что вооруженные силы будут охранять внутренний покой любой ценой. Он заявил, что воспользуется данной ему большой властью для того, чтобы уберечь мир, и если мир будет нарушен, то не Соединенные Штаты Америки будут в том повинны. На вопрос, включены ли имена сенаторов Линдла, Эмблтона и Уомерсли в тот список, который попросил подготовить президент, генерал коротко отрезал: «Мне больше нечего сказать!»

Оторвавшись от приборной доски, Куинн увидел, как в глазах Армстронга зажглись веселые огоньки.

В эфире затрещало, затем последовало продолжение:

— В исполненной зловещих предчувствий речи, произнесенной сегодня в Клермон-Ферране, француз-

ский военный министр напомнил, что Францию уже два раза застигали неподготовленной. Объявив о мобилизации следующих трех наборов, он предупредил, что существующее положение в мировой политике почти неизбежно ведет к третьей, и последней, мировой войне. Франция, заверил он, любой ценой будет отстаивать свою целостность, и он хотел бы сказать своим потенциальным врагам, что в ее арсенале имеется оружие помощнее атомной бомбы. В сенсационной статье, опубликованной в сегодняшнем выпуске «Дерьбер ну-вель де Страсбур», утверждается, что одно из таких вооружений может привести к распространению эпидемии неочумы.

Куинн вновь поднял голову. Армстронг разозлился.

— Дело идет к критической точке, Джордж, — проворчал он. — Время близится к концу. — Присев на подлокотник кресла второго пилота, он устало потер лоб. — Невидимая империя раскинулась по всему миру. Она цинична и безжалостна и надеется, что сможет существовать до тех пор, пока будет придерживаться принципа «разделяй и властвуй!». Но у нее имеются слабости! — Он сердито поскреб заросший щетиной подбородок. — Наверняка имеются! И она может развалиться как карточный домик. И пусть тогда небо помогает большинству из нас, если мы не нанесем наш удар в нужное время и в нужном месте. Пусть помогают небеса человечеству, монументами которому станут громадные грибовидные облака, встающие над морем скорби!

Куинн помрачнел и перевел взгляд на панель управления самолетом, который слегка завалился на одно крыло.

— Четыре Всадника, — продолжал Армстронг, разговаривая сам с собой, — пролетят над землями, и оттуда, где еще останется чье-то дыхание, донесутся лишь вопли. Грянут атомные бомбы и эпидемии неочумы. И полетят стрелы днем, а по ночам люди будут умирать от эпидемии! — Голос его наждаком резал уши Куинна. — И не спастись нам, охотясь за ведьмами по всему миру, ибо слишком много их и слишком хорошо они замаскированы. — Он склонился вперед и сказал Куинну: — Но что, если все их колдовство вдруг устареет на десять тысяч лет?

— Что? — испуганно переспросил Куинн.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Завершив разворот, они полетели прямо на север, держась на высоте двадцать тысяч футов, миновали гору Каунсил-Блафс и затем Миссури и реку Джеймс. На коротких волнах в эфире по-прежнему царило молчание. Или бойню в доме Синглтона еще не обнаружили, или еще не определили настоящих преступников. Скорее всего, последнее, решил Армстронг, понимая, какие мысли владеют сейчас его противниками. В этот самый момент, по всей вероятности, Дрейка пытаются идентифицировать как одного из марсианских изгнанников. И чем дольше враг карабкается не по тому дереву, тем продолжительнее отсрочка, данная беглецам, и надо воспользоваться каждым предоставленным часом, каждой минутой.

Самолет, ревя турбинами, летел на юг. Внизу расстился мир. Мир измученный, усталый, расколотый на куски различными автократами, бюрократами, теократами и технократами и другими разновидностями автократических крыс. Мир, в котором простому человеку просто некуда было пойти, без того чтобы кто-то не вмешался в его судьбу.

В давным-давно прочитанной им книге описывалась картина так называемого цивилизованного существования, представляющего собой последовательность застывших состояний, считающихся препятствием на пути эволюционного процесса. Что же это была за книга? Армстронг не сразу вспомнил название — «Прелюдия к Разуму» Грейнера. Да, все сложилось бы совсем по-другому, если бы его намерения нашли подтверждение в книге судеб. Человечество расцвело бы, как цветок на солнышке.

Теперь же, в этот самый момент, пятьдесят тысяч подкованных сталью сапог демонстрируют давно забытый «Пассо Романо» — тоталитарный гусиный шаг по туринской Виа-Милано. В подземных заводах Урала грузятся на гидравлические подъемники ядерные боеголовки. Озера культурного бульона процеживаются на базе бактериологических исследований во французском Лионе. Пробный фосфорный дождь выжигает поле пшеницы где-нибудь в Болгарии. Британские газеты

заняты травлей некоего политического деятеля, осмелившегося заявить, что дорога к войне вовсе не является тропой мира.

В передовицах, по радио и телевидению, по каждому каналу, льются потоки лжи, полуправд и намеренных искажений, которые в конце концов извлекают толпы кретинов всего мира из их нор и бросают в пучину смерти. Хоры подозревающих и ненавидящих медленно, но уверенно доводят дело до кульминации, нужной тем, кто дирижирует хорами, — убить или быть убитым!

На тех же, кто пытается противостоять, обрушиваются, используя клеветнические методы. Позже, когда оцепенелые массы уже готовы, та же клевета подводит жертву к чистой стене перед расстрельной командой. Сначала толпу заставляют вопить в пользу Варравы, а затем и саму ее пускают на пушечное мясо. Как собак, пускающих слюни при звуке колокольчика академика Павлова!

Колеблемый мир начинал качаться, держась на единственном самолете, летящем над ним. В Лондоне два смуглолицых иностранца, находясь в двадцати милях друг от друга, распаковывали и прятали контейнеры, содержащие шестьдесят процентов критической массы плутония. В нужное время куски сдвинут — но пока еще не сдвинули. Пока! В Балтиморе взвод поднятых по тревоге агентов секретной службы захватил цилиндр оксида тория, пристрелив его владельца и арестовав четырнадцать соучастников. В германском Эссене взорвалась реторта с радиоактивным фтором и восемьдесят рабочих быстренько превратились в тех, по ком звонит колокол. На десять человек больше пали жертвой нового и пугающе опасного вируса проказы — феномена, призванного, по мнению профессионалов по сталкиванию людей в пропасть, облегчить человечеству дорогу к забвению. А самолет все летел.

Куинн ловко произвел посадку на естественной полосе близ Бисмарка, подальше от местного космопорта. Сначала на землю прыгнул один из помощников Хансена, за ним Клер и Горовитц, который по-совиному заморгал, стоя на траве и озираясь.

— Может быть, вы и уроженец Марса, а может быть, и нет, — сказал, обращаясь к нему, Армстронг с высоты

фюзеляжа.— И может быть, я сам розовый жираф. Жизнь полна различных «может быть», не так ли? — Он усмехнулся, показывая крупные белые зубы.— И вот еще одно из этих «может быть» — может быть, мы все-таки окажемся там, куда стремимся!

Горовитц не удостоил его ответом и лишь холодно блеснул стеклами очков, посмотрев на говорящего.

— Продержите его по крайней мере трое суток,— проинструктировал Армстронг агента, работающего на Хансена.— После этого передайте его ФБР. Делайте что хотите, но не дайте сбежать. Расшибите ему башку, если он хоть на шаг отойдет от вас.

— Я постараюсь, чтобы он остался в живых,— мрачно пообещал охранник.

— Ох, Джон,— Клер встревоженно подняла на Армстронга свои чуть раскосые глаза,— Джон, я...

— И может быть, мы еще увидимся,— сказал он. Он бросил ей конверт, который она подхватила и сунула в карман.— Оставайся с ними и присматривай за его змеиным величием марсианином. Затем обратишься к Грегори. Все будет хорошо. За нас не переживай.— Он всмотрелся в ее черты, словно фотографируя на память.— Прощай, эльф!

Он закрыл дверь самолета, который сразу же оторвался от земли и быстро набрал скорость. Усевшись рядом с Куинном, Армстронг задумчиво наблюдал через стекло за оставшейся троицей, пока те не скрылись из виду.

— Этот башковитый очкарик такой же марсианин, как мой левый башмак,— внезапно сказал он.— Как говорят ирландцы, если я нормальный и он нормальный, значит, один из нас псих.

— Он может доказать свою нормальность,— сказал Куинн.

— И что из того? Предположим, что в конце концов мы докажем, что он лжец?

— А то.— Куинн ненадолго задумался.— Хороший лжец может изменить ход истории, сделав ее кровавой. Такие лжецы опасны. А я нутром чувствую, что он принадлежит именно к таким.

— Вот и я чувствую.— Покинув Куинна, Армстронг прошел по салону и сел рядом с угрюмым Хансеном.—

Пересекаем границу.— Он кивнул в сторону расстилавшегося внизу пейзажа: — Вот и еще одно преступление — нелегальный въезд.

Хансен насмешливо фыркнул:

— Вот это меня и тревожит. Открытое неповиновение властям. Скверно.— Он с любопытством посмотрел на Армстронга: — Почему ты высадил свою зазнобу?

— В последнем раунде игры она нам ни к чему. Мы рискуем — пан или пропал. Я не хочу, чтобы она пропала со мной. Так что пусть везет к Грегори письмо, в котором рассказывается о том, что уже произошло и что мы намереваемся сделать. А уж он постарается сделать выводы.— Армстронг помолчал размышляя.— Самое главное, она не поняла, что я избавился от нее перед наступлением конца.

— Конца?

— Конца этой гонки.

— О,— недоуменно протянул Хансен.

Куинн покрутил ручку настройки и поймал конец сообщений о международных делах:

— ...и сами по себе жители тех стран хотят войны не больше, чем мы. Как и мы, они испытывают тревогу и хотят лишь одного — чтобы все споры заканчивались мирным путем. Подобно нам, они верят в четыре свободы.— Голос диктора окреп.— К этому призывают их естественные инстинкты, инстинкты маленьких людей, которые хотят, чтобы их оставили в покое. Но им не позволяют опираться на эти естественные инстинкты, когда каждый канал средств массовой информации отравляет их сознание, вводя их в заблуждение относительно чувств и намерений их ближайших соседей; когда они вынуждены жить в обманчивом и иллюзорном мире, который преподносится им как смертельно враждебный, так что постепенно они вынуждены мчаться куда-то сломя голову, с саблей в руке, желая умереть при защите того образа жизни, которому никто и не угрожал. С неохотой и сожалением, с тяжелым сердцем, мы тоже вынуждены взять в руки саблю, дабы защитить все то, что нам дорого. И нет пути иного, нет альтернативы. Мы должны быть готовы к битве или к необходимости умереть!

Выключив радио, Куинн развернулся вместе с сиденьем и посмотрел на Армстронга. Тот в свою очередь глянул на Уомерсли и встретил его сердитый взгляд.

Армстронг повернулся к Хансену:

— Диктор, разумеется, прав. В нашей стране, я бы сказал, нормальных больше, чем в любой другой, однако же, если психи остального мира соберутся в стадо, нам не уйти от решающей схватки.

— А может, оно и к лучшему, если мир втянется в заваруху,— предположил Хансен.— Тогда все будут настолько заняты, что не обратят внимания на такую мелочь, как мы. У копов и ФБР появятся цели покрупнее.

— Ты ведь так не думаешь, я знаю. Ради того чтобы о тебе забыли, ты же не позволишь миру разлететься вдребезги.

— Да нет, конечно. Так и быть, останусь вечным скитальцем.— В темных глазах Хансена отразилась задумчивость.— По-моему, как нация мы не производим впечатления воинственной толпы. Мы не из тех, кто жаждет крови. Если где-то что-то и начнется, то начнем не мы. Может быть, это потому, что у нас меньше психов или больше нормальных.

— Может быть,— согласился Армстронг.

— Я понял, что ты задумал какой-то план,— продолжал Хансен.— И я не сомневаюсь, план настолько безумный, что даже дебилы всего мира признали бы тебя сумасшедшим. Но одного я не могу понять — как ты собираешься оказать влияние на *них*? В Америке ты еще можешь рассчитывать на трезвомыслящих людей, но какой в этом смысл, если ты не в состоянии выбить почву из-под ног у миллионов психов? И когда они соберутся в стадо, тут такое начнется!

— Однажды в детстве мне довелось видеть охваченное паникой стадо скота,— сказал Армстронг.— Около четырех сотен голов. Они двигались по кругу, устремив головы в одну сторону, и вдруг меняли направление движения, сами не зная почему. Так они мотались туда-сюда, пока на дороге им не попались два ковбоя, затеявших отчаянную драку. Стадо притормозило, немного покружило, опять притормозило и наконец остановилось. В конце концов коровы столпились вокруг дерущихся и принялись наблюдать за схваткой. Когда драка

закончилась, коровы уже и забыли, что их так напугало.— Он ткнул Хансена локтем под ребро: — Зрелищная диверсия, понимаешь?

— Что? — переспросил Хансен.

— Вот тут-то парни и отогнали стадо обратно на пастбище. И вскоре среди деревьев чирикали птички и вокруг царило спокойствие.— Он окликнул Куинна: — Где мы, Джордж?

— Над Пис-ривер. Недалеко осталось.

— Пис-ривер, река Мира,— сказал Армстронг, обращаясь к Хансену.— Ты веришь в предзнаменования?

Когда Куинн окликнул его из кабины, солнце уже низко висело на западе огромным оранжевым шаром. Армстронг напряженно уставился в иллюминатор, чувствуя, как учащается пульс.

Йеллоунайф лежал в дымке в нескольких градусах по правому борту. Внизу отливала медью поверхность Большого Невольничьего озера. Далее вставали горы Горн, заснеженные вершины которых уходящее солнце окрашивало в розовый цвет.

Самолет стрелой летел над озером, устремляясь между Йеллоунайфом и Провиденсом к Рэ. Тем самым на некоторое время он оставался не замеченным с земли. Не долетев до берега, они набрали высоту, сделали широкий разворот на восток, затем на юг, пока не отыскивали железнодорожную ветку, протянутую от Йеллоунайфа к Рельянсу. Ракетная площадка располагалась в конце этой ветки, в двадцати милях восточнее Йеллоунайфа.

Подлетев со стороны севера, они позволили себе лишь мельком глянуть на площадку. Армстронг резко скомандовал:

— Садимся!

Куинн быстро развернул самолет и направил его на восток, прочь от площадки. Снизившись до высоты двухсот футов, они около получаса потратили на сложные маневры над опасно изрезанным ландшафтом, отыскивая для посадки безопасное место. Куинн в конце концов нашел плоскую площадку длиной в полмили и посадил самолет. Строительная площадка теперь скрылась за южной стороной горизонта, в то время как Йеллоунайф едва виднелся на западе.

Со вздохом облегчения Куинн встал из-за штурвала и потянулся, расслабляя затекшие мускулы.

— Ну теперь посмотрим, от кого нам достанется.— Открыв дверь самолета, он осмотрел усталым взглядом темнеющее небо.— Если на площадке есть радар и нас заметили, то весьма скоро кто-нибудь к нам пожалует.

— Это понятно,— сказал Армстронг, протискиваясь мимо него и спрыгивая на холодную землю.— Но мне все же кажется, что удача пока с нами.

Куинн тоже спрыгнул на землю, продолжая поглядывать на небо. Макушка солнца уже скрылась за горами Горн, и с востока наваливалась темная пелена. Вся южная равнина помрачнела, затихла, казалось полностью лишенная жизни, но над горизонтом, в той стороне, где находилась ракетная база, дрожало зарево да мерцали огоньки на западе, в Йеллоунайфе. Ни один самолет так и не появился в сумерках, дабы узнать, кто приземлился. Вполне возможно, что их спасла осторожность, которую они проявили при полете, а может быть, возникшие было подозрения улетучились вместе с улетевшим самолетом.

— Теперь осталось лишь добраться до ракеты или до обеих — или умереть при этой попытке,— медленно и задумчиво сказал Армстронг.

— Ты серьезно? — встревожился Куинн.

— Никогда в жизни я не был так серьезен, Джордж. Ты знаешь, какова ситуация; особенность ее еще и в том, что ни одной ракете не позволяют долететь до других планет. Это фундаментальная цель существующего заговора, а все остальное — второстепенные мелочи. Широкомасштабная акция против достижения ракетами Венеры задумана так тщательно, что становятся очевидными две вещи.

— Продолжай.

— Во-первых, поведение саботажников, вне всяких сомнений, убеждает нас в том, что существующие ракеты уже в состоянии долететь до новых миров, если, конечно, их по пути не взорвут. Это ценное знание, поскольку у них есть основания судить достоверно. Во-вторых, мы понимаем, что если хотя бы одна ракета — несмотря на все попытки не допустить этого — доберется до Венеры, то тем самым в дело включится психоло-

гический фактор такой силы, что ситуация на Земле претерпит радикальные изменения и мировой заговор потерпит крах. И потерпит потому, что лишится своей первоначальной цели. Заговорщики потеряют власть, подвергнутся дискредитации и разбегутся, как представители какой-нибудь секты, болтающие о конце света, а давно предсказанный Судный день по их календарю так и не наступает. Ведь все их фанатические замыслы были направлены на то, чтобы не дать человеку вырваться из этого мира в космос.— Фигура Армстронга в сгущающихся сумерках приобрела медвежьи очертания.— И вот пришла пора человеку отворить эту дверь! И стало быть, как я уже говорил, ракета на Венеру явится тем самым матом в один ход!

— Тут я готов тебе поверить,— согласился Куинн,— но мы ведь не знаем, готовы ли эти ракеты. Да и потом, они могут сами спокойно взлететь в назначенное время, причем без нашей помощи.

— Умересли, находясь под воздействием шизофразера, многое выболтал. Лгать он не мог. Он вынужден был говорить правду. Он сказал, что одна ракета официально готова к пробному запуску. Вторая находится в такой стадии готовности, что со дня на день и ее строительство должно быть закончено. На пробные запуски, различные модификации и прочую ерунду уйдет с месяц, а то и больше. Если же грянет мировая война, то этим ракетам никогда уже не добраться до Венеры, и их, скорее всего, взорвут здесь, на Земле, в том месте, где можно причинить максимальный ущерб. Ну, а в том случае, если найдется такой шустрый человек, что обманет заговорщиков и улетит, он столкнется с неисправностями в системе питания. И взорвется в космосе.

— Так, значит, мы собираемся взлететь на них и взорваться?

— Да, но только для пробных полетов на борту задействовано другое питание! Нам предстоит лишь рискнуть взлететь *без пробного полета!*

— А что, дело! — согласился Куинн.— Вполне возможно. На ракете, предназначенной для испытания, находится горючего по крайней мере процентов на десять больше. Хороший запас! И если точка взрыва установлена там, где еще остается излишек топлива, ко-

рабль приземлится, не успев выработать топливо до взрывоопасного момента.— Он потер руки в нервном возбуждении.— Но каков риск! На него способны лишь глупые новобранцы!

— И я готов рискнуть!

— Без предварительных испытаний невозможно узнать, готовы ли эти корабли к длительному путешествию. Можно поставить сто против одного, что только после свободного полета откроются причины для дополнительных модификаций. И что тогда прикажете делать пилоту? Заниматься инженерными работами, находясь на полпути при скорости полета молнии? Кроме того, точно неизвестно, где установлена точка взрыва. Предположим, взрыв состоится через час после начала полета — дополнительное горючее отложит взрыв на несколько часов, не более. И все равно произойдет — и прощай детство!

— Я же рассказывал тебе, что взрыв должен произойти на подлете к Венере. Взрывная точка размещена в конце топливного кольца. И корабль разлетится на куски уже на подлете, примерно там же, где и предыдущие. Так сказал Уомерсли. И по моему мнению, дополнительный запас топлива перекрывает потребный нам запас раза в три. Что же касается полета без испытаний, то тут у нас выбора просто нет. Критическим фактором является время. Миру осталось жить, может быть, несколько часов. Так что, Джордж, или мы взлетим на этих ракетах, или все отправимся в вечность!

— Мы взлетим на них? — Куинн огляделся испуганно, словно увидел призрака.— А где же еще один пилот?

— Я.

— Ты?! — Куинн на мгновение лишился дара речи. Затем сказал: — А что тебе известно о пилотировании космических ракет?

— Теоретически достаточно много, правда, опыта нет. Но я быстро обучаюсь. Нахватаюсь знаний у тебя.

— Мама дорогая, вы только послушайте его!

— Здесь потому строятся две ракеты,— терпеливо стал разъяснять Армстронг,— что они полетят вместе. А это означает, что между ними осуществляется микроволновая связь. И пилоты могут разговаривать друг с другом. И значит, ты будешь разговаривать со мной и рассказывать, что делать.

— Дружище, это-то я понимаю! Но позволь тебе заметить, тупица ты эдакий, что управлять взлетающей ракетой сложнее, чем пьяной кометой. Как ты себе представляешь этот процесс? Я, по-твоему, в отчаянии цепляясь за сотни переключателей и сотрясаясь вместе с сотнями тонн готового взорваться металла, еще и должен спокойно читать тебе лекцию?

— Ну разумеется, нет. И поэтому я буду взлетать первым, слушая твои инструкции. А когда я взлечу или размажусь по ландшафту, ты себе спокойно взлетаешь. Если я к тому времени еще не развалюсь на куски, тебе останется лишь сократить до меня дистанцию, чтобы попасть в радиус действия связи.

— Да это же гарантированное самоубийство! — решительно заявил Куинн.

— Вот именно так я себя и чувствовал, когда изобретал всякие штуковины для твоей восемнадцатой ракеты. И вообще, почему ты считаешь, что только ты имеешь право рисковать своей шеей?

— Да вы оба спятили, — мрачно высказался Хансен. — Спятили и сбрендили. Слава Богу, что еще нет третьей и четвертой ракеты. Тогда бы вы заставили пилотировать одну из них меня, а другую — Миризм.

— Жаль, что их нет, — сказал Армстронг. — Я бы точно тебя в них засадил!

— Это ты так думаешь! А я про себя знаю, что я нормальный, даже не проходя проверку психотроном!

— Ну предположим, что я откажусь принимать участие в этом безумном замысле? — спросил Куинн.

— Ты же наша опора. Без тебя нам крышка. Ты же понимаешь это, Джордж. Но как бы там ни получилось, я-то все равно сделаю попытку. Я не для того зашел так далеко, чтобы просто так взять и отступить.

— Ага, значит, хочешь перехватить всю мою славу? — Куинн печально покачал головой. — И это друг называется, а? — И он мрачно продолжил: — Что касается меня, то я за себя ни капли не боюсь, иначе бы меня не выбрали пилотом восемнадцатой. И мне вовсе не нравится идея о твоём пилотировании второй ракеты. Ты разобьешь себе свою большую глупую башку, и без всякого толку как для себя, так и для кого-нибудь еще.

— Два пилота лучше, чем один, пусть второй и любитель, к тому же не имеющий к этому делу никакой склонности.

— Это понятно.— Куинн сердито пнул камешек.— Где-то там, на площадке, должны находиться два перwokлассных пилота, и было бы здорово, если бы это оказались знакомые парни. Я думаю попытаться вступить с ними в контакт и уговорить их помочь нам.

— Отличная идея. А теперь подумай, как нам туда пробраться, поскольку мы в их штат не зачислены, и как убедить пилотов оказать нам содействие. И все это — до рассвета!

— До рассвета? — Куинн разинул рот.— Ты собираешься взлетать ночью?

— Да, если попадем на корабли без приключений.

Куинн со скорбным выражением на лице извлек из кармана автоматический пистолет, который прихватил во время заварушки в доме Синглтона, выщелкнул магазин, проверил, полон ли он, вновь вставил и убрал оружие в карман.

— Ну а мне какая роль отводится в этой идиотской затее? — хрипло спросил Хансен, обращаясь к Армстронгу.

— Я хочу, чтобы Мириэм до твоего возвращения покараулила Уомерсли и служанку. А ты и твои люди пока поможете нам прорваться на площадку и проникнуть в корабли.

— А потом?

— Вернетесь обратно, если сможете. Я думаю, у тебя получится. Если хотя бы один из кораблей взлетит, тут такое начнется, что и дюжина людей сможет незамеченной выйти с площадки. Когда вернетесь, заберете остальных, доберетесь до Йеллоунайфа, позвоните до Грегори и расскажете все, что знаете, а уж он постарается вас защитить. Если хотя бы один из нас долетит до Венеры, позиции Грегори станут несокрушимыми. И уж тогда он сделает из тебя такого ангела, что даже родная мать не узнает!

— Если то, да если это, да если другое,— с откровенным скептицизмом пробурчал Хансен.— А если вы не взлетите?

— Тогда заварится каша, и весьма горячая.— Армстронг рассмеялся.— Но впрочем, какая разница? Другого выхода у нас все равно нет!

— Твоя взяла! — Хансен подошел к самолету, проинструктировал Мириэм и вернулся с одним из своих людей.

Без дальнейших обсуждений все четверо двинулись к зареву, мерцающему на юге. Холодный ветер продувал каменистую равнину; на небе не осталось и следа от лучей уже закатившегося солнца, но яркие звезды и серпик луны освещали путь. Погруженные в свои мысли, люди не останавливаясь шли вперед. Зарево на горизонте по мере приближения становилось все ярче.

Строительная ракетная площадка была довольно обширной, ее окружал десятифутовый забор из колючей проволоки, который снаружи патрулировался вооруженными часовыми. В одном конце этого громадного комплекса располагалось административное здание, в другом — возвышались мастерские, лаборатории и склады. Между ними, на гигантской площадке длиной в полмили, гордо возвышались два сверкающих цилиндра ракет номер девятнадцать и двадцать.

По корпусу ближайшей ракеты взбегала вверх узкая лесенка. Стараясь не попасться на глаза часовым, вся четверка прошла мимо первой ракеты и, подойдя ко второй, увидела такую же лесенку.

В заборе из колючей проволоки, по которой был пропущен электрический ток, было несколько входов. В том месте, куда к площадке подходила железнодорожная ветка, стояли большие металлические хорошо охраняемые ворота. По углам ограды находилось еще четверо ворот, поменьше. Регулярно, с интервалом в двадцать минут, каждый часовой входил в эти маленькие ворота, нажимал кнопку, посылающую сигнал на центральный пост, расположенный на территории комплекса, закрывал за собой ворота и возобновлял обход.

Целый час, притаившись в тени ракеты, четверо вели наблюдение за часовыми, пока не выяснили расписание их маршрутов. Каждая пара часовых, двигаясь от углов забора, быстро преодолевала расстояние до середины той стороны, по которой они шли, и, увидев идущую им навстречу другую пару, поворачивали, затем, дойдя до угловых ворот, нажимали кнопку, и все начиналось сначала. Каждый часовой регулярно встречался с напарниками — сначала на углу, затем на сере-

дине, так что попытка убрать одного из них встревожила бы остальных.

— Всего восемь часовых, не считая тех, что охраняют главные ворота, — прошептал Армстронг. — Со всеми нам не управиться. Остается единственный шанс — напасть на двоих сразу на углу, когда они нажмут кнопку безопасности. Тогда у оставшихся на то, чтобы дойти до середины, уйдет десять минут, а затем еще минуты три, чтобы добежать до угла и поднять тревогу. Итого у нас тринадцать минут, чтобы добраться до ракет и начать взбираться на них. До ближайшей добежать несложно. А вот до дальней — полмили. Я думаю, если меня не остановят, домчусь.

— Тебя? — прошипел Куинн. — А кто тебе сказал, что именно ты побежишь к дальней?

— Мои ноги сказали, коротышка. Они в два раза длиннее твоих.

— Хм! — презрительно фыркнул Куинн.

— Продвигаемся к тому углу и подползаем как можно ближе, пока патрульные будут находиться на середине. Даем им время нажать кнопку и бросаемся на них. — Армстронг схватил Хансена за руку: — И смотри, чтобы они даже не пикнули. Пригвозди их к земле, когда остальные поднимут тревогу, а затем сматывайся как можно быстрее. Не останавливайся и не размышляй, что в этот момент происходит со мной и Джорджем, уноси ноги, словно гонишься за миллионом долларов!

Подобно призракам, пробрались они к углу забора, подождали, пока часовые отойдут на достаточное расстояние, подползли на двадцать ярдов к ограде и залегли среди камней. Двадцать минут спустя часовые вернулись. Армстронг наблюдал, как они открыли ворота и нажали кнопку сигнала. Эти угловые ворота явно были самым слабым местом охраны, но для двойных дверей надобны два ключа, без которых не попадешь внутрь, не подняв тревоги.

Часовые вышли и начали запираť ворота. Несмотря на пронзительный ветер, Армстронг ощутил странное тепло во всем теле, когда поднялся на ноги.

Двадцать ярдов показались пятьюдесятью, а стук башмаков по камням — громом. Кто-то тяжело дышал

сзади, еще две пары ног стучали слева. Странно, что часовые ничего не слышали. Он оказался уже на расстоянии прыжка от одного из них, когда малый повернулся и слепо заморгал, вглядываясь в темноту. Налетев на него разъяренным слоном, Армстронг сбил часового с ног. Второй еще возился с ключом у ворот, когда Хансен и Куинн одновременно набросились на него.

Армстронг не стал зря тратить время. Оставив свою жертву помощнику Хансена, он повернул ключ в обратную сторону, плечом распахнул створки и, схватив Куинна, заташил внутрь.

— Быстрее, Джордж, чеши к ближайшей!

Размахивая громадными ручищами, он рванул со всех ног. Куинн отставал уже на пять ярдов, когда Армстронг миновал первую ракету.

Тревога еще не поднялась, и никто не начал вопить, когда Куинн ухватился за лестницу и начал карабкаться вверх, подобно испуганной обезьяне. При этом маленький пилот приговаривал:

— Лишь бы входной люк был открыт! Лишь бы входной люк был открыт!

Оказавшись на высоте пятидесяти футов, он бросил взгляд вниз и увидел, как громоздкая фигура Армстронга удаляется во тьму. И еще он увидел людей. Возле административного здания беседовали трое, очевидно еще не осознав того, что на площадке происходит нечто необычное. Еще двое стояли у какой-то арки и ошарашенно вытарашилились, увидев бегущего Армстронга. От большого металлического сооружения на северной стороне доносились звуки музыки и смех. Вечеринка в лагере. Куинн сплюнул и полез наверх.

Когда Армстронг подбегал ко второй ракете, у ее основания проходили двое рабочих в серых комбинезонах. Они разинули рты и захлопали глазами. После некоторого раздумья один из них встал у него на дороге:

— Эй, ты, что за спешка? Ты что думаешь, ты...

Армстронг двинул ему по зубам. От мощного удара парень взвился над землей, выгибаясь дугой. Вторым от растерянности не смог оказать даже малейшего сопротивления и стал легкой добычей. Отшвырнув его в сторону, как труп, Армстронг быстро начал карабкаться вверх по лестнице.

И только когда он добрался до тринадцатой перекладины, поднялась суматоха. У ограды загомонили рассерженные голоса, прозвучало несколько выстрелов. В далекой темноте вспыхнули огоньки, пуля с визгом срикошетила от стальной крыши административного здания. Трое болтающих у здания проворно опустились на четвереньки и отползли в безопасное место. Армстронг поднялся еще на двадцать перекладин, когда яркий свет залил всю площадку и во весь голос взревела сирена тревоги.

Теперь он карабкался вверх при ярком свете прожекторов. Один из них устремил луч в небо, потом опустил его и начал обшаривать окрестности. Стрельба прекратилась. Из здания, где проходила вечеринка, крича и размахивая руками, высыпали люди. Пятеро с двумя автоматическими винтовками бросились, пригнувшись, к ракете. Двое мужчин, сбитых им по дороге, поднялись на ноги и, ничего не понимая, таращились на пятерых бегущих.

Армстронг перевел дыхание и продолжил подъем. Мысль о том, что входной люк может быть закрыт, его не беспокоила. Он думал только о двух вещах. Во-первых, о кровавом сгустке. Если таковой у него имеется, то вскоре всосется в сердце. Второй проблемой представлялся некто неизвестный внизу с автоматической винтовкой, которому стоило лишь поднять голову и сшибить лезущего вверх, как крысу.

Еще восемь вооруженных человек промчались мимо ракеты к ограде. Двое внизу окончательно пришли в себя и устремились за ними. Ясно, что они не видели, как он взлетел по лестнице.

Луч поискового прожектора, обшаривая все вокруг, на мгновение поймал его, осветив, как артиста на трапедии, но ушел в сторону. Армстронга по-прежнему не замечали. Внимание всех было приковано к ограде. Включился второй прожектор, третий. Еще двадцать перекладин... десять... пять... Он яростно толкнул закрытый люк. И тот открылся.

Возблагодарив небо, он втиснулся в маленькое круглое отверстие. На время он скрылся из поля зрения находящихся внизу, и пока о них можно было не думать.

Отцепив крепления лестницы, он толкнул ее вниз, и она с жутким грохотом обрушилась на землю. Все равно рано или поздно внимание стоящих внизу сосредоточится на корабле, и тут уж ничего не поделаешь. Но если сейчас кто-то захочет извлечь его из ракеты, задача окажется не из простых. В данный момент он фактически находился в цилиндрической крепости.

Отыскав место пилота, он прикрепился ремнями, нацепил на голову наушники и нажал кнопку, помеченную словом «Интерком». Наушники ожили.

— Это ты, Джордж? — пробормотал он в ларингофон.

— Да, я.

— Они могут нас слышать?

— Не думаю. На панели есть еще одна кнопка, помеченная словом «Земля». Вот это их канал. А мы пользуемся своим, и нам никто не мешает. — Куинн помолчал, затем сказал: — Долго же ты карабкался! Я уж думал, ты не доберешься.

— Когда ждешь, время всегда долго тянется — как на приеме у дантиста. — Армстронг несколько раз с наслаждением глубоко вдохнул. — Ну хорошо, Джордж. Я готов. Начинай рассказывать.

— О'кей. — Голос Куинна в наушниках отдавал металлом. — Рычаг справа от тебя, помеченный буквами «ПТ» — контроль подачи топлива. Передвинь на одно деление. Зажигание — красная кнопка прямо перед тобой. Двигатели начнут работу на минимальной мощности, и, пока они прогреются, уйдет добрая минута. Смотри на хронометр — не дай Бог, если они будут прогреваться быстрее.

Армстронг флегматично следовал инструкциям. Пенорезиновое кресло под ним сотрясало. Ритмично задрожал корпус ракеты. От земли поднялась пыль, облаком застилая иллюминатор у него над головой. Ничего не видя и не слыша, он мог лишь представлять, что сейчас делается на площадке, какой поднялся переполох, какие торопливые приказы отдаются подчиненным.

Куинн продолжал спокойно и методично его наставлять. Армстронг прогревал двигатели. Ладони, волосы и спина взмокли, когда Куинн внезапно выкрикнул:

— А теперь — *форсаж!*

Он послал рычаг контроля к точке, отмечающей форсаж. Корабль жутковато взвыл и очень, очень медленно начал подниматься. Тучи пыли сгустились в иллиминаторе. Вой стал громче и на полноты выше. Корабль, казалось, карабкался по стене пыли.

Вялый подъем вверх внезапно сменился резким увеличением скорости. Она все увеличивалась и увеличивалась. Сначала Армстронгу казалось, что он едет в лифте. Затем — как будто во взлетающем реактивном самолете. А вот теперь уже — как в ракете!

Голос Куинна в наушниках постепенно слабел.

— Так и держи. Не сбавляй мощности ни на волос. Держи полный форсаж.— Он смолк, затем голос его вновь зазвучал, но очень слабо.— Ты еще слышишь меня, Джон?

— Еле-еле.

— Хорошо. Теперь моя очередь. Взлетаю.

Наступила продолжительная тишина. Армстронг сидел, привязанный ремнями к креслу, а корабль содрогался и стонал. Сосредоточив все внимание на приборах, Армстронг старался не глядеть на мерцающее звездами небо.

Корабль начал крениться, но автоматическая система контроля тут же вернула его в перпендикулярное положение. Несколько секунд спустя ракету повело в другую сторону, но вновь рывком она вернулась на прежний курс. Довольно скоро эти легкие, но тревожащие рывки прекратились, когда корабль набрал скорость, твердо удерживающую его на верном курсе. Армстронг возблагодарил невидимых богов за то, что автопилот трудится безукоризненно, и тут вспомнил, что один вопрос пока остался неразрешенным. Интересно, а откалиброван ли этот механизм для полета и посадки на Венеру? Если нет, тогда придется овладевать ручным управлением под командой Куинна, на что уйдет, может быть, несколько недель.

— Джордж! — позвал он.— Джордж!

Ответа не последовало.

Он просидел целый час в летящей ракете, и первоначальная перегрузка уменьшалась, но зато подкрадывалось ощущение невесомости. Затем он предпринял еще одну попытку:

— Джордж? Ты взлетел? Слышишь меня?

Ответа не было. Ни бормотания, ни прощальных слов, ни звуков дыхания, ни даже треска в эфире. Тишина, абсолютная и полная. Он отгонял мысль о катастрофе, но ощущение одиночества все сильнее охватывало его. В течение последующих восьми часов он вновь и вновь пытался выйти на связь. Ни одного голоса не доносилось из окружающей его мерцающей мглы. Наконец в отчаянии он нажал на кнопку с надписью «Земля».

— Номер Двадцать вызывает космопорт! Вы меня слышите?

Ответ последовал без промедления:

— Космопорт вызывает Двадцатку. Слышим вас с интенсивностью три.

Удивленный таким быстрым ответом, Армстронг прорычал:

— А с Девятнадцатой вы поддерживаете связь?

— Подождите секунду,— попросили его.— С вами кое-кто хочет поговорить.

Последовала короткая пауза, и послышался новый голос. Звучал он холодно и властно, как у человека, имеющего привилегию принимать решения и не тратящего времени на эмоции.

— Армстронг, к вашему сведению — Куинн мертв.

— Мертв? Что вы несете?

— Я сообщаю то, что есть, нравится это вам или нет. На Девятнадцатой находилось топлива лишь для проведения наземных испытаний двигателей. Он поднялся на сотню миль и рухнул. Так он расплатился за вашу глупость.— Последовала пауза.— Ваши друзья, заговорщики,— под арестом. Им тоже придется поплатиться. С ними разберутся без шума, но эффективно. То же самое произойдет и с вами, если только вы сможете вернуться.

— Что вы имеете в виду под словами «если сможете вернуться»? — сразу вспотев, спросил Армстронг.

— Мы можем вернуть вас и посадить с помощью дистанционного управления. Но мы оставляем за вами право свободного выбора. Вы можете вернуться или продолжать полет. По вашему желанию. Но вы берете на себя всю ответственность за последствия.

— Тогда я предпочитаю полет. И доведу дело до конца, если даже погибну.

— Погибнете.

— Но пока рано делать ставки! — прокричал Армстронг. — Я еще не погиб!

— Смертный человек всегда находится рядом со смертью, всегда, — сказал тот же голос. — Так что продолжайте полет, мистер Армстронг, продолжайте, летите — без пищи и воды, без достаточного запаса кислорода, а продержитесь вы в лучшем случае восемь дней. Ваша легкомысленность объясняется только неполадками в мозгу. Это единственное, что может оправдать ваш поступок!

— Можете идти к черту! В ад!

— А я уже там, — ответил голос, лишенный всяких эмоций и потому мало похожий на человеческий. — И как вам, должно быть, известно, ад на экспорт не предназначается!

Раздался резкий щелчок, и связь отключилась. В течение последующих часов Армстронг включал переговорное устройство, но в эфире стояла мертвая тишина. Раса, к которой он принадлежал, — гуманов или норманов? — поставила свою пьесу и не собиралась в ней ничего менять.

Неужели Куинн действительно мертв? Неужели на этом корабле действительно нет запасов, худо с кислородом и продержаться можно лишь восемь дней? Незнакомый голос мог принадлежать и лжецу, выступающему от лица мира, битком набитого расчетливыми лжецами. Армстронг торопливо обыскал кабину, но не нашел никаких запасов. Голос из преисподней сказал правду.

Конец подступил на девятый день полета. Он лежал, вцепившись в подлокотники пилотского сиденья, в то время как проволока топлива из ториевого сплава равномерно сматывалась с бобины и ракета летела вперед. Язык распух и еле помещался во рту, перед глазами все расплывалось, бешено стучало сердце, а мозгом правили фантазии.

Он видел окутанные водяной пылью водопады, которые иссыхали при его приближении, искрящиеся фонтаны, исчезающие, стоило протянуть к ним руку. Уставясь в непостижимое, он видел гигантские идиотские скульптуры и безумные картины, а квартет стран-

ных косоглазых мужчин напевал что-то ритмичное и грустное, и радиодиктор во весь голос вещал о полном разрушении Парижа и Рима. Вокруг завывали сирены тревоги, и толпы людей бежали, ища спасения в метро и бомбоубежищах. Он видел Клер Мэндл в обитой резиной камере, а Хансена — лежащим без ног в луже крови на тротуаре, а рядом из воронки била струя воды, до которой никак нельзя было добраться.

В какой-то момент он отчетливо увидел десять человек неопределенного возраста, облаченных в свободные одежды из серебристой ткани. Самый старший из этой шайки посмотрел на него с глубокой печалью и сказал:

— Не нам спрашивать и отвечать, не нам убивать и исцелять. Не нам восхвалять и обвинять, казнить и миловать. И взойдет лишь то, что посеяно.

Затем эти десять исчезли, и твердь небесная загромыхала, и по ней поскакали четыре лошадиных скелета, везущих призрачных всадников. И первого всадника звали Глупость. А остальными были Война, Мор и Смерть.

Последним видением, которое проплыло в его затуманенном сознании, было кресло, превратившееся в смирительную рубашку. С распухшим языком, вывалившимся из потрескавшихся губ, и с сердцем, выскакивающим из груди, он изо всех сил стал вырываться — и вырвался, а невесомость подхватила его и швырнула вперед. В мозгу, вконец запутавшемся, вспыхнул последний четкий вопрос, прежде чем опустился занавес.

Как вы думаете, вы в своем уме?

ВЗЛОМЩИКИ МОЗГОВ

роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Даже по меркам технологического двадцатого века это правительственное исследовательское учреждение, сердцевина всех научных усилий страны, представлялось колоссальным и устрашающим. По сравнению с ним и Форт-Нокс, и Алькатрас, Бастилия и Кремль выглядели пограничными крепостями, сложенными из бревен. И тем не менее лазейка отыскалась. Вражеские глаза рассмотрели то малое, что можно было увидеть, вражеские умы тщательно проанализировали скудную информацию, после чего весь комплекс стал не более безопасен, чем изъеденная молью палатка.

Внешняя стена возносилась на высоту сорока футов. Ее восьмифутовую толщину составляли гранитные блоки, связанные и облицованные глиноземистым цементом. По гладкой как атлас поверхности не взобрался бы и паук. Вдоль основания стены, на высоте четырех футов, тянулась двойная система чувствительных микрофонов, призванных воспрепятствовать гипотетическому шпиону пробить проход сквозь стены. Создатели стены решительно полагали, что существуют фанатики, способные на все, и никакие меры против них не могут считаться излишними.

На всем гигантском протяжении этой четырехугольной стены было лишь двое ворот: одни, узкие, впереди — для входа и выхода персонала; другие, пошире, сзади — для грузовиков, подвозящих снабжение и вывозящих продукцию. И те и другие ворота закрывались тремя сорокатонными дверями из закаленной стали, массивными, как ворота в док. Двери управля-

лись механически, при этом в случае необходимости открывалась только одна из них. Каждую дверь охранял взвод охранников, рослых, крепких парней с угрюмыми лицами. По мнению людей, имевших с ними дело, охранников выбирали по их способности придирается ко всем и всех подозревать.

Выйти было легче, чем войти. Снабженный обязательным разрешением на выход, посетитель невыносимо долго простаивал перед очередной дверью, пока другая закрывалась за его спиной. Движение в обратном направлении представлялось настоящей тяжелой работой. Если идущий оказывался сотрудником учреждения и охранники его хорошо знали, то на его долю выпадало лишь томительное ожидание у открывающихся по очереди дверей да возможный вопрос о цели передвижения.

Незнакомцу же приходилось туго, независимо от того, каким рангом или документом он обладал. Он тут же попадал в лапы к охранникам первой двери и подвергался длительному и мучительному инквизиционному опросу. Если вопрошавшие оказывались неудовлетворенными — а их по большей части ничто ни на земле, ни на небе не могло удовлетворить, — визитера обыскивали буквально до пор кожи. Любой протест с его стороны приводил лишь к тому, что у него начинали проверять чуть ли не внутренности. Любая обнаруженная находка, вызывающая подозрение, показавшаяся непонятной, необъяснимой или напрямую не связанная с целью визита, тут же конфисковывалась и возвращалась лишь на выходе.

Такой оказывалась лишь первая стадия передвижения в этом бюрократическом чистилище. Охранники у второй двери специализировались на изобретении препятствий к продвижению внутрь, словно посетитель и не проходил через руки охраны у первой двери. Тут, словно ставя под сомнение профессиональные качества церберов первого препятствия, настаивали на «более тщательном» осмотре. Здесь могли заставить снять — а порой и действительно заставляли — зубные протезы и осматривали рот в его естественном состоянии, руководствуясь информацией об изобретении фотокамер размером с фильтр от сигареты.

Охранники третьего взвода состояли из наиболее скептически настроенных личностей. Они доводили визитера, одолевшего уже два барьера, до бешенства, звоня и перезванивая на посты у двух первых дверей и выясняя, какие вопросы уже задавались и какие ответы были получены. У них была склонность сомневаться в правдивости этих ответов, они не допускали даже мысли о том, что кто-то может говорить правду, и с пеной у рта выискивали противоречия в любой фразе. Они зачастую требовали, чтобы им предоставили весь перечень вопросов и ответов, а любая обнаруженная оплошность визитера приводила к тому, что жертва в третий раз за полчаса стояла перед ними полностью обнаженной. К тому же на вооружении охранников взвода номер три находились рентгеновский аппарат, детектор лжи, стереоскопическая камера, приспособления для сверки отпечатков пальцев, и другая зловещая аппаратура. Впрочем, до них дело доходило редко.

Гигантская стена, окружающая предприятие, отлично гармонировала с внутренним содержанием. Кабинеты, отделы, мастерские и лаборатории отделялись металлическими дверями, а несговорчивые охранники препятствовали передвижениям между строго определенными помещениями. Каждая изолированная секция отличалась своим цветом стен коридоров и дверей, и, чем выше в спектре значился цвет, тем большим уровнем секретности и мер безопасности обладал данный отдел.

Работавшим в секции с желтыми дверями не разрешалось заходить в помещения с голубой дверью. Труженикам голубых дверей позволялось «посещать трущобы», как они сами это называли, в желтых или еще ниже находящихся по уровню секретности площадях, но строжайше запрещалось совать нос за лиловые двери. А уж за черные двери без официального приглашения изнутри не мог зайти даже и охранник. Бродить, где им заблагорассудится, и осматривать хоть все предприятие дозволялось лишь обитателям помещений за черной дверью, президенту да самому Господу Всемогушему.

По всему предприятию тянулась сложнейшая нервная система проводов, спрятанных в стенах, потолках, а иногда и под полами, связанная с сигнализацией и сиренами, запорными механизмами дверей, чувствительными микрофонами и камерами наблюдения. Все подслушивание и наблюдение осуществлялось ищейками, обитающими в помещениях с черной дверью. Трудженники предприятия далеко не сразу привыкали к тому, что находятся под постоянным наблюдением, даже в туалете, — но ведь лучшего помещения, чем эта маленькая комнатка, и не найдешь, если намерен запомнить, скопировать или перефотографировать секретные документы.

С точки зрения постороннего и вражеского наблюдателя, все эти искусные и дорогостоящие ухищрения выглядели бессмысленными, потому что на самом деле предприятие было широко открыто для проникновения невидимого и неожиданного врага. Все охранные меры рассчитывались на нечто изощренное, а дело пришлось иметь с очевидным.

Именно это очевидное, несмотря на все принятые меры, и просмотрели. Руководящий состав исследовательского центра состоял из высококвалифицированных специалистов, но каждый был таковым в своей, отдельной области, а следовательно, невежественным в остальных. Главный бактериолог мог часами разглагольствовать о новом и опасном виде бактерий, при этом понятия не имея, сколько лун у Сатурна — две или десять. Глава баллистического отдела мог изобразить на диаграммах сложнейшие траектории, но не смог бы ответить на вопрос: к какому семейству принадлежит окапи — оленей, лошадей или жирафов? В общем, учреждение кишело специалистами любой области, кроме одной, той самой, представитель которой по уже ставшему достаточно прозрачным намеку мог определить грозящую опасность.

Так, например, никто не обращал внимания на тот факт, что сотрудники предприятия, с покорной стойкостью переносившие меры безопасности, подслушивание и подглядывание, терпеть не могли систему, основанную на цветовых различиях. Цвет стал символом

престижа. Люди, обитающие в желтых отделах, считали себя униженными по сравнению с коллегами из голубых отделов, несмотря на то что получали за свой труд такую же зарплату. Человек, работающий за красной дверью, считал себя существом на несколько порядков выше человека, сидящего за белой дверью. И так далее.

Добавляли масла в огонь женщины как социально более активный пол. Женщины-рабочие и жены трудящихся на предприятии мужчин вынесли сложившийся порядок за стены центра. В обществе верховодили жены мужчин, обитающих в чёрных отделах; оказавшиеся внизу общественной лестницы жены мужчин, работающих за белыми дверями, злились. Нормальной формой общения между ними стали сладкие улыбки, воркующие голоса, скрывающие змеиный яд.

Все знали о сложившемся положении дел и в разговорах упоминали о нем как о неизбежном зле. Однако зло не было таким уж неизбежным, и сами разговоры о нем свидетельствовали о том, что на предприятии работают вовсе не роботы со стальными нервами. Недостающий специалист — какой-нибудь первоклассный психолог — с первого же взгляда разглядел бы проблему, пусть и не умея отличить трубку Вентури от носового обтекателя ракеты.

Вот тут-то и обнаружилась основная слабость — не в цементе, граните или стали, не в механических или электронных приборах, не в рутине мер безопасности или бумажной волокиты, но в плоти и в крови.

Поданное Хаперни заявление об отставке вызвало скорее раздражение, нежели тревогу. Сорокадвухлетний, темноволосый, слегка склонный к полноте мужчина, он работал в красном секторе, будучи специалистом в области высокого вакуума. Его считали умным, работающим и добросовестным, при этом обладающим эмоциями гипсовой статуэтки. Помимо работы Хаперни, насколько было известно, мало что интересовало. А тот факт, что он был закоренелым холостяком, лишь подтверждал вывод, что его интересовала только работа.

Глава его отдела Бейтс и старший офицер Службы безопасности Ледлер вызвали Хаперни на собеседование. Когда он неуклюже вошел, подслеповато помаргивая глазами за толстенными стеклами очков, начальство сидело рядышком за большим письменным столом. Бейтс положил на стол лист бумаги и подтолкнул его вперед.

— Мистер Хаперни, мне передали вот это. Ваше прошение об отставке. Что это вам взбрело в голову?

— Хочу уйти,— нервно ответил Хаперни.

— Это я понял! Но почему? Нашли местечко получше? Если так, то где? Мы обязаны знать.

Хаперни смущенно переминался с ноги на ногу.

— Нет, у меня нет никакой другой работы. Я даже еще и не искал другого места. Пока не искал. Может быть, позже.

— Тогда почему вы решили уйти? — потребовал ответа Бейтс.

— Мне надоело.

— Надоело? — не веря своим ушам, спросил Бейтс.— Что надоело?

— Работать здесь.

— Давайте разберемся,— сказал Бейтс.— Вы ценный сотрудник и работаете с нами уже четырнадцать лет. И до сего дня казалось, что вы всем довольны. Работали вы отлично, и никто не критиковал ни вас, ни вашу работу. И если бы вы продолжали в том же духе, то могли бы не беспокоиться за свое будущее. А теперь почему-то хотите бросить спокойную и высокооплачиваемую работу. Я правильно излагаю?

— Да,— тупо, но решительно заявил Хаперни.

— Не имея ничего лучшего в перспективе?

— Именно так.

Откинувшись на спинку кресла, Бейтс задумчиво уставился на него:

— Знаете, что я думаю? Я думаю, что вы просто устали. И думаю, что вам надо показаться врачам.

— Не хочу,— заявил Хаперни.— Более того, не желаю. И не собираюсь.

— Но врач мог бы определить, не страдаете ли вы переутомлением от излишней перегруженности работой. Он мог бы порекомендовать длительный отдых,—

принялся уговаривать Бейтс.— Вы могли бы получить отпуск с сохранением содержания. Отправились бы в какое-нибудь тихое, безмятежное местечко, поудили бы рыбу и вернулись, чувствуя себя, как новенький.

— Рыбная ловля меня не интересует.

— А что же тогда вас интересует? И чем вы собираетесь заняться после того, как уйдете отсюда?

— Хочу какое-то время просто погулять. Идти куда глаза глядят. Хочу идти туда, куда захочется.

В разговор вмешался нахмурившийся Ледлер:

— Вы собираетесь уехать из страны?

— Не сразу,— сказал Хаперни.— Если только придется.

— Придется? Это еще почему? — Не получив ответа, Ледлер продолжил: — Из вашего личного дела следует, что вы еще никогда не обращались с просьбой о выдаче вам паспорта. И мой долг предупредить вас, что в случае подобного обращения вам придется столкнуться с весьма неприятными вопросами. Вы обладаете информацией, представляющей интерес для врага, и правительство не может позволить себе игнорировать данный факт.

— Вы хотите сказать, что я могу начать торговать знаниями?! — в гневе прорычал Хаперни.

— Вовсе нет, во всяком случае, в нынешней ситуации,— умиротворяюще сказал Ледлер.— В данный момент вы вне всяких подозрений. Никто не сомневается в вашей лояльности. Но...

— Что «но»?

— Обстоятельства меняются. Человек существует без работы, без доходов, кончаются сбережения. Затем наступает первое испытание бедностью. И вот он уже начинает задумываться о тех вещах, которые раньше получал гарантированно и в избытке. Понимаете, что я хочу сказать?

— Я не собираюсь становиться безработным бродягой. Когда придет время, я найду работу.

— Вот как? — Бейтс иронически поднял брови.— А как вы думаете, что скажет нормальный работодатель, когда вы войдете и спросите, не нужен ли им физик-вакуумщик?

— Моя квалификация не мешает мне мыть посуду,— возразил Хаперни.— И вообще, если вы не возражаете, я бы сам хотел заняться решением своих проблем. Это ведь свободная страна, не так ли?

— Именно об этом мы и печемся,— вмешался Ледлер.

Бейтс тяжело вздохнул и высказался:

— Если человек намерен внезапно сойти с ума, я не могу ему в этом препятствовать. Поэтому я принимаю ваше заявление и передаю дальше, в штаб-квартиру. Не сомневаюсь, что там на это дело посмотрят по-другому. Но если они решат, что вы заслуживаете расстрела на рассвете, то пусть сами этим и занимаются.— Он махнул рукой, отпуская посетителя.— Ладно, я позабочусь о том, чтобы ваше заявление пошло по инстанциям.

Хаперни удалился, а Ледлер сказал:

— Ты обратил внимание на выражение его лица, когда прозвучали слова о расстреле на рассвете? Конечно, он понимал, что ты шутишь, но тем не менее как-то напрягся. Возможно, он чем-то напуган.

— Показалось,— фыркнул Бейтс.— Я сам за ним наблюдал. Он выглядел вполне нормально со своим ослиным упрямством. Я думаю, что просто наконец Природа берет свое, пусть и с запозданием.

— В смысле?

— Он задержался в плане сексуального развития, а теперь наконец созрел. Даже в сорок два года еще не поздно подумать об этом. Держу пари, что он сейчас мчится отсюда галопом, как возбужденный бычок. И будет носиться, пока не найдет себе подходящую подружку. Натрахается, утомонится и попросится назад на работу.

— Возможно, ты прав,— согласился Ледлер,— но деньгами я бы не рискнул, ставя на это. Инстинкт мне подсказывает, что Хаперни чем-то здорово встревожен. И было бы неплохо узнать чем.

— Ну, это не тот тип людей, которых легко встревожить,— заверил его Бейтс.— Его ничем не прошибешь. Все, что ему нужно,— это вдосталь накувыркаться. Но ведь в этом нет ничего незаконного, разве не так?

— А мне иногда кажется, что следовало бы и тут ввести свой закон,— загадочно сказал Ледлер.— Во всяком случае, когда на высококлассного специалиста вдруг нападает хандра, мы не можем с уверенностью утверждать, что все дело в том, что человеку настала пора размножаться. Наверняка причина лежит глубже и представляет собой нечто более опасное. И мы обязаны понять, в чем дело.

— И что же ты предлагаешь?

— Продолжать наблюдать за ним до тех пор, пока не убедимся, что он не собирается причинить нам неприятности. Пусть за ним последит пара агентов контрразведки. Правда, придется раскошелиться.

— Не из твоего же кармана?

— Нет.

— Ну так чего же ты переживаешь?

— Если ты со мной согласен,— сказал Ледлер,— тогда мне не из-за чего переживать.

Слухи о Хаперни расплозились по предприятию, лишь у немногих вызвав удивленные взгляды да краткие комментарии. Ричард Брэнсом, металлург из зеленого отдела, разговаривал об этом деле со своим коллегой, Арнольдом Бергом, в столовой. В будущем им обоим предстояло стать объектами таинственных событий, о которых, разумеется, в данный момент они и не подозревали.

— Эрни, ты слышал, что Хаперни отваливает?

— Да. Он сам мне сказал об этом несколько минут назад.

— Хм! Ему что, надоело окружение? Или кто-то предложил ему больше?

— Если верить его словам,— сказал Берг,— ему надоело жить по расписанию и он хочет свободы. Должно быть, в крови у него есть что-то цыганское.

— Странно,— протянул Брэнсом.— Он никогда не казался мне человеком непоседливым. Наоборот, своей неподвижностью напоминал мне каменную гору.

— Да, бродяжничество как-то совершенно не соответствует его характеру,— признал Берг.— Но ты же знаешь, как говорят: в тихом омуте черти водятся.

— Наверное, ты прав. Мне тоже временами надоедает эта рутина. Однако же не до такой степени, чтобы бросить хорошую работу.

— Так тебе надо заботиться о жене и двух детях,— сказал Берг.— А Хаперни предоставлен самому себе. И волен поступать, как ему заблагорассудится. И если ему взбрело в голову переключиться с научных изысканий на сбор мусора, то я могу лишь пожелать ему удачи. Кто-то же должен убирать наш мусор, дабы мы в нем не потонули! Ты когда-нибудь думал об этом?

— Мой ум занят явлениями более высокого порядка,— важно ответил Брэнсом.

— Но ему быстренько придется спуститься на землю, как только твой двор превратится в помойку,— не остался в долгу Берг.

Пропустив эти слова мимо ушей, Брэнсом сказал:

— Хаперни хоть и зануда, но далеко не тупица. Мыслит он медленно, но четко. И если он решил уйти, то по причинам гораздо более серьезным, нежели он счел возможным сообщить публично.

— Например?

— Не знаю. Могу только догадываться. Может быть, он получил где-нибудь официальную должность, и ему приказали держать рот на замке?

— Возможно. В этом изменчивом мире все возможно. В один прекрасный день я и сам могу исчезнуть и возродиться вновь в качестве стриптизера.

— Что? С таким-то брюхом?

— Это только добавит пикантности,— засмеялся Берг, любовно оглаживая свой живот.

— Впрочем, не в этом дело.— Брэнсом ненадолго замолчал.— Сейчас я думаю о том, что на нас в последнее время что-то многовато сваливается шишек.

— Что ж поделать,— вздохнул Берг.— Время от времени налогоплательщики поднимают вой по поводу дороговизны, и нас начинают прижимать.

— Да я не об этих пустяках, я вот все думаю о Хаперни.

— От его ухода работа не развалится,— заверил его Берг.— Незаменимых не бывает. Придется, конечно, похлопотать, чтобы на его место назначили другого специалиста. К сожалению, их не так уж много.

— В том-то и дело! И сдаётся мне, что в последнее время хлопот у нас все больше.

— Что ты имеешь в виду?

— Я здесь работаю уже восемь лет. За первые шесть лет потери в штатах сотрудников не превышали средне-статистических. По достижении шестидесяти пяти лет люди с полным правом уходили на пенсию. Кто-то из работающих seriously заболел или даже умирал. Молодые иногда умирали от естественных причин или погибали в результате несчастных случаев. Кое-кого переводили на работу в другое место в силу служебной необходимости. И так далее. Все эти потери имели свое объяснение.

— Ну и?.. — подтолкнул его Берг.

— А теперь давай посмотрим на последние два года, и ты увидишь совсем другую картину. Помимо естественной последовательности смертей, отставок и переводов мы имеем несколько внезапных исчезновений с необъяснимыми причинами. Взять, например, Макклена и Симпсона. Отправились в отпуск на Амазонку и растворились как дым, не оставив и следа.

— Прошло восемнадцать месяцев, — добавил Берг. — Держу пари, их уже нет в живых. Но ведь могло произойти все, что угодно: утонули, подхватили лихорадку, змеи их покусали или пираньи сожрали.

— А теперь вспомни Жакобера. Женился на богатой дамочке, унаследовавшей большое скотоводческое ранчо в Аргентине. Отправился туда помочь в делах. А какой прок от квадратной затычки в круглой дыре? Прекрасный специалист-химик, да. Но он же понятия не имел, из какого места у коровы доносится мычание.

— Можно выучиться. Он поступил так из-за любви и денег. Вполне понятные причины. Если бы мне представился такой шанс, я поступил бы точно так же.

— А Хендерсон? — продолжал Брэнсом. — Случай, как у Хаперни. Уволился из-за каприза. А позднее до-несся слух, что он торгует в скобяной лавке где-то на Западе.

— А я слышал, что, как только его там обнаружили, он тут же уволился, — сказал Берг.

— Кстати, о слухах. Я тоже вспомнил один — о Мюллере. Его нашли застреленным. Вердикт гласил: смерть в результате несчастного случая. Слухи намекали на самоубийство. Но уж Мюллер-то ни за что бы не покончил с собой, и уж он явно не тот тип, чтобы халатно обращаться с оружием.

— Ты предполагаешь убийство? — спросил Берг, с недоверием глядя на коллегу.

— Я предполагаю лишь то, что смерть его выглядит очень странно, если не сказать больше. В сущности то же самое произошло пару месяцев назад и с Эрвань-яном. Съехал на автомобиле с причала и затонул на глубине в сорок футов. Сказали, что у него была временная потеря сознания. А ему было всего тридцать два года. Спортсмен с прекрасным здоровьем. Так что теория о временной потере сознания меня не убеждает.

— А ты что, специалист в области медицины?

— Нет, — признал Брэнсом.

— Тот малый, что подписал заключение о временной потере сознания, был квалифицированным врачом. И надо полагать, он знал, о чем говорит.

— Я и не говорю, что не знал. Я-то хочу сказать, что это всего лишь предположение, догадка, а вовсе не диагноз. А догадка остается догадкой, и не важно, кто ее выскажет.

— А ты можешь предложить объяснение получше?

— Да, если бы Эрваньян был запойным пьяницей. В таком случае я предположил бы, что он пришел к своему концу, ведя машину в нетрезвом состоянии. Но, насколько мне известно, алкоголем он не злоупотреблял. Не был он и диабетиком. А может быть, он просто уснул за рулем?

— Такое случается, — согласился Берг. — Я сам однажды чуть не заснул. И вовсе не из-за усталости. Просто от монотонности дороги — когда едешь долго, слышишь лишь ровный шум шин да в темноте покачиваются перед тобой лучи фар. Я зевнул несколько раз, а затем — шар-рах! Очнулся в кювете со здоровенной шишкой на голове. Знаешь, после этого я несколько недель не садился за руль.

— Эрваньяна не мог утомить этот путь. К тому моменту он проехал всего двадцать четыре мили.

— Ну и что? На нем мог сказаться тяжелый рабочий день. А может быть, накануне он еще и не выспался. Несколько плохо проведенных ночей притупляют реакцию человека, и он может уснуть где угодно, даже за рулем.

— Тут ты, Эрни, прав. Как отец двоих детей, я вдоволь отведал бессонных ночей. Недостаток сна изнуряет человека. И сказывается на работе.— Он похлопал по столу, подчеркивая значимость своих слов.— Но сказалось это не на работе Эрваньяна.

— Но...

— Более того, он должен был ехать домой. А причалы находятся милях в трех от его обычного маршрута. Он специально заехал туда. Зачем?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Скорее уж походит на самоубийство. А может быть, и нет. Никто ничего не знает. Я же склонен видеть в происшедшем нечто странное.

— Что ж, ум у тебя пытливым,— согласился Берг.— Почему бы тебе не открыть частное детективное агентство?

— Рискованно и небезопасно,— улыбнулся Брэнсом.— Он посмотрел на часы: — Пора к станку.

Два месяца спустя Берг исчез. В течение дней десяти, предшествовавших его исчезновению, он пребывал в тихом, задумчивом состоянии и ни с кем не хотел общаться. Брэнсом, работавший с ним в тесном контакте, заметив эти тревожные признаки, отнес их на счет плохого настроения. Но поскольку ситуация не менялась, его стало разбирать любопытство.

— Заболел, что ли?

— А?

— Я говорю, заболел, что ли? У тебя вид, как у задумавшейся над старостью курицы.

— Да нет, все нормально,— угрюмо ответил Берг.

— Уверен?

— Со мной все нормально. Нельзя же все время ходить насвистывая от радости.

— Никто об этом и не говорит.

— Тогда о'кей. Я люблю поболтать, когда есть настроение, а когда нет — предпочитаю помалкивать.

После этого задумчивость Берга еще больше возросла. В последний день пребывания на предприятии Берг почти не разговаривал, разве что в случае крайней необходимости. На следующий день он не появился.

После полудня Брэнсома вызвали в кабинет Ледлера. Хмуро поздоровавшись, Ледлер указал ему на кресло.

— Садитесь. Вы ведь работаете с Арнольдом Бергом, не так ли?

— Да.

— У вас с ним крепкие дружеские отношения?

— Достаточно дружеские, но я бы не сказал, что такие уж крепкие.

— Что вы хотите этим сказать?

— Нас в шутку называли «Брэнсом и Берг инкорпорейтед», — пояснил Брэнсом. — Нам вместе хорошо работалось. Я понимал его, он понимал меня. Каждый сознавал свою зависимость от другого. Как коллеги по работе мы прекрасно дополняли друг друга. Вот и все.

— Чисто производственные отношения?

— Да.

— И вы их не переносили на личную жизнь?

— Нет. Помимо работы у нас было мало общего.

— Гм! — Ледлер не скрывал разочарования. — Сегодня он не явился на работу. Официальной просьбы об отгуле от него не поступало. У вас нет никаких соображений, почему он отсутствует?

— Извините, нет. Вчера он ни о чем таком не говорил. Может, заболел?

— Вряд ли, — сказал Ледлер. — Он не прислал медицинского уведомления.

— Может быть, не успел. Если он отправил сообщение по почте сегодня, то вы его получите только завтра.

— Он мог бы и позвонить, — не сдавался Ледлер. — Уж как пользоваться телефоном, надеюсь, Берг знает. Он уже достаточно взрослый человек, чтобы позаботиться о себе. А если он даже слег в постель в каком-

то другом месте, а не дома, мог бы попросить кого-нибудь позвонить вместо себя.

— А может, его срочно госпитализировали и у него не было возможности попросить, — предположил Брэнсом. — Порой такое случается. В любом случае у телефонного провода два конца. Если бы *вы* позвонили ему...

— Потрясающая идея! Она делает вам честь. — Ледлер презрительно фыркнул. — Мы уже звонили ему пару часов назад. Никто не отвечает. Мы позвонили соседям. Те барабанили ему в дверь. Никто не отзывается. Отыскали домовладельца. Он открыл дверь своим ключом. Внутри никого не оказалось. В квартире порядок, ничего не тронuto. Соседи не знают, когда он вышел из дому, и не знают, ночевал ли он дома вообще. — Ледлер задумчиво погладил подбородок. — Берг — мужчина разведенный. Вы не знаете, была ли у него подруга?

Брэнсом тоже задумался.

— Несколько раз он упоминал о некоей девушке, с которой встречается; говорил, что она ему нравится. Встречался он с ней раза четыре или пять. Но он не выглядел уж слишком увлеченным. Так, случайное знакомство. Насколько мне известно, всерьез он никем не увлекался. Вообще он занимал по отношению к женщинам прохладную позицию. Они чувствовали это и отвечали ему тем же.

— Значит, он не мог оказаться в каком-нибудь любовном гнездышке. — Ледлер вновь задумался и кивнул: — Разве что возобновил отношения с прежней женой.

— Сомневаюсь.

— А он не упоминал о ней в последнее время?

— Нет. Он и думал-то о ней раз в несколько лет. Если верить его словам, они оказались абсолютно несовместимы и поняли это сразу после свадьбы. Она хотела страстей, а он жаждал покоя. Она сочла такое положение вещей интеллектуальной жестокостью и рассталась с ним. Года через два она вновь вышла замуж.

— В его личном деле сказано, что детей у него нет. Ближайшей родственницей является мать, ей сейчас восемьдесят лет.

— Может быть, она слегла и он поспешил к ее постели? — предположил Брэнсом.

— В таком случае в его распоряжении был целый день, чтобы позвонить. А он не позвонил. Более того, с его матерью ничего не произошло. Мы и это проверили.

— Ну тогда я не знаю, чем вам еще помочь.

— Последний вопрос,— продолжал Ледлер.— Может, вам известен еще кто-то из работающих на предприятии, кто обладает достаточной информацией о личной жизни Берга? Кто разделял с ним его вкусы и привычки? Кто проводил с ним вечера и уик-энды?

— Извините, не знаю. Берг не был человеком замкнутым, но и особо общительным я бы его не назвал. И похоже, в часы, свободные от работы, он довольствовался собственной компанией. Я всегда считал его самодостаточным индивидуумом.

— Тогда хочу вам сообщить, что если он появится завтра широко ухмыляясь, то ему понадобится вся его самодостаточность. Он будет вызван на ковер за то, что решил развлечься, никому не сообщив об этом. Он нарушил правила и доставил нам массу хлопот. А правила созданы не для того, чтобы их нарушали, и хлопоты нам не нравятся.— Раздраженно посмотрев на Брэнсома, он закончил: — Если он объявится или вы из какого-нибудь источника что-то услышите о нем, ваш долг немедленно сообщить нам об этом.

— Я так и сделаю,— пообещал Брэнсом.

Покинув кабинет, он вернулся в зеленый отдел, смятенно размышляя о Берге. Может быть, стоило рассказать Ледлеру о мрачном настроении Берга в последние дни? И что бы это дало? Объяснить состояние Берга он все равно бы не смог, не мог он и выдумать какую-нибудь причину, из-за которой тот на него обиделся и не явился на работу. Но Берг вовсе не принадлежал к тому типу людей, которые молча баюкают свое огорчение. И уж тем более он не стал бы забиваться в какое-нибудь укромное местечко и переживать, надув губы, подобно капризному ребенку.

Поразмышляв таким образом, он вспомнил о странном высказывании, сделанном Бергом два месяца назад:

«В один прекрасный день я и сам могу исчезнуть и возродиться где-нибудь вновь в качестве стриптизера». Что это — просто болтовня или намек? И если намек, то что он подразумевал под «стриптизером»? Непонятно.

— Да ну его к черту! — пробурчал себе под нос Брэнсом.— Что мне, больше не из-за чего переживать? В любом случае наверняка он объявится завтра с каким-нибудь правдоподобным объяснением.

Но Берг не появился ни завтра, ни послезавтра. Он исчез навсегда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В течение последующих двух месяцев предприятие распрощалось еще с тремя высокопоставленными специалистами. Причем при таких обстоятельствах, что должны были бы взвыть все сирены тревоги. Но не взвыли. Один, подобно Бергу, исчез в неизвестном направлении, очевидно повинаясь прихоти. Двое других ушли, соблюдая формальности, но предложив столь неубедительные и бессвязные объяснения причин ухода, что Бейтс и Ледлер чуть не взбесились. Ледлер, не в силах что-либо предпринять, лишь раздраженно ворчал. И то сказать, свободный человек в свободной стране делает что хочет, и его даже нельзя арестовать и поместить в тюрьму за неискренность, не говоря уж о том, чтобы подвергнуть лоботомии.

И тут пришел черед Ричарда Брэнсома. В мире, как и положено, наступила пятница, тринадцатое число. До этого дня мир пребывал в безмятежности, несмотря на отдельные недостатки. Конечно, в нем существовали рутина и скука, нужда и страх, а также тысяча и одна мелких неприятностей, которые люди вынуждены терпеть. Но тем не менее жизнь шла своим чередом — жизнь, наполненная событиями такими обычными и неоцененными лишь до той поры, пока вдруг о них не узнают.

Обычный утренний поезд в 8.10. Привычные лица на привычных местах, обычный шелест разворачиваемых газет, обычный приглушенный шум разговоров. А вече-

ром раннее возвращение домой по привычной улице, обсаженной деревьями, на которой кто-то из соседей всегда или моет машину, или подстригает газон. На дорожке, ведущей к дому, привычно скачет, резвясь, щенок. Лицо Дороти, покрасневшее от кухонного жара, радостная приветственная улыбка, и вот двое ребятшек уже виснут, визжа, на руках, прося покрывать их.

Все эти мелкие, но драгоценные мгновения, наполняющие каждый день, от одного удара потеряли свою привычность, реальность и необходимость. Они смазались и утратили резкость видения, растаяв, как нерешительный призрак, не знающий, оставаться ему или уходить. Они отступили от человека, оставив его в жутком одиночестве. Отчаянным усилием воли ухватился он за них, и они на мгновение вернулись, но лишь затем, чтобы вновь растаять.

И все из-за слов, обычных слов из нечаянно услышанного разговора. Вечером он возвращался домой, наслаждаясь прохладой, в которой уже чувствовался намек на приближающуюся зиму. Сгушающуюся тьму прорезали клубы испарений. Как обычно, при пересадке на другой поезд ему предстояло прождать двенадцать минут. Следуя издавна заведенной привычке, он зашел в закусочную выпить кофе. Он присел у стойки, справа, и сделал заказ, который делал уже бесчисленное количество раз.

— Кофе, черный.

Рядом сидели двое, держа чашки и ведя бессвязный разговор. Они походили на водителей-дальнобойщиков, готовых вот-вот отправиться в ночную дорогу. У одного из них был какой-то странный акцент, который Брэнсом никак не мог определить, акцент, при котором растягиваются слова.

— Тут уж пятьдесят на пятьдесят,— сказал обладатель акцента,— даже если это и произошло только вчера. Копы больше половины убийств не раскрывают. Они сами это признают.

— Ну не знаю,— заспорил второй.— Цифры — дело ненадежное. Например, вдруг они прищучили малого, который совершил не одно убийство, а дюжину?

— Это ты к чему?

— А вот к чему. Давай посмотрим на вещи реально, а не так, как мы привыкли их воспринимать. За убийство как таковое еще никого не приговорили к казни. Это факт неопровержимый. Если человека приговорили к смерти, то совсем по другим причинам. Во-первых, известно, что он убийца, а во-вторых, это можно доказать — и это доказали. И следовательно, он на самом деле виноват только в этом преступлении, в том самом, на котором попался. И за это его поджаривают.

— Ну и?..

— А допустим, они знают, что он совершил несколько других убийств, о которых известно, но нет доказательств. И эти преступления остаются в разряде загадочных или нераскрытых. Да и что изменится, если их раскрыть и навесить на этого парня? Ровным счетом ничего! Несколько раз казнить невозможно. И, расплачиваясь за одно убийство, он платит за несколько.— Говоривший задумчиво отпил кофе.— Настоящие факты никогда не всплывают, а если бы всплыли, выяснилось бы, что у убийцы шансов избежать правосудия не меньше чем восемьдесят из ста.

— Может, ты и прав,— признал обладатель акцента.— Но только то преступление произошло лет двадцать назад. Вот бы посмотреть сейчас на преступника.

— А какое это имеет отношение к нашему разговору?

— А я тебе сейчас расскажу. Ручьи подмыли большое дерево. Оно нависло над дорогой под опасным углом. Так что я со страхом проехал под ним. Через несколько миль я натолкнулся на полицейский патруль, остановился и предупредил, что пятьдесят тонн древесины могут в любую минуту перекрыть дорогу. Они поехали посмотреть.

— А что потом?

— Пару дней спустя в депо заявился полицейский и вызвал меня. Он сообщил, что дерево вытащили из земли, распилили и увезли. А под корнями обнаружили человеческие кости. Сказал, что они принадлежали женщине и что закопали ее здесь лет двадцать назад. И теперь ожидали специалиста, который должен осмотреть эти кости.— Он отпил кофе и уставился в стену.—

Он сказал, что череп расколот. Затем он посмотрел на меня так, словно я был тем самым парнем, которого они ищут. И еще он хотел знать, как давно я езжу этой дорогой и не вспомню ли чего-нибудь подозрительного из тех времен, когда его еще возили в детской коляске.

— Надеюсь, ты не раскололся? — с усмешкой спросил его слушатель.

— А что я мог сказать? Он взял мой домашний адрес на случай, если я передумаю и во всем сознаюсь. Возможно, они даже какое-то время следили за мной, когда я проезжал этот Бэльстоун. Вот что я поймел, когда проявил гражданскую сознательность.

Бэльстоун.

Бэльстоун!

Слушатель на другом конце стойки тупо таращился в кофейную чашку. Она повисла в его пальцах, из которых сила вытекла подобно невидимой воде. Бэльстоун! Чашка наклонилась так, что кофе мог вот-вот перелиться через край. Он выпрямил ее лишь ценой огромного усилия воли, поставил на блюдечко, сполз с табурета и вышел на улицу. Водители не обратили на него внимания. А он шел, едва передвигая ослабевшие в коленях ноги, ощущая озноб на спине и сумятицу в мозгах.

Бэльстоун!

Я, Ричард Брэнсом, высококвалифицированный металлург, находящийся на правительственной службе. Я заслужил доверие начальства, дружбу коллег и соседей, любовь жены, двух детей и собаки. Перед тем как получить допуск к секретной работе, я прошел проверку сотен опытных людей. В моем личном деле ни пятнышка, прошлое безукоризненно. В моем шкафу ни одного скелета.

Ни одного?

О Господи, ну зачем покойники встают из своих могил и тычут перстом в настоящее? Ну почему бы им не упокоиться там навсегда, позволив живым жить в мире с самими собой?

Он застыл в смятении, глядя в пространство невидящими глазами, не обращая внимания на грохот приближающегося поезда. Ноги внесли его в привычный

вагон, как слепца. Он неловко прошел и, найдя свободное место, уселся, едва сознавая, что делает.

Зачем я убил Арлен?

Вагон по обыкновению был полон. Напротив и вокруг маячили все те же лица. Его появление приветствовали привычными кивками в ожидании, что завяжется обычная праздная болтовня.

Сидящий напротив Фармло развернул вечернюю газету, кашлянул и прокомментировал:

— Денек прошел неплохо... Это я и сам мог бы сказать. Торговля слегка оживилась. Самое время потребовать прибавки за... — Он смолк, а затем проговорил чуть громче: — Брэнсом, вы не заболели?

— Я? — Брэнсом вздрогнул. — Нет, со мной все в порядке.

— А по виду этого не скажешь, — сообщил Фармло. — Побелели как снег. — Он склонился в сторону, хихикнул и подтолкнул локтем соседа, Коннелли. — Слышал, что я только что сказал? Я сказал, что Брэнсом белее снега.

— Он и в самом деле выглядит неважно, — ответил Коннелли и, криво посмотрев на Брэнсома, отодвинул колени в сторону. — Если стошнит, то не на мои колени.

— Со мной все в порядке. Не волнуйтесь. — Слова звучали так, словно он произносил их чужим голосом.

Почему я убил Арлен?

Фармло оставил его в покое и принялся обсуждать спады и подъемы в бизнесе. Время от времени он поглядывал на Брэнсома большими, слегка навывкате глазами. Казалось, он ожидал, что с минуты на минуту произойдет нечто неприятное. Тем же был занят и Коннелли, только не столь явно. Они производили впечатление людей, избегающих малейших неприятностей вроде тех, когда надо спешить оказывать первую помощь человеку, бьющемуся в агонии на полу.

Разговор иссяк, поезд мчался вперед, а трое сидели в молчании и смутной тревоге. Никто из них не знал, что сказать. Наконец за окном замелькали полосы света, а снаружи, в туманной мгле, зазвучали голоса. Мимо их вагона кто-то вез повизгивающую тележку. Коннелли и Фармло выжидательно поглядывали на Брэнсома, си-

дящего с отсутствующим видом и не замечающего устремленных на него взглядов.

Спустя несколько секунд Фармло наклонился к Брэнсому и похлопал его по колену.

— Ваша остановка.

— Да что вы говорите? — недоверчиво посмотрел на него Брэнсом. Он протер стекло и посмотрел в окно. — И точно! — Схватив кожаный портфель, он изобразил фальшивую улыбку и поспешил к выходу. — Замечтался.

Выходя в тамбур, он слышал, как Коннелли сказал:

— Замечтался! Скорее уж кошмар увидел. Так будет точнее.

Затем Брэнсом обнаружил, что стоит на бетонной платформе и таращится на отходящий поезд. Один за другим проходили мимо него ярко освещенные вагоны, постепенно набирая скорость. Ряд за рядом проплывали пассажиры — болтающие, читающие газеты, дремлющие, откинувшись на спинки сидений. Им не о чем было беспокоиться. Тривиальные проблемы занимали их мысли. Что приготовить на ужин? Хорошо бы спокойно посмотреть телевизор. Интересно, захочет ли Мейбл пойти в гости или останется дома? Подпишет ли старина Имярек эти документы завтра без проволочек? Таким и он был до сегодняшнего дня, — ленивым и самодовольным.

Но вот началась охота, и он, Брэнсом, превратился в добычу. Он один среди пассажиров этого поезда знал, что значит оказаться объектом преследования. И он не ощущал никакого волнующего азарта, который, по утверждению некоторых, он просто обязан был испытывать. А испытывал он неведомые доселе сердцебиение, смятение ума и сдвиг в психике. А в конце этого бегства, как приз выдержавшему длинную дистанцию, вполне возможно, находился электрический стул, чудовищное научное изобретение, прозванное уголовным братством «жарким толчком». Перед мысленным взором встала яркая картина, которая окончательно испортила ему настроение.

И из этого тупика не существовало выхода, по крайней мере он не мог придумать его прямо сейчас. Слишком недавно испытал он шок, чтобы так быстро обрести

способность к холодному, логическому мышлению. Оставив позади станцию, он завернул за угол какой-то улицы, не понимая, где он находится. Лишь какой-то автопилот в мозгу, созданный привычкой, вел его домой. Он увидел освещенные окна соседних домов — зрелище, всегда воспринимаемое им как доказательство торжества жизни. Ныне же перед ним сияли просто огни, а сам он размышлял о смерти.

Кости под корнями дерева, которое могло и должно было сохранить их в тайне на целое столетие. Кости, которые должны были и могли остаться нетронутыми до тех пор, пока между прошлым и настоящим уже не останется никакой связи. Казалось, в так называемой теории вероятности произошло дьявольское искажение, извращенный выверт только для того, чтобы обнажить совершенное преступление. Из существующих на Земле миллионов деревьев упало именно это, дав сигнал к началу охоты за человеком.

Навстречу попался маленький Джимми Линдстром, тянущий на веревке красный игрушечный грузовичок, и прокричал:

— Привет, мистер Брэнсом!

— Привет, — механически отозвался он, забыв прибавить слово «Джимми». И зашагал дальше с живостью робота.

Пару месяцев назад он чуть ли не час провел за чтением одного из этих устрашающих криминальных журналов. Кто-то забыл его в поезде на соседнем сиденье, а Брэнсом взял его и из любопытства открыл. В одной документальной истории рассказывалось, как некий пес выкопал из земли руку скелета с простым золотым кольцом. Далее, шаг за шагом, следовало скучноватое действие, задавались необходимые вопросы, вскрывались загадки, пока не сплелась необходимая сеть для ловушки. И тогда шерифы и их помощники, юристы графства и городские детективы разъехались по стране, чтобы собрать воедино все куски головоломки, на что ушло около двух лет. И внезапно картина сложилась во всей ее жестокой призрачности — и человек отправился на электрический стул за преступление, совершенное четырнадцать лет назад.

И вот нынешний случай. Где-то в этой большой стране некая научная ищейка задастся целью установить причину смерти, определит приблизительную дату совершения преступления, узнает пол, рост, вес и возраст жертвы плюс множество других подробностей, на которые горазды судебные медики. Так начнет ткаться паутина вокруг преступника, и его поимка лишь вопрос времени.

От этой мысли пульс его участился. Где настигнет его конец? На работе, дома или в дороге? Может быть, и дома, что было бы самым страшным. Мозг уже с готовностью рисовал яркую картину. Дороти откроет, слышав звонок в дверь, чтобы предстать перед двумя рослыми утрюпами малыми, и застынет с широко раскрытыми глазами, как только один из них заговорит:

— Ричард Брэнсом? Мы офицеры полиции. У нас имеется санкция на ваш арест, и наш долг предупредить вас, что...

Дороти вскрикивает. Дети завопят и вцепятся в него. Щенок заскулит и начнет искать укромное местечко, чтобы спрятаться. А полицейские поведут его, сопровождая по бокам, чтобы он не сбежал. Поведут прочь от Дороти, детей, щенка, дома, от всего, что ему бесконечно дорого, уведут навсегда, навсегда, навсегда.

Когда он сообразил, что уже прошел яров пятьдесят, удаляясь от собственного дома, его кинуло в пот, несмотря на прохладу вечера. Развернувшись на каблучке, он вернулся, поднялся к парадному входу и неуверенно, словно пьяный, стал искать ключ.

В тот же момент, как он вошел, дети с визгом бросились к нему и попытались взобраться на плечи. Каждый их вопль ознобом отзывался в спине, выворачивая нервы, заставляя ощущать ранее неизведанное напряжение. Щенок повизгивал и болтался под ногами, и он все время спотыкался о него. Ценой огромных усилий он сохранял контроль над собой, не вслушиваясь в звуки и фиксируя радостную улыбку на лице. Он поглаживал две взъерошенные головки, похлопывал детей по щекам, аккуратно перешагивал через щенка, вешал пальто и шляпу в прихожей.

Особая восприимчивость, свойственная детям, подсказала им, что с их отцом не все в порядке. Они затихли, отошли и устремили на него исполненные серьезности взгляды, понимая, что он чем-то встревожен. Он попытался пошутить, но не обманул их. Более того, поведение детей никак не способствовало его внутреннему успокоению. Казалось, даже взгляды их говорили, что они видят его обреченность.

Из кухни донесся голос Дороти:

— Это ты, дорогой? Как прошел день?

—хлопотно,— признался он.

Пройдя на кухню, чтобы поцеловать ее, он конечно же выдал себя. Чуть крепче обнял, чуть дольше удержал в объятиях, словно страхась навсегда лишиться ее.

Она замерла, всматриваясь в его лицо, удивленно поднимая брови:

— Рич, что-то серьезное?

— Что «серьезное»?

— Не знаю, но ты о чем-то думаешь.

— Ничего особенного,— солгал он.— Просто мелкие проблемы на работе. Некоторые из них просто сводят меня с ума. Собственно, за это мне и платят.

— Что ж, ладно,— сказала она с сомнением,— но только ты им не поддавайся. И лучше оставляй их на работе, а не приноси с собой. Дома как раз надо отдыхать от всего этого.

— Знаю. Но от проблем так просто не отмахнуться. Может быть, и есть люди, которые забывают обо всем, едва выйдя из лаборатории, но я не принадлежу к их числу. Даже дома мне требуется час-другой, чтобы прийти в себя.

— Но за сверхурочную работу тебе не платят.

— Но все-таки мне платят немало.

— Ты того стоишь,— решительно заявила она.— Чем лучше мозги, тем выше они оплачиваются.

Он взъерошил ее волосы:

— Они понимают это, родная, но есть множество мозгов получше моих.

— Ерунда! — Она поместила емкость в миксер и щелкнула выключателем.— У тебя просто развивается комплекс неполноценности. Ты меня удивляешь.

— Вовсе нет,— возразил он.— Хороший ум тем и хорош, что готов признать наличие ума более высоко-развитого. Я сам знаю таких на нашем предприятии. Умных людей, Дороти, очень умных. Я часто сожалею, что не могу составить им конкуренцию.

— Пока не можешь, позже сможешь.

— Хочется верить.

Он застыл размышляя. *Позже сможешь*,— сказала она. Будущее время. Сказанное имело смысл вчера. Но не сегодня. Его будущее уже находится в чужих руках и по частям, по пунктам рано или поздно медленно разойдется...

— Сегодня ты странно тих. Проголодался?

— Не очень.

— Ужин через несколько минут.

— Хорошо, родная. Я как раз умоюсь.

В ванной он разделся до пояса и стал мыться так, словно хотел смыть все черные мысли. В них еще царило смятение, и каждый раз, когда он нагибался над ванной, ему казалось, что мозги его съезжают вниз.

Торопливо вошла Дороти:

— Я забыла тебе сказать, что свежее полотенце висит на... Рич, да ты ушиб руку.

— Да, я знаю.

Забрав у нее полотенце, он вытер лицо и грудь, затем повернул руку так, чтобы оглядеть темный синяк на локте. Слегка побаливало.

— Утром свалился со ступенек у Бранигана. Ударился локтем и хлопнулся затылком.

Она ощупала его голову, приподнимая нежными пальцами волосы.

— Да, шишка изрядная.

— Да я уж чувствую. Дотронуться больно.

— Ох, Рич, ты же мог шею свернуть. Там лестница такая длинная и крутая. Да как же это случилось?

— Я и сам толком не понял.— Он вытерся насухо и потянулся за рубашкой.— Я спускался по этой лестнице точно так же, как делал это уже сотни раз. И вдруг полетел. То ли оступился, то ли поскользнулся. Даже не помню, потерял я сознание или нет. Только вдруг очнулся лежа лицом вниз. Навстречу как раз поднимались

два парня. Они увидели, как я навернулся, и успели перехватить меня на полпути. Если бы не они, я думаю, все кончилось бы гораздо серьезнее.

— А потом?

— Должно быть, я все-таки потерял сознание, потому что очнулся сидя на ступеньках, голова кружится, а один из парней склонился надо мной, хлопает меня по щекам и приговаривает: «Мистер, как вы себя чувствуете?» Я поднялся на ноги пошатываясь, поблагодарил его и двинулся дальше. Сама понимаешь, чувствовал я себя довольно глупо.

— Ты показался доктору?

— Нет. Не было особой необходимости. Всего-то — пара синяков. Нельзя же в самом деле мчаться сломя голову к доктору из-за каждого пустякового ушиба!

Слова его ее не убедили, и она продолжала озабоченно всматриваться в его лицо.

— Но послушай, Рич, если ты подвержен внезапным обморокам, то с твоим здоровьем что-то не в порядке и...

— Ничего страшного. Я чувствую себя настолько нормально, что готов свалиться в Великий Каньон и выбраться оттуда невредимым. И нечего переживать из-за такой ерунды. Вон детишки, пока вырастут, зарабатывают их каждый день. — Он начал натягивать рубашку. — Должно быть, я задумался или проявил неосторожность и оступился. Ну или что-нибудь в этом роде. Просто надо внимательно смотреть под ноги. И давай забудем об этом, хорошо?

— И все же я... — Она вдруг испуганно смолкла. — Господи помилуй, у меня что-то подгорает! — И она поспешила в кухню.

Аккуратно повязывая галстук, он внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. Вытянутое, аскетическое лицо, тонкие губы, темные глаза, черные брови и волосы. Небольшой белый шрам на левом виске. Чисто выбритый, тридцатилетний, подтянутый, слегка щеголеватый. Скоро ли это описание начнет циркулировать по стране вместе с отпечатками его пальцев? Скоро ли какой-нибудь наемный писака с сигарой во рту получит гонорар за статью, озаглавленную «Таинст-

венный убийца из Купер-Крик» или что-нибудь в этом роде?

Но разве бывают убийцы с такими вот лицами? Задумчивыми и с явным налетом образованности? Впрочем, любое лицо может смотреть в объектив полицейского фотоаппарата, держа перед собой идентификационный номер. Фас и профиль. Вот и все. А уж если до этого ты провел длинную бессонную ночь на интенсивном допросе, то можешь считать себя вполне подходящим кандидатом для камеры смертников.

— Ужин готов.

— Иду! — отозвался он.

На самом деле есть ему не хотелось, но он должен был пройти через процедуру принятия пищи и при этом сыграть свою роль достоверно. Пусть сумятица в мозгу сравнима с тошнотой в желудке. Но если он еще и откажется, то не избежать новых неудобных вопросов. Придется себя заставить.

Приговоренный к смертной казни съел обед из четырех блюд.

Вот умора-то!

Да перед лицом неизбежного конца ни один человек не способен на такое!

На следующее утро, незадолго до девяти часов, он миновал охранников, получив привычные подтверждающие личность кивки от каждого взвода и выдержав обычное томительное ожидание у расположенных друг за другом трех дверей. Теоретически охранники, даже будучи знакомы с ним несколько лет, обязаны были каждый раз проверять его досконально, входил он в помещение или выходил из него. Но правило это несколько смягчили после того, как прямодушный и вспыльчивый Кэйн окончательно вышел из себя, когда его же собственный зять в семнадцатый раз потребовал от него предъявить документы. И теперь охранники кивками пропускали хорошо знакомых и тиграми набрасывались на чужаков.

Оказавшись внутри здания, он повесил пальто и шляпу в металлический шкафчик, надел темно-зеленый

лабораторный халат с пронумерованным диском и радиационным индикатором, миновал череду коридоров, прошел мимо внутренних охранников и оказался у двери, покрашенной в зеленый цвет. Далее, пройдя через длинную лабораторию и ряд больших мастерских, он наконец добрался до стального навеса в самом конце отделения. Это место смахивало видом и размерами на самолетный ангар. Кэйн и Поттер, оба в лабораторных халатах, уже находились тут, постукивая кончиками карандашей по разложенным на скамье чертежам и обсуждая проблемы той штуки, что располагалась посреди ангара.

Стоящий на бетонном полу сверкающий металлический предмет напоминал нечто среднее между огромным автомобильным двигателем и длинноствольным зенитным орудием. И его внешний вид соответствовал сути. Любой более-менее сведущий баллистик после краткого осмотра пришел бы к верному заключению. А у основания устройства рядом стояли небольшие снаряды без реактивных зарядов.

Непосредственно в данный момент ученые как раз достигли стадии, когда остается только грызть ногти и решать проблему уменьшения скорострельности без уменьшения оной. На самом деле проблема не была неразрешимой, как могло бы показаться на первый взгляд. Последнее решение вырисовывалось в виде многоствольной модели, способной стрелять короткими очередями. Но полной ясности в вопросе еще не было.

Кэйн перестал болтать с Поттером, повернулся к Брэнсому и сказал:

— Вот и еще один смятенный гений. К твоему сведению, мы пришли к неизбежному выводу.

— И к какому же? — спросил Брэнсом.

— Или производим футеровку ствола, или создаем снаряды из сплава, лишенного способности к трению, — криво усмехаясь, сообщил Кэйн. — А поскольку ты у нас квалифицированный металлург, то это твоя работа. Так что валяй, займись.

— Да, неплохое решение. Если бы я еще был способен на такую работу.

— Уже добрались до Хильдермана,— вмешался Поттер.— Если его отдел сможет упорядочить эту хлопшу по своему усмотрению,— он махнул рукой в сторону пушки,— то можно просто зашвырнуть груду этого хлама в реку. Снаряды окажутся самодвижущимися, а нам лишь придется создать грандиозный анахронизм с ременной подачей, некую базуку, управляемую радаром.

— А что? Если бы не данный тип взрывателя, то это как раз то, что нам нужно,— сказал Кэйн.— Держу пари, к ней отнеслись бы с громадным уважением.— Он четыре раза обошел орудие, затем пожаловался: — Эта штука представляет собой жертву собственной эффективности. И чем дольше мы над ней работаем, тем мне хуже. Ну почему я не стал букмекером? У меня сейчас была бы жизнь, полная удовольствий.

— Она должна быть многоствольной,— заметил Поттер.

— Если только мы признаем наше поражение. А я не собираюсь сдаваться, как и ты. Ни за что. *Они не пройдут.* Все мои надежды связаны с созданием этой уродины. Это моя жизнь. Это моя любовь. И будь прокляты критики.— Он искал у Брэнсома сентиментальной поддержки.— Неужели бы ты уничтожил дело твоей жизни только из-за того, что оно доставляет тебе хлопоты? — И тут он увидел, как Брэнсом побелел и зашагал прочь, ничего не отвечая. Кэйн посмотрел ему вслед и удивленно повернулся к Поттеру: — А что я такого сказал? У него вдруг сделался такой вид, словно он собирается или убить меня, или выпрыгнуть в окно. Я раньше никогда его таким не видел. Что я такого сказал?

Поттер, не сводя глаз с двери, за которой скрылся Брэнсом, предположил:

— Должно быть, ты наступил на какую-то скрытую мозоль.

— Какую мозоль? Я всего-то и сказал...

— Я знаю, что ты сказал. Слышал своими ушами. Но для него это означало что-то иное, что-то особенное, именно сегодня. Может быть, дома неприятности. Может, с женой поцапался и поколотил ее чуть не до смерти.

— Он не способен на такое. Уж я-то его знаю. Он не из тех, кто превращает квартиру в драматический театр, чтобы выплескивать там свои эмоции.

— А может быть, жена его как раз из тех! Некоторые женщины способны устроить истерику из ничего. Может быть, как раз она и довела его?

— Все равно он бы помалкивал и не подливал масла в огонь. А если бы она зашла уж совсем далеко, то он просто собрал бы вещички и удалился куда-нибудь подальше с миром.

— В общем, я о нем такого же мнения, — согласился Поттер. — Но мы можем и ошибаться. Никто на самом деле не знает, на что способен человек в критической ситуации. Несчастье иногда вызывает у человека совершенно непредсказуемую реакцию. Какой-нибудь громкоголосый громила вдруг забивается в дырку и помалкивает, а тихоня вдруг совершает нечто героическое.

— Да ладно, что мы все о нем! — нетерпеливо сказал Кэйн. — Пусть сам решает свои проблемы, а нам хватает и своих.

Склонившись над чертежами, они возобновили дискуссию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Брэнсом закончил работу в пять, обменялся прощальными кивками с охраной и направился домой. День оказался скверным, хуже не придумаешь. Все шло вкривь и вкось, ничего не получалось. Большую часть времени он никак не мог сосредоточиться на работе, все время дергался и умирал свои страхи.

Способность сосредоточиваться — это первейшее необходимое условие в любой научно-исследовательской работе. Но каково жить, когда перед твоим мысленным взором стоит камера смертников? И теперь он страдал практически двадцать четыре часа в сутки, и всего лишь из-за какого-то разговора двух водителей о неведомом преступлении, совершенном в неизвестном местечке близ Бэльстоуна. В конце концов, вовсе не обязательно, чтобы речь шла именно о *его* дереве и

костях его жертвы. Вполне возможно, что это была жертва совсем другого преступления и сейчас в самом разгаре шла охота совсем за другой добычей.

Жаль, думал он, что у него не хватило решимости присоединиться к разговору тех двух водителей. Можно было бы выяснить подробности. А стоило ли? Да — если полученная от них информация естественным образом успокоила бы его страхи. И нет — если бы услышанное подтвердило его худшие опасения. В последнем случае его интерес к теме разговора мог вызвать и подозрения. Вдруг водитель, к которому бы он обратился, обладает опасной проницательностью?

— Послушайте, мастер, а вам-то что за дело?

Что тут ответишь? Что скажешь? Только что-нибудь невнятное и неубедительное, что лишь добавит хлопот.

— О, да я просто некогда проживал в тех краях.

— Вот как? В Бэльстоуне? Так, значит, вы помните ту женщину, что исчезла? А может быть, припомните того, кто помнит ее? А может быть, и сами кое-что знаете об этом деле, а?

А вдруг эти двое вновь окажутся в той же закусочной сегодня вечером? Что делать? Не обращать на них внимания или, наоборот, подключиться к разговору и постараться выяснить побольше? Речь шла о его жизни, а он так и не мог ни на что решиться.

Все эти размышления тут же вылетели у него из головы, как только он повернул за угол и увидел стоящего там полицейского. Кровь резко застучала в висках. Он изо всех сил постарался придать себе вид беззаботного человека и даже скривил губы, пытаясь что-то такое веселое просвистеть.

Полицейский проводил его ленивым взглядом, блеснув глазами из-под козырька фуражки. Брэнсом старался шагать размеренно, ощущая, как взгляд этого человека буквально прожигает ему затылок. Может быть, именно нарочито равнодушным поведением он и привлекал внимание, как ребенок выдает себя излишне невинным выражением лица.

Изо всех сил сдерживая себя, он чувствовал, что бросится бежать, если вдруг раздастся окрик: «Эй, ты!» И тогда он помчится по улицам, лавируя между

автомобилями, устремляясь в темные переулки, слыша за собой топот ног, свистки и крики людей. И будет бежать и бежать, пока не рухнет без сил. Тут-то его и схватят.

Но оклика так и не последовало. А дойдя до ближайшего поворота, он не удержался и украдкой бросил взгляд назад. Полицейский стоял на том же месте и продолжал смотреть ему вслед. А затем отвернулся.

Весь покрытый испариной, Брэнсом добрался до станции. Там он купил вечерний выпуск газеты, торопливо развернул ее и просмотрел, надеясь обнаружить жизненно важные для него вести, но не нашел. Но это еще ничего не значило. Полиция делает заявления для печати, лишь когда ситуация прояснена, и не раньше. И лишь когда обстоятельства дела выяснены, тогда называют имя подозреваемого и приглашают прессу принять участие в охоте.

Поезд довез его до узловой станции. Выйдя на перрон, Брэнсом отправился в закусочную. Водителей там не оказалось. Он даже не знал, как к этому относиться — с облегчением или разочарованием. Кроме него в зале находился лишь один посетитель — здоровенный мужчина, сидя у стойки, бездумно всматривался в свое отражение в зеркальной стенке бара.

Когда ему принесли черный кофе, Брэнсом сделал глоток, затем встретился в зеркале с глазами этого мужчины. Похоже, здоровяк всматривался в него не из праздного любопытства, а с вполне конкретным интересом. Брэнсом отвел взгляд. А через минуту вновь поднял голову. Здоровяк по-прежнему смотрел на него в зеркале и не скрывал этого. Казалось, это вошло у него в привычку — надменно таращиться на людей и ждать, как они на это отреагируют.

Зашел какой-то железнодорожник, купил пару бутербродов, попросил завернуть и удалился. Здоровяк продолжал сидеть у стойки, не сводя глаз с зеркала. Намеренно беззаботно попивая кофе, Брэнсом изо всех сил старался не смотреть на его отражение, но какая-то сила, подобная гипнозу, все время заставляла его поднимать глаза. И каждый раз он натывался все на тот же изучающий взгляд.

Придется распрощаться с этим местом, решил он. Слишком давно и слишком регулярно я его посещаю. Преследователям не составит труда выяснить, где меня искать. Они просто проследят за мной и будут поджидать меня в одном из тех мест, которые я чаще всего посещаю. А если разрушить привычный ритм жизни, то они ни за что не догадаются, куда я делся.

«Они»?

А кто — «они»?

Ну, различные представители закона. Кстати, этот громила может быть как раз одним из них. И даже, скорее всего, так оно и есть. Полицейский в гражданском платье. Прямых доказательств для ареста у него еще нет, вот он и наблюдает, не выдаст ли себя Брэнсом каким-нибудь фатальным образом.

Что ж, он не собирается себя выдавать, до тех пор по крайней мере, пока разум еще нормально ему служит. Пусть полиция и нашла груды костей. Но только он не собирается им помогать решать эту проблему. Пока он в своем уме, он заставит их побегать, отрабатывая зарплату. Ведь жизнь сладостна, даже если ты весь погружен в хлопоты, а смерть всегда ужасна, пусть она и заслужена.

Не допив кофе, он сполз с табурета и вышел за дверь. Здоровяк повернулся и медленно встал, провожая его взглядом. Казалось, он развлекался, позволяя жертве слегка оторваться. И в самом деле, какому профессионалу доставит удовольствие слишком легкая погоня?

И если тем самым предполагалось подстегнуть Брэнсома и заставить его бежать, как перепуганный кролик, то этот замысел не сработал. Пусть Брэнсом и был всего лишь любителем в этих играх с законом, но уж дураком-то он точно не был. Имея высокий интеллектуальный коэффициент, он всего лишь оказался в ситуации, чересчур знакомой представителям подпольного мира, но абсолютно новой для него. Но учиться он не отказывался и теперь медленно, но уверенно овладевал этой наукой. Одного хорошего испуга при виде этого переодетого полицейского хватило, чтобы понять, что не следует реагировать на происходящее так быстро и откро-

венно. Слишком явная жертва привлекает всеобщее внимание.

Правильно выбранная тактика растворения в окружающем состоит в том, чтобы вести себя исключительно нормально, как бы ненормально ты при этом себя ни чувствовал, представляя собой обычного, незначительного представителя рода человеческого, на самом деле таковым не являясь. Это тяжело, ужасно тяжело, если ты не прошел актерской школы, не обладаешь опытом мошенничества, да при этом в мозгу у тебя все время сиреной воет тревога. Но ты обязан все преодолеть.

И поэтому на выходе он ответил пристальным взглядом на взгляд здоровяка. Вернувшись на перрон, он сел в поезд, выбрав последний вагон. И теперь, делая вид, что читает газету, с этой удобной позиции рассматривал всех новых пассажиров.

Напряженно застыв, он вел наблюдение поверх края газеты и вдруг увидел, как здоровяк прошел по перрону и сел в поезд на два вагона ближе к голове состава. В тот самый вагон, где обычно и ездил Бэнсом и где сейчас наверняка сидят Коннелли и Фармло.

Но почему здоровяк выбрал именно тот вагон? Простое совпадение или он уже изучил привычки жертвы? Если так, то он должен что-то предпринять, когда выяснит, что Бэнсома нет в этом вагоне. И что же он предпримет? Очевидно, он окажется в затруднительном положении, поскольку у него слишком мало времени, чтобы осмотреть весь состав. И ему придется выбирать между тем, чтобы остаться в поезде, и тем, чтобы порыскать вокруг станции.

Поезд загудел, слегка дернулся и загрохотал, набирая скорость и постукивая колесами на стрелках. Похоже, здоровяк не покинул состав. Если он останется в поезде и не выйдет на остановке Бэнсома, тогда все в порядке. И станет понятно, что напряженный мозг жертвы просто запрограммирован видеть во всех окружающих подозрительных личностей.

Если же здоровяк пойдет сейчас по составу, высматривая жертву, и выйдет на остановке Бэнсома...

Возможно, именно сейчас он вовлекает в разговор Коннелли и Фармло, коварно направляя беседу в нуж-

ное русло и извлекая информацию, которая не имеет никакого значения для говорящих, но важна для слушающего, управляясь с ситуацией с легкостью профессиональной ищейки. Может быть, он уже выяснил, что Бренсома впервые не оказалось на привычном месте в вагоне рядом с этой парочкой, что вчера вечером он вел себя очень странно, что был слишком задумчив и выглядел болезненно и так далее.

Такая ситуация предлагала беглецу новую дилемму. Оставить все, как есть, в конце концов попасться или совершить внезапный прыжок в сторону и тем самым привлечь к себе ненужное внимание. Либо продолжать вести себя абсолютно нормально и, значит, позволить охотнику двигаться по колее, привычной для жертвы; покинуть наезженную колею, чтобы скрыться, но тем самым наверняка подставить себя под удар.

— Так, говоришь, невиновен, а? Зачем же тогда задал нам хлопот, заставляя тебя искать?

Или:

— Нам пришлось побегать за тобой. А от нас убегают только виновные. Значит, нам есть о чем поговорить.

Тут-то и начнется.

— Почему ты убил Арлен?

— Ну, хватит ходить вокруг да около. Рассказывай нам все, что знаешь об Арлен... Арлен...

Ему словно кирпич упал на голову.

А кто такая Арлен? Какая Арлен? Фамилия?

Поезд подкатил к его станции и остановился. Он машинально вышел, толком не соображая, что делает. Он настолько был озадачен, пытаясь вспомнить фамилию, что даже забыл посмотреть, следует ли за ним здоровяк.

«Но ведь должен же я знать эту женщину, коли сам убил ее? Может быть, у меня в мыслях и смятение, но не до такой же степени. Наверняка фамилия ее запала куда-то в тайник сознания и по каким-то причинам я не могу до нее докопаться. Двадцать лет — большой срок. Я понимаю, что старательно вычеркивал этот эпизод

из моей памяти, делая вид, что на самом деле ничего не произошло, что мне просто приснилось все это в кошмарном сне. Но все же странно, что я не могу вспомнить фамилию. Арлен?...»

Поезд загудел и двинулся с места. И тут в поле зрения Брэнсома показалась фигура здоровяка. Проблема с фамилией тут же улетучилась. Брэнсом вышел из здания станции и спокойно зашагал по дороге. Позади намеренно неторопливо звучали шаги преследователя, отчего у Брэнсома холодели корни волос на затылке.

Он завернул за угол. Преследователь сделал то же самое. Брэнсом пересек улицу. И преследователь — тоже. Брэнсом зашагал по своей улице. Сзади шел здоровяк.

Проблемы множились. Вот и еще одна. Вопрос: знает здоровяк его адрес или как раз и преследует, чтобы узнать? Если знает, то Брэнсому остается лишь, набравшись мужества, войти в дом. Если не знает, то стоит ли снабжать его этой информацией?

Решившись, Брэнсом прошел мимо дома, отчаянно надеясь, что дети не увидят его и не бросятся к нему с воплями, тем самым раскрывая секрет, который ему так хотелось утаить. Ему и на мгновение не пришло в голову задуматься, почему его преследователь совершенно не прячется, выполняя свою работу. Если бы Брэнсом позволил себе задуматься, то сразу бы сообразил, что задачей здоровяка как раз и является доведение жертвы до панического состояния, когда она сама начинает выдавать себя.

Во время этой тактической уловки Брэнсом не встретил никого из знакомых. Но вот вдали, из-за угла, показался юный Джимми Линдстром. Брэнсом немедленно принял меры, чтобы избежать ненужной встречи, и свернул в боковую улицу. Тяжелые шаги преследователя не отставали.

В конце этой улицы под фонарем расположился полицейский. Увидев его, Брэнсом на мгновение замаялся. Но до него тут же дошло, что в такой ситуации может помочь как раз дерзость.

Ускорив шаг, он подошел к полицейскому и сказал:

— Какой-то громила преследует меня уже чуть не полчаса. Мне это не нравится. Наверное, он охотится за моим бумажником.

— О ком вы, мистер? — спросил полицейский, оглядывая улицу.

Брэнсом обернулся. Улица была пуста.

— Он шел за мной вплоть до того угла. Я даже слышал, как он повернул вслед за мной.

Коп цыкнул зубом и предложил:

— Давайте вернемся.

Вместе с Брэнсом он дошел до угла. Там никого не оказалось.

— Вы уверены, что кого-то видели?

— Абсолютно уверен, — сказал Брэнсом, ощущая себя одураченным.

— Ну тогда он зашел в какой-нибудь дом или нырнул в переулок, — решил коп. — Если он зашел в дом, вам не о чем беспокоиться. Значит, он просто шел тем же самым путем, которым и вы возвращаетесь домой.

— Может быть. Но я знаю большинство из живущих здесь. А этого человека я вижу впервые.

— Это ничего не значит, — фыркнул коп. — Люди приезжают и переезжают все время. Если бы я вздрагивал при виде каждого нового лица, я бы поседел еще десять лет назад. — Он с любопытством осмотрел Брэнсома: — А вы что, носите с собой крупные суммы или драгоценности?

— Нет, не ношу.

— А где вы живете?

— Вон там, — указал Брэнсом.

— Ладно, мистер. Отправляйтесь домой и выкиньте это из головы. А я тут присмотрю и буду неподалеку, на всякий случай.

— Спасибо, — сказал Брэнсом. — Простите, что доставил вам столько хлопот.

Он направился домой, невольно размышляя над тем, правильно ли он поступил. Из того, что он знал, следовало, что все это время за ним наблюдали и его преследователь проявил осторожность при виде полицейского. С другой стороны, этот так называемый преследователь

действительно мог оказаться просто недавно переехавшим в этот район человеком. Если же нет...

Такие размышления походили на игру в супербыстрые шахматы, где ставкой являлась сама его жизнь. Один неверный ход, затем другой — и мат неизбежен. Он представить себе не мог, как же другие беглецы живут такой жизнью месяцами, даже годами, не имея возможности расслабиться. Разумеется, большинство людей какое-то время могут вынести стрессовую ситуацию, но если она затягивается, то тут на обычные способности рассчитывать не приходится.

И он впервые задумался о том, насколько же его самого хватит и насколько в его власти приблизить этот мучительный конец.

Дороти с нежной озабоченностью сказала:

— Рич, да ты раскраснелся и взмок. И это в такой прохладный вечер!

Он поцеловал ее:

— Просто шел быстро. Сам не знаю почему. Просто захотелось.

— Быстро шел? — Она озадаченно помолчала иглянула на часы.— Но ты пришел на несколько минут позже, чем обычно. Что, поезд опоздал?

Он прикусил язык. Соврать легко, но и правда может легко раскрыться. Проблемы продолжали громоздиться одна на другую. Вот он уже дошел до того, что готов обмануть собственную жену. Пусть в мелочи. Но он же никогда не обманывал и не собирался этого делать. Пока.

— Нет, дорогая. Просто остановился поболтать с копом.

— Из-за этого не следовало мчаться как угорелый. Ты же знаешь, что ужин может и подождать.— Она коснулась его щеки хрупкой ладонью.— Рич, ты правду мне говоришь?

— Правду о чем?

— О себе. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Разумеется, в порядке. Я чувствую себя превосходно.

— И голова не побаливает, не лихорадит?

— Да почему ты меня об этом спрашиваешь? — решительно спросил он.

— Я ведь уже сказала тебе: ты покраснелся. И что-то в тебе изменилось. Я все время это ощущаю. Я все-таки достаточно давно живу с тобой, чтобы чувствовать, когда ты погружаешься в уныние.

— Ну хватит ко мне цепляться! — огрызнулся он. И тут же раскаялся: — Извини, любимая. У меня был трудный день. Пойду умоюсь.

Он ушел в ванную, размышляя по дороге, что все это уже происходило раньше. Приход домой в нервном состоянии, неловкие вопросы Дороти, попытки уйти от ответа, бегство в ванную комнату. А такое положение вещей не может продолжаться до бесконечности, даже если допустить, что он достаточно долго пробудет на свободе. Что весьма сомнительно.

Раздевшись до пояса, он осмотрел локоть. Темно-голубой синяк остался, как и некоторое уплотнение, но болело меньше. Шишка на голове значительно уменьшилась. Значит, не так уж сильно он и ударился, когда споткнулся и упал.

Вскоре он уже сидел вместе с семьей за обеденным столом. Трапеза проходила в непривычной тишине. Даже шенок утомился. На весь дом надвинулась тень чего-то невидимого, но всеми ощутимого. Наконец молчание стало невыносимым. Его пытались прервать короткими вопросами и столь же немногословными ответами. Но разговор получался фальшивым, и все понимали это.

Ночью, в постели, Дороти чуть ли не час провела без сна, ворочаясь с боку на бок, и наконец шепотом спросила:

— Рич, ты не спишь?

— Нет, — признался он, понимая, что не обманет ее, притворяясь спящим.

— А может, тебе недельку отдохнуть?

— До отпуска еще далеко.

— А если попросить авансом?

— Зачем?

— Тебе надо отдохнуть. Хуже не будет.

— Да ты пойми...— Он замолчал, чувствуя, что начинает раздражаться.— Посмотрим, как я буду чувствовать себя утром. А теперь давай спать, хорошо? А то уже поздно.

Она отыскала в темноте его руку и погладила ее.

За завтраком она вновь заговорила об отпуске.

— И все же ты должен выкроить время для отдыха, Рич. Другие это делают частенько, даже не будучи больными. Почему же ты не можешь? Ты же не железный.

— Но и не больной.

— Вот я и не хочу, чтобы ты заболел. Хороший отдых пойдет тебе на пользу, и ты опять станешь прежним, вот увидишь. Ты будешь по-другому относиться к своим проблемам. Я понимаю, что работа значит для тебя многое, но не все же. Здоровье прежде всего.

— Ну, от работы еще никто не помер.

— Если помнишь, именно это говорил своей жене и Джефф Андерсон.

Он поморщился:

— Вовсе не факт, что Джефф сорвался из-за того, что переработал. Такое может случиться со всяким.

— Может быть,— согласилась она.— А может быть, и нет.

— И это ты мне говоришь,— шутливо отозвался он.— Убеждаешь меня в том, что я слишком уж близко все принимаю к сердцу, а сама...

— Рич, мы же супруги. И обязаны переживать друг за друга. Если не мы, то кто же?

— Хорошо, хорошо.— Он вышел из-за стола, взял шляпу и портфель и поцеловал ее.— В поезде я обдумую наш разговор.

С этими словами он удалился.

Он продержался четыре дня, уходя от любопытных расспросов на работе и каждый вечер выслушивал укоры от Дороти за то, что медлит с ответом. В первый же вечер здоровяк вновь проследовал за ним до дома. В последующие три вечера он менял маршрут передвижения и избавлялся от преследователя. Поскольку путь домой теперь становился длиннее, возвращался он поз-

же. А это вызывало вопросы со стороны Дороти, новые уклончивые ответы, ставящие ее во все более неловкое положение. Он видел, что тревога Дороти возрастает и что она изо всех сил пытается это скрыть.

На работе все шло из рук вон плохо. Несмотря на все его попытки выглядеть нормально, изменения в характере не укрылись от коллег, относящихся к нему по-дружески. Внезапная задумчивость приводила к промахам, он стал медлителен там, где требовалась сообразительность, тем самым вызывая у товарищей по работе вопросительные взгляды. Кое-кто уже обращался с ним с той излишней озабоченностью, с какой ведут себя люди, когда имеют дело с больным человеком или с человеком, поступки которого непредсказуемы.

На четвертый день стало хуже некуда. На предприятии появился высокий тип с длинными конечностями по имени Риардон. Большую часть времени он слонялся по зеленому отделу, стараясь не отходить далеко от того кабинета, где трудился Брэнсом. Повышенная чувствительность Брэнсома подсказала, что незнакомец наблюдает за ним, хотя тот ни разу не сделал этого открыто. Ну а поскольку без разрешения высшего начальства никому не позволялось бродить по предприятию, стало ясно, что у этой ищейки имеется официальное дозволение.

Неужели же после этих долгих двадцати лет они так быстро вышли на след? Неужели они уже установили подозреваемого, взяли его под постоянное наблюдение на то время, пока не отыщутся законные доказательства его вины? Все эти мысли с такой неотвязностью крутились у него в мозгу, что он не выдержал и за обедом завел разговор на интересующую его тему с Поттером.

— Что это за малый, Риардон, который может себе позволить жить не работая?

— Надо полагать, какой-то следователь.

— Вот как? А что он тут расследует?

— А кто его знает, — беззаботно сказал Поттер. — А я его уже видел раньше. Около восемнадцати месяцев назад.

— Но, видимо, не в нашем отделе. Я до сего дня не видел его ни разу.

— Он бродил по красному отделу, — заявил Поттер, — вот ты его и не заметил. Он появился вскоре после того, как исчез Хендерсон. Все подумали, что он явился на его место, но оказалось, что нет. Он побродил тут пару недель, ничего не делая и ничего не говоря, а затем удалился туда, откуда прибыл. Может быть, его работа в том и заключается, чтобы убедиться, что все заняты делом и никто не играет в кости. Может быть, кто-то в Вашингтоне подумал, что мы тут все повально заразились игрой в кости и за нами следует зорко присматривать.

— Станный следователь, — задумчиво проговорил Брэнсом. — Бродит, курит все время и не говорит ни слова. Ни одного вопроса не задал.

— А ты хочешь, чтобы тебе задавали вопросы?

— Нет.

— Тогда из-за чего же ты переживаешь?

— Да просто неприятно, что какая-то ищейка все время дышит тебе в затылок.

— А мне так наплевать, — сказал Поттер, излучая безмятежность. — У меня совесть чиста.

Брэнсом угрюмо уставился на него, сжав губы, и на этом разговор оборвался.

Он понимал, что больше и дня не выдержит, слушая идиотские замечания Поттера, находясь под пристальным, инквизиторским взглядом Риардона, помня о необходимости все время избегать по пути домой преследований здоровяка и о неизбежности каждый вечер смотреть в лицо Дороти. Внутри зрело отчаянное решение: пришла пора со всем этим покончить.

После работы он напрямик направился в отдел кадров и отыскал там Маркхэма:

— Простите, что заявился к вам без предупреждения, но я хотел бы начиная с завтрашнего дня взять недельный отпуск за свой счет.

— Почему за свой счет?

— Не хочу урезать законный отпуск.

Маркхэм сочувственно спросил:

— Дома неприятности? Ребятишки заболели?

— Нет, ничего такого.— Он задумался, подыскивая правдоподобное объяснение. Похоже, теперь остаток жизни ему только и придется что сочинять оправдания, отговорки и извинения.— Сложности у родственников. Хотелось бы съездить в одно отдаленное место, разобраться там с ситуацией.

— Вообще-то это против правил,— сказал Маркхэм, поджимая губы.

— Я понимаю. Но если бы не необходимость, я бы не просил.

— Я не сомневаюсь.— Подумав минуту, он снял трубку телефона, связался с Кэйном и коротко обрисовал ему ситуацию. Затем сказал Брэнсому: — Кэйну не возражает, а значит, и Ледлер не будет возражать. Меня это устраивает. Итак, ты вернешься через неделю начиная с завтрашнего дня, да?

— Да.

— О'кей. Я так и отмечу в твоём формуляре.

— Огромное спасибо.

Он вышел из кабинета в тот самый момент, когда туда входил Риардон. Проходя мимо стеклянной перегородки, Брэнсом краем глаза заметил, что Риардон беседует с Маркхэмом. Брэнсом ускорил шаг.

Случайный знакомый провез его на автомобиле, который хрипел, как астматик, большую часть пути до дома. Это позволило скрыться от преследования здоровья и вовремя попасть домой. А может быть, ему все-таки начинает везти? Он уже дошел до такого состояния, что отсутствие хоть одной проблемы воспринималось как существенное улучшение в делах.

Семейство с радостью отозвалось на его слегка приподнятое настроение. По всему было видно, что на них угнетающе действует его мрачное настроение. Дети вопили, щенок скакал и даже испачкал ковер. Дороти улыбалась, глядя на часы, и суетилась на кухне.

— Я собираюсь уехать, милая.

Она застыла с кастрюлей в руках:

— Ты хочешь сказать, что взял отпуск, как я и предлагала?

— Да нет. Я бы ни за что не отправился в отпуск в одиночестве, без тебя и детей. Это был бы не отпуск. Это совсем другое.

— А куда же ты тогда едешь?

— Уезжаю по делам, всего лишь на недельку. Тоже перемена обстановки, так что почти отдых.

— Ну что ж, хорошо. Это как раз то, что тебе нужно.— Она поставила кастрюлю и накрыла ее крышкой.— И куда же тебя посылают, милый?

Куда?

До этой минуты он и не задумывался об ответе, а также о необходимости знать этот ответ. Все, что он хотел сейчас,— сбежать отсюда и с предприятия, подальше, туда, где нет преследователей и вопрошающих, в какое-нибудь временное безопасное убежище, где можно отсидеться в покое, пересмотреть сложившуюся ситуацию и попытаться прийти к приемлемому решению.

Куда?

Она ждала его ответа, и эта отсрочка начинала ее тревожить.

— В Бэльстоун,— выдавил он нехотя. Ненавистное название слетело с уст помимо его воли.

— А где это?

— Небольшое местечко на Среднем Западе.

— Но почему...

Он торопливо заговорил, стремясь предотвратить дальнейшую череду вопросов, среди которых естественно прозвучал бы и такой: а в каком штате находится этот Бэльстоун?

— Я пробуду там всего лишь два или три дня. Самолетом не полечу. Поеду на поезде, подремывая в кресле и любуясь пейзажем. Как обычный бездельник.— Он заставил себя улыбнуться, стараясь изобразить все как можно естественнее.— Путешествие предстоит скучное, в одиночку. Вот бы тебе поехать со мной.

— Как? А детей оставить одних? Или забрать их на неделю из школы? Не глупи! — Настроение у нее заметно поднялось, и она весело засуетилась на кухне.— Отправляйся-ка ты один в свой Бэльстоун, Рич. Хорошенько питайся, высыпайся и ни о чем не беспокойся. И вернешься молодцом.

— Слушаюсь, доктор,— он попытался улыбнуться.

Вернуться — к чему? Он мог вернуться лишь к той же опасной ситуации. И очевидно, не стоит тратить время на то, чтобы, ненадолго выпрыгнув из этой скользкой колеи, вновь вернуться в нее.

А значит, в течение предстоящей недели он должен по возможности отыскать местечко, где можно жить новой, анонимной жизнью, где за каждым твоим шагом не следят официальные глаза и за твоей спиной не звучат чужие шаги. Но этого недостаточно. Надо еще придумать, как извлечь из дома Дороти и детей и переправить их быстро и бесследно в это новое место. И, лишь решив эти проблемы, он сможет объяснить Дороти все.

Впрочем, оставалась альтернатива — бросить семью и тем самым лишит преследователей возможности выйти на него.

Но он не мог пойти на это, хоть и подвергаясь риску быть выслеженным из-за привязанности к семье. Только чрезвычайные обстоятельства, ситуация, вышедшая из-под контроля, заставят его пойти на такой шаг.

И такой ситуацией может стать его смерть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром он уехал из дому на такси, прихватив с собой лишь портфель и собираясь путешествовать налегке. Дороти стояла на дороге, у семейного автомобиля, прощально улыбаясь и готовясь отвезти детей в школу. Дети скакали на лужайке и махали ему руками. И тут он со страхом подумал, что если его в ближайшие дни арестуют, то, значит, он видит их сейчас в последний раз. Вглядываясь в заднее стекло такси, он впитывал каждую мелочь из увиденного, пока поворот не скрыл их из виду.

Машина ненадолго остановилась у местного банка, где он снял скромную сумму денег. С суммой побольше ему жилось бы легче, но тогда туго пришлось бы Дороти, если бы события повернулись против них. Приходилось выбирать между его нынешними нуждами и ее будущим.

К счастью, они вели экономный образ жизни, не позволяя себе лишних трат.

Затем он отправился на вокзал. Машина уехала, и он осторожно начал осматриваться, выискивая знакомые лица. К его радости, он никого не встретил. Он окажется в городе на час позже обычного и тем самым избежит любопытства приятелей.

Поезд увез его прочь. До города он добрался без ненужных приключений и затерялся среди миллионов спешащих людей, словно песчинка в грузовике с песком. У него не было никакого конкретного плана. Прежде всего, конечно, ему хотелось избавиться от преследователей, а затем уже искать способ справиться со своим несчастьем. Он смутно догадывался, что прошлое не сможет с легкостью добраться до того, кто не останавливается на одном месте — следовательно, ему оставалось лишь одно — постоянное, лихорадочное и бесцельное блуждание.

Так, бесцельно шагая по запруженным толпами тротуарам, он внезапно вышел к главному вокзалу. И только тут он понял, что какая-то независимая и свободная от смятения часть его ума привела его сюда, с самого начала определив этот маршрут. Странно, подумал он, что запутавшийся мозг смог удержать внутри себя небольшой участок, способный спокойно рассуждать и готовый определять его поведение. До сих пор он, Брэнсом, не давал себе труда заняться самоанализом и потому не мог осознать, что проблема, основанная на эмоциях, может взволновать, но не способна затронуть его ум.

Тем не менее он подчинился этому внутреннему приказу, или инстинкту, или чему-то там еще. Войдя в вокзал, он подошел к кассе и уставился на кассира пустым взором, поскольку тут до него дошло, что вот сейчас он должен сообщить о цели своего путешествия. Не мог же он просто попросить билет в какое-нибудь безопасное местечко, подальше от правосудия. Необходимо назвать это место, пусть даже первое пришедшее на ум. Он открыл рот, чтобы произнести слово, но тут же прикусил язык — это слово слетело у него с уст перед Дороти, когда он брякнул не подумав.

Другая часть его мозга, постоянно находящаяся настороже, заставила его замолчать. Если тебя ищут, всплыл перед ним аргумент, то пройдут по твоему следу по городу, доберутся до вокзалов и автобусных станций. Доберутся и до этого клерка. Пусть перед ним проходят тысячи клиентов, но вдруг у него прекрасная память или по какой-то причине он запомнит именно тебя? Не давай ему такого шанса. *Никому* не давай шанса. За решетку попадают как раз те, кто теряет бдительность.

Брэнсом купил билет до большого города, расположенного на четверть пути ближе того места, куда он действительно хотел попасть. Сунув билет в карман и подхватив портфель, он повернулся и налетел на высокого худощавого мужчину с короткой стрижкой и пронзительным взглядом.

— Итак, мистер Брэнсом,— сказал Риардон вежливо, но не выказывая удивления,— решили устроить себе отпуск?

— Имея на то официальное разрешение,— сообщил Брэнсом, гигантским усилием воли удерживая контроль над собой.— Людям иногда надо уезжать по делам.

— Еще бы,— не стал спорить Риардон.— Конечно, надо.— С подчеркнутым интересом он уставился на портфель Брэнсома; у него был такой вид, словно он видит его насквозь.— Желаю приятно провести время.

— Именно этим я и собираюсь заняться.— И тут на Брэнсома накатило негодование.— Кстати, а вы-то что тут делаете?

— То же самое, что и вы,— с легкой улыбкой ответил Риардон.— Еду кое-куда. Может быть, мы даже в одно место с вами едем, а?

— Понятия не имею,— огрызнулся Брэнсом.— Я же не знаю цели вашего путешествия.

— Впрочем, какая разница? — примирительно произнес Риардон, чтобы прекратить перепалку. Посмотрев на вокзальные часы, он шагнул в сторону кассы.— Надо спешить. Увидимся как-нибудь.

— Может быть,— без восторга отозвался Брэнсом.

Оказавшись в поезде, он ощутил одновременно облегчение и напряжение оттого, что избавился от Риардона. Мысли метались испуганным котом. Встречу с этим малым едва ли можно объяснить простым совпадением. Но ведь на вокзале Брэнсом внимательно огляделся. Риардона там не было.

Через десять минут поезд тронулся. Брэнсом раздраженно подумал, что вот-вот у него окажется незванный спутник. Если Риардон действительно за ним следит и имеет соответствующие полномочия на то, чтобы выкрутить руки билетному кассиру, то он легко узнает, куда покупал билет предыдущий пассажир, и потребует билет на тот же самый поезд. Меньше всего на свете Брэнсому хотелось бы лицеизреть на противоположном сиденье физиономию этой ишейки, чтобы потом несколько часов вести опасный разговор, стараясь отделаться от инквизиторских вопросов. Он некоторое время встревоженно ожидал, но поезд уходил все дальше, а Риардон так и не показывался.

Без приключений добравшись до пункта следования, Брэнсом бесцельно побродил по городу, сохраняя бдительность, но так и не заметил за собою слежки. Заставив себя перекусить, он еще немного послонялся и вернулся на вокзал. Судя по всему, его так и не выследили, и никто не ожидал у входа на вокзал его возвращения.

У билетного окошечка он сказал:

— Я хотел бы попасть в Бэльстоун.

— Поезда туда не ходят, — ответил клерк. — Ближайшая станция расположена в двадцати четырех милях отсюда, в Ханбери. А уж оттуда до Бэльстоуна доберетесь автобусом.

— Хорошо. Пусть будет Ханбери. Когда следующий поезд туда идет?

— Вам повезло. Через две минуты. С девятого пути. И вам лучше поторопиться.

Схватив билет, Брэнсом кинулся через зал ожидания на выход к девятому пути. Все складывалось просто чудесно: он еще и сесть не успел на свое место, как

поезд тронулся. Брэнсом ощутил удовлетворение: если за ним и велась слежка, то хвост просто не успел бы за ним угнаться.

Но тяжким бременем оставалось проклятие прошлого, волей-неволей вторгшегося в настоящее и сделавшее это настоящее столь же мрачным. Это проклятие проявлялось в постоянном ощущении, что за ним следят, наблюдают, преследуют. Он постоянно видел перед собою глаза, которые, зная правду, обвиняют, и этому не было конца.

Почему же я убил Арлен?

Этот вопрос вызвал тошноту. Теперь, когда ему не грозила непосредственная опасность, стали проясняться и детали.

Он так вспомнил ее фамилию. Да, ее звали Арлен Лафарж. Как-то она даже объяснила ему, что имя представляет собой измененное Эйлин, а фамилия восходит к французским предкам. Она обладала прекрасной фигурой, всячески подчеркивала это, что уже само по себе многое говорило о ней. Что касается прочего, то у этой насквозь расчетливой и безжалостной особы, старой ведьмы в юном облике, были темные волосы и черные глаза.

Когда ему было двадцать лет, он вел себя как существо, раз в десять более глупое, чем был на самом деле, — он попал под ее гипнотическое влияние. Свои права на него она заявила тут же, как только он стал более-менее на что-то пригоден, то есть закончил колледж и начал неплохо зарабатывать. Он же превратился в ее раба, покорно ожидающего, когда же она одарит его милостями своего тела. Она пользовалась малейшей возможностью, чтобы еще сильнее подчинить его себе. Он ползал у нее в ногах, как комнатная собачонка, одновременно и ненавидя ее, и жаждая ее тела.

А затем два десятилетия назад и произошел этот взрыв. Она позвала его в Бэльстоун, всего лишь на день, чтобы подразнить бедную рыбку приманкой и в двенадцатый или тринадцатый раз убедиться, что он принадлежит ей душой и телом, и вновь вытереть о него ноги.

Но на этот раз она ошиблась. Ему уже до смерти надоела эта юная Клеопатра. Что-то шелкнуло, кровь

ударила в голову, и концентрация ненависти превысила критическую массу. Он мог бы уже расстаться с ней, если бы только смирился с таким простым решением. Вот почему он отправился в Бэльстоун и проломил ей череп. А затем закопал под деревом.

Должно быть, он просто сошел тогда с ума.

И теперь подробности происшедшего так ярко всплывали в его воображении, словно все произошло не двадцать лет назад, а совсем недавно. Он, как сейчас, увидел побледневший овал лица, когда она осела под смертоносным ударом, застывшее недвижно тело, тонкую струйку крови, вытекающую из-под черных волос, — крови столь же ярко-красной, как и помада на ее губах. Ощутил он и то внутреннее безумие, овладевшее им в момент нанесения удара, и даже руки его напряглись в готовности нанести удар вновь. Он ясно припомнил ту ярость, с которой выкапывал нору, в которой можно было бы спрятать тело, и при этом еще успевал поглядывать на дорогу, чтобы случайный свидетель не застал его за работой. Он видел себя, аккуратно укладывающего куски дерна среди корней дерева и даже притаптывающего их, дабы скрыть следы повреждения почвы.

Затем припоминался длительный период умственного тренинга, призванного защитить его от любого воспоминания о происшедшем, и он почти добился того, что убедил себя в полной непричастности к случившемуся. Арлен Лафарж никогда не существовала, и сам он никогда не был ни в Бэльстоуне, ни в близрасположенных местах.

До некоторой степени с течением лет ему все-таки удалось избавиться от воспоминаний о совершенном зле. И лишь события последних дней, ввергнувшие его в смятение, в деталях и красках напомнили ему об этом преступлении. Даже фамилию Арлен, Лафарж, он вспомнил далеко не сразу. А вот сам Бэльстоун никак не вспоминался, а то местечко, которое приходило на ум, запросто могло быть совсем другим населенным пунктом, который он мог посещать в далеком прошлом. В молодости он много разъезжал по стране и немало повидал захолустных городков, и сейчас ему вряд ли

удалось бы по памяти отличить один от другого. И вот еще что: он никак не мог припомнить, почему Арлен отправилась именно в Бэльстоун.

Более того, хоть убей, но сейчас он никак не мог понять, чем же таким Арлен привязала его к себе. А ведь должен был бы помнить — ведь именно это было причиной его преступления. Но не помнил. Даже если принять во внимание все желания и эмоции юности, все равно простого чувства ненависти для совершения преступления недостаточно, тем более для такого рассудительного человека, каким он был. Перебирая в памяти заблуждения молодости, он никак не мог отнести себя к сумасбродам. И если он решил избавиться от Арлен таким образом, значит, для этого были весьма веские причины. Следовательно, когда-то где-то он совершил нечто, могущее впоследствии разрушить его карьеру. Об этом, очевидно, знала Арлен и этим удерживала его около себя.

Но вот тут даже намек на воспоминания не существовало. Что же он такое совершил? Кражу? Вооруженное ограбление? Растрату или подлог? Перебрав в памяти всю свою жизнь, от младенчества до молодости, он так и не нашел ни одного проступка, последствия которого могли бы заставить его оказаться в когтях бесстыдной женщины. В памяти всплывали мелкие проделки — типа разбитого окна. Но не более.

Он устало потер лоб, понимая, что длительное нервное напряжение может сыграть злую шутку даже со здоровым человеком. Интересно, подумал он, не испытывали ли умственных провалов в таких ситуациях те мыслители, с которыми ему приходилось работать. Он припомнил, как сам раз или два довольно бесстрашно подвергал анализу собственное умственное состояние. А может быть, у него просто прогрессирует невменяемость? Ведь если он испытал легкое сумасшествие тогда, то, может быть, просто пришел к полному безумию *сейчас?*

До Ханбери он добрался, когда уже стемнело. Сняв номер в небольшом отеле, он провел скверную ночь, встал с опухшими глазами и позавтракал без аппетита.

Первый автобус на Бэльстоун уходил в половине десятого. На нем он и поехал, оставив портфель в гостинице.

Автобус доставил его к месту назначения в четверть одиннадцатого. Он оглядел улицу, совершенно ему незнакомую. В этом, правда, он не узрел ничего загадочного. За двадцать лет город может здорово измениться. Иногда от прежнего вида и следа не остается: сносятся старые дома, возводятся новые, застраиваются пустыри, разгребаются свалки. За двадцать лет деревушка превращается в поселок, поселок вырастает в населенный пункт, а тот становится городом.

Судя по всему, Бэльстоун ныне представляет собой небольшой поселок городского типа с населением примерно в четыре тысячи жителей. В общем, побольше, чем он ожидал. Брэнсом и сам не понимал, почему этот поселок представлялся ему совсем крошечным, может быть, нечто притаилось в подсознании и что-то теперь подсказывало ему?

Он несколько минут простоял на улице, не зная, что делать дальше. Он никак не мог понять, почему внутренние страхи пригнали его именно сюда, разве что просто инстинкт — без всяких доводов — привел его в это место. Возможно, сработало расписанное во многих романах желание преступника вернуться к месту преступления. Да, скорее всего. Он действительно ощущал неодолимое стремление посетить место действия. Даже не зная, где же оно находится на самом деле — на юге, на севере, на западе или на востоке.

В памяти сохранилось лишь видение сельской дороги, ничем не отличающейся от тысяч других дорог. Перед мысленным взором вставала довольно яркая картина: прямая двухполосная дорога, гладкая, щебеночная, с молодыми деревьями, посаженными с интервалом в пятьдесят футов. Вокруг поля с кукурузой, выросшей по колено. Особенно ярко выделялось одно дерево, то самое, среди раскинувшихся корней которого он и выкопал дыру. Тело он пропихивал головой вперед. Последними под дерном исчезли ее туфли.

И все это произошло, должно было произойти, где-то в Бэльстоуне. Может быть, в миле от города или в пяти—десяти? Он не знал. И в каком направлении? И этого он не знал. Улица не давала никаких подсказок.

Наконец он решил разобраться с этой проблемой так, чтобы не вызывать любопытных расспросов. Наняв такси, он сообщил водителю, что находится здесь по делам и ищет в окрестностях города место для размещения небольшой фабрики. Водитель, приняв Брэнсома за лицо значительное, провез его по всем окрестным дорогам в радиусе десяти миль от Бэльстоуна. Но время было потрачено впустую. Ни в одном месте пассажир не удовлетворился открывшимся пейзажем.

Когда они вернулись к изначальной точке, Брэнсом сказал водителю:

— Мне представляется некое кукурузное поле вдоль двухполосной дороги. По краям дороги через равные интервалы высажены деревья. Знаешь такое местечко?

— Нет, шеф. Я провез вас по всем дорогам, выходящим из города. Больше не осталось. А таких дорог я не знаю. Разве что ближе к Ханбери. Поезжайте туда, если хотите.

— Нет, спасибо,— торопливо сказал Брэнсом.— Мне определенно советовали Бэльстоун.

— Может быть, ошиблись,— сказал водитель.— Даже мудрецы ошибаются.— С этим философским высказыванием он и уехал.

Что ж, возможно, ту дорогу и расширили, а деревья спилили. И вполне возможно, что он даже проезжал мимо нужного места в каких-нибудь пятидесяти ярдах, но так и не узнал его. Впрочем, вряд ли. Ведь тот растягивающий слова водитель, напугавший его своим рассказом, прежде всего упомянул о дереве, склонившемся над дорогой и готовом упасть. И стало быть, его-то, это дерево, никто тогда не спиливал. Соответственно и остальные деревья должны были сохраниться, и если их спилили, то совсем недавно. А ведь пока он разъезжал на такси по окрестностям, пней он не видел.

Без усталости он расхаживал взад и вперед по главной улице, заглядывая в магазины, склады, таверны и станции техобслуживания, надеясь тем самым как-то подстегнуть свою память и получить хоть какой-то намек на разгадку. Но все было тщетно. Город оставался таким же незнакомым, как и любой другой, увиденный им в первый раз. Но если этот город совершенно ему незнаком, то, может быть, он неправильно вспомнил название? В конце концов, почему именно Бэльстоун? Вполне возможно, что у того города просто схожее название, например Бойльстаун, или Бэльсфорд, или даже Бэйкерстаун.

— Нет, Бэльстоун! — настаивала память.

Ничего не понятно!

Память говорила одно, а глаза — другое. Мозг решительно заявлял: *«Именно тут ты убил Арлен»*. Глаза возражали: *«Это место для тебя столь же незнакомо, как Сингапур или Серингапатам»*.

Но ситуация ухудшилась, когда сам мозг раскололся надвое в мучительном безмолвном споре. Одна часть злорадствовала: *«Берегись! Полиция собирает доказательства. Берегись!»* Другая часть презрительно фыркала: *«Да ну ее к черту, эту полицию! Ты сам во всем должен разобраться — вот что самое важное!»*

Шизофрения — вот какой диагноз он поставил сам себе. Этим все и объяснялось. Он живет, да и жил до сих пор, в двух различных мирах. Да не ведает правая рука, что творит левая. Да не отвечать Брэнсому-ученому за деяния Брэнсома-убийцы.

Вот и спасение. Официально признанных маньяками не казнят. Их помещают в психушку.

Так это и есть спасение?

Уж лучше сдохнуть!

Стоящий в дверях магазина дешевого платья крепкий мужчина спросил, когда Брэнсом проходил мимо уже в шестой или седьмой раз:

— Ищешь что-нибудь, незнакомец?

На этот раз Брэнсом не колебался. С практикой правдоподобные истории все бойчее слетают с языка, тем более что он одну уже скормил таксисту. А в таких маленьких городках слухи разносятся мгновенно и быстро определяются несовпадения в услышанном.

— Искал место для строительства фабрики. Да что-то ничего подходящего. Должно быть, мне сообщили неверную информацию.

— Место в Бэльстоуне? — спросил мужчина, озабоченно нахмурясь.

— Нет, где-нибудь в окрестностях.

— А какое место? Если опишете, я мог бы помочь. Брэнсом рассказал как можно подробнее и добавил:

— Мне еще рассказывали, что там одно дерево подмыло водой.

Он мужественно выдал эту подробность, ожидая, что слушатель тут же воскликнет: «А, это где нашли кости той девушки!»

Мужчина же просто усмехнулся и сказал:

— Должно быть, вы пересказываете историю, которая произошла полвека назад.

— Что вы хотите этим сказать?

— Такое случилось здесь пятьдесят лет назад. Именно тогда тут было наводнение. А на моей памяти такого не происходило.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Может быть, я попал не в тот Бэльстоун?

— Да вряд ли. О другом мне слышать не приходилось, по крайней мере в этой части света.

Брэнсом как можно равнодушнее и беззаботнее пожал плечами:

— Делать нечего. Придется возвращаться и все проверять заново. А это путешествие будем считать пустой тратой времени и денег.

— Не повезло, — посочувствовал мужчина. — Почему бы вам не обратиться в контору Кастера в Ханбери? Он занимается недвижимостью и знает каждую ферму и поле на сотни миль вокруг.

— Прекрасная идея. Спасибо!

Озадаченный, он вернулся на автобусную станцию. Уж в таком маленьком городишке разговоры об убийстве, пусть и давнем, надолго бы запомнились. Ни водитель, ни этот малый из магазина никак не отреагировали на поваленное потоком дерево и не припомнили найденных под корнями костей.

И тут его осенило. Стоило бы обратиться в местную газету, вместо того чтобы бродить тут, привлекая всеобщее внимание. Следовало бы дать себе затрещину за то, что не додумался до этого раньше, а вел себя как сыщик-дилетант.

Сегодняшний выпуск городской газеты вряд ли может ему помочь, особенно если полиция не давала заявлений для печати. Но вот в подшивках последних прошедших недель, наверное, можно было бы отыскать что-нибудь существенное, касающееся наводнения, или намеков на то, чем занимаются власти.

Он заговорил с небритым стариком, сидящим на соседней скамейке:

— А где расположена редакция местной газеты?

— У нас такой нет, мистер. Мы получаем «Ханбери газетт». Она выходит каждую пятницу.

Подъехал автобус. Брэнсом забрался внутрь и сел, глядя в окно. Напротив, через улицу, в дверях магазина по-прежнему стоял тот же крепкий мужчина, лениво поглядывая на автобус. Наверняка, решил Брэнсом, этот созерцатель припомнит его, если спросят, и даст вполне точное описание, а также сообщит о времени прибытия и отъезда. Этот тип похож на человека с цепкой памятью и, если понадобится, даст необходимые показания.

О Господи, ну почему только у него, Брэнсома, такая плохая память, а у остальных — хорошая?

Если его все-таки когда-нибудь схватят, то этот визит в Бэльстоун будет трудно объяснить. Наверное, он совершил серьезную ошибку, приехав сюда. И видимо, не стоило уступать диктату ненормального ума или того, что настаивало на этой поездке. Если начнется официальный допрос, это путешествие ляжет тяжким грузом на ту чашу весов, которая будет склоняться не в его пользу.

— Ну хорошо, вы не виноваты. Допустим. Допустим и то, что мы понятия не имеем, о чем идет речь. Допустим, что вы никогда не слышали об Арлен Лафарж. К чему же тогда такая спешка? Почему вы вдруг с такой торопливостью сорвались из дома?

— Никуда я не срывался. И ни от чего не убегал. Я попросту хотел с недельку отдохнуть от работы. Переутомился, почему бы не отдохнуть?

— Вам так доктор посоветовал?

— Нет... Я не обращался за консультацией к врачу.

— А почему не обращались? Уж если вы ошушали, что переутомились, он мог бы что-нибудь прописать, не так ли?

— Я вовсе не переутомился, я и не утверждал этого. Не надо мне приписывать чужие слова.

— А вы не учите нас. Лучше отвечайте прямо на прямые вопросы. Вам ведь нечего скрывать, не так ли?

— Нечего.

— Вот и прекрасно. Вы сказали, что устали и хотели бы немного отдохнуть?

— Совершенно верно.

— То есть сами поставили себе диагноз и сами же выписали себе лекарство?

— Да. А разве это противозаконно?

— Насчет законности предоставьте судить нам. А пока ответьте вот на какой вопрос: разве не является удивительным совпадением тот факт, что отдых вам понадобился именно тогда, когда мы вышли на ваш след? И вы отправились в глухомань, вместо того чтобы отдохнуть дома, с женой и детьми?

— У нас бы не получилось отдыха.

— Что вы имеете в виду?

— То, что их тревожило мое моральное состояние, а из-за этого и я переживал. А чем хуже я себя чувствовал, тем сильнее переживали они. И потому единственное спасение в данной ситуации заключалось в том, чтобы на несколько дней уехать из дома в тихое и спокойное местечко.

— Такое, как Бэльстоун?

— Если уж я собрался уехать, то почему бы мне не поехать туда, куда я хочу? Я вправе ехать туда, куда мне заблагорассудится.

— Вот именно, мистер! Вы вправе ехать, куда хотите. Мир велик. Но вы почему-то выбираете именно Бэльстоун. Что вы скажете на это?

— Ничего не скажу.

Возможно, именно в этот момент он начнет что-нибудь кричать, а они будут обмениваться лукавыми взглядами, по опыту зная, что тот, кто кричит, загнан в угол и скоро расколется. Тем самым он убедит их в своей виновности.

— Я не знаю, почему я направился именно туда. У меня пошаливали нервы, и я был не в состоянии рассуждать здраво. Я выбрал место наугад, просто в надежде, что путешествие пойдет мне на пользу. И в Бэльстоуне я оказался по чистой случайности.

— И больше вам нечего добавить?

— Нечего.

— Итак, Бэльстоун подвернулся по чистой случайности?

— Совершенно верно.

— И вы уверены в этом?

— Уверен.

Тут последует волчья ухмылка.

— Когда вы уезжали из дома, то сказали жене, что собираетесь именно в Бэльстоун. Как насчет этого?

— Неужели я действительно так и сказал ей?

(Тяни время и быстро соображай.)

— Она так утверждает.

— Она ошибается.

— Но эти же слова, произнесенные вами, слышали и двое ваших детей.

Молчание.

— Они тоже ошибаются, а?

Молчание.

— То есть все трое допускают одну и ту же ошибку, а?

— Возможно, я действительно так ей сказал, хоть и не припомню. Должно быть, этот Бэльстоун как-то застрял в моих мыслях, я и назвал его не подумав.

— Ну хорошо. Итак, вы направились в эту Богом забытую глушь, так? Большинство людей никогда даже не слышали о таком городе. Но вам это место знакомо. Вы же сами только что сказали, что этот Бэльстоун как-то застрял в ваших мыслях. Как он мог попасть в ваши мысли? Что его занесло туда?

— Не знаю.

— Из вашего личного дела следует, что родились вы не в Бэльстоуне. Никогда там не жили. Не женились там. И жена ваша не оттуда. И поначалу кажется, что с этим местом вас ничто не связывает. Так почему же вы отправились именно туда?

— Я уже сто раз говорил, что не знаю.

— Почему вы считаете необходимым городить гору вранья об этой поездке?

— Я не лгу. Я сказал жене, куда еду. А остальное — это уже ваши выводы.

— Оставьте в покое наши выводы — займитесь своими. Вы сообщили Маркхэму, что у ваших родственников какие-то трудности, однако ваша жена ничего об этом не знает. Вы сообщили жене, что вас посылают в Бэльстоун по делам, однако ваше начальство решительно отрицает факт командировки. Вы сообщили водителю такси и владельцу магазина, что подыскиваете место для фабрики, тогда как на самом деле занимались вовсе не тем. Разве это не гора вранья?

— Мне не хотелось, чтобы Маркхэм знал о моем отвратительном самочувствии.

— Почему же это?

— Он мог бы подумать, что я не справляюсь со своими обязанностями. И вообще незачем показывать свою слабость.

— Вот как? Да ведь ваши объяснения настолько слабы, что просто рассыпаются на кусочки. Любой работник может почувствовать себя плохо, вправе заявить об этом и попросить отпуск. Это в порядке вещей. Почему же ваш случай такой особенный?

Молчание.

— Ну а как насчет той сказки, что вы поведали своей жене? Мужчина без причины не станет обманывать хорошенькую женщину.

— Она и так испереживалась из-за меня. Я не хотел добавлять ей тревог.

— Итак, вы отправились в Бэльстоун и стали искать там место для фабрики или говорили, что ищете. В нашем распоряжении два свидетеля, подтверждающие ваши слова. Вы что же, собирались заняться собственным бизнесом? И что же вы собирались производить?

Какую продукцию? И зачем размещать предприятие в Бэльстоуне, где отсутствуют железнодорожные линии?

— Свидетели ошибаются.

— Оба ошибаются?

— Да.

— Хм! То есть заблуждаются так же, как ваша жена и дети, да? Странно, как все неправильно воспринимают ваши слова, а?

Без ответа.

— Медицинское освидетельствование показало, что девушка была убита. Из всех возможных подозреваемых у вас одного была такая возможность и, надо полагать, повод для убийства. В то время как вы изображали из себя любящего мужа, доброго отца и благоразумного гражданина, преступление вот уже двадцать лет таилось в земле. А вы представляли собой образец респектабельности.

Молчание.

— И тут, по странному стечению обстоятельств вы почувствовали усталость в то самое время, когда преступление было извлечено на свет. И по еще более странному стечению обстоятельств вы тут же решили взять отпуск. И куда поехать? Из всех мест вы выбираете Бэльстоун!

Молчание.

— А может быть, хватит нас дурачить? Мы и так уже потратили напрасно много времени. Давайте-ка обратимся к основным фактам. Услышанные новости взволновали вас, поскольку у вас был веский повод волноваться. Вам захотелось проверить. Проверить, вышла ли полиция на кого-нибудь и если вышла, то на кого. Во всяком случае, по ночам вам не спалось.

Молчание.

— Мистер, вы уже сами закопали себя по шею. И единственной вашей надеждой остается признание. Оно по крайней мере спасет вашу шею.— Пауза, тяжелый взгляд, презрительный взмах руки.— Уведите его. Пусть подумает, пока мы слушаем его адвоката.

Брэнсом без труда представил себе весь этот диалог, в результате которого он оказался в роли загнанной в угол крысы. Неужели все будет именно так? При мысли об этом он ощутил нервную дрожь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда он добрался до Ханбери, тошнотворное чувство прошло. Внутренний спор с самим собой привел его к выводу, что безвольное ожидание конца и попытка максимально проанализировать ситуацию — вещи совершенно разные. Будущее скорее находилось в руках богов, нежели в глубинах возбужденного воображения. В конце концов, самое плохое не обязательно должно случиться, а если все-таки оно произойдет, то следует надеяться на лучшее.

Редакция «Ханбери газетт» располагалась всего в нескольких сотнях ярдов от отеля, в котором он остановился. Он обратился к сидящему за стойкой худому, болезненного вида редакционному юноше:

— У вас найдутся незачитанные прошлые номера?

— Смотря какой давности.

— Ну, скажем, трехмесячной?

— Да, их у нас много. По экземпляру из каждого выпуска?

Юноша отобрал ему номера, свернул в рулон и перетянул резинкой. Брэнсом расплатился и вернулся в отель. Заперев дверь на ключ, он разложил газеты на столе у окна и начал их просматривать. Почти два часа провел он за этим занятием, листая страницу за страницей, читая все колонки подряд, стараясь ничего не пропустить.

Материалы содержали информацию о событиях, имевших место в течение последних трех месяцев, вплоть до прошлой недели. Произошло же за это время следующее: один пожар, пара вооруженных налетов и несколько угонов автомобилей, одно самоубийство в пригороде и громкая стрельба милях в десяти отсюда. А в самом Бэльстоуне и его окрестностях ничего из ряда вон выходящего не происходило.

Он пришел к выводу, что существует всего два правдоподобных объяснения такому положению дел. Первое: поведавший эту историю водитель сам был введен в заблуждение похожей историей, случившейся где-то в другом месте. И Брэнсом ухватился за мелькнувшую надежду избавиться от груза вины, свалив ее на кого-нибудь другого.

С другой стороны, история, рассказанная водителем, соответствовала истине, но произойти она могла гораздо раньше, чем считал Брэнсом. Правда, судя по тому, как тот малый все это рассказывал, создавалось впечатление, что событие имело место совсем недавно, чуть ли не за несколько дней до их встречи или в крайнем случае пару недель назад. Во всяком случае, Брэнсом не взял бы на себя смелость утверждать, что эта история стара как мир.

И тут он вдруг ощутил легкое головокружение. До сего дня он полагал, что власти совсем недавно вышли на его след, а фактически получается, что у них было больше трех месяцев, чтобы подобраться к нему, и, значит, они уже совсем рядом. И возможно, именно сейчас они уже находятся в его доме и засыпают вопросами бледную и обезумевшую от страха Дороти.

— Он сказал вам, куда собирается? В Бэльстоун? А где это? Джо, попробуй связаться с тамошней полицией. Сообщи им, что он разыскивается. Если это не фальшивый след, они его там схватят.

Он сидел в своем номере, сражаясь с дурными предчувствиями. С самого начала ему приходится преодолевать панику, порожденную страхом. Но он должен с этим справиться. А ведь в этот самый момент провода, наверное, накопились от переговоров с полицией Бэльстоуна и Ханбери. День или два назад одна эта мысль заставила бы его пуститься в бег. Но не теперь. Теперь он отсидится здесь по крайней мере до утра и попытает счастья в игре с копами.

Редакция «Ханбери газетт» уже закрылась, и больше экземпляров до утра ему не получить, а значит, надо переночевать в отеле. Часть мозга, сражающаяся с эмоциями и настаивающая на том, чтобы разобраться с ситуацией, — та самая часть, что заставила его приехать сюда, — убеждала его не покидать Ханбери, пока он не найдет то, что ищет, или наконец избавится от всех сомнений, обнаружив, что и искать-то, собственно, нечего. И чем бы он ни рисковал, он обязан разобраться с этим делом. В любом случае.

Швырнув бесполезные газеты в мусорную корзину, он потер подбородок и решил перед ужином побриться.

Он открыл портфель и подозрительно уставился на содержимое. Все аккуратно уложено, ничего не тронут, ничего не пропало. Еще с детства он привык тщательно укладывать свои вещи и, как все подобные люди, мог бы с первого взгляда определить, трогал кто-нибудь его вещи или нет. Все лежало почти на своих местах. Но все же не совсем так, как он уложил. Он был почти уверен, что в его отсутствие из портфеля все вынули, а затем вещи уложили заново.

Он был почти уверен, но все же не до конца. Но тем не менее считал за лучшее считать, что кто-то все же открывал портфель и подвергал содержимое быстрому и опытному осмотру. И этот кто-то что-то искал. Что? В сложившихся обстоятельствах ответ мог быть только один — искали доказательства преступления. Какой-нибудь воришка, рассудил он, не стал бы обременять себя аккуратной укладкой вещей и запирает портфель на замок. Скорее всего, воришка, придя в ярость оттого, что ничего не нашел, разметал бы содержимое портфеля по номеру. Только официальная ишейка обычно старается уничтожить следы своего присутствия.

Он тщательно осмотрел замок, но не обнаружил ни одной царапины, да и механизм проворачивался легко. А может быть, он ошибается? Может быть, сам неловко перевернул портфель и встряхнул содержимое? Или полиция Ханбери уже начала действовать?

Еще несколько минут он потратил на тщательный осмотр номера, выискивая затоптанный окурок, или рассыпанный пепел, или хоть какой-то след от вторжения. Ничего. Кровать и шкаф остались нетронутыми. Доказательств обыска не обнаружилось; если не считать того, что запасной галстук лежал сложенным слева направо, а не наоборот, а стопка носовых платков оказалась у передней стенки портфеля, а не у задней.

Он встал у окна, спрятавшись за шторой и наблюдая за улицей. Он хотел убедиться, что отель находится под наблюдением. Но и тут результата не добился. Пешеходов было много, но за прошедшие двадцать минут ни один из них не прошел дважды, и никто из

них не обратил даже случайного внимания на гостиницу.

Разумеется, тому, кто уполномочен вести наблюдение, нет необходимости все время слоняться под его окнами. Можно расположиться в самом отеле, устроиться в вестибюле с невинным видом, изображая постояльца или свободного от смены клерка за стойкой. Брэнсом спустился вниз произвести осмотр. В фойе находились лишь две судачащие леди пожилого возраста; при всем его воображении он не мог представить их в качестве своих преследователей. За стойкой расположился клерк, тощий доходяга, на обмундирование которого хватило бы и одной штанины копа. Брэнсом подошел к нему:

— Меня никто не спрашивал?

— Нет, мистер Брэнсом.

— Никто не интересовался, в каком номере я проживаю?

— Нет, сэр, насколько мне известно.

— Хм!

— Что-нибудь произошло? — спросил клерк, внимательно разглядывая его.

— Ничего особенного. Просто легкое подозрение, что кто-то шарил в моем номере.

— Что-нибудь пропало? — спросил клерк, напрягаясь в предчувствии предстоящих неприятностей.

— Нет, ничего.

Клерк облегченно вздохнул и предположил:

— Может быть, горничная убиралась?

— Вполне возможно.

Брэнсом опустил глаза, испытывая раздражение и легкое неудовлетворение. Практически перед его носом лежала широко раскрытая книга регистрации посетителей отеля. Книга лежала развернутой в сторону клерка, но последнюю запись можно было довольно легко различить. Для этого понадобилось лишь небольшое усилие. Мысли пришли в полное смятение, а глаза настойчиво уверяли, что это правда.

Джозеф Риардон, номер 13.

— Спасибо, — поблагодарил он клерка.

Тяжело ступая, он поднялся по лестнице, сел на край кровати и, сплетая и расплетая пальцы рук, начал сосредоточенно прикидывать, сколько Риардонов может проживать в этом мире. Тысяч шесть или семь, а может быть, десять или больше. Никто не знает. И к тому же тот долговязый остроглазый шпион с предприятия мог быть и не Джозефом. А например, Дадли, или Мортимером, или еще кем-то, но только не Джозефом.

Тем не менее совпадение не из приятных. Как и встреча с тем Риардоном на вокзале. Или обыск портфеля, уже здесь, сразу после прибытия некоего Риардона.

Брэнсом ненадолго, но всерьез задумался над возможностью расплатиться с этим отелем и переехать в другой. Не удаляясь из города, но просто перебравшись в более безопасное место, где за ним не будут наблюдать. Но это задача не из легких. Уже поздно, в Ханбери всего две гостиницы, и час не самый подходящий, чтобы бродить по улицам и искать меблированные комнаты.

Впрочем, можно изобразить из себя и крысу, загнанную в угол, когда она бросается на кота. То есть отправиться к номеру тринадцать, мужественно постучать в дверь и предстать перед Риардоном. Если этот малый окажется не тем, от кого он прячется, тогда все в порядке.

— Прошу прощения, ошибся дверью.

Если же обитатель номера тринадцать тот самый, единственный и неповторимый Риардон, с его стороны последует пара вопросов, как только откроется дверь:

— Какого черта вы тут делаете? Что это вам взбрело в голову таскаться следом за мною повсюду?

Да, это то, что нужно. Не имея реальных доказательств, Риардон не осмелится обвинять его. Ведь если бы такие доказательства существовали, он, Брэнсом, уже был бы арестован. А если он не арестован, значит, надо пользоваться этим преимуществом, пусть и временным.

Внезапно исполнившись решимости, он вышел из номера, стремительно прошел по коридору и постучал в дверь номера тринадцать. Он готов был устроить настоящую сцену, если бы в ответ прозвучал знакомый

голос. Он постучал еще раз, громче и настойчивей. Ответа не последовало. Приложив ухо к замочной скважине, он не услышал ни звука. На этот раз он стучал долще и еще громче. Тишина. Номер был пуст. Он попробовал повернуть ручку, но и тут не повезло — дверь была заперта на ключ.

Из-за угла коридора послышался звук приближающихся шагов. Брэнсом метнулся в свой номер, встал за приоткрытой дверью и стал в щелочку наблюдать. Грузный мужчина тяжело прошагал мимо номера тринадцать и проследовал дальше. Брэнсом захлопнул дверь, закрыл ее на замок и устоялся на свой портфель.

В конце концов он припер дверь креслом — на всякий случай — и улегся в постель, предварительно выглянув в окно, но вновь не обнаружил наблюдения. Ему было безразлично — провести эту ночь в отеле или побродить по ночным улицам. Он соскучился по Дороти и детям, и теперь видел перед собою их лица, и мучительно загадывал, когда же вновь увидит их. Не один час пролежал он так, балансируя на грани бодрствования и полудремы, из которой его выводил малейший звук, и временами погружаясь в короткие кошмары. В общем, рассвет он встретил с тяжелыми веками и полнейшим отсутствием желания песней встречать новый день.

В половине девятого утра, в ту же минуту, как открылась редакция «Газетт», он оказался там. Вернувшись в гостиницу, он плюхнулся на стол тяжелую пачку номеров за прошедшие дни и спустился в ресторан завтракать. Вокруг, болтая, сидели за столиками с дюжину человек. Никого из них он не знал. Впрочем, из присутствующих наверняка не претендовали на имя Риардон две пожилые леди, клерк за стойкой и грузный мужчина, миновавший номер тринадцать.

Позавтракав, он торопливо поднялся наверх и принялся проглядывать газеты одну за другой. Они охватывали период длиною в год. Ни в одной из них не упоминалось о его преступлении. Ни в одной.

По каким-то причинам, известным лишь полиции, она, вероятно, замалчивала эти новости. Но неужели запрет на данную публикацию тянулся так долго? А может быть, действительно преступление произошло

раньше, и, стало быть, сообщение об этом надо искать в более старой газете? А может быть, водитель грузовика рассказывал совсем о другом, похожем преступлении?

Брэнсомом по-прежнему владела решимость любым путем установить истину, по возможности не искушая судьбу. Но ему в голову приходило лишь одно-единственное верное и надежное средство узнать подлинные факты. Средство, связанное с большим риском для жизни. Все равно что сунуть голову в пасть льву. То есть набраться мужества и пойти в полицию и там обо всем расспросить. Всего-навсего.

Может быть, сочинить для них вымышленное имя и правдоподобную историю? Допустим, он писатель, работающий над темой нераскрытых преступлений, а? И просит полицию помочь в установлении хронологии в деле Арлен Лафарж? Н-да, так можно зайти чересчур далеко. Можно представить себе реакцию копов.

— Э, а как вы-то узнали об этом? В газетах ни о чем не упоминалось. А как вы вышли на имя жертвы? Мы сами-то еще ее не идентифицировали. Вот что, мистер, похоже, вы знаете больше, чем положено. А столько о преступлениях может знать только один человек — тот, кто его совершил.

Тут они его хватают, постепенно устанавливая истину и начинают поджаривать на медленном огне. Слишком рискованно и глупо. Ну а если позвонить в полицию из телефонной будки? А вот это уже идея. Даже полицейским не схватить человека, который отделен от них милей медного провода. А если еще у него хватит ума не слишком долго вести разговор, то и выследить его не успеют.

Вот так стремительно приходилось постигать все хитрости, которыми владеет человек, находящийся в бегах. Веселенькая наступает у него жизнь, ничего не скажешь.

Лучше всего позвонить из будки возле автобусной станции. При этом выбрать время звонка так, чтобы буквально через несколько минут уходили со станции два или три автобуса в разных направлениях. Полиция примчится к будке хватать какого-нибудь подозрительного субъекта, потом помчится вдогонку за автобусами,

а он в это время будет в безопасной тишине отеля размышлять над своим следующим шагом. Пусть полиция догоняет автобусы. А кого хватать-то? Описания подозреваемого у них нет.

Итак, хорошо, он позвонит и попытается выжать из них по телефону что-нибудь существенное. Допустим, он спросит шефа полиции относительно костей, найденных под деревом. Если шеф заинтересуется и ответит контрвопросом или попытается удержать собеседника на связи, то такое поведение подтвердит мрачную реальность того, что факт преступления установлен и ведется следствие.

Тогда многое решится. Поразмышляв еще несколько минут, Брэнсом пришел к выводу, что ему ничто не мешает заняться реализацией идеи прямо сейчас, и он вышел из номера, предварительно осмотрев портфель и замок на входной двери. Заперев дверь, он быстро зашагал по ковровой дорожке коридора. Когда он проходил мимо номера тринадцать, дверь открылась, и на пороге появился Риардон.

Ничем не выказывая удивления, Риардон сказал:

— Какая неожиданная встреча...

Но договорить он не успел. Брэнсом врезал ему по зубам, вложив в удар всю накопившуюся ярость и страх. Риардон через открытую дверь спиной вперед влетел в свой номер.

В яростном отчаянии Брэнсом шагнул вслед за ним и вновь обрушил на него удар, на этот раз в подбородок. Удар получился сильный, хорошо нацеленный, которым можно было бы свалить с ног человека гораздо более крупного и тяжелого. Но, несмотря на свою худобу, Риардон оказался человеком, привычным к взбучкам. Даже застигнутый врасплох неожиданным нападением, он удержался на ногах. Пошатнувшись и взмахнув руками, он пытался сохранить равновесие.

Пользуясь элементом внезапности, Брэнсом не стал давать ему передышки. Злость придавала ему неведомую силу. Отбив неуверенный выпад растерявшегося противника, Брэнсом нанес ему ошеломляющий удар в живот. Риардон крикнул и согнулся, а затем поднял вверх руку, словно собираясь что-то сказать.

Брэнсом, решив добить его, нанес три удара, после чего Риардон таки упал, но без глухого стука, а просто сложился на полу, как пустая одежда. Он оказался крепким орешком и мог выдержать многое. Брэнсом склонился над ним тяжело дыша. Обернувшись, он увидел, что дверь все еще открыта. Он выглянул в коридор. Ни души. Никто не слышал звуков короткой схватки, никто не поднял переполоха. Осторожно закрыв дверь, он вернулся к противнику.

Встав над Риардоном, он задумчиво рассматривал его, потирая костяшки пальцев. Нервы звенели от напряжения, внутри все дрожало. Этот малый, решил он, слишком смышлен и настойчив. И самое лучшее в данной ситуации — увести эту ищейку со следа, чтобы она вообще потеряла запах.

Именно сейчас и складывалась ситуация лучше не придумаешь, чтобы избавиться от Риардона раз и навсегда. За убийство два раза не казнят. И тем не менее он не мог серьезно размышлять над идеей убийства Риардона. Даже за миллион долларов он не смог бы совершить эту хладнокровную расправу. Если бы сейчас была возможность заняться самоанализом, он пришел бы к очевидному противоречию: убийца вдруг обнаруживает препятствие к совершению убийства. Возможно, он бы даже решил, что этот вывод следует всерьез обдумать.

Ситуация находилась под его полным контролем, но даже ради собственного спасения он не мог прикончить Риардона. А тот лежал на спине, слегка повернувшись на бок и раскинув руки, с закрытыми глазами и окровавленными губами. Пиджак его распахнулся, и из-под мышки выглядывал небольшой автоматический пистолет из вороненой стали. Брэнсом задумчиво оглядел оружие, но трогать не стал.

Отыскав чемодан Риардона, Брэнсом открыл его и обнаружил дюжину носовых платков, пару галстуков и обычные мелочи, необходимые в дороге. С помощью платков и галстуков он связал Риардону запястья и лодыжки и заткнул окровавленный рот. К тому времени, когда он закончил эту работу, Риардон уже начал шевелиться, шмыгать носом и издавать звуки человека, приходящего в себя.

Быстро обыскав его, Брэнсом нашел бумажник и заглянул внутрь. Банкноты, два или три ничего не значащих письма, пара оплаченных счетов, страховка на автомобиль. Во внутреннем кармашке лежали почтовые марки. В другом таком же кармашке содержалась длинная, узкая, опрaвленная в целлофан визитная карточка. Изучив карточку, Брэнсом ощутил, как у него на голове зашевелились волосы. Рельефно выступающий орел, порядковый номер и буквы:

*Федеральное правительство
Соединенных Штатов Америки
Служба военной разведки
Джозеф Риардон*

О Господи, ну какое дело военной разведке до простого грязного убийства? Он испытал потрясение. На ум приходило лишь одно объяснение. Поскольку убийство совершено человеком, находящимся на секретной работе, то поэтому дело и забрали у полиции. Но вряд ли. Насколько ему было известно, полиция осуществляет охрану закона, оставаясь равнодушной ко всем прочим обстоятельствам, и, слепо повинаясь букве закона, она не задумываясь отправит в камеру смертников даже ученого с мировым именем.

Во всяком случае, этой ищейке придется немного тут поскучать. А как долго — будет зависеть от него, Брэнсома, от его быстроты, с которой он исчезнет и найдет безопасное место, чтобы там затаиться. Положив бумажник на место, он перетащил Риардона за спинку кровати, выглянул в коридор, но никого там не заметил. Риардон продолжал дергаться и издавать какие-то звуки. Брэнсом вышел из номера тринадцать, услышав, как за ним со щелчком закрылась дверь.

Быстро войдя в свой номер, он схватил портфель, торопливо осмотрелся, убедился, что ничего не оставил, спустился в вестибюль и заплатил по счету. Клерк шевелился еле-еле, словно поставив себе целью испытать терпение Брэнсома до конца. И пока продолжалась эта возня у стойки, глаза Брэнсома настороженно осматривали вестибюль, отыскивая следующую ищейку. При

этом он все время ожидал, что с минуты на минуту вниз по лестнице слетит разъяренный Риардон. Выхватив оплаченный счет, Брэнсом рванул на станцию, но автобус отходил лишь через пятьдесят минут. Он перебрался на вокзал. До отхода ближайшего поезда оставалось полтора часа.

Получалась неожиданная и опасная отсрочка. Инстинкт подсказывал ему, что в этом Ханбери не следует оставаться ни одной лишней минуты. На время он даже расстался с идеей позвонить в полицию. Позвонить можно откуда угодно, даже из города, расположенного за тысячу миль отсюда. Более того, когда делаешь такой звонок, то, чем дальше находишься от полицейского участка, тем лучше.

Главное сейчас — побыстрее отсюда убраться, пока Риардон не освободился от пут и власти не оцепили город. И он решил пешком двигаться вдоль маршрута следования первого же по расписанию автобуса, чтобы его подхватили миль через пять, а это уже будет существенная дистанция, если даже Риардон к тому времени и поднимет переполох. Ведь власти прежде всего оцепят автобусную станцию и железнодорожный вокзал, доберутся до всех таксистов и контор, сдающих напрокат автомобили.

Итак, он отправился из города пешком, поддерживая хороший темп и думая только о том, как бы позвонить до конца этого пути Дороти и узнать, как она там с ребятишками поживает. К тому же следовало узнать, не спрашивали ли ее о том, куда он делся. И вновь сказалось отсутствие уголовного опыта: ему и в голову не пришло, что можно просто-напросто украсть автомобиль, быстренько убраться отсюда, а в каком-нибудь большом городе украсть еще один автомобиль, чтобы совсем уж замести следы. За всю свою жизнь он совершил лишь одну кражу, позарившись на большое яблоко, которое не дал ему отец, опасаясь расстройств желудка у малыша.

Но с другой стороны, отсутствие такого опыта давало ему и некоторое преимущество. С точки зрения полиции, действия закоренелого преступника легко предугадать, поскольку они подчиняются своей под-

польной логике. А новичок непредсказуем. Старый профессионал, естественно, тут же обдумал бы вариант бегства на украденном автомобиле. Новичок же может придумать что угодно. Вплоть до передвижения вдоль шоссе на своих двоих. Что Брэнсом и делал.

Вначале ему везло. Минут через двадцать его догнал старенький пыхтящий «седан», водитель остановился и предложил подвезти. Брэнсом принял предложение, уселся рядом с краснолицым, лысым и словоохотливым водителем и честно сообщил ему, что шагает себе по дороге в ожидании, пока его подберет автобус.

— А куда шагаем? — спросил краснолицый.

— В какой-нибудь большой город. — Брэнсом для убедительности похлопал по портфелю. — Хожу от двери к двери.

— Продаем.

— Страховка.

Неужели же не будет конца таким вопросам, на которые он не способен дать правдивый ответ?

— Жульничество все это! — сообщил краснолицый, совершенно не обремененный тактичностью. — Моя жена чуть не купила одну такую страховку на меня. «А это видела? — сказал я ей. — Или я больше люб тебе мертвый, чем живой?» Просто грязный обман, я бы сказал. То есть женщина, выходит, должна с нетерпением ждать того момента, когда муж ее станет трупом. Не дело это. В этом мире и так полно проблем, а тут тебя еще и в ящик загоняют.

— Я предлагаю страховку от пожара и ограбления, — успокаивающе сообщил Брэнсом.

— Так это же совсем другое дело, мистер! В этом есть смысл. Вон у моего дядюшки в Декатуре амбар пылал, как вулкан. А он такой скупердяй, что у него ничего не выпросишь, хоть на коленях стой. А я всегда говорил...

Так он и продолжал болтать не смолкая, пока «седан», пыхтя и кряхтя, подскакивая и подпрыгивая, одолевал милю за милей. Он подробно описывал случай за случаем все происшедшие за последние сорок лет пожары и закончил тем, что высоко оценил страховку от

пожаров как имеющую смысл. А вот насчет страховки от грабежа отозвался прохладно, поскольку в этом краю грабителей практически нет.

— Я так думаю, что им в каком-нибудь другом месте легче работать,— сказал он.— Чего же они сюда попрутся?

— Хорошо жить, когда голова не занята мыслями о замках и засовах,— заметил Брэнсом.— А как насчет убийств? Случаются?

— В мое время мало. В основном по пьянке или из-за бабы. Лишь одно так и не раскрыли.

— Какое? — спросил Брэнсом, надеясь наконец-то услышать хоть что-то стоящее.

— Произошло оно лет восемь или десять назад,— небрежно ответил краснолицый.— Старика Джеффа Уоткинса огрели чем-то тяжелым, и он умер, не успев ничего сказать. Полиция искала какого-то временного рабочего, случайно оказавшегося в наших краях. Но так и не нашла.

— А как же насчет девушки, которую нашли закопанной под деревом?

Краснолицый оторвался от лицезрения дороги и удивленно уставился на него.

— Какой девушки?

— Может быть, это просто слухи...— сказал Брэнсом.— Несколько дней назад я краем уха слышал историю о том, что под деревом в окрестностях Бэльстоуна нашли кости какой-то девушки.

— А когда же это могло случиться?

— Не знаю. Как я понял, неделю назад. Или, может, несколько месяцев назад. Судя по рассказу того парня, все случилось не так давно.

— Да выдумал он все! — решительно заявил краснолицый.

— Может быть.

— Если бы что-то такое произошло на самом деле, то история уже разнеслась бы на сотню миль вокруг со скоростью степного пожара,— заверил его краснолицый.— В этих краях особо поболтать не о чем, поэтому болтают много. Уж я-то бы точно услышал об этом.

— Но ничего такого не слышали?

— Нет, мистер. Должно быть, вы неправильно поняли того парня.

Автомобиль въехал в небольшой городок, поменьше Ханбери, но побольше Бэльстоуна. Краснолицый бросил на Брэнсома вопросительный взгляд:

— Это место вас устроит?

— Подойдет, если вы дальше не едете.

— Могу провезти вас еще сорок миль. А там еще двенадцать вам самому придется добираться до следующего города.

— Так даже лучше. Там меня, может быть, кто-нибудь подвезет.

— Нравится путешествовать, да? А в этом городке вы, похоже, не надеетесь добиться толку?

— По правде говоря, мне слегка надоели маленькие городки. Мне кажется, в большом дела пойдут лучше.

— Что ж, не могу вас осуждать, — сказал краснолицый. — Но разве в вашу экипировку автомобиль не входит?

— Входит. Но я оставил его дома, жене.

— И у нее ваша страховка?

— Ну конечно.

— Женщины, — вновь скривился краснолицый. — Все под себя гребут. Все, что мужик заработает. — Он замолчал, закусив нижнюю губу.

Автомобиль прогрохотал по городку и выехал в предместье. Чем дальше уезжал Брэнсом, тем больше успокаивался. Водитель продолжал молчать, очевидно не на шутку раздосадованный прегрешениями женского пола.

Они доехали до того пункта, который находился в тридцати милях от оставшегося позади городка и от которого предстояло одолеть еще десять до цели путешествия краснолицего. Они выехали на прямую широкую магистраль, и тут дорогу им перегородили два автомобиля. «Седан», скрежеща, подъезжал к ним все ближе. От группы людей, столпившихся рядом с автомобилями, отделился человек в мундире и вышел на середину дороги. Он поднял руку, давая им знак остановиться.

— Ну что еще? — спросил, притормаживая, краснолицый.

Рядом с первым полицейским появился второй. Оба они, каждый со своей стороны, осторожно подошли к «седану». Судя по всему, их больше интересовали пассажиры, а не автомобиль.

Заглянув внутрь, тот из двух, что был повыше, сказал краснолицему:

— Э, да это ты, Уилмер. Привет! Как дела?

— Так себе,— проворчал не слишком обрадованный краснолицый.— Ну, что вам понадобилось на этот раз?

— Ну ты полегче, Уилмер,— посоветовал второй полицейский.— Мы ищем кое-кого.— Он указал на Брэнсома: — Ты знаешь этого парня?

— А я обязан его знать?

— Да ведь он же едет в твоей машине, разве не так?

— Еще как едет. А ты против?

— Послушай, Уилмер. Давай по-хорошему. Я ведь не твоя жена, и я не нежностей от тебя добиваюсь. Так что отвечай прямо. Где ты отыскал этого типа?

— Подобрал его в окрестностях Ханбери,— признался краснолицый.

— Вот как? — Полицейский внимательно осмотрел Брэнсома. Так же поступил и его напарник.— А ведь ты более или менее подходишь под описание того малого, которого мы ищем.

— Это-то меня и печалит,— сказал Брэнсом.

— Как тебя зовут?

— Картер.

— А чем на жизнь зарабатываешь?

— Продажей страховок.

— Он правду говорит,— со злобной радостью поспешил на помощь краснолицый.— Мы уже разговаривали на эту тему. И я рассказал ему, как тот грязный болтун чуть не уговорил Мэйзи опутать мое тело сетью и...

— Так, значит, Картер? — спросил первый полицейский, не обращая внимания на краснолицего.— А имя?

— Люций,— сообщил Брэнсом, выкапывая это имя Бог знает откуда и ухватившись за него.

Быстрота ответа несколько насторожила служителей закона. Они поглядели друг на друга, затем вновь осмотрели Брэнсома, должно быть мысленно сравнивая его с описанием, полученным по ради.

— А что ты делал в Ханбери? — спросил один.

— Продавал страховки.— Брэнсом скромно улыбнулся.— Вернее, пытался продавать.

Он похвалил себя за то, что выбрал себе именно эту профессию. В ней человеку нужна лишь практика да крепкие нервы. Тем не менее вряд ли он по-настоящему преуспел бы на таком поприще. Потому что по своей натуре он не любил лжецов.

— А какие-нибудь документы есть? — спросил полицейский пониже.

— Я как-то не подумал о них. С собой нет. Большую часть документов оставил дома.

— И что, ни в портфеле, ни в бумажнике ничего нет? Ни письма, ни карточки, ничего?

— Извините, нет.

— Странно, что продавец страховок путешествует вот так вот запросто, не имея при себе никаких удостоверений.— Полицейский пониже понимающе улыбнулся и бросил на напарника предупреждающий взгляд.— Я думаю, вам лучше покинуть этот разваливающийся катафалк, мистер Люций Картер.— Рывком открыв дверцу, он сделал властный жест: — Нам бы хотелось поближе познакомиться с вами и вашим имуществом.

Брэнсом вылез из автомобиля. Кто-то в его мозгу приговаривал: «Вот оно! Вот оно!» Позади него за рулем злобно скукожился краснолицый. Полицейский пониже сунул руку в автомобиль, взял портфель и выбросил его на дорогу. Второй полицейский, держа руку на рукояти пистолета, настороженно застыл в нескольких ярдах от места действия. Не сбежишь. Не одолеешь и десяти ярдов, как получишь пулю в спину.

— Прошу вас, отдайте бумажник и ключи.

Брэнсом передал требуемое.

Полицейский заглянул в удостоверение, удовлетворенно хрюкнул и сказал партнеру:

— Как же, Люций Картер! Это же тот самый малый, Ричард Брэнсом.— Он махнул рукой краснолицему: — Проваливай, счастливчик.

Краснолицый протянул руку, яростно захлопнул дверцу и заорал из окна:

— Разваливающийся катафалк! Зато я купил эту грудуюхлама на свои деньги! А как налогоплательщик я содер-жу вас, как...

Высокий полицейский приблизил свое лицо к окну и сказал медленно и спокойно:

— Послушай, Уилмер. Ты ведь уже большой мальчик. Ты же слышал, что сказал себе добрый дядя. *Проваливай!*

Уилмер одарил полицейских вызывающим взглядом, его автомобиль дернулся, загрохотал и выплюнул им в лицо целое облако выхлопных газов.

— Полезайте, мистер,— сказал полицейский пониже, указывая Брэнсому на патрульную машину.

— Но почему? В чем меня подозревают? Если у вас есть что-то против меня, так скажите.

— В участке обо всем узнаешь,— рявкнул другой полицейский.— Мы имеем право задерживать на двадцать четыре часа без предъявления обвинений. Так что захлопнись и полезай.

Прекратив спор, Брэнсом полез в патрульную машину. Коротышка устроился рядом с ним на заднем сиденье. Высокий полицейский сел на место водителя, щелкнул выключателем и заговорил в ручной микрофон:

— Машина девять, Хили и Грегг. Только что взяли Брэнсома. Везем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В участке с ним обращались странно, если не сказать по-другому. Бесцеремонно, но без той грубости, с которой обычно относятся к главному подозреваемому. Казалось, они не были уверены в том, кто же он на самом деле. То ли обокрал Казначейство Соединенных Штатов, то ли представлен к медали конгресса. Еще раз проверив его документы, его накормили, поместили в камеру и ни о чем не стали расспрашивать.

Он же в ответ на свои вопросы получил краткий ответ:

— Заткнись и жди.

Три часа спустя прибыл Риардон. На лице его красовались две наклейки из пластыря, но других следов от побоев видно не было. Ему выделили небольшой кабинет, где он терпеливо ожидал, пока не привели Брэнсома.

Оставшись вдвоем, они бесстрастно уставились друг на друга, и наконец Риардон произнес:

— Надеюсь, вы понимаете, что можете быть обвинены в нападении?

— Что ж, валяйте,— ответил Брэнсом, пожимая плечами.

— Почему вы так поступили? Почему вы так обошлись со мной?

— Чтобы научить вас не лезть в чужие дела.

— Понятно. Ты против того, чтобы я крутился рядом?

— Разумеется. Кому бы понравилось?

— Большинство людей не возражало бы,— заявил Риардон.— А знаешь почему? Потому что им нечего скрывать. А вот что *ты* скрываешь?

— Вот и выясняйте.

— Вот и пытаюсь. Не хочешь поведать?

Брэнсом отсутствующим взглядом уткнулся в стену. Тема убийства пока не затрагивалась. Странно, если учесть, что за ним следили и даже схватили. Возможно, Риардон припасет этот разговор напоследок, чтобы посмаковать своими разбитыми губами это обвинение. Садистское развлечение кошки с мышкой.

— А ведь я мог бы помочь тебе,— спокойно и сосредоточенно продолжал Риардон.— И я даже *хочу* помочь тебе.

— Как благородно! — ухмыльнулся Брэнсом.

— Но как тебе помочь, если я не знаю, что там таится, под твоей шляпой.

— Вши,— сообщил Брэнсом.

— Послушай, это не дешевый водевиль! — сердито произнес Риардон.— Дело серьезное. Если ты оказался в тупике и нуждаешься в помощи, то лучше скажи.

— Я сам о себе позабочусь.

— У тебя плохо это получится, если ты и дальше собираешься бегать от работы, дома и семьи.

— Мне лучше знать.

— И мне — тоже! — рявкнул Риардон. — И заруби себе на носу, что в конце концов я пойму, в чем дело.

— Какое дело? — иронично спросил Брэнсом. — Я взял небольшой отпуск, обратившись к своему начальству и получив официальное разрешение. И когда я покинул предприятие, все было вполне законно. И я что-то не слышал, будто с тех пор законы изменили.

Глубоко вздохнув, Риардон сказал:

— Я вижу, ты не намерен говорить правду. Пока. В таком случае у меня не остается выбора. Я должен отвезти тебя домой. По дороге и поговорим.

— Не имеете права, — возразил Брэнсом. — Обычное нападение не является преступлением, влекущим за собой обязательную выдачу преступника.

— А такого обвинения не было и не будет, — в свою очередь возразил Риардон. — Не хватало еще, чтобы после каждой полученной мной оплеухи я обращался к защите закона. Ты вернешься со мной по собственной доброй воле...

— Или что?

— Или я предъявлю тебе федеральное обвинение в измене и передаче секретных сведений. А после этого ты отправишься туда, куда тебе скажут, и при этом бегом и улыбаясь.

Брэнсом почувствовал, как краснеет, и выдохнул:

— Я не изменник.

— Никто так и не думает.

— Но вы же только что меня в этом заподозрили!

— Ничего подобного, — возразил Риардон. — До настоящего момента у меня не было никаких оснований сомневаться в вашей лояльности. Но когда обстоятельства меня вынуждают, я отвечаю огнем на огонь. Поэтому я и сообщаю вам о том грязном трюке, которым воспользуюсь без колебаний, лишь бы доставить вас обратно и выяснить, что же вы все-таки скрываете.

— То есть вы готовы оклеветать меня, предъявив фальшивое обвинение?

— Совершенно верно. Причем без всяких колебаний.

— И одновременно хотите помочь мне?

— Определенно хочу.

— Что ж,— сказал Брэнсом.— Тогда я могу сделать лишь один вывод: или вы сумасшедший, или считаете таковым меня.

— Насколько мне известно, у вас действительно не все дома,— ответил Риардон.— И если это так, то я хочу понять, почему это случилось с вами так внезапно.

— А почему вы вообще так думаете?

— Потому что вы не первый и, по всей вероятности, не последний.

Брэнсом прищурился:

— О чем это вы толкуете, черт побери?

— О помешанных. О нормальных и разумных людях, внезапно сбрендивших. Что-то уж больно много их у нас. Пора это дело прекратить.

— Я вас не понимаю и, более того, не хочу понимать. И могу лишь сказать, что если вы считаете человека, взявшего небольшой отпуск, чтобы отдохнуть, сумасшедшим, то у вас самого с головой не все в порядке.

— Вы взяли не отпуск.

— А что же?

— А то, что если бы вы взяли отпуск, то поехали бы вместе с женой и детьми.

— Ну, значит, вы лучше разбираетесь в причинах моего поведения,— сухо заметил Брэнсом.— И что же, по-вашему, я сделал?

— Сбежали, скрываясь от чего-то. Или, может быть, сбежали *после* чего-то. Скорее всего, последнее.

— И от чего же я сбежал?

— Вот и расскажите мне,— предложил Риардон, не спуская с него глаз.

— Так ведь это вы развили теорию, а не я. Вот и доказывайте ее. Или прекратим болтовню.

Нахмурившись, Риардон посмотрел на свои часы:

— Я не могу позволить себе торчать тут целый день, занимаясь бессмысленным препирательством. Отсюда каждые двадцать минут уходит поезд. Если мы выйдем прямо сейчас, то успеем на очередной.— Он помолчал и добавил: — Пойдете по собственной воле или предпочтете, чтобы вас ташили волоком?

— Пусть волокут. Тогда, может быть, мне удастся содрать с вас деньги за нанесение тяжких телесных повреждений.

— Не тешьте себя иллюзиями! Любой компетентный адвокат скажет вам, что содрать деньги с государственного служащего — бессмысленная затея. Кроме того, я знаю, как делаются такие дела. Я могу обратиться за санкцией в суд.

— Ну хорошо. Пошли на поезд.

Брэнсом поднялся, чувствуя, что опять перестал понимать, что происходит. Об Арлен Лафарж не было произнесено ни слова. Над ним и так висела угроза лишения если не жизни, то по крайней мере свободы. А вместо этого его пугают какими-то невнятными угрозами.

Если мужчина совершает преднамеренное убийство женщины, то это убийство со всех точек зрения — моральных и законотворческих — является простым, ясным делом, с какими закон сталкивается по дюжине, а то и больше раз в месяц. Тем не менее в данном случае гражданский закон оказался бессильным, позволив вмешаться военному закону, который готов снять с него обвинение, объявив ненормальным.

Почему?

Он ничего не понимал.

Когда поезд, извиваясь змеей, пополз среди полей, Риардон вновь насел на него:

— Слушайте, Брэнсом. Я хочу быть с вами искренним. И прошу от вас такого же одолжения, ради вас же. Я собираюсь сообщить вам, почему проявляю к вам особый интерес. От вас, в свою очередь, я жду рассказа о том, что вы скрываете и что заставило вас пуститься в бег.

— Я не в бегах.

— Сейчас, может быть, и нет. После того как я поймал вас. Но по сути — да.

— Нет. Вы заблуждаетесь.

— Что ж, так мы можем стучаться друг о друга черепами, ничего не получая, кроме боли. Но хочу вам

напомнить о факте, о котором вы забыли. Идет война. На этой войне не стреляют, но от этого она не перестает быть войной. А иначе почему же вы и другие работаете не разгибаясь над созданием все более эффективного оружия?

— Ну и что?

— Работа над оружием подразумевает лишь одно — холодная война может стать горячей. В промежутках же между горячими войнами — на войне, на которой не стреляют, — используются совсем другие методы. Каждая сторона при этом стремится выкрасть друг у друга самые лучшие мозги, или купить их, или вывести из строя. Или уничтожить. Мы теряем людей, идеи и планы. Теряет их и другая сторона. Мы покупаем мозги у них. Они — у нас. Понимаете, о чем я?

— Конечно. Старая история.

— Старая или не старая, но по-прежнему актуальная. Оружием в войне, на которой не стреляют, являются воровство, взятки, шантаж, соблазн, убийство, а также все, что способствует достижению целей. Обе стороны несут потери. С точки зрения логики эффективный метод ведения такой войны заключается в том, чтобы всеми доступными средствами увеличить потери противника и уменьшить собственные. И то и другое одинаково важно. Так вот, моя работа подразумевает успешную реализацию второго пункта — уменьшение наших потерь. Мой департамент как раз и отвечает за отражение атак на наши лучшие мозги.

— Ничего нового вы мне не сообщили, — недовольно пробурчал Брэнсом. — Что же касается меня, то чертовски неприятно сознавать, что, если ты решишь взять даже небольшой отпуск, тебя тут же начинают подозревать в распродаже секретов.

— Вы упрощаете ситуацию, — заявил Риардон. — Существует два основных способа ослабить врага. Или вы используете его мозги в ваших целях, или не позволяете ему пользоваться ими в собственных. То есть политика собаки на сене: если не мне, то и не тебе, понятно? Теперь допустим, что вы слишком лояльны, чтобы продавать секреты, имеющиеся в вашей голове. Что тогда?

— Что тогда?

— Враг сделает так, что ни вы не сможете воспользоваться вашей головой и никто другой.

— Ба! Не думаю, что он будет обременять себя проблемами и обезглавливать меня.

— Так мог бы сказать и какой-нибудь солдат: какой смысл затевать всю эту возню, чтобы отправить меня на фронт? И как единица, индивидуальность он прав. Но, став составной частью грозной силы из сотен, тысяч и десятков тысяч бойцов, он может внести уже существенную поправку в дело победы или поражения.— Риардон помолчал, ожидая, пока до собеседника дойдет смысл его слов, затем сказал: — И лично мне наплевать на одного конкретного Брэнсома. Меня беспокоят сотни и тысячи таких Брэнсомов.

— Ну, одно утешение у вас уже есть,— усмехнулся Брэнсом.— Моя голова еще крепко держится на плечах.

— Вы должны понимать, что я выражался метафорически. Мозг, внезапно оказавшийся не в состоянии работать на свою страну,— погиб для нее. Это и есть потеря в необъявленной войне. В наш высокотехнологичный век самым смертельным ударом по врагу является тот, в результате которого выводятся из строя мозги, пусть они и не послужат на благо другой стороне. В любом случае потери неизбежны.

— Ну это понятно,— согласился Брэнсом,— любому дураку. Я и сам пришел к этому выводу — скажу без хвастовства — много лет назад. Я одного не пойму — какое это имеет отношение ко мне?

— Я к тому и веду,— ответил Риардон.— За прошедшие пару лет не только наше предприятие, но и ряд других потеряли несколько ценных работников. Эти потери никак не вписываются в средние цифры, выведенные в связи с уходами на пенсию, заболеваниями и смертями. И если мы не отыщем способа перекрыть поток уволившихся по непонятной причине или сбежавших, то рота выбывших превратится в полк, а полк — в армию.— Он взмахнул рукой.— И затем — фьюить!

— Вы уверены, что эти потери произошли не по естественным причинам? — спросил Брэнсом, припомнив те подозрения, что он сам высказывал Бергу.

— Совершенно уверен. Жаль только, что мы слишком поздно спохватились и сообразили, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Мы потеряли самых надежных и ценных людей. У них начались сбои на работе, они изменились внутренне и попросту деградировали. Одни продержались дольше, другие ломались сразу. Одни исчезали, даже не попрощавшись. Другие писали заявление об отставке, или попросту не являлись на работу, или брали отпуск, из которого не возвращались. Некоторые скрылись за границей. Мы знали, чем они там занимались,— их деятельность не угрожала интересам нашей страны. И мы не могли вернуть их назад, поскольку преступниками они не являлись. Пока они не доставляют нам хлопот в выбранной ими стране, мы ничего не можем с ними поделать. А недавно мы выследили и вышли еще на троих, оставшихся в нашей стране.

— И что же произошло?

— Все трое настаивают на том, что имеют право жить так, как им нравится, и работать там, где им хочется. Работа у них гораздо хуже той, которую они бросили, но они настаивают на том, что она им нравится, и отказываются от дальнейших объяснений. По мнению присматривающих за ними агентов, все они были чем-то или кем-то напуганы. Такой вывод следует из их явного нежелания отвечать на какие-либо вопросы и их попыток скрыться от наблюдения.

— Я их не виню,— сказал Брэнсом.— Мне самому неприятно, что за мной следят как за преступником. Неспроста же я заехал вам по зубам. Мне очень хотелось дать вам понять, что человек должен жить сам и не мешать другим.

Не обращая внимания на последние слова, Риардон продолжал:

— Вскоре после этого они вновь скрылись. Их обнаружили в других местах и занятых другой работой. И мы решили продолжать присматривать за ними, не беспокоя их. Мы пришли к выводу, что нам надо смириться с потерей этих мозгов и с тем, что у нас нет способа уговорить их вернуться к работе на нашу страну. В наших добродетелях скрывается и наша слабость — любой

другой режим нашел бы средства силой заставить их работать.

— Итак, вы сочли меня следующим из бунтовщиков? — спросил Брэнсом, испытывая огромное облегчение от того, что настоящая причина его поведения осталась необнаруженной и вне подозрений.

— Вас и еще одного парня, — сообщил Риардон. — В тот день, когда мы решили сесть вам на хвост, оказалось, что еще один малый проявляет схожие симптомы. И он тоже смылся.

— Уже поймали?

— Нет, но в конце концов поймаем. — Риардон вернулся к прежней теме: — Вы, должно быть, не знаете, но на всех предприятиях, занятых производством оружия, мы разместили своих людей, занятых сбором оперативной информации о тех, кто внезапно бросил работу, или выказывал признаки надлома, или начинал странно себя вести. Вот так мы и вышли на вас.

— Кто же меня заложил?

— Не могу сказать, — решительно заявил Риардон. — Тот, кто решил, что вы стали не похожи сами на себя.

— Держу пари — Кэйн, — предположил Брэнсом. — Он всегда считал себя психологом.

— Я в догадки не играю, и не думайте, что вам удастся установить подозреваемого методом исключения.

— Ну хорошо, пусть эта собачка продолжает лаять.

— Я продолжу. Я искал доказательства, следил за вами и пришел к выводу, что вас что-то беспокоит и срыв уже близок. Согласитесь, не может же человек просто так вот взять и бросить хорошую зарплату, перспективы и спокойное существование! Что-то тут не так. Мы хотели узнать, в чем дело. Если бы мы поняли причину, то смогли бы положить этому конец.

— В моем случае вам придется туго, предотвращая то, что еще даже и не начиналось, — сообщил Брэнсом.

— Я вам не верю. Знаете, что я думаю? Я думаю, что или вам, или вашей жене и детям что-то угрожает, — отсюда ваша реакция.

Брэнсом промолчал.

— Но не существует такой угрозы, которую нельзя было бы ликвидировать,— продолжал Риардон, вдохновленный молчанием собеседника.— И мы могли бы противостоять ей, если бы точно знали, в чем она состоит. А иначе мы обречены бродить на ощупь в темноте.— Он внимательно оглядел Брэнсома проницательным взглядом: — Если кто-то вам угрожает, скажите кто и чем. И можете жизнь поставить на кон, уж мы-то с этим разберемся!

Вот уж смеху подобно! Государство собирается защищать преступника, которого само не накажет, если только всплывет истина. Риардон распинался о некоем неведомом враге, находящемся на той стороне планеты, в то время как настоящим-то врагом для него, Брэнсома, являлся сам Закон, вооруженный газовой камерой и электрическим стулом.

Вот теперь стало понятно вмешательство военной разведки. Просто они с полицией работали в разных направлениях, сами того не понимая. Первые считали, что некая неведомая сила пытается отстранить его от выполнения своих обязанностей. Вторые пока тщетно искали след, ведущий к убийце. И если позиция ВР смущала, поскольку тут он считался потенциальным дезертиром, зато успокаивала позиция так никуда и не продвинувшейся полиции.

— Разве я не прав? — настаивал Риардон.— Чьей-то жизни угрожают?

— Нет.

— Вы лжете.

— Считайте как хотите,— устало сказал Брэнсом.

Риардон отвернулся к окну и погрузился в размышления, поглядывая на проплывающий мимо пейзаж. Через несколько минут он резко повернулся и заговорил:

— Но при чем же тут этот треклятый Бэльстоун?

Брэнсом не удержался, вздрогнул и покраснел. Неожиданный вопрос подействовал как пинок в живот.

— О чем это вы?

— Вы по-прежнему избегаете этой темы, но ваше лицо говорит совсем о другом. Бэльстоун для вас что-то значит, что-то темное и пугающее и в то же время притягательное.

— Если вам так много известно, то должно быть известно и это.

— Я не знаю, что вы там искали. Но думаю, что не нашли.— Риардон склонился ниже, пытаясь понять его реакцию: — Догадываюсь, что вы тут потеряли время впустую.

— Если догадки вас развлекают, не буду препятствовать,— сказал Брэнсом.

— А собирались вы тут выйти на связь с кем-то вам неизвестным и по его инициативе. Но тут вмешался я и все испортил. Ясно, что кто-то следил за вами, и этому кому-то не понравилось мое лицо. И поэтому он не вступил с вами в контакт, как предполагалось. А может быть, он не дал вам того, что обещал.

— Он? Кто «он»?

— Представитель другой стороны. И не надо изображать невинность — вы прекрасно понимаете, кого я имею в виду.

— Вы окончательно сошли с ума. Слышали звон, да не знаете, где он.

— Послушайте, Брэнсом, я проинформирован гораздо лучше, чем вы полагаете. Вы бродили вокруг Бэльстоуна, как потерянная душа в аду, искали то, что невозможно найти, или ждали того, кто не мог прибыть. Неплохо вы проводили отпуск, не так ли?

Брэнсом не стал комментировать.

— Вы приобрели бесчисленное количество старых выпусков «Ханбери газетт», очевидно желая насытиться давно минувшими событиями. Судя по всему, вы закрывались в номере и прочитывали их от корки до корки. Очевидно, просто для того, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, не так ли?

Брэнсом скривился и ничего не ответил.

— Вы переговорили со многими в Бэльстоуне и Ханбери. Вчера мы опросили этих людей и проверили их на предмет связи с границей. Это нам ничего не дало. Люди оказались чистыми, как новорожденные щенята. Вы или кто-то другой встревожились, почувствовав слежку, но оказались чересчур смышленным, не дав нам и намека на то, что же вы все-таки ищете.

— Я искал одну рыжую маникюршу. Их не так уж и много в мире.

— Понятно, понятно,— обиженно сказал Риардон.

— А теперь я вам кое-что скажу,— продолжил Брэнсом.— Самое трудное — искать то, чего не существует.

— Ну, то, что вы ищете — или искали,— существует. Человек вашего ума не станет искать призраков.

— Я могу ответить лишь то же самое — ерунда!

— У вас столь же тяжелый случай, как и у тех трех других, о которых я упоминал. Нежелание разговаривать. Защита по принципу: я не совершил ничего противозаконного и потому могу делать то, что мне заблагорассудится.

— Но может быть, они действительно занимаются совершенно невинными делами? — сказал Брэнсом.

— Даже более того! — огрызнулся Риардон.— Хендерсон, например, работает в магазине скобяных товаров. Объясняет это вот чем: «Мне нравится эта работа, я предпочитаю работать на себя, я получаю от этого громадное удовлетворение, меня никто не контролирует, я с радостью ощущаю собственную независимость».

— Ну что ж, если бы спросили меня, я бы сказал: прекрасное объяснение.

— А я вас не спрашиваю. Все эти объяснения лживы, и мы знаем об этом. А вот правды не знаем. Сначала мы отыскивали Хендерсона в Калумете. Порасспросили. Через месяц он продал свое дело и исчез. Через пару недель мы вновь вышли на его след. Тропинка привела нас в Лейксайд, опять к магазину скобяных изделий. Мы понимали, что он опять сбежит, и потому наблюдали за ним издали. У него явно имеются тайные причины избегать официального внимания. Как и у вас!

Брэнсом изобразил полнейшую скуку и уставился в окно.

— Вы оказались в тупике и направились в Бэльстоун, чтобы отыскать выход. Я не знаю, каким вам виделся этот выход, но держу пари, что вы его не нашли. Куда же вам двигаться дальше? Да туда же, откуда начали. И вы по-прежнему в тупике. Вы удираете из дома, мечетесь вокруг Бэльстоуна, как загнанная в угол крыса, ничего толком не добившись.

— Ох, да заткнитесь же! — взревел Брэнсом.

— Сидящий у вас на шее черт вовсе не слез любезно в Бэльстоуне, как вы надеялись. Он лишь уселся покрепче и продолжает погонять вас. Да так и будет ездить на вас, пока вы не образумитесь и не позволите кому-нибудь другому шугануть его. Тому, кто лучше умеет управляться с ним. Ну а для начала вам всего лишь нужно открыть рот и назвать его имя.

— Прошу прощения.— Брэнсом поднялся с усталой улыбкой.— Но я хотел бы прогуляться.

И с этими словами он вышел в коридор. Удивленный Риардон не знал, что предпринять. За долю секунды трудно было сочинить предлог, чтобы остановить Брэнсома или пойти вместе с ним. В конце концов, тот не находился под арестом и не обвинялся в преступлении. И в настоящий момент представлял собой свободного, взрослого, нормального человека, со статусом обычного пассажира в обычном поезде.

Краем глаза Брэнсом увидел, как Риардон нерешительно поднялся на ноги. Брэнсом торопливо направился к туалету, закрыл дверь на защелку, открыл окно и выглянул. Затем стал выбираться наружу. Пару секунд он постоял на краю окна, вцепившись пальцами в край крыши вагона. Ветер от движения поезда трепал его одежду и волосы.

Брэнсом прыгнул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он ударился о склон, густо поросший травой и круто уходящий вниз. Ему удалось приземлиться на ноги, но инерция и крутизна склона привели к тому, что он покатился кубарем вниз, прикрыв голову руками. Мир с грохотом закрутился вокруг. Казалось, что откос тянется не на одну милю и не будет ему ни конца ни краю. Но наконец он приземлился в сухом кювете, бездыханный, грязный, с ноздрями, забитыми пылью.

Некоторое время он пролежал неподвижно, задышавшись, отфыркиваясь и прислушиваясь к затихающей вибрации железнодорожного полотна сверху. Поезд не замедлял движения, продолжая быстро уходить вперед и

уносить с собой назойливого Риардона, с каждой уходящей секундой теряющего возможность действовать. Не раньше чем миль через двадцать хватится он пропавшего Брэнсома и решится что-нибудь предпринять.

А может быть, этот остроглазый агент заметил совершенный прыжок к свободе и сам выскочил следом через окно? Брэнсом медленно стал подниматься на ноги, ожидая толчка боли от какой-нибудь сломанной кости. Но если не считать испорченного костюма, все закончилось благополучно. Даже в кино не получилось бы более успешного побега.

Эта мысль пришла ему в голову тут же и во второй раз, словно желая запечатлеться навсегда: даже в кино не получилось бы более успешного побега. В мозгу что-то шелкнуло, и он, уже начиная выбираться из кювета, вдруг остановился. Кино? *Кино?*

Странно, что случайная мысль о художественных фильмах так на него подействовала. Когда-то давным-давно он относился к художественным фильмам как-то отстраненно, как к собакам или пончикам, шляпам или гамбургерам, как к любому другому обычному проявлению цивилизации. А теперь — совсем по-другому, хотя и непонятно почему. Теперь он подумал о кино с каким-то странным напряжением. Без страха, но с непонятным ощущением, которое никак не мог определить для себя. Лишь приблизительно он мог бы сказать так: концепция художественных фильмов противоречила какому-то фундаментальному закону, что лично задевало его, Брэнсома.

Возможно, Риардон был прав, предполагая, что у него, Брэнсома, с головой не все в порядке или дело к тому идет. Возможно, с ухудшением мыслительной деятельности безумные мысли посещают его каждый час, а не занимают несколько минут в неделю, как у нормального человека. И вероятно, в конце концов ему предстоит закончить свои дни в мире сплошных иллюзий, отделенным от жизни толстой решеткой, за которой он будет видеть заплаканную Дороти лишь в редкие минуты просветления.

Выбравшись из кювета, он вскарабкался по склону и посмотрел вдоль железной дороги. Поезд скрылся из

виду, и никакой нежелательной компании в виде исцарапанного и грязного Риардона пока не предвиделось. Удовлетворившись этим осмотром, он бросил осторожный взгляд внутрь себя и решил, что как бы там ни было, но все же он не безумец. Если он будет сдерживать свои эмоции, то вполне сможет рассуждать объективно и придет к выводу, что никакой он не сумасшедший, а просто человек, обремененный непосильной ношей тревоги, от которой следует избавиться любым доступным способом.

Двинувшись в обратную сторону вдоль железнодорожного полотна, он вскоре добрался до моста через грунтовую дорогу. Спустившись с насыпи, он пошел по ней сам не зная куда. Он не мог себе позволить тратить время на догадки или на вопросы к случайному прохожему и ожидание от него ответа. Риардон уже наверняка изучает какую-нибудь широкомасштабную карту и вычисляет, куда направляется беглец.

Поэтому он повернул налево и где шагом, где бегом одолел около двух миль по этой избитой колеями дороге. Здесь он выбрался на дорогу получше, вновь повернул налево и спустя десять минут был подобран сельским грузовичком, нагруженным овощами. Не проявляя никакого интереса ни к самому пассажиру, ни к цели его путешествия, молчаливый водитель провез его двадцать миль и, коротко кивнув на прощанье, высадил в городе.

Брэнсом счел глупостью задерживаться в этом месте, расположенном совсем близко от пункта, с которого он начал свой бег. Он сел на ближайший отходящий автобус, возблагодарив Бога за то, что хоть портфель и остался в поезде, но бумажник с деньгами лежал в его кармане.

Автобус одолел шестьдесят миль и оказался в довольно большом городе. Сознывая, что вид у него весьма неряшливый, Брэнсом провел тут достаточно времени, чтобы принять ванну, побриться и сменить костюм. Изменение внешности придало ему уверенности. А последовавшая за этим обильная трапеза добавила и энергии. Из ресторана он вернулся на автобусную станцию, по пути пройдя мимо двух полицейских. Копы в

небрежных позах стояли на углах улицы и не обратили на него особого внимания. Сигнал тревоги явно не добрался еще до этого отдаленного места, но мог поступить с минуты на минуту.

Автобус-экспресс отправлялся в некий город на Востоке, расположенный на расстоянии в семьдесят пять миль от того места, где он сейчас находился. Брэнсом сел в него и превратился в неразличимую единицу из толпы. Анонимность лучше всего достигается в большом человеческом стаде.

От этого города было рукой подать до дома. Дом! Он не мог больше сдерживаться. Он обязан был услышать тот голос, с которым связывался в его сознании образ дома. Насколько он понимал ситуацию, домашний телефон должен был прослушиваться, а стало быть, его звонок сразу засекут. И подслушивающие хотя бы приблизительно смогут вычислить место его нахождения.

Но он готов был пойти и на такой риск, лишь бы хоть немного поднять свой дух. Кроме того, такой большой город в отличие от маленьких Ханбери или Бэльстоуна так просто не обложишь. Если не терять бдительности, то тут можно прожить и целый месяц, даже если все копы города будут его искать.

Шеренга телефонных будок располагалась в вестибюле центрального почтамта. Выбрав среднюю из них, он набрал свой номер. Дороти сразу же подняла трубку.

Изо всех сил стараясь говорить бодро, он поприветствовал ее:

— Привет, любимая! Это твой пропавший возлюбленный.

— Рич! — воскликнула она. — А я ждала твоего звонка еще прошлым вечером.

— Небольшая задержка. Я и собирался позвонить, но не смог. Один болтливый тип сожрал все мое время. Вот я и решил позвонить сегодня. Лучше поздно, чем никогда, правда?

— Ну конечно. Как у тебя дела? Ты уже лучше себя чувствуешь?

— Лучше всех, — солгал он. — А как у вас дела?

— У нас все о'кей. Все как обычно, если не считать двух странных происшествий.

— Что случилось?

— На следующий день после твоего отъезда позвонил некто якобы с твоего предприятия и захотел узнать, куда ты уехал.

— И что ты сказала?

— Такой вопрос показался мне странным, я ведь знала, что ты уехал в командировку. Поэтому я посоветовала этому любопытному обратиться в соответствующий департамент.

— И как он это воспринял?

— Видимо, ему не понравился этот совет,— слегка озабоченно сказала Дороти.— Он оборвал разговор, словно обидевшись или рассердившись. Ох, Рич, вдруг я разозлила какого-нибудь важного чиновника?

— Ты поступила совершенно правильно,— успокоил он ее.

— Но это еще не все,— продолжила она.— Два часа спустя в дверь позвонили уже двое. Сказали, что работают в Службе безопасности вашего предприятия, и в подтверждение слов показали документы. Один был высокий, худой, с острым таким взглядом, а другой коротко стриженный, накачанный такой тип. Они сказали, чтобы я не беспокоилась и что они осуществляют обычную проверку. Затем они спросили, что ты мне сказал о цели поездки. Я сказала, что ты поехал в Бэльстоун, но зачем, не объяснил. Они сказали, что полностью удовлетворены ответами, еще немного поболтали и ушли. Но ушли с кислыми минами.

— Что-нибудь еще?

— Да. На следующее утро в дверь постучал какой-то громила. Он спросил тебя, но я почему-то поняла, что он знает о твоём отсутствии. Я сказала, что ты уехал ненадолго. Он хотел знать куда и на сколько. Он не назвал ни своего имени, ни рода занятий, и мне не понравилось его вторжение. Поэтому я предложила ему обратиться со своими вопросами на предприятие. Не знаю почему, но мне показалось, что он не собирается туда обращаться. Но, в общем, я от него отделалась.

— Видимо, это и был тот малый, что звонил накануне,— подумав, предположил Брэнсом.

— Едва ли. У него был совсем другой голос.

— А как он выглядел?

Будучи женщиной наблюдательной, она достаточно подробно описала посетителя. Из сложившейся картины явственно вырисовывался облик того здоровяка, что таращился на него в баре, а затем пару раз выслеживал на пути к дому. Больше пока под описание Дороти никто не подходил.

— И он так и не сказал, зачем я ему понадобился?

— Нет, Рич.— Она помолчала.— Знаешь, Рич, возможно, я говорю глупости, но мне показалось, что он вовсе не хотел тебя видеть. А хотел убедиться, что тебя действительно нет дома, что ты на самом деле уехал. У меня сложилось твердое убеждение, что он просто ожидал, что я откажусь давать ему подробную информацию, и, когда я так и сделала, он не выказал ни удивления, ни разочарования.

— Может быть.

— Должна отдать ему должное, он был чрезвычайно вежлив. Вел себя так воспитанно, словно какой-нибудь иностранец.

— Что? — Брэнсом насторожился.— Ты думаешь, он иностранец?

— Я уверена. Он так себя вел. А говорил хоть и совершенно бегло, но с каким-то гортанным акцентом, легким акцентом.

— А ты не звонила тем двум, с предприятия, и не рассказывала об этом визите?

— Нет, Рич, не звонила. А надо было? Я не думала, что это такая важная информация.

— Не переживай, ничего страшного.

Он еще немного поболтал с ней, узнал, как ведут себя дети, пошутил, предупредил, что может задержаться на несколько дней. Повесив трубку, торопливо покинул кабинку, понимая, что опасно затянул разговор. Шагая по улице, он пережевывал полученную информацию и размышлял, что бы все это значило.

Если последний таинственный визитер действительно был тем здоровяком и если инстинкт Дороти правильно угадал в нем иностранца, тогда первоначальный вывод оказывался неверным. Этот парень не был ни полицейским в гражданском платье, ни другим каким-

нибудь правительственным агентом. Несомненно, он следил за ним, но без согласия властей.

Итак, сначала кто-то позвонил, предположительно с предприятия, и ничего не добился. Затем появились Риардон с помощником. Следовательно, по непонятным пока причинам Риардон не выслеживал его еще на вокзале, а прибыл в Ханбери спустя день или два. Возможно, Риардон счел необходимым сначала обсудить происходящее с кем-то и дважды проверить Дороти, прежде чем пуститься в погоню.

И наконец, последний посетитель, иностранец. Единственное логическое умозаключение состояло в том, что две отдельные и независимые группы людей одновременно проявляли интерес к его передвижениям.

И ни одна из этих групп не представляла собой полицию.

И это в то время, когда именно полиция была заинтересована в том, чтобы прижать его к ногтю. И только она имела на это право. Чем больше он размышлял над сложившейся ситуацией, тем безумнее она ему казалась. Но и в этом безумии должна же была присутствовать логика! И решение проблемы, если оно вообще существовало.

Ночь Брэнсом провел в меблированных комнатах на окраине города. Дом представлял собой запущенную сырую дыру, лишь немного превосходящую по уровню цивилизованности крысиную нору. Однако хозяйка, угловатая женщина с кислым выражением лица, лишних людей в свою нору не пускала и в чужие дела носа не совала. Эта-то добродетель, как предполагал Брэнсом, и приводила к ней тех клиентов, которым по каким-то причинам требовалось сохранить анонимность своего существования. А местечко это он сам отыскал, воспользовавшись советом мальчишки, продавца газет на углу, мудрого и беззубого индивидуума, для которого символом общественного положения считался обычный тюфяк, набитый сеном.

К десяти часам утра Брэнсом вновь вернулся в центр города. Он нашел общественную библиотеку, спросил некий альманах и устроился в читальном зале. Выясни-

лось, что существует бесчисленное множество населенных пунктов, носящих название Лейктиссес и Лейктаттес, было среди них несколько Лейктаунзов, Лейквиллсов, Лейкхертсов, Лейквьюзов и по крайней мере четыре Лейксайда. Его интересовали лишь эти последние. Он углубился в подробности. В одном проживали четверста человек, в другом — всего тридцать два. Ничего не понимая в торговле скобяным товаром, он все же разумно предположил, что в столь небольших поселках вряд ли есть возможность развернуть достойную торговлю. Два других Лейксайда выглядели более многообещающе, обладая каждый приблизительно двумя тысячами граждан. Но к которому из двух обратить свой интерес?

После некоторого раздумья он пришел к выводу, что, сидя здесь, он вряд ли решит эту проблему, даже по телефону. Придется ехать и смотреть на месте. С точки зрения расходов следовало бы выбрать для первого осмотра ближайший из двух городков.

Сохраняя бдительность, он добрался до главного вокзала, купил билет и вышел на платформу. Все вокзалы, железнодорожные и автобусные, всегда были пунктом пересечения людей уезжающих и возвращающихся и, следовательно, излюбленным местом встреч беглецов и охотников. Это роднило их с оазисами в безводных землях, куда стекались те, кто ищет, и те, кто прячется. И потому Брэнсом не терял бдительности, пока ожидал прибытия поезда. Оказавшись наконец в вагоне, он облегченно вздохнул: никто не обратил на него внимания.

На поездку ушла большая часть дня. Уже в сумерках он шагал по главной улице маленького спокойного городка, расположившегося в лесистой местности. На юге поблескивала поверхность длинного узкого озера. Брэнсом зашел в кафетерий, заказал кофе и сэндвичи и поинтересовался у обслуживающего персонала:

— Вы не знаете, нет ли тут поблизости магазина скобяных изделий?

— Эдди держит, — ответили ему. — Кварталом дальше, за углом.

— А этот магазин не менял недавно владельца?

— Не знаю, Джордж.

— Спасибо! — сказал Брэнсом, подумав, что уж в таком-то маленьком городке обычно все знают обо всем.

Выйдя из кафетерия и оглядев улицу, он вдруг обнаружил, что не знает, в какую сторону идти. Впрочем, не важно. Можно и самому догадаться. Повернув направо, он прошел один квартал, завернул за угол и понял, что сделал правильный выбор. Перед ним находился небольшой магазин, на вывеске которого значилось: «Скобяные товары Эдди». Толкнув дверь, он вошел внутрь.

В магазине было двое покупателей. Один покупал проволоку для ограды, другой выбирал керосинку. Первого обслуживал долговязый юноша с торчащими во все стороны волосами. Вторым занимался коренастый мужчина в очках. Он глянул на вошедшего Брэнсома, удивленно вскинул брови и продолжил разговор о керосинке. Брэнсом встал у ящиков с гвоздями, дожидаясь, когда покупатели уйдут из магазина.

Затем он сказал:

— Привет, Хенни!

Хендерсон, отнюдь не в восторге от встречи, проворчал:

— Ну а тебе-то что нужно?

— Вот это, я понимаю, сердечная встреча, — сказал Брэнсом. — Неужели ты не рад встрече со старым приятелем?

— А у меня такое впечатление, что я знаю тебя только в лицо и по имени. А вот то, что мы с тобой старые приятели, для меня новость.

— Разве лица и имени недостаточно, чтобы начать крепкую дружбу?

— Ну, я не думаю, что ты проделал путь сюда только для того, чтобы облобызать меня, — злобно огрызнулся Хендерсон. — Так что давай переходи к делу. Чего ты хочешь?

— Поговорить с тобой... с глазу на глаз.

— А кто тебя прислал?

— Никто. Ни одна душа об этом не знает. Я прибыл по собственной воле.

— Веселенькое дело! — не скрывая раздражения, заметил Хендерсон. — И адрес мой узнал, заглянув в магический кристалл?

— Вовсе нет.

— А как же? Кто сообщил его тебе?

— Я готов представить тебе самые полные объяснения, если мы уединимся в тихом и спокойном местечке. — Он поднял руку, предвидя очередную колкость со стороны Хендерсона, и добавил: — Тут не место переливать из пустого в порожнее или обмениваться ударами. Может быть, увидимся позже, когда ты закроешь свою лавку?

Хендерсон нахмурился и произнес без особого энтузиазма:

— Хорошо. Приходи к восьми. Позвонишь у бокового входа.

Брэнсом вышел, столкнувшись в дверях с очередным покупателем. Оказавшись на улице, он вспомнил замечание Риардона о том, что за Хендерсоном ведется негласное наблюдение. Такое наблюдение, возможно, распространялось и на всех посетителей Хендерсона в надежде выйти на других беглецов. Он оглядел улицу, но наблюдателя не заметил. Или тот находился действительно очень далеко, или взял выходной. Во всяком случае, в данный момент за магазином никто не следил, если только он, Брэнсом, не ошибался.

Перед ним встала проблема, как убить время до закрытия магазина. Если два часа прослоняться по главной улице, то обязательно привлечешь к себе внимание, а этого ему никак не хотелось. Он решил эту задачу, отправившись к озеру и разгуливая там по берегу в качестве созерцателя, наслаждающегося видом. Наконец и это ему надоело, и он вернулся в город, имея еще полчаса в запасе до назначенного срока. Это время он провел в том же кафетерии.

— Черный кофе, Альберт. И сэндвич с ветчиной.

Малый принес заказ, бесцеремонно бухнув перед ним тарелки. Затем привалился к стойке:

— Шестьдесят центов. А зовут меня вовсе не Альберт.

— Отлично,— сказал Брэнсом расплачиваясь.— Но и меня зовут не Джордж.

— Тогда тебе не повезло,— сообщил малый. Бросив монеты в кассу, он отвернулся и стал наводить порядок на задних полках.

Ровно в восемь Брэнсом позвонил в колокольчик, висящий у бокового входа. Хендерсон тут же открыл, пригласил его в гостиную и указал на большое кресло. С непроницаемым выражением лица Хендерсон уселся сам, закурил сигарету и заговорил первым:

— Позволь сообщить тебе, Брэнсом, что я уже слышал ту мелодию, которую ты мне собираешься наиграть. Мне уже проигрывали ее два или три раза.— Он выпустил струю дыма и подождал, пока она рассеется.— Звучит она примерно так: «Твоя работа на оборонном предприятии ежегодно приносила тебе кругленькую сумму. Разве эта жалкая лавка принесет тебе столько? Что значит эта торговля скобяными товарами по сравнению с научными исследованиями? В чем *истинная* причина того, что ты променял одно на другое?» — Он вновь помолчал.— Правильно?

— Нет,— сказал Брэнсом.— Мне абсолютно наплевать на то, что ты вырвался из цепей нашего братства.

— Приятное разнообразие,— цинично прокомментировал Хендерсон.— Стало быть, решили подъехать ко мне с другого боку, да?

— Я приехал к тебе не за этим.

— Зачем же?

— У меня хватает своих проблем. И я подумал, что ты сможешь мне помочь.

— Почему это я должен...

— И,— прервал его Брэнсом,— мне кажется, что я тоже мог бы тебе помочь.

— А я не нуждаюсь в помощи,— заявил Хендерсон.— Все, что я хочу,— чтобы меня оставили в покое.

— Я тоже этого хочу... Да вот не получается.— Брэнсом поднял палец, подчеркивая значение своих слов.— Как и у тебя.

— Ну, это мне решать.

— Я и не собирался оспаривать твое право. Я хочу лишь сказать, что не могу добиться в мозгах того покоя,

который мне нужен и который должен там быть. И не верю, что тебе удалось этого добиться. А вот вдвоем нам, может быть, кое-что и удастся. Хочешь, расскажу тебе мою историю?

— Рассказывай, коли явился. Только предупреждаю, не надо мне морочить голову чепухой типа: «Вернись домой, все прощено». Я развил в себе крепкую сопротивляемость к тому, что мне навязывают.

— Ты по-прежнему подозреваешь меня,— сказал Брэнсом.— И я тебя не виню. А когда я закончу рассказ, может быть, ты изменишь свое мнение. А теперь слушай, что я тебе расскажу.

Начал он так:

— Хенни, мы ведь с тобой оба ученые. Ты в одной области, я — в другой. Оба мы с тобой знаем, что существенной чертой любого ученого, как и любого технологически компетентного человека, является хорошая память. Без нее мы прежде всего не получили бы соответствующего образования. Без нее мы не могли бы извлекать данные и приобретать опыт для решения текущих проблем. Для нас и для таких, как мы, хорошая память является неотъемлемой принадлежностью. Ты согласен?

— Это настолько очевидно, что не о чем и говорить,— заметил Хендерсон, на которого эти слова не произвели никакого впечатления.— И я надеюсь, ты ведешь к чему-то более серьезному, чем к обычной лекции?

— Несомненно. Наберись терпения. Но продолжу: у меня всегда была превосходная память, иначе я бы и не стал специалистом в своей области. Я знал, что мог полностью на нее положиться. Не сомневаюсь, что и ты испытываешь то же самое.

— То же самое,— согласился, скучая, Хендерсон.

— Но вот что я еще хочу сказать тебе. Я — убийца. Лет двадцать назад в припадке ярости я убил некую девицу, а потом постарался забыть об этом деле. Я накинул на воспоминания об этом преступлении мысленный ковер, не желая мучиться и изводить себя. Недавно я услышал, что это давнее преступление раскрыто. И стало быть, полиция копает. Конечно, прошло

уже двадцать лет, но известны случаи, когда раскрывались и более древние преступления. Если копы меня еще и не снапали, то до этого недалеко. И сейчас, Хенни, я нахожусь в бегах. Я не хочу, чтобы меня поймали. Меня не устраивает ни казнь — в худшем случае, ни пожизненное заключение — в лучшем.

Хендерсон недоверчиво уставился на него:

— Ты что же, хочешь сказать, что ты — самый настоящий убийца?

— На этом настаивает моя надежная, крепкая память. — Брэнсом подождал, пока смысл его слов дойдет до слушателя, и затем сокрушенно добавил: — Моя память оказалась подлым лжецом.

Наполовину выкуренная сигарета выпала из пальцев Хендерсона. Он склонился на бок, пытаясь подхватить ее с ковра, пару раз промахнулся, но наконец поднял. Затем он попытался сунуть горящий конец в рот, вовремя спохватился, перевернул сигарету и глубоко затянулся. Дым попал не в то горло, заставив его закашляться. Но вот он справился с дыханием.

— Послушай, Брэнсом. Ответь прямо. Так ты виновен в убийстве или невиновен?

— Память моя утверждает, что виновен. И представляет мне всю картину в достоверных деталях. Даже сейчас я вижу перед собой искаженное злостью лицо той девушки, когда мы орали друг на друга. Я вижу, как она потрясенно застыла, когда я ударил ее по голове. Я вижу ее бескровное лицо. Вот она лежит недвижимая и холодная. Я вижу мертвое равнодушие в ее чертах, когда я засыпаю ее землей. Все происшедшее до сих пор живо во мне. Я вижу все с такой фотографической ясностью, словно и недели не прошло. А может быть, все *действительно* произошло неделю или две назад.

— Что ты несешь? Ты же только что сказал — все произошло двадцать лет назад.

— Так утверждает моя память. И я говорю себе, что моя память оказалась ловким и расчетливым лжецом.

— С чего ты взял?

— Факты возражают. Вернее, отсутствие фактов. И то и другое говорит: я никогда не совершал такого преступления.

— Какие факты? — потребовал Хендерсон, тщетно пытаясь скрыть возрастающий интерес.

— Я психанул и бросился наутек. Я испугался, по-настоящему испугался. Я удирал, возможно подсознательно понимая, что в движущуюся мишень попасть труднее.— Брэнсом печально улыбнулся.— Я мог бы бежать бесконечно долго, если бы это спасло меня от обнаружения. По какой-то необъяснимой причине я сделал то, что, как утверждают, делают все преступники, хотя, наверное, это неправда — я вернулся на место преступления.

— Вот как! — Хендерсон загасил окурок и подался вперед, уже не скрывая своего интереса.— И что же?

— И ничего не нашел.

— Ничего?

— Ничего. Я убил ту девушку неподалеку от маленького городка под названием Бэльстоун. Слышал о таком?

— Нет.

Этот ответ разочаровал Брэнсома. Он продолжил:

— Я приехал в Бэльстоун и порасспросил местных жителей, всю жизнь обитающих в тех краях. Они ничего не знали о недавно открывшемся убийстве. Я объехал всю округу, отыскивая памятное место, и не обнаружил ничего даже отдаленно похожего. Я просмотрел местную газету, подняв подшивку за целый год, и не нашел ни единого упоминания о давнем убийстве, выплывшем на свет.

— Может быть, ты оказался не в том Бэльстоуне,— предположил Хендерсон.

— Я и сам так подумал и сверился со справочником. Бэльстоун — один-единственный.

— Ну хорошо. Но может быть, ты ошибся с названием. Может быть, существует другой город с похожим названием.

— Память утверждает, что это Бэльстоун, и только он. Хендерсон, помолчав, высказался:

— Судя по этому, память у тебя ни к черту.

— В точку попал! — сказал Брэнсом.— А *твоя*?

Вскочив на ноги, Хендерсон выдохнул:

— Что ты имеешь в виду, спрашивая о моей?

— Да не волнуйся ты так. Лучше скажи мне вот что. Слышал ли ты о девушке по имени Арлен Лафарж?

— Никогда, Брэнсом, можешь мне поверить.— Хендерсон принялся расхаживать взад и вперед по комнате, сцепив руки за спиной. На его лице появилось озабоченное выражение. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.— Это та женщина, которую ты как бы прикончил?

— Да.

— А почему я должен был слышать о ней?

— Я надеялся, что ты тоже признаешься в ее убийстве,— спокойно сказал Брэнсом.— Вот это была бы новость. Тогда бы мы вместе попытались разобраться, как мы влипли в это дело, и вместе попробовали бы выбраться из этой напасти.— Он задумчиво стал наблюдать за Хендерсоном, продолжавшим вышагивать по комнате, как не знающий усталый зверь в клетке.— А кого убил *ты*, Хенни?

— Ты с ума сошел? — спросил Хендерсон.

— Может быть. Но если и так, то я далеко не одинок. Слишком много ребят покинули предприятие при обстоятельствах весьма таинственных, если не сказать больше. А из официальных источников у меня есть информация, что и другие предприятия понесли потери. Никто не знает и даже представить себе не может, почему происходят эти потери, почему люди уходят. Я и сам не могу этого понять. Вернее, не мог. Сегодня — дело другое. Ведь я — один из этих сбежавших, и о себе я *знаю*, почему вел себя как испуганный кролик. И каждый знает о своей тайной причине, но понятия не имеет и не желает знать о причинах ухода других. А некоторые даже не знают и того, что помимо него существуют другие беглецы.

— Я знаю.— Хендерсон продолжал терзать ковер шагами.— Я еще работал, когда некоторые начали исчезать.

Брэнсом продолжал:

— Я же решил перепроверить самого себя Бог знает почему. Может быть, потому, что я более подозрительный тип, нежели остальные. А может быть, не столь подвержен иллюзиям. Кроме того, у меня не было такой

дыры, куда можно было бы заползти и ничего не предпринимать. В общем, как бы там ни было, я отправился в Бэльстоун. В результате я столкнулся с убийством, которое никогда не совершалось.

— Ну а мне-то что до этого?

— Видишь ли, если всех беглецов вынудили пуститься в бега тем же способом, что и меня,— пояснил Брэнсом,— было бы неплохо, если бы все они нашли время вернуться к месту их предполагаемых преступлений. И вполне возможно, что то, что они там обнаружат — или не обнаружат,— во многом прояснит их жизненную ситуацию. А если бы еще они все встретились и сравнили причины своих побегов, это здорово помогло бы нам всем.

— Именно за этим ты и приехал ко мне?

— Да.

— А кого-нибудь еще ты выследил?

— Нет, не смог. Они исчезли в никуда. Твое-то потаенное местечко я вычислил благодаря счастливой случайности. Я подумал, что не следует пренебрегать такой удачей. Но что-либо ценное из нашей встречи может получиться лишь при полной откровенности с обеих сторон.

— Это ты так считаешь, но не я.

— Я понимаю. Просто объясняю свои соображения. И еще хочу дать тебе один хороший совет: если чувствуешь какой-то грех на своей совести, хорошенько проверь, существует ли он на самом деле. И ставлю десять к одному, что его не существует, как бы ни уверял тебя в обратном твой ум.

— Я не считаю твою собственную проверку существенной,— высказался Хендерсон.— Ты и сам оцениваешь ее как поверхностную. На твоём месте мне потребовалось бы нечто более убедительное. В конце концов, ты искал доказательства тому, что ты спятил,— по принципу, что лучше быть сумасшедшим, чем виновным. А мне требуются более солидные доказательства того, что ты безумен.

— И ты прав,— сказал Брэнсом.— Вот завтра я и собираюсь до конца разобраться с этим делом. Любым способом.

— Как именно?

— Хочу обратиться в полицию.

— Сдаться?

— Вовсе нет. Я готов признать свое поражение, если это произойдет, но не раньше. Я позвоню копам по междугородней связи и попробую их разговорить. Если они не проявят интереса к моей информации и выяснится, что они об этом деле равным счетом ничего не знают, как и все остальные, значит, так оно и есть. Этого мне будет достаточно. Как ты и предлагаешь, это станет весомым доказательством моего безумия.

— И что тогда?

— Я продолжу расследование. Надо быть дураком, чтобы остановиться вот так, на полпути, оставив свои дела в таком вот состоянии. Я попытаюсь разобраться, что же такое не в порядке в моих мозгах, и, если удастся, предприму какие-то действия. Я не хочу и дальше жить среди кошмаров.

— Довольно логично.— Хендерсон прервал свою безостановочную ходьбу, вновь уселся и закурил следующую сигарету. Но чувствовалось, что закурил он скорее от волнения, нежели из удовольствия. При этом он не сводил задумчивых глаз с гостя.— Чисто из дискуссионных соображений допустим, что ты невиновен как новорожденный младенец. И хочешь выяснить, каким образом оказался вовлеченным в свои заблуждения. Но как ты это выяснишь? С чего начнешь?

— Вернусь домой. Ведь именно там я впервые записывал.

— Непосредственно в доме?

— Нет, не сказал бы. То ли в доме, то ли на предприятии, а может быть, на полпути между ними. Но где-то в том районе. Другим альтернативным источником информации остается Бэльстоун, и если тамошняя полиция ничего не знает...

— Хорошо. Итак, у тебя есть приблизительные соображения о том, где искать. Но что ты собираешься искать?

— В данный момент понятия не имею,— признался Брэнсом.— Если с помощью полиции Бэльстоуна я проясню картину, то вернусь домой убежденный, что именно там надо искать это нечто, если только оно

вообще существует. Ну а поскольку я не профессиональный детектив, не следопыт-индеец, не охотник за ведьмами, то положусь на догадки или Господа.

Хендерсон помолчал:

— Жаль, что Мирскофа здесь нет.

— А кто это?

— Один знакомый малый. Работает на департамент бактериологического оружия. До меня доходили странные слухи о том, что там творится. Говорят, они разработали какую-то дьявольскую смесь, от которой люди бросаются на стены. Может быть, какой-нибудь вирус у них вырвался на свободу? Может быть, он бы и разобрался, что такое витает в воздухе? И рассказал бы нам.

— *Нам?* — эхом отозвался Брэнсом, подчеркивая это слово.

— Нет, проблема твоя, но мы ведь сейчас ее вместе обсуждаем, не так ли? — уклонился от ответа Хендерсон.

— Да, вместе. Но пока мы ни к чему не пришли. И я знаю почему.

— Скажи мне.

— Тебя уже трясли, и тебе это несколько не понравилось. Вот ты и захлопнулся в своей клетке. Так что даже от своей тени шарахаешься. Ведь с первой минуты нашей встречи ты обвинил меня в том, что я подослан к тебе, чтобы прощупать тебя с другого боку.

— Что ж, Брэнсом, я действительно хотел бы сохранить...

— Ты что-то скрываешь и намерен оставаться в стороне, лишь бы продолжать хранить свои секреты. Я не сомневаюсь, что моя история тебя заинтересовала. И я не сомневаюсь, что ты сочувствуешь мне, допуская, что история моя правдива. Но не более того, поскольку не вполне уверен, что история правдива. Ты по-прежнему подозреваешь коварную ловушку, расставленную с целью разговорить тебя. А вот этого тебе никак не хочется.

— Но послушай...

— Ты меня послушай, — решительно заявил Брэнсом. — Предположим, что ты влип в такую же ситуацию, что и я. Но в твоем случае галлюцинация зашла гораздо дальше, и ты не желаешь расставаться с ней путем проверки. Ясно, что ты не собираешься создавать себе

проблемы и признаваться в преступлении, обнародовав имя жертвы. Ты всеми силами души противишься этому. С твоей точки зрения, подобное признание — глупость и власти обязательно тут же раскопают доказательства и признают тебя виновным.

— Но...

— Однако предположим, что ты доверительно сообщил мне, что когда-то в прошлом в каком-то месте, там или тут, убил того или иного — или считаешь, что убил. И предположим, я тут же помчусь в полицию с этой информацией. Знаешь, что мне скажут? Меня встретят теплой, ободряющей улыбкой. Предложат удобное кресло и кофе. Выслушают все мои откровения. И тут же захотят узнать: кто, где, когда и как. Я признаюсь, что не могу им этого сообщить. Тогда из-под меня вытащат кресло, отберут кофе и вышвырнут за дверь. И если даже они на минуту поверят в это безумие и даже придут к тебе, что ты скажешь? Ты от всего отопрешься, а меня обзовешь помешанным. И полиция не сможет, да и не захочет разбираться дальше. У них дел и без того хватает, чтобы еще возиться с бессмысленной болтовней.

Хендерсон потер подбородок, почесал в затылке и суетливо задержался.

— И что же, по-твоему, я должен ответить на эту проповедь?

— Мне не нужны имена, даты и прочие дурацкие детали. Оставь их себе. Я хочу два откровенных правдивых ответа на два откровенных вопроса. Во-первых, ты действительно считаешь, что кого-то убил? И во-вторых, имеются ли у тебя доказательства или ты пытаешься их разыскать, чтобы подтвердить свою уверенность?

После затянувшейся паузы последовал ответ:

— Да и нет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Брэнсом поднялся на ноги и сообщил:

— Это все, что я хотел услышать. Знаешь, чертовски неприятно плыть в лодке по морю иллюзий. Но я чувствую себя немного спокойнее, зная, что я не одинок в этой лодке. Ну а у *тебя* какие ощущения?

— Примерно такие же, как и у тебя.

— Жаль, что мы не можем связаться с остальными. Вдвоем мы могли бы убедить их разговаривать. И тогда уже всей толпой мы бы разобрались, что же такое действует на наши мозги. — Он оглядел комнату: — Где моя шляпа и пальто?

— Собираешься уходить?

— Да. Вечеринка закончилась.

— Куда в такой нечестивый час?

— Найду какое-нибудь местечко. На худой конец, вздремну в зале ожидания.

— Так ты не на машине приехал?

— Нет. Оставил ее жене.

— Ну, здесь тебе — не в большом городе, — напомнил Хендерсон. — Здесь глушь. Поезд пойдет не раньше половины одиннадцатого утра. Почему бы тебе не остаться? У меня есть еще одна кровать.

— Было бы здорово. А я не окажусь тебе в тягость?

— Вовсе нет. Буду рад компании. У нас даже есть нечто общее — нарушение умственной деятельности.

— Как ты спокойно об этом говоришь! — Вновь опустившись в кресло, Брэнсом с удивлением посмотрел на Хендерсона: — И что же ты собираешься предпринять?

— Я знал, что надо что-то предпринять. Но теперь я думаю, почему мне не пришло в голову прежде всего заняться проверкой, как это сделал ты? Ведь я должен был сразу же об этом подумать, но не подумал. Первым делом мне захотелось скрыться.

— Может быть, потому, что у тебя на примете уже было потаенное местечко, а у меня — нет, — предположил Брэнсом. — Мне некуда было бежать. И я додумался лишь до Бэльстоуна. И я направился туда только из-за неспособности придумать что-то еще. — Он задумался и добавил: — Возможно, что я был даже сильнее напуган, нежели ты, вот ничего лучшего и не придумал.

— Сомневаюсь. Ты не относишься к тому типу людей, которых легко сбить с толку. Я думаю, что все-таки в твоём мозгу сохранилась та здоровая часть, которая с недоверием отнеслась к происходящему и уговорила

тебя отправиться в Бэльстоун. В конце концов все люди разные. Они могут реагировать похоже, но все же с некоторыми различиями.

— Наверное.

— Но вернемся к моей проблеме,— продолжил Хендерсон.— Я займусь проверкой. А это означает, что Старине Эдди придется выручать меня в этом затруднительном положении, если он, конечно, захочет.

— А кто это — Старина Эдди?

— Тот тип, которому раньше принадлежал этот магазин. Он развернулся на полученные от меня деньги, укатил отдыхать, чего не мог себе позволить уже много лет. Вернулся дней десять назад, весело проведя время, насколько это возможно в семьдесят два года. И теперь бродит вокруг, как заблудившееся дитя. Не привык сидеть без дела. Пару раз даже намекал, что на него можно положиться, если нужна помощь. Наверное, так и придется сделать, коли я намерен заняться изучением собственного прошлого. Слишком много я вложил в этот магазин денег, доставшихся мне большим трудом, чтобы оставлять бизнес на неделю, а то и на две. Если Старина Эдди войдет в долю, я смогу поехать в...

Хендерсон смолк, а Брэнсом быстро сказал:

— Не говори. Я и знать не хочу.

— А я вот сейчас подумал, что это не так уж и важно в сложившихся обстоятельствах. Ты же сказал мне о Бэльстоуне.

— Да, потому, что, нигде подолгу не останавливаясь, я чувствовал себя спокойно. И я уже провел большую часть проверки, в то время как ты еще ничего не сделал. Тут есть разница. Пока ты удовлетворялся муками своей фантазии, ты был рад, что я не обладаю теми сведениями, с помощью которых могу загнать тебя в угол. Так что после моего отъезда не переживай из-за того, что слишком много наболтал. У тебя и так проблем хватает. Уж я-то знаю, сам испытал.

— Может быть, еще что-нибудь обсудим,— предложил уже расслабившийся Хендерсон.

— Ну если так хочешь, ответь мне на один вопрос.

— Какой?

— Предположим, ты все проверил и выяснил, что все происшедшее — иллюзия. И что тогда? Удовольствуешься чистой совестью и останешься в своем скобяном бизнесе? Или продашь его и вернешься на прежнюю работу?

— На том предприятии для меня места не найдется. К тому времени на моей должности будет уже новый человек. В любом случае им ни к чему типы, которые уходят с работы, когда им захочется, и возвращаются, когда им заблагорассудится.

— Как, разве тебя не уговаривали вернуться?

— В моем случае это выглядело не совсем так. Пара официальных лиц надели на меня, чтобы я выложил им причины моего ухода. Казалось, их интересует только это. Если бы они и хотели заставить меня вернуться, то затем только, чтобы и дальше надоедать со своими расспросами.— Хендерсон коротко вздохнул.— Я отбил от них. Им не удалось изменить моего решения. Вскоре после этого я переехал сюда, и с тех пор меня не беспокоили. А я принял решение, что если они еще раз пристанут ко мне, то в следующий раз я уеду за границу.

— Большинство так и сделали.

— Я знаю.

— Хотелось бы мне отыскать их и потолковать,— снова повторил Брэнсом. Он размышлял над тем, стоит ли говорить Хендерсону, что того уже вновь выследили и держат под наблюдением, но решил не усугублять ситуацию излишней тревогой. Поэтому он продолжил так: — В общем, чем ты займешься в будущем — дело твое. Однако, я думаю, нам все же следует поддерживать связь.

— Согласен.

— Что, если я буду тебе названивать сюда время от времени? Ну а если ты опять переедешь, то найди какой-нибудь способ сообщить, как вновь связаться с тобой. Мне бы хотелось узнать, чем закончится твоя проверка, да и тебе, наверное, будет небезынтересно услышать обо мне. Любой из нас может натолкнуться на нечто стоящее для нас обоих. Мы, психи, должны поддерживать друг друга, чтобы нас не заперли в психушку поодиночке.

— Полностью с тобой согласен. Звони мне в любое время. Я со своей стороны тут же позвоню тебе домой, если обнаружу что-либо стоящее.— Хендерсон бросил взгляд на часы: — Закругляемся?

— Я готов.— Брэнсом поднялся и, зевая, потянулся.— Завтра — полиция. Мне бы следовало обратиться к ним еще в Бэльстоуне, да храбрости не хватило. Может быть, ты меня вдохновил, я чувствую, что готов ко всему.

— Ты мне тоже дал немало,— сказал Хендерсон.— Так что обмен у нас получился вполне равноценный.

Утром Хендерсон собирался пойти на станцию и проводить гостя. Но Брэнсому эта идея не понравилась.

— Давай не будем попусту привлекать к себе внимание. Ты продолжай осуществлять руководство в магазине, а я выйду, как удовлетворенный покупатель.

Они обменялись рукопожатиями и расстались. Оказавшись на улице, Брэнсом огляделся, отыскивая взглядом наблюдателя со стороны Риардона. На глаза ему попался лишь какой-то неряшливо одетый бездельник, стоящий на углу. Этот тип проводил его пустым взглядом, когда он прошел мимо. Пройдя дальше, Брэнсом оглянулся. Тип по-прежнему топтался на углу и не собирался пускаться следом. То ли спустя рукава относился к своей работе, то ли был слишком опытным, чтобы засвечиваться.

В поезде Брэнсом старался держаться подальше от тех, кто казался ему подозрительным. В процессе поездки предполагалась пересадка с полчасовым ожиданием. Этой паузой он и воспользовался, отыскав телефонную будку и позвонив в полицию Ханбери. Когда отозвался чей-то голос, Брэнсом попросил к телефону начальника. Голос проявил любопытство и с официальной ноткой потребовал разъяснений, на что Брэнсом пригрозил бросить трубку. Его тут же соединили с кабинетом начальника.

— Начальник полиции Паско,— произнес густой грубый бас.— С кем я разговариваю?

— Меня зовут Роберт Лафарж,— бойко сообщил Брэнсом.— Лет двадцать назад моя сестра Арлен отправилась в Бэльстоун, да так и не вернулась. Мы тогда решили, что она сбежала с одним малым. Знаете, тайный роман и все такое. Она всегда была взбалмошной и упрямой.

— Ну а я-то чем могу помочь? — терпеливо спросил начальник Паско.

«Не знают! Не знают!» — жутковато и торжествующе раздалось в мозгу Брэнсома. И он продолжил:

— А недавно я разговаривал с одним малым из вашего города. Он упомянул, что некоторое время назад — не знаю точно когда — он обнаружил кости девушки, зарытой под деревом. Если верить ему, то эти кости — явное доказательство преступления, совершенного в прошлом. Я встревожился. И подумал, уж не стала ли Арлен этой жертвой? Вот мне и интересно, не обнаружили ли вы еще каких-нибудь доказательств этого преступления?

— А кто вам все это сообщил? Ваш приятель?

— Нет, сэр... Просто случайный знакомый.

— Вы уверены, что он говорил о Ханбери?

— Он сказал, что дело было в окрестностях Бэльстоуна. А ведь этот район входит в вашу юрисдикцию, не так ли?

— Совершенно верно. И если бы такой случай действительно имел место, уж мы бы о нем знали. А мы не знаем.

— Вы хотите сказать...

— Мы не выкапывали никаких костей, мистер Лафарж. У вас есть еще какие-либо причины подозревать, что ваша сестра попала в нехорошую историю?

— Боюсь, что нет. Просто мы уже давно ничего о ней не слышали, а тут такая история, вот мы и подумали...

— А ваш знакомый знал о вашей сестре?

— Ничего не знал.

— И вы ему ничего о ней не рассказывали?

— Ни слова.

— Ну, значит, у него просто разыгралось воображение.

— Может быть, и так,— согласился Брэнсом, отмечая, что его собеседник не предпринимает никаких

попыток удержать его подольше на связи, чтобы установить местонахождение. — Но я не вижу в этом смысла. Зачем ему было рассказывать мне сказки?

— Просто он заполучил благодарного слушателя, — цинично отрезал начальник Паско. — Болтуну нужен слушатель, так же как наркоману — игла в вену. Именно поэтому к нам время от времени приходят люди, сознающиеся в преступлениях, которых они не совершали. Они даже просят задержать их. Пора бы уже за такие штуки ввести и соответствующее наказание. А то уж больно много времени нам приходится тратить на эту ерунду.

— То есть, вы полагаете, мне нет необходимости приезжать к вам и проверять все на месте? — спросил Брэнсом, прекрасно понимая, что если ловушка и существует, то именно сейчас-то она и должна сработать.

— Да тут вам совершенно не на что смотреть, мистер Лафарж.

— Благодарю вас! — с огромным облегчением сказал Брэнсом. — От души извиняюсь, что побеспокоил вас.

— Не за что. Вы предприняли вполне естественные действия в данной ситуации. Лучше всего нас выводят на след как раз люди подозрительные, но в вашем случае нет никаких оснований для беспокойства, насколько нам известно. Вот все, что мы можем вам сообщить.

Брэнсом еще раз поблагодарил его и повесил трубку. Выйдя из будки, он сел на ближайшую скамейку и задумался. Он был озадачен. Хотя он и не видел своего собеседника, но, судя по голосу, начальник Паско говорил решительно и искренне. Он не удерживал собеседника на связи с целью захвата его в будке местной полицией, а ведь такие действия были бы необходимы, если бы на нем висело нераскрытое убийство, а ему позвонил подозреваемый.

Он даже не захотел, чтобы Брэнсом, по сути, сунул голову в пасть льву. Дело, таким образом, полностью разъяснилось — никаких эксгумаций в Бэльстоуне не производилось, что бы там ни утверждала память Брэнсома и что бы ни рассказывал тот водитель грузовика.

Самое простое разрешение загадки заключалось в той теории, которая не раз уже рассматривалась и от-

вергалась, а именно: водитель рассказывал о столь похожем преступлении, что ошущающая какую-то свою вину совесть Брэнсома внезапно пробудилась. Но и эта теория имела несколько недостатков. Если она объясняла паническое состояние его, Брэнсома, то не имела ничего общего со страхами Хендерсона. Не объясняла она деятельности ни Риардона, ни того таинственного здоровяка, которого Дороти приняла за иностранца.

И даже объяснения самого Риардона не полностью описывали сложившуюся странную ситуацию. Согласно его словам, различные оборонные предприятия страны потеряли множество ценных работников. Тут-то он, Риардон, и принялся следить за двумя такими работниками, в частности за Брэнсомом. И при чем тут какой-то болтливый водитель, если учесть большое количество потерянных работников?

Как там говорил Риардон? Рота может стать полком, а полк превратиться в армию, если мы не вмешаемся. Не вмешаемся во что? Ответ: что бы это ни было, но оно заставляет человека разумного вдруг начинать искать потаенное местечко. А ведь все эти люди были учеными, высококлассными специалистами каждый в своей области, и, следовательно, из спокойных, логично мыслящих и по-своему бесстрастных людей они превращались по меньшей мере в паникеров. Что же могло этих людей вывести из себя?

Брэнсом видел лишь одну причину. Страх смерти. Любой смерти. Но особенно в результате юридического обвинения и казни.

Подошел поезд. Брэнсом устроился на отдельном сиденье, подальше от всех, чтобы в тишине обдумать проблему. Он почти не замечал присутствия других пассажиров и не следил, обращает ли кто-нибудь из них на него внимание.

Как приятно было приводить в порядок свои мысли сейчас, после того как с него сняли все эмоциональное напряжение. У него было такое ощущение, словно чья-то невидимая рука проникла в его голову и извлекла тяжелые шары, давно и беспорядочно катавшиеся там.

Остались один или два, но они уже не оказывали того изнуряющего, мучительного воздействия, которое не давало ему покоя в последнее время. Он еще не окончательно отделался от чувства вины, но оно уже не являлось источником пронзительно вопящей тревоги: начальник Паско сорвал с него ярлык преступника и выбросил этот мусор на помойку. И вот впервые за последние дни Брэнсом смог спокойно сидеть и прислушиваться к своему мыслительному процессу.

Во-первых, Арлен, настоящая или мнимая, оставалась лежать там, где он положил ее, и, если удача ему не изменит, останется лежать там до Страшного суда. С его персональной точки зрения, данный пункт шел под первым номером и был для него самым важным. Полиция его не разыскивала, не подозревала, не улюлюкала вслед и не выискивала темных пятен в его прошлом. В списках претендентов на камеру смертников он не значился, но она всегда была готова принять того, кто, подобно Брэнсому, пребывал в мире кошмаров.

Во-вторых, ему досаждала другая группа людей, не имеющих отношения к полиции, — досаждала по непонятным причинам или из-за какого-то менее серьезного преступления, которого он, может быть, еще и не совершил, но мог совершить, как считали эти люди.

Во всяком случае, сам он был уверен, что ничего противозаконного не совершал. Единственным темным пятном в его мыслях оставалась Арлен. Другой вины за собой он не знал.

Итак, была вероятность, что он способен в будущем совершить некое преступление. В его положении он мог выступить лишь в двух ипостасях, которые оскорбили бы власти предержащие: переметнуться к врагу или дезертировать из стана своих. Именно это беспокоило Риардона, открыто сказавшего ему об этом. Оценка отнюдь не лестная. Получалось так, что и свои и чужие рассматривали его как слабое звено в цепи. То есть обе стороны считали его недотепой.

От этой мысли он скривился. Итак, его акции упали столь низко, что он окажется никому не нужным, если речь пойдет об обороне страны. Враг никогда не обратится к таким стойким и несокрушимым людям, как

Маркхэм, Кэйн Поттер и другие. О нет, конечно же он выберет мягкотелого слабака Ричарда Брэнсома, которому достаточно лишь легкого толчка, чтобы переметнуться из одного лагеря в другой.

«Вновь эмоции», — подумал он. Люди поддаются им в тех случаях, когда их самооценка вдруг получает пинок извне. Это чревато заблуждениями. И их нельзя брать в расчет. Надо объективно смотреть на происходящее.

Почему враг в выборе цели оказывает мне предпочтение перед другими? Ответ: их тактика диктуется соображениями целесообразности и они выбирают цель, сообразуясь с данным моментом и данными обстоятельствами. Чем же я такой особенный? Ответ: я оказался в нужном месте в нужное время, когда враг подготовился. Другие просто не подвернулись под руку. А я предоставил им такую возможность. Почему Джо Соуп попал под машину, а его друзья и соседи нет? Ответ: потому, что Джо и этот автомобиль совпали в пространстве и времени, вот его и сбило.

Сбило?

Сбило?

Тот проклятый день начался с того, что он полетел со ступенек лестницы. Перед мысленным взором вновь встала картина падения. Вот он спустился на десять или двенадцать ступеней, и остается преодолеть еще сорок. И тут вспышка света, и он летит; и не миновать бы ему свернуть себе шею, если бы не спасение со стороны двух человек. Вспоминая сейчас эту ситуацию, он подумал, что эти люди оказались чересчур проворны в столь стремительно происходящем событии, словно знали, что оно должно произойти, и были готовы сыграть свою роль. Они действовали со скоростью людей, обладавших предчувствием, и только их быстрота спасла его от серьезных повреждений.

Тем не менее он пострадал гораздо серьезнее, чем признался Дороти. Брэксом потерял сознание, а когда пришел в себя, он сидел на ступеньке лестницы. Над ним склонились двое спасших его от падения мужчин, выражая ему непритворное сочувствие. Здоровенная шишка на локте объяснялась легко. Он и сам помнил, как ударился локтем о бетонную ступеньку, прежде чем

отключиться. И совсем другое дело шишка на голове — удара головой он не помнил.

Боже правый, уж не шарахнули ли его сзади?

В тот день это происшествие так встряхнуло его умственно и физически, что рабочее утро начисто оказалось испорченным. Восстанавливая в памяти события того дня, он сейчас никак не мог припомнить, чем же занимался до полудня, когда наконец добрался до предприятия. Он пытался сообразить, где причина, а где следствие в цепочке падение — потеря сознания — падение. А может быть, сплеховало сердце? И может быть, стоит проконсультироваться с доктором во избежание худшего?

Да, после того потрясения он полностью потерял ощущение времени. Каким-то образом из этого утра исчезли два часа, и ему пришлось взять такси, чтобы успеть добраться до предприятия до конца крайнего срока.

Так начиналась пятница, тринадцатое число.

Несчастливый для него день. Падение. Два человека готовы подхватить его. Из ниоткуда появившаяся шишка на голове. Утро с пропавшим временем. Пара водителей, сплетничающих рядом с ним, что ввергает его в состояние депрессии. Преследующий его здоровяк. Бегство испуганной крысы. Риардон в поезде. Рота, полк, армия.

Он сидел, вжавшись в скамью, а мысли неумолимо неслись вперед. Потребовалась напряженная и тщательная работа, чтобы создать атомную бомбу. Но взрыв ее зависит от небольшого приспособления.

«Если не натянуть тетиву, то не выстрелишь».

Предположим, просто предположим, что кому-то удалось придумать нечто похожее на человеческий мозг, добавив к содержащимся в нем данным что-то такое, что создает критическую массу. И мозг достаточно продолжительное время находится в состоянии покоя, пока в него насильно не закладывают новые данные, добавляя к прежним знаниям. И тогда достаточно создать определенную ситуацию, чтобы механизм заработал.

Несколько слов, оброненных водителем-насмешником.

Детонация механизма.

Мысленный взрыв.

Он стремглав выскочил из здания вокзала, натыкаясь на пешеходов и рассыпая невнятные извинения. Кое-кто оглядывался ему вслед. Он понимал, что привлекает к себе внимание, но был настолько увлечен, что ни о чем уже больше не заботился.

Реальное разрешение его затруднений находилось в рядах той роты, что могла стать полком. Он отчетливо понимал это, как и то, что добраться до роты очень трудно, а еще труднее разговорить ее. Кое-кто из пострадавших, может быть, что-то и скажет, а кое-кто окажется более подозрительным, чем не совсем еще потерянный для дела Хендерсон. А кое-кто вообще скажет, что привык жить с этим кошмаром и даже балдеет от этого, как наркоман.

— Но послушай, брат, я не полицейский, не секретный агент, я не сотрудничаю с властями! Я всего лишь Ричард Брэнсом, научный работник, находящийся в бегах, потому что тоже живу в мире кошмаров. И меня вовсе не разыскивают за убийство, которое, как мне кажется, я совершил. Ведь я убежден, что давным-давно убил некую девушку по имени Арлен Лафарж. А как потвоему, что ты натворил?

И если хотя бы один из них скажет:

— Бог мой, Брэнсом, тут происходит что-то странное. Да ведь это я убил Арлен Лафарж! В некоем захолустье под названием Бэльстоун. Я уверен, что это сделал я. А уж как тебе это удалось...

— А почему ты так поступил?

— Она оказалась просто сукой. Она сама меня довела. Я был вне себя. Она меня до сумасшествия довела.

— Чем?

— Ну... хм... Сейчас уж и не помню. Это произошло давно, да мне и надоело вспоминать.

— Вот то же самое и со мной. А может быть, мы вдвоем отыщем остальных и выясним, сколько из них еще пристукнули Арлен Лафарж? Неплохо было бы узнать. Забавно. Мы представили бы копам массовое признание, набились бы в тюрьму и стали бы отсчитывать часы до нашего конца.

Можно чего-нибудь добиться таким путем? Все можно. Человеческий мозг в состоянии все представить.

Однако же враг может оказаться предусмотрительным и не пойдет по проторенному пути, а нагрузит каждого пострадавшего своей жертвой. Хендерсон, например, похоже, владеет своим индивидуальным секретом: он и глазом не моргнул при упоминании Арлен и Бэльстоуна и отрицал всякое знакомство и с этим именем, и с этим местом.

Он начинал всерьез подозревать, что несчастная Арлен являлась вымышленным созданием. Мысль воспринималась с трудом, с большим трудом, поскольку память настаивала на обратном. А не верить своей памяти оказалось делом столь же трудным, как не верить отражению в зеркале.

Несмотря на наличие доказательств или отсутствие таковых и растущие сомнения, память уважительно сохраняла все детали самого мрачного момента в его жизни. И пусть видение прошлого являлось всего лишь кошмаром, встававшим вокруг призрачной девушки, он все равно отчетливо различал черты лица Арлен, идущей к смерти, видел ее черные волосы, перетянутые на затылке голубой ленточкой, ее темные глаза, полные изумления, ее тонкие губы, слишком часто презрительно кривившиеся, едва различимые веснушки на носу, струйку крови, стекающую по лбу. Она носила нитку разнокалиберного жемчуга и серьги под стать, золотые часы. Вспомнились голубое платье и черные туфли. Картина представляла объемная, со всеми цветами, вплоть до огненно-красных ногтей. Настолько полная картина, что только реальность могла быть совершеннее.

Но существовала ли эта девушка в реальности?

Или она представляла собой лишь мысленный фрагмент, достаточно полный для создания критической массы?

Другие беглецы должны были бы знать все о ней или о ее фантоме. Но без помощи Риардона добраться до них не представлялось возможным. Правда, после недавних событий ему очень не хотелось обращаться к Риардону за помощью. И кроме того, такие действия неизбежно вызвали бы к жизни различные бюрократические осложнения, и это в то самое время, когда он уже собирался из жертвы превратиться в охотника! Нет,

лишь в самый решающий момент он обратится к Риардону и имеющимся в его распоряжении силам.

Но следовательно, и товарищи по несчастью не смогут оказать помощь, за исключением, может быть, Хендерсона. И значит, в настоящий момент он должен рассчитывать лишь на свои силы. Итак, осталось лишь вычислить *жертву*.

Пять человек могли бы помочь разрешить тайну Арлен Лафарж. Лишь пятеро могли знать о ней все, если только он сможет заставить их говорить.

В число этих пятерых входили те двое, что подхватили его на ступенях, болтливый водитель и его приятель, а также здоровяк, спровоцировавший его бегство. Но если он, Брэнсом, прав в своих умозаключениях, то должен быть и шестой, невидимый игрок, которого он не принимал в расчет только по причине невозможности идентификации.

И один из этих пятерых мог бы привести к остальным, а возможно, и к целой организации, затаившейся в подполье.

Торопливо шагая по улицам, он размышлял над своим отношением к мести. Раньше, как человек рассудительный, он считал примитивным расплачиваться с соперником ударом в нос. Ныне же такое желание не казалось ему столь уж дегенеративным. В конце концов, он человек, и ничто человеческое ему не чуждо.

Так что если представится такая возможность, то он уж постарается довести в нужный момент свои эмоции до точки кипения, вложит всю силу в правый кулак и устроит из чьей-то физиономии месиво.

Другими словами, он ощущал настоящую злость, и это чувство его радовало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночная пелена застилала небо, горели фонари, светились витрины магазинов. Находясь в собственном городе, он не ощущал себя дома. Если его и разыскивали, то именно здесь, выжидая удобного момента, чтобы вернуть заблудшую овцу в загон. Насколько он пони-

мал, враги терпеливо ждали его и были уверены в успехе. А он сам вообще не горел желанием быть пойманным. Больше всего сейчас он нуждался во времени; надо было осмотреться, выбрать цель для выплеска своего гнева и навешать кое-кому хороших тумачков.

Он стремительно, но осторожно продвигался по городу. Сотни людей, работающих на его предприятии, проживали по соседству и знали его, хотя бы даже только в лицо. А он не хотел, чтобы его заметили, не говоря уж о том, чтобы пускаться с кем-нибудь в объяснения. Чем меньше людей будет знать, что он вернулся, тем лучше. Избегая оживленных районов, пробираясь темными улочками, он притормозил лишь ненадолго, чтобы заскочить в небольшой магазин и приобрести бритву, зубную щетку и расческу. Путешествие закончилось в каком-то мотеле на краю города, противоположном местонахождению его дома.

Он привел себя в порядок и перекусил. Некоторое время он боролся с желанием позвонить Дороти и вызвать ее на встречу в каком-нибудь кафе. Но в это время дети должны уже отправляться в постель, и Дороти придется обращаться к кому-нибудь из соседей, прося их посидеть с детишками. Лучше все устроить утром, когда дети уйдут в школу. А пока что стоит связаться с Хендерсоном, если тот все еще в Лейксайде. Он набрал номер, и Хендерсон ответил.

— Ты еще на месте? Я уж думал, ты уехал.

— Завтра днем собираюсь,— сообщил Хендерсон.— Дело в свои руки ненадолго возьмет Старина Эдди. Он просто в восторге. Я вообще не понимаю, почему он мне продал этот магазин. Ты вышел сам-знаешь-на-кого?

— Да. Там мне делать нечего.

— Что ты имеешь в виду?

— Они совершенно определенно ничего не знают о деле.

Хендерсон усомнился:

— Если они и знают, то не станут же признаваться в этом незнакомцу, позвонившему по телефону. Скорее всего, они постарались бы спаять тебя. Ты дал им на это время?

— Нет, не дал.

— В таком случае твоя информация недостоверна.

— Мне не было необходимости давать им время. Они вовсе не собирались хватать меня.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что они не предпринимали никаких попыток удержать меня на связи,— пояснил Брэнсом.— Более того, я выразил желание подъехать к ним, но на них это не произвело впечатления. Они сказали, что это пустая трата времени. Они не проявили никакого желания видеть меня, не то что задерживать. Уверяю тебя, Хендерсон, вся эта история относится к разряду глупых иллюзий, и я теперь действую исходя из этого предположения.

— Действуешь? Каким образом? Ты хочешь сказать, что возвращаешься на предприятие?

— Нет... Пока еще нет.

— А что же ты тогда делаешь?

— Я настроен осмотреться и кое-что выяснить. И если повезет, кое в чем разобраться. Во всяком случае, я попытаюсь. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Ты напал на какой-то след?

— Может быть. Пока еще не уверен.— Брэнсом подумал, затем продолжил: — Я так думаю, что если ты выяснишь в процессе проверки, что твои тревоги беспочвенны, то вернешься мысленно к той ситуации, когда тревоги начались. Попробуй припомнить людей, находившихся рядом в тот момент. Вот тебе и твои подозреваемые. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Брэнсом,— без энтузиазма сказал Хендерсон,— ты, конечно, можешь развлекаться игрой в частное расследование, но я не детектив, и я отдаю себе в этом отчет. Такая работа не по мне. У меня нет к ней ни подготовки, ни желания.

— Я тоже не профессионал, но это меня не остановит. И потом — никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь.

— По мне, пусть будет, что будет.

— А я настроен решительно. Мне надоело быть игрушкой в чужих руках.— Он сжал кулак и осмотрел его как некий символ.— Хенни, если выяснится, что ты чист, ради Бога, прошу тебя, не останавливайся на этом. Не считай, что ты теперь счастлив и, значит, не надо

будить спящих собак. Приезжай ко мне, объединим силы. Иначе эта шайка вновь доберется до нас. А так ты узнаешь одного из них, я — другого. И, помогая друг другу, мы разделаемся с ними.

— Я еще не разобрался со своим делом,— сказал Хендерсон, инстинктивно восставая против игры в «вернись-домой-все-прощено». — Ты-то уже все выяснил и теперь жаждешь крови. Я же только начинаю проверку и надеюсь на спасение. И в настоящий момент мы находимся в разных ситуациях. Может быть, через несколько дней я и смогу понять тебя. И может быть, созрею для мести. Но только тогда я решу, что делать дальше.

— Как можно оставаться человеком, если смиренно позволять разгуливать по земле мерзавцам, виновным в ломке судеб тысяч людей! — настаивал Брэнсом. — Но с этой задачей в одиночку справиться трудно. Помощь нужна и тебе и мне.

— Я дам тебе знать, когда все выясню,— пообещал Хендерсон.

— Желаю удачи!

Закончив разговор, Брэнсом попросил на время телефонную книгу, принес ее в номер и с час просматривал, делая пометки. В результате у него получился короткий список, содержащий телефоны и адреса одной консультационной службы, специалиста в области психических заболеваний, агентства по сдаче в аренду автомобилей, двух детективных агентств, четырех компаний по перевозке грузов и нескольких скромных закусовых, в которых он никогда не бывал. Большая часть информации могла и не понадобиться, но иметь ее под рукой не помешает. Убрав список в бумажник, он стал укладываться спать. Этой ночью он спал крепко и безмятежно.

В половине десятого утра, решив, что Дороти уже должна вернуться домой, проводив детей в школу, он позвонил ей. Приходилось проявлять осторожность, договариваясь о встрече — ведь Дороти могла напрямую привести к нему преследователей; кто знает, прослушивается ли их разговор?

— Слушай, любимая, дело срочное, и я буду немногословен. Хочешь пообедать со мной где-нибудь в районе половины первого?

— Ну конечно, Рич. Я...

— Помнишь, где ты потеряла, а затем нашла твою серебряную пудреницу? Вот там я тебя и буду ждать.

— Да, хорошо, но почему...

Он не дослушал и положил трубку. Несомненно, она разозлится, но тут он ничего поделать не мог. Риардон и его банда наверняка имеют возможность быстро отслеживать телефонные звонки. И лучшее оружие против них — краткость.

В десять часов он уже слонялся возле ворот компании по перевозке грузов. Она находилась в промышленном районе, у широкой дороги, вдоль которой располагались фабрики, мастерские и склады. В отличие от центра города движение здесь было не столь плотным — проезжали лишь тяжело груженные машины. Пешеходы почти не встречались, и ему не давало покоя ощущение, что на него устремлены десятки любопытных глаз. В нерешительности он проторчал так чуть ли не полтора часа, в течение которых один грузовик из ворот выехал, а еще один — въехал. Он внимательно разглядывал водителей, но лица их оказались совершенно неизвестными.

Непосредственно в воротах располагалась весовая, рядом с которой стояла будка, где сидел вахтер, записывая что-то в книгу, когда проезжал грузовик, а затем со скукой таращился в окно. Заметив наконец болтающегося у ворот Брэнсома, вахтер с возрастающим любопытством стал поглядывать на него. Наконец вышел из своей будки:

— Кого-нибудь ждете, мистер?

— Да, высматриваю двух знакомых, — кратко отозвался Брэнсом.

— Водителей?

— Да.

— Так долго можно простоять. Вы скажите, как их зовут, и я отвечу, тут они или нет.

— Прошу прощения, но не смогу. Я их знаю только в лицо.

— Н-да, плохо дело,— заметил вахтер. Тут в будке завершал телефон.— Подождите минутку.— Он метнулся в будку, ответил, сверился с книгой и передал какую-то информацию. Затем вернулся к воротам.

— Я могу описать их,— сказал Брэнсом.

— А толку-то? Я в таких делах не силен. Если вы мне даже картину напишете маслом, я на ней мою тетушку Марту не узнаю.

— Не сомневаюсь, судя по тому, как я умею рисовать.

— Да уж вряд ли хуже меня, мистер.— Он почесал коротко стриженную голову, размышляя над проблемой, затем указал во двор.— Пройдите вон в ту контору и спросите там Ричардса. Он всех работающих тут знает как свое лицо. Да ведь так оно и должно быть — он же их нанимает и увольняет.

— Большое спасибо.— Брэнсом прошел через двор, вошел в контору и обратился к девушке, сидящей за стойкой: — Простите, нельзя ли переговорить с мистером Ричардсом?

Она оглядела его холодным расчетливым взглядом:

— Вы ищете работу?

— Нет,— глубоко потрясенный таким вопросом, ответил Брэнсом.— Я ищу информацию.

Ричардс появился через несколько минут. Этот тип, с тонкими чертами лица, не смог скрыть разочарования. В голосе звучало нетерпение.

— Чем могу помочь?

— Я пытаюсь разыскать двух водителей грузовиков.

— Зачем?

— Простите?

— Что вам от них нужно? У них какие-то неприятности? И кстати, кто вы такой? Полицейский или из страховой компании?

— Похоже, вы во всем видите только самое плохое,— усмехнулся Брэнсом.— Должно быть, много у вас хлопот с водителями?

— Такая уж у меня работа. А у вас какая?

— Я сотрудник министерства обороны.— Он показал свой пропуск и заметил, что удостоверение воспринято с удовлетворением.— У меня есть основания полагать,

что эти два водителя обладают информацией, представляющей интерес для нашего министерства. Если бы мне удалось отыскать их, я бы задал им несколько вопросов.

Ричардс уже с большей готовностью спросил:

— А как их зовут?

— Не знаю. Но могу описать. Ваш вахтер считает, что вы можете мне помочь в этом деле.

— Хорошо, попробую. Так как они выглядят?

Брэнсом довольно успешно справился с описанием. Когда он закончил, Ричардс сказал:

— У нас сорок восемь водителей, разъезжающих по всей стране. Примерно два десятка из них более или менее подходят под ваше описание. Некоторые из них вернутся через пару дней, другие — через неделю. Так что, если захотите на них взглянуть, запаситесь терпением.

— Плохо дело, — разочарованно признал Брэнсом.

— А вы уверены, что они работают именно на нашу компанию?

— Я не знаю, на кого они работают.

— Святой Иосиф! — Ричардс недоверчиво уставился на него. — А какие у них значки на клапанах карманов?

— Понятия не имею.

— Ну хорошо, а на каких грузовиках они ездят? Какого цвета, с какими буквами или рисунками?

— Да не знаю! Когда я их видел последний раз, они сидели не в грузовиках, а на железнодорожной станции — должно быть, ожидали поезда.

— О Господи! — Ричардс поднял глаза вверх. — Знаете что? Настоящие водители грузовиков поездами не пользуются, кроме тех случаев, когда их везут на кладбище. Они ездят на грузовиках. Они отвозят товар, грузятся и едут обратно, если, конечно, есть попутный груз. Если нет, едут пустыми. Так что, скорее всего, это перегонщики.

— Простите?

— Такой вот перегонщик, — принялся объяснять с преувеличенным терпением Ричардс, — отвозит груз и оставляет его целиком, вместе с грузовиком, в каком-нибудь отдаленном складе. И ждет там дальнейших указаний. Добравшись до другого склада на автобусе

или поезде, он берет очередной груженный грузовик, отвозит его куда надо и там оставляет. И так далее и так далее. Еще он работает как подменщик. Заменяет приятелей, когда те уходят в отпуск, заболевают или попадают в кутузку. В общем, это как бы цыган, бродяга, мальчик на побегушках — сегодня здесь, завтра там, и одному Господу ведомо, где он будет послезавтра.

— Понятно,— сказал Брэнсом, чувствуя, что детектив из него получается слабоватый.

— Важно еще вот что: перегонщики работают в основном на большие межштатные компании, обладающие солидным количеством складов. А не на такие вот маленькие компании, которых в этом городе всего четыре. Вообще же межштатных насчитывается несколько дюжин, и на каждую работают несколько сот человек. А у вас на руках всего лишь описание, под которое подходят тысячи, если не больше, парней, колесящих по земле отсюда и до Северного полюса.— Он бессильно развел руками.— Легче двух блох отыскать в собачьей будке, чем этих водителей. В общем, на вашем месте я бы успокоился. Уж больно коротка жизнь.

— Наверное, я так и поступлю,— задумчиво произнес Брэнсом.— Он повернулся, чтобы уйти.— Я вам весьма признателен за то, что вы мне сообщили. Век живи — век учись.

— Не за что.— Ричардс проводил его взглядом до двери, затем окликнул: — Эй, послушайте, я вот еще о чем подумал. Пара водителей-перегонщиков не стала бы ошиваться на местной железнодорожной станции.

— Почему?

— Им нечего тут делать. В нашем городе нет складов межштатной компании.

— То есть, вы хотите сказать, они не те, за кого себя выдавали, да? Но я видел их своими глазами, и они определенно выглядели как водители грузовиков.

— У нас работает парень, который как две капли воды похож на Наполена. Но это ничего не значит.

Вернувшись к стойке, Брэнсом облокотился на нее, схватил Ричардса за запястье, поднял его руку вверх и провозгласил:

— Объявляю вас победителем.

Выйдя из конторы, он в мрачном настроении пересек двор и подошел к проходной. Вахтер показался в дверях будки и спросил:

— Ну как, повезло, мистер?

— Опоздал,— ответил Брэнсом.— Их завтра и так увольняют. Так что справедливость все равно восторжествует.

И двинулся дальше, избегая расспросов. Вахтер с минуту постоял как громом пораженный, затем кинулся в будку и схватился за телефонную трубку.

— Кого там увольняют и за что? Или этот парень спятил?

Голос в трубке ответил ему:

— Послушай, Уинни, тебе ведь платят за то, чтобы ты сюда никого не пускал. Заруби это себе на носу!

Зная по опыту, как собирается Дороти, Брэнсом устроился позади небольшой парковочной стоянки и приготовился к долгому ожиданию. Минут за пять до назначенного срока она въехала на стоянку, ловко за рулила на свободное место, вышла из машины и закрыла дверцу. Она расплатилась за парковку, затем вышла, повернула направо и не спеша двинулась вдоль дороги. Держа сумочку в правой руке и помахивая знакомым портфелем в левой, она привычно демонстрировала длинные красивые ноги, на которые проходящие мужчины бросали одобрителные взгляды.

Подъехал еще один автомобиль и остановился неподалеку от машины Дороти. Из него вышли двое мужчин, расплатились за парковку и тоже повернули направо. Они неторопливо зашагали вслед за Дороти, держась в паре сотен ярдов от нее. Брэнсом готов был заподозрить кого угодно, но два этих пожилых, седовласых джентльмена мало подходили для таких профессиональных игр. Тем не менее, выбравшись из своего укромного местечка, он в свою очередь сел им на хвост, одновременно поглядывая, не привела ли Дороти по неведению за собой еще кого-нибудь.

Вскоре пожилая пара поднялась по ступеням какого-то офиса и исчезла за вращающейся дверью. Дороти

продолжала неторопливо идти дальше, лишь слегка замедляя шаг у заинтересовавших ее витрин. Брэнсом не замечал никакой слежки. Он высматривал в основном случайных прохожих, идущих в том же направлении, не обращая внимания на проезжающий транспорт.

Дороти дошла до небольшого ресторанчика, где несколько лет назад она потеряла, а затем и нашла свою пудреницу. Точно в назначенный срок она вошла внутрь. Брэнсом, двигаясь по другой стороне улицы, прошел еще ярдов сто мимо ресторана, затем перешел на противоположную сторону и вернулся. Ничего подозрительного не произошло. Судя по всему, слежки не было. Он вошел в ресторан и увидел ее ожидающей за отдельным столиком на двоих.

— Привет, родная! — Повесив шляпу на первый же подвернувшийся крючок, он сел напротив нее.

— Привет, неряха! — отозвала она. — Ты что, спал прямо в костюме?

Машинально одернув рукава, он смущенно произнес:

— Не такой уж он и мятый.

— А в чем же ты тогда спал? — с подозрительной лаской в голосе спросила она.

— В постели, — сказал он. — Но послушай, я пригласил тебя вовсе не для того, чтобы... — Он замолчал, увидев, как она наклонилась к стоящему на полу портфелю и незаметно подтолкнула его вперед. Именно этот портфель он и оставил в поезде. Он с ужасом уставился на него: — Как он попал к тебе?

— Мне по дороге попался высокий смуглый незнакомец. Постучался в дверь и отдал.

— А имя свое он при этом не назвал?

— Назвал. Риардон. Естественно, я захотела узнать, как он попал к нему и как ты обходишься без бритвенных принадлежностей и пижамы.

— Если тебя так уж интересует, то я спал в нижнем белье. А что он тебе поведал?

— Он сказал, что ты отращаешь бороду, а спишь голым, а почему — не сообщил. Еще он сказал, что, если не хочешь, чтобы тебе лгали, не задавай лишних вопросов. А ему меньше всего хотелось бы дать повод для нашего развода.

— Вы только послушайте его! — воскликнул Брэнсом.— Он просто хотел разговорить тебя. Не сомневаюсь, что он рассчитывал на твою помощь, а для этого решил немного раздражить тебя. Разве он не расспрашивал, не слышала ли ты обо мне, где я и что собираюсь делать и так далее?

— Кое о чем расспрашивал. Я ничего ему не сказала. В конце концов, мне и *нечего* было ему рассказывать.— Она перешла на серьезный тон: — Что происходит, Рич?

— При всем желании пока не могу тебе рассказать обо всем. Пока. Когда дело закончится, вполне возможно, что власти захотят скрыть все за завесой молчания. Ты ведь знаешь, как они относятся к людям, которые слишком много болтают.

— Мне это известно.

— Однако могу сообщить тебе следующее: это дело секретное. Я оказался в него втянутым случайно, и именно оно занимало мои мысли перед отъездом. Вскоре выяснилось, что в него вовлечено и множество других наших сотрудников. Меня утешает лишь то, что, насколько мне известно, все не так страшно, как мне показалось сначала.

— Уже что-то,— сказала она с заметным облегчением.

— Но это меня не устраивает. По причинам, о которых я не могу пока сказать, я должен докопаться до самой сути, как бы горька она ни была.— Он поразмыслил, как сообщить ей хоть что-нибудь, но при этом ничего не раскрывая.— Видишь ли, ситуация похожа на ту, когда зуб болит. Можно, конечно, обойтись гвоздичным маслом, ослабить боль и на этом успокоиться. Но понятно, что мера эта временная, и надо быть дураком, чтобы этим и удовлетвориться. Чтоб довести дело до конца, зуб надо удалить.

— А кто будет удалять? Ты?

— Я оказался одним из пострадавших, и я просто обязан что-то сделать, если смогу.

— А остальные? Они что, не в состоянии принять участие в этих действиях?

— Я не могу до них добраться, да они и не знают, что происходит. Я выяснил...— Он перехватил ее пре-

дупреждающий взгляд, поднял глаза и увидел стоящего рядом в ожидании официанта. Получив меню, он обсудил его с Дороти и сделал заказ. Официант удался. Брэнсом продолжил: — Я отыскал одного типа, на которого вскоре можно будет положиться, и он вроде бы не против помочь. Зовут его Хендерсон, он работал баллистиком в красном отделе. Помнишь такого?

— Нет, не припоминаю,— призналась она после краткого раздумья.

— Грузный такой малый, с небольшим брюшком, с проплешиной на макушке. Носит очки без оправы и разговаривает, как лекцию читает. Ты познакомилась с ним несколько месяцев назад.

— Все равно не припоминаю. Должно быть, не произвел сильного впечатления.

— Он и не производит. И не пытается. В общем, не дамский угодник.

— Так он холостяк?

— Именно. Не дает себя охмурить. Так вот, он может позвонить в любую минуту. Меня несколько дней не будет дома, но ты не переживай. Я тут договорился кое с кем.

— На это же намекал и Риардон.

— Будь он проклят, этот Риардон! Так вот, если Хендерсон позвонит, скажи, что я занят делами и сейчас подойти не могу, но ты можешь принять для меня сообщение. Если ему нужен будет ответ, пусть оставит какой-нибудь телефон. Все понятно?

— Понятно. Супружество учит пониманию.

— Еще одно: если Риардон, или тот здоровяк иностранец, или еще кто-нибудь заявится к тебе и опять начнет приставать с расспросами, ты по-прежнему ничего не знаешь, ясно? Ты не знаешь ни где я, ни когда вернусь. Ты никогда не слышала о Хендерсоне, пусть даже ты только что поговорила с ним по телефону. И не важно, кто тебя будет расспрашивать. Пусть репортер, агент ФБР или десятизвездный генерал при всех реглациях. Ты все равно ни черта не знаешь.

— Усекла,— сказала она.— А мне позволено будет узнать, кто такой этот Риардон?

— Офицер Службы безопасности. Работает на военную разведку.

Она посмотрела на него удивленно и несколько озадаченно.

— Но тогда это его работа, а не твоя...

Брэнсом прервал ее:

— Видишь ли, дело в том, что только страдания могут заставить человека хоть что-то понять. А Риардон не страдал, и трудно ожидать, что он поймет умонастроения тех, кто пострадал. Кроме того, существуют различные мнения относительно того, для чего создана Служба безопасности. И последнее. Он обучен справляться с рутинными проблемами рутинными методами. Я не хочу, чтобы он путался у меня под ногами, посылая меня туда-сюда или отталкивая в нужную минуту. Мне и на предприятии хватает инструкций, чтобы еще выслушивать их вне его стен.

— Хорошо, если он заявится ко мне, я посмотрю на него широко раскрытыми глазами ничего не ведающего человека.

— Именно так и сделай. Конечно, его этим не одурачишь, но все равно он ничего не узнает.

Официант принес заказанные блюда. Расправляясь с едой, они обменивались ничего не значащими репликами. За кофе Брэнсом вновь вернулся к прежней теме:

— Вот еще что. О том здоровяке, которого ты приняла за иностранца. Я видел его несколько раз и знаю, как он выглядит. Но мне хотелось бы послушать твое описание. Знаешь, разные люди замечают разное, и, может быть, ты чем-то дополнишь мою картину.

Дороти проявила себя человеком наблюдательным. К мысленному портрету, имеющемуся в распоряжении Брэнсома, она добавила тонкий белый шрам около дюйма длиной, расположенный наискось на правой стороне верхней губы. Отметила она и его привычку поджимать губы после каждого вопроса, отчего этот шрам превращался в складку. Больше ничего нового она не добавила, за исключением интуитивного ощущения, что человек он сдержанный, но жестокий и не сразу выходит из себя, но так же долго и успокаивается.

— Он, похоже, принадлежит к тому типу людей, которых надо долго провоцировать, чтобы завести. Но зато потом неизвестно, когда он успокоится.

— С тобой он вел себя грубо?

— Вовсе нет. Он был вкрадчиво вежлив.

— Хм! — Он забарабанил пальцами по столу, вновь представляя себе субъект разговора. Официант по-своему понял его постукивание и принес счет. Брэном расплатился и, когда официант отошел, сказал Дороти: — Ты не замечала в последние дни, чтобы за тобой кто-то следил?

— Нет, Рич. Ничего подобного я не замечала. А ты считаешь такое возможным?

— Вполне. Тот, кто ищет меня, станет следить за тобой.

— Да, я согласна с тобой.

— Так что с этой минуты посматривай, не идет ли кто следом. Если обнаружишь, не паникуй. Кинь как бы случайный взгляд, чтобы потом описать мне. Как знать, вдруг это выведет меня на какой-нибудь след.

— А это может быть сотрудник какой-то секретной службы?

— Да. Один из шайки Риардона. Но может так случиться, что он представляет другую группу, и тогда он именно тот, кто мне нужен.— Поднявшись из-за стола, он надел шляпу.— Детям скажи, что я скоро буду дома. Завтра вечером, когда они лягут спать, я тебе позвоню.

— Хорошо.— Взяв сумочку, она вышла вместе с ним. На улице она спросила: — Машина тебе нужна? Или, может быть, тебя куда-нибудь подвезти?

— Без автомобиля мне удобнее. Слишком многим ищейкам известен ее номер. А мне бы не хотелось рекламировать свое пребывание в городе.

Она положила ладонь ему на руку:

— Рич, ты уверен, что знаешь, чем занимаешься?

— Нет, не уверен. Я подобен слепцу. Брожу и пытаюсь нащупать нечто стоящее.— Он успокаивающе похлопал ее по ладони: — Но если я ничего и не найду, то буду успокаивать себя тем, что хотя бы пытался, но мне просто не повезло.

— Я понимаю тебя.— С задумчивой улыбкой она направилась в сторону парковочной стоянки.

Проводив ее взглядом, пока она не скрылась из виду, Брэнсом остановил такси и доехал до конторы следующей компании по перевозке грузов. Он не испытывал особого оптимизма по поводу результатов визита сюда, но тем не менее не хотел обращаться за информацией к Риардону.

В офисе ему сказали:

— Послушайте, мистер, без фамилий и фотографий у вас столько же шансов отыскать этих парней, как и выпить с Папой Римским. Они могут быть кем угодно и где угодно. И что мы можем в таком случае для вас сделать?

Он покинул контору, ощущая удовлетворение оттого, что этот след результатов не дал. Следовательно, надо тянуть за другую ниточку. Лишь исчерпав все возможности, он признает себя побежденным. Но не раньше.

Пробираясь боковыми улочками, он размышлял над планом кампании. Не существует ли других возможностей выйти на этих водителей? Оставался еще тот бар, где он на них наткнулся. Их мог бы припомнить кто-нибудь из завсегдатаев, какой-нибудь железнодорожник, пассажир или кто-то из таких же водителей.

Если же водителей разыскать не удастся, какие еще остаются следы? Во-первых, тот здоровяк, что следил за ним и скрылся недалеко от дома, а значит, и проживать он может где-нибудь по соседству. А еще те два незнакомца, что подхватили его слишком быстро на лестнице, когда он упал. Видел он их мельком, секунду или две до падения, а затем недолго, когда пришел в себя. Лица их отпечатались в его памяти, как на фотографии, особенно физиономия того, кто хлопал его по щекам, приводя в сознание. Он не сомневался, что узнает их сразу же, как только встретит вновь. Но где их искать? Подобно исчезнувшим водителям, они могут быть кем угодно и где угодно.

На крайний случай оставались еще три варианта. Используя Дороти в качестве приманки, он мог выйти на того, кто следит за ней, а через него и на остальных членов группы, скрывающейся на заднем плане. Можно

было заняться проверкой вместе с Хендерсоном, и вдвоем им могло повезти больше, чем одному. В конце концов можно было обратиться и к Риардону, и пусть тогда власти предрержащие разбираются с ситуацией по собственному усмотрению.

Последняя мысль настолько ему не понравилась, что он машинально ускорил шаг и направился в сторону железнодорожной станции. Он не знал, да и не мог знать, что на этот раз впервые сделал движение в правильном направлении. Наконец-то у него появлялся шанс попасть хоть куда-то.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Войдя в бар задолго до своего привычного времени посещения, он устроился на высоком табурете, заказал кофе и стал ждать, пока бармен обслужит других посетителей. Когда тот освободился, Брэнсом кивком подозвал его, навалился на стойку и негромко заговорил:

— Слушай, Уолт, я ищу тут кое-кого, а ты мог бы помочь мне. Не припомнишь ли пару здоровенных типов в комбинезонах и форменных фуражках? Они попивали тут кофе примерно неделю назад. Выглядели как водители грузовиков. А толковали о совершенном где-то убийстве.

— Убийстве? — Уолт вскинул брови. На его лице отпечаталось выражение человека, верящего в лучшее, но ожидающего только худшего. — Нет, мистер Брэнсом. Таких разговоров я вообще не слышал. Да и типов этих не припомню.

— А ты постарайся вспомнить. Эти два водителя сидели прямо вот тут.

Уолт послушно призадумался.

— Прошу прощения, мистер Брэнсом, я никак не могу их припомнить. А должен бы, коли они водители грузовиков. К нам они не часто забредают. За все это время я почти никого из них не видел. Хотя я почти не обращаю внимания на случайных посетителей, разве только когда окно разобьют, или на пол их стошнит,

или еще что-нибудь в таком же роде.— Вдруг его осенило: — А вы уверены, что тогда была именно моя смена?

— А как же, пятница, вечер. Ты же всегда работаешь по пятницам, ведь так?

— Так. Но может быть, я просто был занят. Когда я работаю, то почти ни на что не обращаю внимания. Люди могут тут всю болтать, я же слышу, только если выкрикнут заказ.

— А если бы эта пара побывала здесь не один раз, ты бы их мог запомнить?

— Скорее всего,— сказал Уолт.— Я же говорю, что водители грузовиков к нам не часто забредают.

— Стало быть, я делаю вывод, что они были здесь всего один раз и больше ты их с тех пор не видел?

— Точно.

— Хорошо, а как насчет еще одного малого? Он тут появился через пару дней после тех. Нет, дней через пять. Такой здоровяк. Около шести футов ростом, весом фунтов в двести, приплюснутый нос, красная физиономия с тяжелыми челюстями, белый шрам на верхней губе, похож на бывшего боксера или на полицейского в чинах, переодетого в гражданское. Он сидел прямо тут, у стойки, молчал и таращился на свое отражение в зеркале как зачарованный.

— А на левой руке кольцо в виде змейки? — добавил задумчиво Уолт.

— Похоже, какое-то кольцо действительно было, но я не рассмотрел более подробно.

— И разговаривает, как иностранец?

— Я не слышал от него ни слова, но у меня есть веские основания полагать, что он действительно иностранец.

— Он заходил сюда несколько раз,— Уолт глянул на настенные часы.— Примерно в это время или чуть позже. Но вот уже неделю как его не видно. Я запомнил его потому, что от него у меня прямо мурашки по коже бегали. Просто от его вида. Он всегда таращится и ничего не говорит. Смотрит не мигая, словно собираясь пожаловаться, но так ни звука и не произносит.

— А ты знаешь о нем что-нибудь?

— Только то, что, на мой взгляд, он иностранец.

— И не видел его в компании с каким-нибудь знакомым тебе человеком?

— Нет, мистер Брэнсом.— Уолт, явно скучая, стер со стойки несуществующее пятнышко.

— Жаль,— сказал Брэнсом.

Бармена окликнул какой-то посетитель. Уолт двинулся вдоль стойки, чтобы его обслужить. Брэнсом задумчиво смотрел в свою чашку. Вскоре вернулся Уолт — поделиться мыслями, неожиданно пришедшими ему в голову.

— Сдается мне, что этого громилу зовут не то Косси, не то Коззи. А кстати, в чем тут дело-то?

— Да надо успеть выйти на него раньше копов. А откуда ты узнал его имя?

— Однажды вечером, когда я работал, он, как всегда, скукожился у стойки и принялся таращиться в зеркало. Тут зашли четыре парня и устроились вон за тем столиком. Один из них поприветствовал его и назвал не то Косси, не то Коззи. А ему это не понравилось. Нет, сэр, нисколько не понравилось! Он бросил на юнца убийственный взгляд, нахлобучил шляпу и ушел. А парни расхохотались.

— А ты знаешь того юнца?

— Нет. Но мне кажется, я его видел где-то раньше. Он случайный посетитель.

— А трое остальных?

— О, я знаю одного из них — Джима Фокнера.

— Ага, собачка готова пойти по следу,— сказал Брэнсом, надевая шляпу и вставая со стула.— Где его найти, этого Джима Фокнера?

— Я не знаю, где он живет, мистер Брэнсом, но могу сказать, где работает.— Он еще раз бросил взгляд на часы.— В парикмахерской Воуса, на Бликер-стрит. Сейчас он должен быть там.

— Спасибо тебе, Уолт. Вечером я помяну тебя в моих молитвах.

— Это будет здорово,— улыбнулся Уолт.

Брэнсом пешком добрался до парикмахерской на Бликер-стрит, расположенной неподалеку от бара. Заведение оказалось маленьким и сомнительным, с че-

тырмья вытертыми креслами и двумя работниками. На неметеном полу валялись остриженные волосы. Один из парикмахеров, седовласый, судя по виду, разменявший шестой десяток, стриг посетителя, сидящего в самом дальнем от двери кресле. Другой парикмахер, невысокий юнец с желтоватым лицом, развалившись на скамейке у стены, читал комикс. При появлении Брэнсома он нехотя встал и указал на кресло. Брэнсом уселся.

— Подкоротите сзади и с боков.— Когда его постригли, он встал с кресла и прошептал: — Выйди на словечко.

Дойдя до двери, юнец так же негромко спросил:

— В чем дело?

— Это ты Джим Фокнер?

— Да. А откуда вам известно мое имя?

— Узнал от нашего общего друга, Уолта из бара.

— А, у этого зануды.

— Я пытаюсь разыскать одного малого, с которым виделся там. Такой уродливый громила, который заходил туда несколько раз. Уолт говорит, что ты как-то вечером был там с тремя приятелями. Один из них заговорил с этим человеком, но получил отпор. Помнишь?

— Еще бы. Тот громила выглядел кисло. Гил еще тогда расхохотался и сказал, что парень настроен примерно так же дружелюбно, как гремучая змея.

— Гил?

— Гилберт.— На лице Фокнера отразилось подозрение.— А вам-то что? Вы коп?

— Разве похож? Я просто ишу этого типа. По личному делу. Я обещаю тебе: Гилберту не о чем беспокоиться. А теперь скажи мне, кто он и как его найти?

Фокнер неохотно ответил:

— Зовут его Гилберт Митчелл, а работает он в Звездном гараже, что в конце этой улицы.

— Это все, что я хотел узнать. Спасибо за помощь.

— Не за что,— сказал Фокнер, явно сомневаясь, что оказал добрую услугу своему приятелю.

Митчелл оказался невысоким крепышом со светлыми волосами и с ухмылкой, словно приклеенной на лице. Руки у него были испачканы автомобильной смаз-

кой, которую он размазал и по лицу. Вытерев щеки еще более грязным рукавом, он посмотрел на Брэнсома.

— Я ищу одного здоровилу, ни имени, ни адреса которого не знаю. Последний раз его видели в баре возле железнодорожной станции. Уолт мне сказал, что ты как-то заходил туда вечером с Джимом Фокнером и еще парой приятелей. Ты обратился к тому типу по имени, не то Косси, не то Коззи, а он весьма холодно с тобой обошелся. Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Ничего особенного.

— Ты разговаривал с ним?

— Тратил слова.

— Но все-таки что-то ведь ты должен о нем знать?

— Да почти ничего. Видел его несколько раз в бильярдной в центре города. Я туда хожу обычно два-три раза в неделю. Вот и он туда ходит. По большей части он играет за соседним столом. Играет он с таким же громилой с каменным лицом, и тот зовет его Косси. Вот и все, что я знаю.

— А где эта бильярдная?

Митчелл выдал информацию.

— Когда там этот Косси обычно показывается?

— По-разному. Иногда пораньше, иногда попозже. Но если прийти часиков в девять, будет в самый раз.— Митчелл еще шире ухмыльнулся и добавил: — Только не играйте с ним на деньги, мистер,— без штанов останетесь.

— Спасибо, не буду.

Он вообще не собирался играть в бильярд, ни с Косси, ни с кем-нибудь еще. Ему хотелось лишь собственными глазами увидеть добычу. А что делать дальше — подскажут обстоятельства.

В бильярдной стояло двенадцать столов, на восьми из которых шла игра. Он неторопливо бродил по прокуренному залу, осматривая игроков и зрителей, которые ни на кого не обращали внимания, настолько всех захватила игра. Но искомого человека не обнаружил.

Добравшись до конторки, похожей на хибару и расположенной в углу зала, он заглянул в открытую дверь.

Внутри сидел плешивый тип, курил тонкую манильскую сигару и ковырялся в каких-то часах. У одной стены выстроились в ряд кии без наконечников, а на маленьком столике стояла коробка с голубыми мелками.

— Случайно не знаете такого здоровенного урода по имени Косси?

Плешивый поднял голову, демонстрируя морщинистое желтоватое лицо, и вытащил изо рта сигару.

— А почему я должен вам отвечать?

Не обращая внимания на этот вопрос, Брэнсом вытащил бумажник и достал из него банкноту. Та, как по волшебству, исчезла в руке плешивого. Однако выражение лица у него не стало менее кислым.

— Его зовут Коставик, — сообщил плешивый, даже не шевеля губами. — Живет где-то тут, поблизости. Появился здесь впервые пять или шесть недель назад, но приходит часто. Похоже, он много разъезжает. Не знаю, чем он зарабатывает на жизнь, да и знать не хочу. Вот примерно все, что я могу рассказать.

— А о его друзьях?

— Одного зовут Шес, другого — Эдди. Есть и еще приятели, но их имен я не слышал. Все они говорят по-английски со странным акцентом. Если они и получили гражданство, то чернила в их паспортах еще явно не просохли.

— Премного обязан. — Брэнсом бросил на плешивого многозначительный взгляд: — Никто вас ни о чем не спрашивал?

— Никогда. — Плешивый воткнул в зубы окурок и снова начал колдовать над часами.

Выйдя из бильярдной, Брэнсом перешел через улицу, устроился в какой-то подворотне и принялся наблюдать. Итак, он кое-чего добился и не собирался на этом успокаиваться. Если сегодня никто и не появится, он придет сюда завтра, а потребуется — и послезавтра. Преследовать гораздо приятнее, чем убегать.

Небо уже потемнело, близилась ночь. Закрылась часть магазинов, включая и тот, в подворотне которого он устроился. Впрочем, недостатка в освещении не было — блеск неоновой рекламы и свет фонарей ярко освещали обе стороны улицы. Мешало лишь бессистемное движе-

ние транспорта — любой мог бы незамеченным проскочить в бильярдную, скрываясь за проходящей легковушкой или грузовиком. Кроме того, в любую минуту мог привязаться какой-нибудь бдительный полицейский. Копам не нравятся люди, прячущиеся в подворотнях.

Не успел он подумать об этом, как на его стороне улицы, ярдах в ста от него, показался коп. Наблюдая за этим официальным представителем власти, облаченным в синее, движущимся намеренно неторопливо, Брэнсом пришел к выводу, что шпионское дело не такое уж и легкое. Ведь он не простоял на этом месте и десяти минут, а пора уже искать другое укрытие. Во всяком случае, судя по всему, другого варианта у него не было. Но если выйти из подворотни прямо сейчас, это будет выглядеть слишком подозрительно. Лучше остаться на месте и изображать из себя придурка.

Коп величественно приблизился, прошествовал мимо и при этом намеренно отвернулся в другую сторону. Более чем странно! По всему было видно, что офицер заметил его, но проигнорировал. Такое поведение никак не вписывалось в привычный образ полицейского. Брэнсом ошеломленно уставился вслед удаляющейся фигуре.

Приблизительно через час тот же самый коп уже шел обратно, внимательно оглядывая каждую подворотню, кроме той, которую занял Брэнсом. Но на этот раз, взглянув на притаившегося Брэнсома, он что-то буркнул и коротко кивнул. Затем двинулся дальше, продолжая осматривать подворотни и трогая замки на дверях. Брэнсом ощутил себя человеком, награжденным медалью неизвестно за какие заслуги.

Но тут же он переключил свое внимание на фасад бильярдной. В этот момент оттуда шесть человек выходили, а четверо входили. Видны были лица лишь покидающих заведение, но не входящих. Однако все четверо были не выше среднего роста, их внешний вид и вес никак не соответствовали облику Коставика, которого он хорошо запомнил.

Дежурство его закончилось в половине двенадцатого. Из бильярдной вышли трое мужчин. Брэнсом вздрогнул, узнав среди них одного из тех двух, что подхватили

его на лестнице во время падения. Остальных он видел впервые. Брэнсом не заметил, когда этот тип входил в бильярдную, значит, он мог оказаться в той компании, которую Брэнсом уже видел. К тому же тогда он был слишком увлечен ожиданием Коставика. Но теперь он на время забыл о Коставике и двинулся за этой троицей. Этот след представлялся ему ничуть не хуже любого другого.

Беззаботно болтая, трое мужчин быстро зашагали по улице. Брэнсом шел следом ярдах в ста позади и по противоположной стороне. Сзади из переулка вышли двое и двинулись уже за Брэнсом, каждый по своей стороне улицы. Еще дальше, на углу, коп махнул рукой, и автомобиль с четырьмя пассажирами, замыкая шествие, потащился вслед за ними.

Эта странная процессия ищейки-за-ищейкой проследовала по дороге и боковым улицам до главного перекрестка. Здесь лидирующая троица остановилась, пару минут поболтала, а затем разошлась по трем разным направлениям. Брэнсом без колебаний с мрачным видом двинулся за своим подозреваемым.

Позади два пешеходных наблюдателя также разделились и отправились за теми двумя, которыми пренебрег Брэнсом. Автомобиль остановился, высадил одного человека, и тот незаметно повел Брэнсома.

Пройдя через открытое пространство между домами, якобы ничего не подозревающий лидер процессии вошел в телефонную будку на углу и начал набирать номер. Брэнсом остановился в тени дома и привалился к кирпичной стене. Его преследователь облокотился на чей-то припаркованный автомобиль и сделал вид, что кого-то ждет скучая.

Мужчина в будке произнес в трубку:

— Косси, я на углу Слэйтер и Десятой. За мной хвост. А? Чтоб я сдох! Да нет, совсем новичок. Еще бы, включил мигалку и сирену! Что ты говоришь? Да, хорошо, я приведу его к Сэмми.

Выйдя из будки, он сдержался и не стал оглядываться. А просто пошел себе дальше. Брэнсом дал ему возможность немного оторваться и направился следом. То же самое сделал и псевдовладелец автомобиля.

Вскоре к опустевшей телефонной будке подъехала машина с ищейками и остановилась. Из нее вышел мужчина, вошел в будку, набрал номер и кого-то о чем-то спросил. Затем торопливо сделал второй звонок и вернулся к машине.

— Хороший мальчик. Только раньше времени может голову потерять.

— Все идет успешно?

— Да. Они засекли другую шайку, а я передал им наши новости.

Машина устремилась вперед. Двое первых из процессии уже скрылись из виду. Это не имело большого значения — оставался пеший сыщик, который удерживал след.

Когда автомобиль миновал три улицы, из переуллка вышел сыщик и поднял руку. Пошептавшись с сидящими в машине, он указал на дом из серого камня, стоящий на правой стороне улицы, чуть дальше по дороге. Из машины вышли двое. И теперь уже втроем они осторожно двинулись к дому. Оставшись в одиночестве, водитель сунул руку под панель, вытащил микрофон, щелкнул выключателем и сделал вызов. Где-то в городе с места тронулись два автомобиля с пассажирами и устремились в указанном направлении.

Не удаивая взглядом Брэнсома, мужчина, шедший впереди теперь уже многочисленной процессии, взбежал по четырем ступенькам и вошел в серый дом. Его фигура исчезла во тьме, но входная дверь осталась приглашающе открытой.

Оставаясь на противоположной стороне улицы, Брэнсом неторопливо прошел мимо здания, дошагал до следующего угла, остановился и задумался над сложившейся ситуацией, хотя выбор у него был небольшой: или войти в дом, или оставаться снаружи. Если выбрать последнее, то преследование теряет смысл. Придется торчать здесь до тех пор, пока этот тип не поведет его дальше, к другому подозреваемому. А ему так хотелось выйти хоть на кого-нибудь, чтоб получить настоящие доказательства, без которых власти попросту сочтут его фантазером.

Наблюдать же за этим домом несколько дней и ночей — задача по плечу лишь полиции или детективному агентству. В кармане у него как раз лежали адреса двух таких агентств. Но в данной ситуации толку от них было мало — как и полиция, они не знали бы, кого искать. У них на руках окажется лишь описание пяти человек. А Брэнсом после опыта с розыском двух водителей грузовиков слабо верил в эффективность словесных портретов. Упрямые факты настаивали на том, что только он, Брэнсом, может узнать определенных типов в лицо. И следовательно, по возможности ему самому придется управляться с поставленной задачей.

Он обладал достаточным терпением, чтобы возиться со сложными научными проблемами, но болтаться всю ночь вокруг дома в ожидании сладостного возмездия он был не в состоянии. Кроме того, сегодняшняя слежка навела его на мысль о существовании целой подпольной шайки. Ведь он торчал возле бильярдной в надежде отыскать одного человека, а вышел на другого. Стало быть, по крайней мере двое членов шайки посещали одно и то же игорное заведение.

А в недрах этой каменной громады запросто может находиться и третий ее член. А может быть, и все пятеро или шестеро сидят себе за пивом, болтают, смеются и разрабатывают заговоры. Ну и, разумеется, хохочут, как обезьяны, поскольку навесили на хороших людей несуществующие трупы.

Злость закипела в нем, и он понял, что просто обязан войти внутрь и испытать судьбу. Впервые в своей жизни он пожалел, что не носит оружия. Да, впрочем, не в оружии дело. Пусть тупые налетчики проникают в дома и расстреливают спящих, а уж у него-то хватит мозгов, чтобы незамеченным проникнуть куда надо, выяснить что требуется и уликнуть незамеченным.

Надо просто войти внутрь, бесшумно обойти этаж за этажом и узнать, кто в какой квартире проживает, рассматривая на дверях таблички. Если среди них окажется табличка с фамилией Коставика, то этого вполне хватит для доказательства существующей связи между теорией и практикой, и тогда уже можно убираться отсюда,

звонить в полицию, и пусть теперь она занимается этим делом и останавливает злоумышленников. И лишь после этого он вернется на место схватки.

Он подошел к серому зданию, поднялся по ступеням и, войдя в дверь, оказался в длинном узком коридоре, слабо освещенном единственной тусклой лампочкой в самом его конце. Коридор заканчивался, упираясь в узкую лестницу, рядом с которой располагался небольшой лифт. В коридор выходили четыре двери. На этом этаже стояла такая тишина, словно квартиры были давно покинуты жильцами, однако сверху доносились какие-то слабые звуки. Еще выше приглушенно звучал «марш» Радецкого. Вообще внутренний вид здания производил убогое впечатление — краска на стенах облупилась, деревянные части отделки покоробились и были в царапинах, воздух спертый и душный.

Осторожно ступая, он продвигался от двери к двери, поглядывая на таблички. В царившем здесь полумраке ему приходилось чуть ли не утыкаться в них носом. Он как раз всматривался в потрепанную карточку, приколотую к двери в самом конце коридора, когда эта дверь вдруг резко распахнулась, и крепкий удар в поясницу толкнул его внутрь.

Эти два одновременных события застали его врасплох. Он, размахивая руками и теряя равновесие, пролетел вперед и, падая лицом в истоптанный ковер, слышал, как за его спиной захлопнулась дверь. За те несколько секунд, пока он падал, он успел сообразить, что такие толчки совершаются со злонамеренным умыслом. Стоящий сзади явно был мастером своего дела. И понятно, что времени на извинения и объяснения у него просто нет. Если он не хочет, чтобы с ним расправились, он должен что-то предпринимать, причем быстро и решительно.

Итак, грохнувшись на ковер, он молниеносно перевернулся, мельком успев увидеть чьи-то колонноподобные ноги, тут же ухватился за чужие лодыжки, налег на них всем весом и сильно ткнул своего противника головой. Комната содрогнулась, когда туша со всего размаху брякнулась на пол. Это был Косси.

В этот момент еще кто-то наклонился над Брэнсом, но был сбит с ног падением Косси и последующей кучей малой. Этот кто-то гортанно выругался, отпрыгнул, занимая более выгодную позицию, но бешено махающие в воздухе ноги Косси угодили ему в коленную чашечку. Незнакомый взвыл от боли, вновь выругался и что-то уронил, зазвеневшее, как обод от колеса.

У Косси была веская причина махать в воздухе своими тяжеленными конечностями. Когда его крупное красное лицо оказалось на уровне ковра, Брэнсом тут же узнал его. Не имея возможности нанести сильный удар из лежачего положения, Брэнсом придумал кое-что получше. Обхватив шею Косси так крепко, что теперь только смерть могла оторвать его от врага, Брэнсом одновременно большими пальцами обеих рук буквально впился в его трахею.

Еще несколько недель назад он бы ни за что не поверил, что может испытать садистское удовольствие, причиняя кому-то боль. Но именно этим он сейчас и занимался, сжимая пальцы с яростной силой, вызванной отчасти естественным желанием победить, а отчасти и пониманием того, что этот громила запросто сожрет его живьем, если ему представится такая возможность. Брэнсом и не подозревал, что страх и злость могут вызвать у него такой необыкновенный прилив сил.

Итак, он погружал пальцы в глотку врага, а внутренний голос при этом выкрикивал: «Я покажу тебе Арлен, жирный ублюдок! Я покажу тебе Арлен!»

Огромные, как лопаты, волосатые лапы Косси обхватили запястья противника, пытаясь разжать хватку, но Брэнсом вцепился в него намертво, и здоровяк, как ни пытался, не мог с ним справиться; ему удалось лишь слегка приподнять голову. Лицо Косси начало лиловеть. Третий участник схватки, наругавшись вдосталь, ухватил Брэнсома за волосы и попытался оторвать его от задыхающейся жертвы. Но короткая прическа не позволила ему крепко ухватиться, и пальцы соскользнули. Тогда он вцепился в плечи Брэнсома, чтобы оттащить его от поверженного Косси. Брэнсом, лягаясь, как мул, вскоре куда-то угодил, услышал вопль боли, и руки, тянувшие его назад, отцепились от него.

Шум свалки заглушил звук открывающейся входной двери. Послышался топот ног, но Брэнсом, целиком сосредоточившись на противнике, даже не поднял головы. К этому моменту грудь Косси уже издавала какие-то астматические хрипы, а сам он пытался угодить Брэнсому коленом в пах.

Затем множество рук одновременно вцепилось в Брэнсома, и превосходящая сила оторвала его от противника. Брэнсома рывком поставили на ноги. Крепкая мозолистая ладонь отвесила ему несколько пощечин, быстро и мощно, отчего голова у него мотнулась в сторону, и он, пошатнувшись, отступил назад, споткнулся и рухнул спиной на ковер.

Смутно, как в тумане, различал он звуки, тяжелое дыхание, брань, шарканье множества ног. Тяжелый удар в ухо отправил его мысли в бешеный полет. Он заморгал, пытаясь сфокусировать зрение, и нигде не увидел Косси, но в группе мелькающих вокруг лиц он разобрал физиономию псевдоводителя грузовика, того самого малого, который столь красноречиво разглагольствовал о костях, найденных близ Бэльстоуна. Вскочив на ноги, Брэнсом собрал все оставшиеся силы и почувствовал, как его кулак с хрустом врезался в челюсть «водителя».

Тут в левом глазу у него взорвался фейерверк, и он опять упал. Он успел подумать, что совершил большую ошибку, когда вошел в это здание, и, скорее всего, у него уже не будет шанса ее исправить, поскольку в комнате собралось шестеро человек и один был крепче другого. Неравенство сил было слишком очевидно. Он получил возможность развлечься, и вот настала пора за это платить. В минуты отчаяния люди порой ведут себя весьма странно; так вот он, Брэнсом, в момент соприкосновения с полом издал вздох сожаления.

Кто-то не то наступил на него, не то ударил, и воздух вылетел из легких и желудка одним протяжным воющим звуком. Инстинктивно он понимал, что следующий удар сломает ему ребро, но он уже почти потерял сознание и у него не было сил избежать расплаты. И теперь он мог лишь ждать удара, лежа ничком и задыхаясь.

В коридоре послышался топот ног, с треском распахнулась дверь, ворвался поток холодного ночного воздуха, и хриплый голос рявкнул:

— Ни с места!

Тишина словно обвалилась на помещение. Удар, которого он ждал, не состоялся. Сделав гигантское усилие, Брэнсом перевернулся лицом вниз и попытался облегчить желудок. У него ничего не получилось, он снова перевернулся на спину, принял сидячее положение, обхватил живот руками и попытался различить сквозь туман, застилавший ему глаза, представшее перед ним зрелище. Он ошибся — врагов насчитывалось не шесть человек, а восемь. Они стояли разгоряченной группой и смотрели на дверь за его спиной. И выглядели они как фигуры из Музея восковых фигур. Такие же застывшие, молчаливые, напряженные.

Чьи-то руки подхватили Брэнсома под мышки и помогли ему подняться на ноги. Ноги казались резиновыми и никак не хотели держать его тело. Брэнсом повернул голову и увидел четверых мужчин в гражданской одежде и одного полицейского в мундире. Все они держали в руках пистолеты. В одном из них Брэнсом узнал Риардона.

Не придумав ничего более подходящего, Брэнсом сказал:

— Привет!

И тут же до него дошло, что глупее он ничего не мог бы произнести. Он ухмыльнулся, но лишь одной половиной лица — вторая отказывалась повиноваться.

Риардон не увидел в этом ничего смешного и кисло спросил:

— С вами все в порядке?

— Нет... едва дышу.

— Отправить в госпиталь?

— Да нет, не настолько уж я плох. Немного попинали. Пройдет.

— Ну вот вы и добились чего хотели, — высказался Риардон. — Сначала не дали нам возможности во всем разобраться. Затем захотели все сделать в одиночку. Вот вам и результат.

— Да, результат мог бы быть еще плачевнее, если бы вы не подоспели.

— Да уж, можно сказать, повезло.— Риардон повернулся к человеку в форме и махнул в сторону притихшей восьмерки.— Судя по звуку, перевозка прикатила. Уводите их.

Все восемь, с застывшими лицами и не сопротивляясь, вышли из комнаты. Даже Косси ничем не выразил своих эмоций. Он массировал свое горло и хватал ртом воздух, и делал это с таким видом, словно молился.

Риардон проницательным взором оглядел комнату, а затем обратился к своим людям в штатском:

— Так, парни, тут надо хорошенько порыться. Заодно пройдите по всем квартирам. Если какой-нибудь любитель законности разинет пасть на предмет санкции на обыск, задерживайте его по подозрению. Все обыскать. Если надо, разбирайте стены. Найдете что-нибудь стоящее, тут же звоните мне в штаб-квартиру.— Он вздохнул и повернулся к Брэнсому: — Пойдем со мной, Шерлок.

Брэнсом, все еще ошеломленный и испытывающий боль во всем теле, покорно поплелся следом. Забираясь на заднее сиденье автомобиля, он хрюкнул от боли, задев какое-то пораненное место на теле, и осторожно потрогал лицо. Челюсть горела и болезненно пульсировала, один глаз заплыл, ухо распухло, губа кровоточила. В желудке было такое ощущение, словно его набили незрелыми яблоками. «Да, видела бы меня сейчас Дороти», — подумал он.

Усевшись на переднее сиденье, Риардон перекинулся несколькими словами с водителем и, прежде чем машина тронулась, что-то сказал по рации. Рядом с серым домом выстроились три патрульные машины, вокруг которых собрались зеваки. Некоторые из них красовались в ночных пижамах. Автомобиль двинулся по улице. Закинув руки на спинку сиденья, Риардон обратился к пассажиру:

— Послушайте, если бы мне понадобилось узнать характеристики какого-нибудь сплава, я бы обратился к вам. И предполагается, что если вы хотите узнать, кто подсматривает в замочную скважину вашей спальни, то вы должны обратиться ко мне.

Брэнсом ничего не ответил.

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей высочайшей компетентности как ученого,— продолжил Риардон.— Но вот как мошенник вы тупой болван. А уж как детектив — так просто дерьмо.

— Спасибо! — мрачно отозвался Брэнсом.

— Ведь, когда вы прыгали из того поезда, вы могли разбиться насмерть. Ну глупо же! Да и смысла в вашем поступке никакого не было, насколько я понимаю. Все равно вы не смогли от нас отделаться!

— Разве нет?

— Нет! В тот же момент мы установили ваше местонахождение с помощью теоретических построений прогрессирующей окружности, расширяющейся с каждым часом. Мы знали, в каком из сегментов этого круга ваше нахождение более вероятно, учитывая транспортные возможности.— Он замолчал, крепко вцепившись в сиденье на крутом повороте.— Начальника Паско заранее предупредили сообщать нам обо всем подозрительном, что хотя бы отдаленно касается Бэльстоуна. Так что, когда он позвонил нам и рассказал, что некто расспрашивает о неизвестном убийстве, и мы выяснили, что запрос этот поступил из точки, расположенной на линии самого вероятного маршрута...

— Вы просто к двум прибавили два, да?

— И получили четыре. Кто же еще помимо вас мог позвонить из определенного места в определенное время и болтать о каких-то мифических костях, вырытых вблизи Бэльстоуна? Не было необходимости заглядывать в лицо человеку, представившемуся как Роберт Лафарж, он же Люций Картер. Фактически вы косвенно признались, что имеете на совести — или считаете, что имеете,— убийство.

Брэнсом мрачно поглаживал ушибы и от комментариев воздерживался.

— Мы начали постигать суть этого дела,— продолжал Риардон,— тем более что такого преступления не совершалось. Паско ручался в этом. Более того, он и вам об этом сообщил. И ваши последующие действия стали очевидными. Избавившись от этого тяжелого груза, вы пришли или в дикий восторг, или в холодную ярость — в зависимости от характера. В любом случае вы должны

были вернуться. В восторженном состоянии вы бы вернулись в лоно семьи и обо всем позабыли. Если же у вас закипела кровь, то вы должны были вернуться и попытаться кое-кому кое-что оторвать. Но мы не могли ничего предпринять, поскольку не могли установить личность этого «кое-кого». Но могли *вы*, и *вы* же могли вывести нас на него. Мы взяли под наблюдение прибывающие поезда, автобусы и автомобили. И нам не составило труда сесть вам на хвост на вокзале и дальше просто двигаться за вами.

— Но я не видел никого, кто бы следил за мной! — Брэнсом осторожно облизал губу, ставшую толстой, как автомобильная шина, и продолжавшую стремительно раздуваться.

— И не должны были. В такой работе мы оплошностей не допускаем. — Риардон самодовольно ухмыльнулся. — А вы домой не направились. Вы возжаждали крови! И это прекрасно совпало с нашими интересами. Вы заполучили след сначала от того ходячего кофейника в баре, затем от замухрышки из парикмахерской, затем от промасленного малого в гараже. И когда наконец вы вросли корнями в землю напротив бильярдной, мы поняли, что вы кого-то вычислили. Так и получилось!

— Двое из них смылись, — сказал Брэнсом, пытаясь хоть в чем-то получить удовлетворение. — Я не мог одновременно выслеживать троих.

— Зато мы могли — и выследили. Их взяли после того, как они привели нас в свою берлогу.

Автомобиль остановился возле какого-то официального здания; окна второго этажа были освещены. Риардон вышел из машины, за ним и Брэнсом. Войдя в здание, они не стали пользоваться лифтом, а поднялись по лестнице, миновали несколько освещенных кабинетов и оказались возле двери, помеченной лишь номером. На всем этаже царила такая активность, словно она не стихала двадцать четыре часа в сутки все семь дней в неделю.

Усевшись в кресло, Брэнсом огляделся одним зрячим глазом:

— Тут у вас не как в полицейском участке.

— Потому что это не полицейский участок. Полицию мы вызываем только в случае необходимости, поскольку шпионаж, саботаж и другие преступления против конституции являются нашей заботой, а не их.— Усевшись за письменный стол, Риардон ткнул в кнопку интеркома: — Пришлите Казасолу.

Через минуту в кабинет вошел мужчина. Молодой, с оливкового цвета кожей, он производил впечатление весьма занятого доктора.

Риардон кивком указал на потрепанного Брэнсома:

— Этого человека заслуженно вздули. Залатайте его и придайте ему человеческий вид.

Казасола улыбнулся и отвел Брэнсома в медпункт. Там он принялся за работу, гримируя радугу вокруг глаза Брэнсома, заклеивая разбитую губу и смазывая распухшие ухо и щеку ледяной жидкостью. Работал он споро и молча, должно быть привыкнув ухаживать за пострадавшими в любое время дня и ночи. Когда он закончил и отвел Брэнсома в кабинет, Риардон уже нетерпеливо ерзал в своем кресле.

— Вы по-прежнему выглядите так, как будто вас драли кошки,— приветствовал он их появление.— Два часа ночи — время не самое подходящее, но тем не менее работа есть работа. И, судя по всему, покоя у нас не будет до утра.

— Почему? Еще что-то случилось?

— Да. Те два беглеца вывели нас еще на пару адресов. В одном из них произошла схватка. Пострадал полицейский. Поймал пулю в лапу. Взяли четверых. И я жду поступления новых адресов.

Он скосил глаза на телефон, и тот, словно почувствовав его нетерпение, пронзительно зазвонил. Риардон схватил трубку:

— Кто это? Маккрэкен? Да? Еще трое? Что такое? Непонятная аппаратура? Не трогайте ее. Я сейчас же выезжаю с экспертами. Отправляйте этих троих, а на месте установите охрану.— Он схватил листок бумаги: — Еще раз продиктуйте адрес.— Бросив трубку, он сунул листок в карман и поднялся.— Я думаю, теперь мы добрались до конца цепочки. Вам лучше поехать со мной.

— Не возражаю,— сказал Брэнсом.— Может, мне еще кому-нибудь удастся засветить в челюсть.

— Я беру вас вовсе не для этого,— заявил Риардон.— А в надежде, что вы нам кое-что поведаете о той аппаратуре. Нам необходимо точно знать, что это такое, как работает и зачем.

— Большая же вам будет от меня помощь. Я в этом совсем не разбираюсь.

— Ну что-то вы ведь должны знать! Может быть, когда увидите, очухаетесь и припомните.

Зайдя по дороге еще в один кабинет, они прихватили с собой двух человек, Сандерса и Уэйта. Первый, среднего возраста, пухленький, держался очень солидно; второй, постарше, оказался задумчивым и близоруким. Оба производили впечатление людей, которые не задумываясь скажут, сколько бобов может уместиться в бутылке.

Они набились в автомобиль, который стремительно провез их по городу и доставил к маленькому складскому помещению с конторкой, расположенному на какой-то затерянной улице на окраине города. Когда они подъехали, открылась дверь склада, и из нее выглянул какой-то тип с крепкой челюстью и распирающими костюм мускулами.

— Мак увез тех троих, что мы обнаружили здесь,— сообщил он Риардону, когда прибывшие вошли внутрь помещения. Он ткнул большим пальцем в сторону двери в конце конторки: — Двое спали там, храпели, как боровы. А третьим был как раз тот самый балбес, который и привел нас сюда. Они не сразу поняли, что попались. Пришлось немного попортить им здоровье.

— С тех пор никто не появлялся?

— Ни души.

— До утра, вполне возможно, еще кто-нибудь заявится. Вызови еще двух-трех человек. Чтобы обеспечить надежную встречу.— Риардон выжидающе огляделся: — Ну и где эта хреновина, о которой толковал Мак?

— Вон там.— Громила вновь ткнул пальцем в заднюю дверь.

Риардон толчком открыл ее и вошел внутрь. Остальные прошли следом. Судя по грязным и потрепанным рекламным объявлениям, расклеенным на стенах, некогда в этом складе хранились игрушки и дешевые безделушки. Теперь же помещение перегородили оштукатуренными стенками, и получилась небольшая спальня на троих, комната для отдыха со скудно обставленной кухней, туалет и отдельная секция для прибора.

Выстроившись рядом, собравшиеся принялись рассматривать сверкающее устройство. Внутренности его скрывались под съемной обшивкой на винтах. Имея шесть футов в высоту, шесть в длину и три в ширину, прибор, должно быть, весил не меньше двух тонн. Спереди торчали две выдвижные линзы, сзади подключался электромотор. Линзы смотрели на черный бархатный занавес, висящий на стене.

Риардон обратился к Сандерсу и Уэйту:

— Займитесь-ка и попробуйте разобраться. Времени у вас сколько угодно, но все же чем раньше вы с ним разберетесь, тем лучше. Если понадобится — я в конторке.

Взмахом руки пригласив с собой Брэнсома, он вернулся в помещение, где стоял, не сводя глаз с входной двери, охранник. Тот сказал:

— В эту нору больше ни одна крыса не сунется. Патрульная машина у входа всех отпугивает.

— Я знаю.— Риардон устроился за ветхим столом и возложил на него ноги.— Так вот ты садись в машину и возвращайся с подмогой. Затем уберешь автомобиль с глаз долой, на какую-нибудь соседнюю улицу, иставишь людей в дозор снаружи. Я не хочу, чтобы нас тут беспокоили. И давай пошевеливайся. Тогда у нас соберется здесь вполне достаточно людей.

— Понял! — Охранник открыл дверь и удалился. Послышался шум мотора отъезжающего автомобиля.

Брэнсом спросил:

— Достаточно для чего?

— Пока допрос пленных не закончен, мы не знаем, сколько человек у них в банде — двадцать или сто. Вполне возможно, что мы уже всех выловили, но точно неизвестно. Какой-нибудь один оставшийся может под-

нять тревогу, если заметит пропажу остальных. В этом случае, если еще остались люди, они бросятся сюда, чтобы забрать или уничтожить этот аппарат. А может быть, они его оставят, а сами поспешат на корабли и самолеты. Я понятия не имею, что они предпримут, но не исключаю возможности, что они попробуют уничтожить доказательства своей деятельности.

— Наверное, вы правы.

Риардон подался вперед, не сводя с него глаз:

— Это место вам знакомо?

— Нет.

— Хорошо, а устройство узнаете?

— Нет, не узнаю.

— И совершенно уверены, что никогда его раньше не видели?

— Насколько мне известно, нет.— На лице Риардона отразилось столь явное разочарование, что Брэнсом напряг память, пытаясь разыскать хоть смутное воспоминание: — У меня странное ощущение, что аппарат должен быть мне знаком, но он мне незнаком.

— Гм!

Они замолчали. Лампы в конторке не включали, дабы не спугнуть иллюминацией ожидаемых гостей, но свет от уличных фонарей проникал через верхние стекла, создавая атмосферу полумрака. Так они прождали часа три, в течение которых прибыли еще два охранника и устроились рядом с ними. В пять часов утра кто-то загремел входной дверью, пытаясь открыть ее. Все повскакивали на ноги; один охранник, держа в руке пистолет, рывком распахнул дверь, но за ней оказался лишь совершающий дежурный обход полицейский.

Двадцать минут спустя из заднего помещения появился Уэйт. Из его правой руки свисала длинная, извивающаяся блестящая полоска. Лицо выражало усталость. Очки сползли с носа.

— Эта штука,— объяснил он,— вовсе не собачий поводок. Это стробоскопический ужас. Придумавший ее малый оказал бы миру большую услугу, если бы согласился на ампутацию головы.

Риардон не выдержал:

— Так что она все-таки делает?

— Минутку.— Уэйт посмотрел на заднюю дверь.

Оттуда вышел Сандерс, сел на край стола и вытер пухлое лицо носовым платком. Физиономия у него покраснелась и уж никак не лучилась счастьем.

— Если бы меня предупредили, я бы к ней и на пушечный выстрел не подошел. Но что теперь говорить.— Сандерс вновь утерся платком.— В этой пыточной камере я только что убил какого-то малого. При этом прикончил его как следует и со вкусом. Я пригвоздил его к кровати и раскроил ему горло от уха до уха.

— Это точно,— вмешался Уэйт.— Произошло преднамеренное холодное и рассчитанное убийство, причем я уверен, что такое происходит раз в тысячу лет. И лишь одно в этом преступлении было неправильным.

— А именно? — спросил Риардон, не сводя с него своих пронизательных глаз.

— Он никак не мог совершить этого преступления, потому что его совершил я. Как и сказано, от уха до уха!

Риардон, на которого эти признания в кровавых злодеяниях не произвели никакого впечатления, невозмутимо произнес:

— Одна и та же жертва, то же место, тот же способ и та же мотивация?

— Вот именно. Картина совершенно идентичная.— Уэйт взмахнул блестящей полоской: — А вот вам и съемка убийства. Можете полюбоваться.— Он бросил пленку на стол.— Та штуковина в заднем помещении не что иное, как особый кинопроектор. Он воспроизводит стереоскопическую картинку в естественных цветах. Изображение демонстрируется на экране, состоящем из тысяч крошечных бусинок в форме пирамид. Тем самым достигается эффект трехмерного изображения без применения поляризационных очков.

— Ничего нового,— фыркнул Риардон.— Все это известно.

— Но более того,— пояснил Уэйт.— Во-первых, картина снята так, что камера идентифицируется с аудиторией. То есть точка съемки расположена на месте зрителя.

— И это изобретение давно известное.

— Во-вторых, воспроизведение изображения осуществляется прокручиванием одновременно двух пленок с угловым сдвигом в три дюйма, чем достигается стереоскопический эффект. Но пленка не стандартная, не тридцатипятимиллиметровая. А другого, дьявольского калибра. Она мчится со скоростью три тысячи триста кадров в минуту. А на каждом пятом кадре заснята вспышка света. В результате получается интенсивное пульсирующее свечение с частотой одиннадцать пульсаций в секунду. Что соответствует приблизительно естественному ритму оптического нерва. Понимаете, что это означает?

— Нет. Продолжай.

— Создается эффект вращающихся зеркал. И эти пульсации погружают зрителя в гипнотическое состояние.

— Черт побери! — ошеломленно воскликнул Риардон. Он поднял пленку и стал рассматривать ее при тусклом свете наружных уличных фонарей.

Уэйт продолжил:

— И так происходило до тех пор, пока жертва не впадала в транс. И вполне возможно, что предварительно жертву этого кинопроектора опаивали. То есть сначала зритель воспринимал демонстрацию как обычный фильм. Но вскоре впадал в гипнотическое состояние, и ему казалось, что он находится на том месте, где на самом деле стоит камера. Или, если вам так больше нравится, камера становилась зрителем. И мозг начинал накапливать фальшивые воспоминания. Мозг не может поместить знания в уже занятое место. Но остается еще много пустого пространства. Эти отсеки атрибутируются с теми временами в прошлом, где ничего ценного не запоминалось. Аппарат создавал преступление, персонажей, причину, место, обстоятельства и приблизительное время в прошлом. Картина загонялась в мозг на то место, где по тем или иным причинам ничего в свое время не записывалось.

— Тому, кто не испытал это на себе, все рассказанное покажется невероятным, — сказал Брэнсом. — Но я-то знаю, насколько убедительным получился результат.

— Больше всего бесит то, — сказал Уэйт, — что какому-то неведомому гению удалось создать полностью автоматизированный прибор для промывания мозгов. Аппарат настолько хорош, что убедит кого угодно, будто черное — это белое, если, конечно, человек застигнут врасплох и не знает, что над ним проделывают. — Он достал из кармана еще один кусок пленки и передал Брэнсому. — В этой камере для пыток собрана небольшая кинотека. Сюжеты — совершенные преступления. А совершаются они в самых разных частях света — отсюда до Тимбукту. Одно из них якобы совершено близ Бэльстоуна, хотя, скорее всего, произошло оно за тысячу миль оттуда. Хотите полюбоваться?

Брэнсом посмотрел на пленку:

— Господь Всемогуший, да ведь это же Арлен!

— А скорее всего, какая-нибудь незначительная актриса, проживающая на той стороне планеты, — предположил Риардон.

— Сомневаюсь, — впервые за это время заговорил Сандерс. Он все еще продолжал потеть. — Эти убийства чересчур реальны. Мне противно думать, но, вероятнее всего, персонажи этих фильмов буквально разыгрывали сцену убийства.

— Я тоже так думаю, — согласился Уэйт.

— Что вы хотите сказать? — подтолкнул их к объяснению Риардон.

— Эти случаи смертей настолько правдоподобны, что вряд ли инсценированы. Я думаю, что эти люди уже находились в списке тех, кого рано или поздно должны были устранить. Но вместо совершения массовой экзекуции их обманули, убедив сыграть роли в фильмах, где они слишком поздно поняли, что в последней сцене смерть происходит на самом деле.

Риардон обдумал эту мысль.

— Да, мне кажется, некоторые люди способны на такое.

— Вот и я так думаю, — сказал Уэйт. — Даже смерть они могут использовать себе во благо. И тем не менее задумано все дьявольски блестяще. Ведь тот, кто считал себя виновным, отнюдь не рвался сообщать об этом. Да и как можно обвинить человека, который вдруг обнару-

жил, что его просто подставили, и при этом решительно отмахивается от того факта, что у него в мозгах не все в порядке?

— Я понял, понял! — Риардон бросил многозначительный взгляд на Брэнсома, затем посмотрел на часы.— Заберем этот аппарат для дальнейших исследований. Больше торчать тут нет смысла.— А Брэнсому он сказал: — Поедете с нами в штаб-квартиру. Мы дадим вам поспать восемь часов и накормим чем пожелаете. Затем вы нам подробно расскажете вашу историю и опознаете тех типов, которых мы поймали. А потом уж сможете отправиться домой.

В шесть часов вечера Риардон вез его домой и по дороге рассказывал:

— Нет сомнений, что в тот особенный день они подловили вас в самый точный момент. Вас оглушили, ввели наркотик и отвезли в их кинотеатр. Там вас обработали. Затем доставили обратно к ступенькам, встряхнули, похлопали по лицу и выразили сочувствие. Несколько дней спустя «водитель» своими словами привел в действие механизм воспоминаний, и вы пустились в бег.

— Да, так оно и было,— согласился Брэнсом.— Жаль, что я не проявил большего любопытства относительно тех двух выпавших из моей памяти часов.

— Да ведь вы же себе не принадлежали. Со дна памяти поднялся грязный осадок и все вокруг затмил.— Риардон задумался, затем продолжил: — Теперь надо разбираться с остальными жертвами. Они же не знают, что бегут от призраков. Как с ними быть? И как избежать повторения случившегося? Та шайка, что мы поймали, может оказаться одной из множества других, готовых развернуть дело в любой точке земного шара.

— Это не проблема,— заявил Брэнсом.— Выставите меня в качестве устрашающего примера. Расскажите всем, что произошло со мной, как и почему. Я не возражаю, я готов сыграть роль противоядия. Ум ученого оценит умный трюк, пусть и грязный. Ученых больше интересуют изобретения, чем этика.

— И думаете, ваш пример вернет назад остальных?

— Не сомневаюсь. Они вернутся застенчиво-задумчивыми. И в таком заводном состоянии, что будут просиживать сутки напролет, изобретая более мощный и хитрый контрудар. И рано или поздно изобретут. Жажда мести — хорошая движущая сила.— Он посмотрел на своего слушателя: — У вас нет желания поделиться со мной информацией, которая очень меня интересует,— *кто именно стоял за всем этим представлением?*

— Прошу прощения, но я не могу сказать. Основная информация полностью закрыта. Но для вашего спокойствия могу сообщить следующее. Во-первых, три чиновника одного из посольств по нашему настоятельному требованию сегодня вечером улетают из страны. Во-вторых, никто не собирается награждать вас медалью, но чек на зарплату окажется чуть больше, чем обычно.

— Что ж, это уже кое-что. Я думаю, что заслужил.

— А я так не думаю. Я вообще полагаю, что в мире нет справедливости.

Машина остановилась возле дома Брэнсома. Риардон проводил его до дверей. Когда появилась Дороти, Риардон быстро проговорил:

— Я привез вам вашего беглеца. Потрепанного, но в целости. Я обещал ему увеличение зарплаты, и это дает мне право на глоток виски. Готов воспользоваться этим правом прямо сейчас.

Дороти поспешила за бутылкой.

Высоко подняв бокал, Риардон значительно посмотрел на них обоих.

— За «убийство»! — Он выпил.

Зазвонил телефон. Трубку взяла Дороти, ответила и подозвала Брэнсома.

— Это тебя.— Она отошла в сторону и настороженно посмотрела на Риардона. Брэнсом усмехнулся, увидев ее реакцию, и взял трубку.

Чей-то голос взволнованно зачастил:

— Брэнсом, ты совершенно прав! Я ни в чем не виноват! Мы оба должны заняться этим делом, Брэнсом. Мы так просто не сдадимся. Я возвращаюсь. Прибуду в половине одиннадцатого. Сможешь встретить меня?

— Не беспокойся, встречу.— Он положил трубку и обратился к Риардону: — Это Хендерсон. Он возвращается поездом в половине одиннадцатого и горит желанием снять с кого-нибудь скальп.

— Мы перехватим его, как только он высунет свою физиономию. Он тоже пригодится как опознаватель.— Риардон перевел взгляд на бутылку: — Я думаю, это тоже следует отметить. Чего мы ждем?

Дороти, по-прежнему заинтригованная, вновь наполнила ему бокал, который он тут же поднял со словами:

— А теперь — за следующее «убийство»!

Брэнсом оглядел Риардона и поднятый бокал.

— Нет, спасибо, с меня хватит! — устало произнес он.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вл. Гаков. Новое знакомство с Эриком Расселлом</i>	<i>5</i>
АЛТАРЬ СТРАХА. Роман	15
ВЗЛОМЩИКИ МОЗГОВ. Роман	227

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии*

«Классика фантастического боевика»

присылать по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Издательство АРМАДА

Расселл Э.

Р 24 Алтарь страха: Алтарь страха; Взломщики мозгов:
Фантастические романы/Пер. с англ.— М.:
АРМАДА, 1997.— 393 с.: ил.— (Классика фантасти-
ческого боевика).

ISBN 5-7632-0383-6

Остросужетные произведения американского писателя Эрика Расселла, вошедшие в сборник, сочетают в себе все достоинства детектива и научно-фантастического романа.

Люди делают первые шаги к освоению Солнечной системы, но все их попытки заканчиваются трагически («Алтарь страха»). Ни один из семнадцати кораблей, отправленных к Венере, не долетает до цели; все они неизменно гибнут. Конструктор восемнадцатой ракеты пытается разобраться в причинах неудач. Но кто-то невидимый блокирует его расследование.

Сверхсекретный научный центр теряет сотрудников («Взломщики мозгов»). Увольняясь или просто уходя в отпуск, они исчезают либо погибают при весьма необычных обстоятельствах. А с одним ученым происходит и вовсе странная история: он вдруг вспоминает, что двадцать лет назад... убил девушку. Память послушно рисует ему все подробности происшедшего. Жизнь превращается в ад, каждый встречный теперь кажется сотрудником ФБР. Что-то неладное творится с его сознанием, словно кто-то чужой поселился в мозгу...

ББК 84.7 США

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Классика фантастического боевика

Эрик Расселл
АЛТАРЬ СТРАХА

Фантастические романы

Заведующий редакцией
К. А. Залесов

Редактор
И. В. Шаховцева

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
Л. В. Сеницына

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93.
Формат 84×108 1/32. Бум. кн.-журн. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс» Изд. № 3108. Заказ № 1799.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати».
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Франсис Карсак

ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА

«ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА», «ЭТОТ МИР НАШ»,
«НАША РОДИНА — КОСМОС»

Странные гости из чуждой вселенной, обладающие непостижимым для жителей Галактического Сообщества разумом, гасят солнца наших галактик, так как могут существовать только в условиях "абсолютного нуля". Неизвестное излучение мисликов убивает расы любого цвета крови, кроме красной. Поэтому миссия избавления Сообщества от опасных пришельцев возложена на землян... Кто же победит в этой странной войне — разумные существа из плоти и крови или монстры, рожденные бездной?

Роберт Говард

КОНАН

«ЧАС ДРАКОНА», «ЛЮДИ ЧЕРНОГО КРУГА»,
«ГВОЗДИ С КРАСНЫМИ ШЛЯПКАМИ», «ПО ТУ СТОРОНУ ЧЕРНОЙ РЕКИ»

Могучий варвар — бесстрашный Конан — ходит по земле, ввязываясь в самые отчаянные и яростные схватки. Жизнь делает его королем и корсаром, наемником и бродягой, но не может вытравить его первобытную силу, простую и ясную уверенность в себе. Могущественные враги мечтают покончить с Конаном, но и люди, и звери, и демоны покоряются неотразимой силе его меча...

Андерс Нортон

КОРОЛЕВА СОЛНЦА

«САРГАССЫ КОСМОСА», «ЗАЧУМАЕННЫЙ КОРАБЛЬ»,
«ПЛАНЕТА ЗОМБИ», «НА ШТЕМПЕЛЕ — ЗВЕЗДЫ»

«Королева Солнца» — так называется торговый космический корабль, экипаж которого стал участником непредсказуемых и захватывающих событий в различных уголках Вселенной и героем одноименной книги А.Нортон. Оригинальность сюжета, искусность интриги, динамизм действия, присущие произведениям сборника, оценит каждый любитель фантастики.

Впервые на русском языке

ПОКЛОННИКАМ РОМАНТИЧЕСКОЙ ФЭНТЕЗИ

Дэйв Дункан

ВОЛШЕБНОЕ ОКНО

фантастический роман

Король отдаленного северного городка Краснегара, чувствуя приближение смерти, все чаще задумывается о будущем своего королевства. Его единственная дочь – принцесса Инос – не может унаследовать трон, так как по традиции в стране правят только мужчины. Отец отправляет ее к родственнице герцогине в надежде, что там девушка найдет себе мужа, который станет достойным правителем Краснегара. Но принцессе не повезло: ее избранник оказывается вовсе не тем, за кого себя выдавал...

Вдали от родного дома Инос подстерегают жестокость и коварство, черная магия и колдовство могущественных врагов. Со временем принцесса понимает, что за всеми невзгодами, обрушившимися на нее, кроется древняя тайна краснегарских королей...

Роман американского писателя Д.Дункана открывает цикл произведений в жанре романтической фэнтези о загадочной стране Пандемия, населенной помимо людей гоблинами, фавнами, эльфами и прочими сказочными существами. В этом мире происходят необычайные и волнующие события, о которых вам и расскажут четыре книги цикла.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

**ТАИНСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ ФОНЛОРНА
ГРОЗНЫЕ МОРЯ
ИМПЕРАТОР И ШУТ**

И з д а т е л ь с т в о

€ **АРМАДА** представляет
ЧИТАТЕЛЯМ, ПИСАТЕЛЯМ, ИЗДАТЕЛЯМ

***первые на русском языке – уникальное издание,
которое откроет Вам рецепты успеха
на литературном поприще!***

Альберт Цукерман

КАК НАПИСАТЬ БЕСТСЕЛЛЕР

Как выбрать героя.
Как поддержать динамику действия.
Как вызвать сопереживание читателя.
Как завязать захватывающую интригу.
Как развить основную идею произведения.
Как подобрать «декорации» к Вашему роману.
Как достичь наивысшего накала кульминации.
На чем построить отношения между персонажами.
Как сохранить основную идею романа до последней главы.

Альберт Цукерман – один из наиболее высокооплачиваемых американских литературных агентов, соавтор нескольких бестселлеров и автор сценариев к телевизионным сериалам делится в этой книге своими проверенными жизнью и издательской практикой рецептами превращения обыкновенного романа в бестселлер, а писателя, известного небольшому числу знатоков и поклонников, в мировую знаменитость.

***Воспользуйтесь советами профессионала, и Ваше имя
может стать следующим в списке авторов бестселлеров!***

Уважаемые читатели! Вы можете приобрести книгу
«Как написать бестселлер», отправив заявку по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376, издательство
АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.

Издательство

ARMADA

ВЫПУСТИЛО И ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

Издательский проект

ВРЕМЯ

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТИТЕЛИ**
в романах

О великих завоевателях, полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

**КОВЧЕГ
ЗВЕРЕЙ**

О ребятах и зверятах — книги
современных писателей для детей

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

ММР
Мирная Мистерия

Необычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения отечественных
и зарубежных мастеров современной
остросюжетной фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой фантастики
непревзойденных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
ВАЙЛДТЕСН.**

Звездные войны, боевые
машины будущего в фантастическом
суперсериале корпорации FASA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы
современных российских
писателей

**Знаменитые
СЫЩИКИ**

Избранные произведения
детективной классики

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

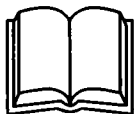
**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул. Чернышевского, д.12
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442) 37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432) 35-63-34
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112) 45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422) 4-42-45
ТУЛА:	книжный магазин	— просп. Ленина, д.20
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341) 2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095) 150-07-82
	"Колокол"	(095) 261-93-05
	"Стрела"	(095) 755-91-66
	"Тригон"	(095) 288-54-22
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812) 530-05-36
	"БИМ+"	(812) 262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амिता"	(0732) 23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3512) 66-51-81
КИЕВ:	"Олса"	(044) 435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312) 36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832) 39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812) 65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422) 44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632) 32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462) 41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512) 36-75-10
	"РИФ-2"	(3512) 61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

**ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня»;
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84;
проспект Мира, д.41, строение 1,
помещение Художественного салона.**

КЛАССИКА

Уже семнадцать ракет, запущенных землянами к Венере, не долетели до цели. Все они взрываются на подступах к планете – будто сам Космос не желает выхода людей за пределы Земли. Ученый, предпринявший расследование этого дела, не раз рискует жизнью, но в конце концов ему удастся найти противников расселения землян по Солнечной системе. Оказывается, сами жители Марса, Венеры и Меркурия против людей – неумолимых разносчиков заразы, подлости и жестокости. Похоже, небольшими стычками дело не кончится...

Эрик Расселл

АЛТАРЬ СТРАХА

Эрик Расселл

АЛТАРЬ СТРАХА

